

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Новосибирский государственный технический университет»

На правах рукописи

Онал Инна Олеговна

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОЛЛОКАЦИЯ
В МЕДИАДИСКУРСЕ**
(на материале английского и турецкого языков)

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
М. В. Влавацкая

Новосибирск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОЛЛОКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРНОЙ И КОМБИНАТОРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	20
1.1. Комбинаторная лингвистика как раздел изучения семантики и сочетаемости единиц языка и речи	20
1. 2. Понятие «комбинаторный потенциал» в лингвистических исследованиях ...	24
1. 3. Коллокация как объект лингвистического исследования.....	28
1. 4. Систематизация коллокаций в отечественной и зарубежной лингвистике	35
1. 5. Ограничения на сочетаемость элементов коллокации.....	45
1. 6. Политическая терминология. Корреляция понятий «политическая терминология», «политическая лексика» и «политический язык».....	56
1. 7. Политическая коллокация как комбинаторно обусловленная терминологическая единица	67
1. 8. Структурные модели политических коллокаций в английском и турецком языках	75
1. 9. Комбинаторный анализ как метод выявления комбинаторного потенциала ключевых лексем политической терминологии.....	89
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	100
ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОЛЛОКАЦИЯ КАК ЕДИНИЦА МЕДИАДИСКУРСА.....	103
2. 1. Медиадискурс: понятие и основные виды. Политический медиадискурс....	103
2. 2. Систематизация политических коллокаций медиадискурса	108
2. 2. 1. Метафорические политические коллокации	121
2. 2. 2. Политические коллокации с нумеративным компонентом	133
2.2.3. Политические коллокации с компонентом-онимом.....	137
2. 3. Функционирование политических коллокаций в разных видах политического медиадискурса	141
2.3.1. Политические коллокации в публичных выступлениях политических деятелей.....	146
2.3.1.1. Политические коллокации в выступлениях Д. Трампа.....	147
2.3.1.2. Политические коллокации в выступлениях Р. Т. Эрдогана	155
2.3.2. Политические коллокации в дискурсе журналистов.....	164
2.3.3. Политические коллокации в медийном дискурсе граждан	176
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	183

ГЛАВА 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОЛЛОКАЦИЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ: КОНЦЕПЦИЯ ТУРЕЦКО-АНГЛИЙСКОГО УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОЛЛОКАЦИЙ.....	186
3.1. Комбинаторная лексикография как прикладная область описания сочетаемостных особенностей слов	187
3.2. Комбинаторная карта как отражение дистрибуции ключевых лексем в целях создания словарной статьи двуязычного комбинаторного словаря.....	192
3. 2. 1. Комбинаторная карта лексем <i>POWER / GÜÇ</i>	194
3. 2. 2. Комбинаторная карта лексем <i>POLITICAL / SİYASİ</i>	201
3. 2. 3. Комбинаторная карта лексем <i>ELECTION / SEÇİM</i>	212
3. 2. 4. Комбинаторная карта лексем <i>PARTY / PARTİ</i>	226
3. 2. 5. Комбинаторная карта лексем <i>DIPLOMACY/ DİPLOMASİ</i>	234
3. 3. Концепция турецко-английского учебного словаря политических коллокаций	247
3. 4. Комбинаторная теория политической коллокации: структура и содержание	265
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	274
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	277
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	283
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭЛЕКТРОННЫХ КОРПУСОВ ТЕКСТОВ	307
СПИСОК МЕДИАИСТОЧНИКОВ	311
ПРИЛОЖЕНИЕ А Примеры словарных статей «Турецко-английского учебного словаря политических коллокаций» (ТАУСПК)	313
ПРИЛОЖЕНИЕ Б Алфавитный список заглавных слов «Турецко-английского учебного словаря политических коллокаций» (ТАУСПК).....	324
ПРИЛОЖЕНИЕ В Тематический список заглавных слов «Турецко-английского учебного словаря политических коллокаций» (ТАУСПК).....	327

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению и описанию политических коллокаций как комбинаторно обусловленных единиц, функционирующих в медиадискурсе, а также решению теоретических и практических вопросов представления данных единиц в учебном двуязычном словаре комбинаторного типа. Работа выполнена в рамках комбинаторной лингвистики, изучающей синтагматические связи слов и их комбинаторный потенциал, и затрагивает такие области языкознания, как структурная, политическая, когнитивная лингвистика, а также лексикография.

Вопросы взаимного влияния языка и политики с давних пор привлекают исследователей-лингвистов. Активизация общественно-политической жизни в последние десятилетия привела к росту популярности изучения политической коммуникации, которая с развитием средств массовой информации осуществляется преимущественно в медийном пространстве, что не только обеспечивает доступность дискурса политических деятелей широкому кругу пользователей языка, но и предоставляет им возможность самим принимать участие в политической коммуникации. Таким образом, в настоящее время развитие языка политики в основном происходит во взаимодействии политического и медийного дискурсов.

К наиболее исследуемым языковым средствам политической коммуникации относятся лексика и фразеология, так как именно этот уровень языка политики характеризуется большой подвижностью и подверженностью изменениям и обновлениям. Одной из характерных особенностей текстов с политической проблематикой является их насыщенность разного рода и степени устойчивыми фразами и выражениями, самой обширной группой которых являются коллокации – комбинации двух и/или более слов, имеющие тенденцию к совместной встречаемости и функционирующие как готовые языковые единицы в силу различных причин лингвистического и экстралингвистического характера. В данной работе представлено обобщение характеристик и создание комплексного

описания политической коллокации – особого типа неоднословных комбинаторно обусловленных единиц, обладающих устойчивостью, обозначающих понятие, явление или процесс из области политики, и функционирующих в политическом медиадискурсе.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что:

1) на современном этапе в языкознании и прежде всего в комбинаторной лингвистике активно разрабатывается теория коллокации, вместе с тем некоторые аспекты остаются спорными или малоизученными (например, определение коллокации, её статус в лексической системе языка, критерии выделения коллокаций и др.); Необходимость изучения политической коллокации как комбинаторно обусловленной единицы вызвана потребностью описания всех разновидностей устойчивых единиц лексико-фразеологического фонда языков, в котором данный тип коллокаций ранее не выделялся;

2) политический дискурс и медиадискурс являются наиболее востребованными сферами внимания языковедов, так как именно в данных видах дискурса наиболее ярко протекают процессы, связанные с изменением словарного состава языка; в связи с расширением международных контактов и сближения медийных политических дискурсов разных языков возникает необходимость в исследовании и описании политической коллокации как одной из важных единиц речи, фигурирующей в медиадискурсе, а также проведение контрастивного анализа английских и турецких политических коллокаций в целях их теоретического описания и практического использования;

3) создание двуязычного словаря политических коллокаций на материале современных медийных текстов, который семантизирует терминологические единицы в сфере речи, отражая не только их фиксированные, но и реальные значения, соответствует современным лексикографическим тенденциям. Выбор коллокаций английского и турецкого языков в качестве материала исследования обусловлен недостаточной разработанностью лексикографических справочников политической тематики в данной языковой паре, а также доминирующим положением английского языка в политическом интердискурсе.

Таким образом, актуальность данного диссертационного исследования обусловлена необходимостью детального теоретического описания политической коллокации с точки зрения комбинаторной лингвистики и, конечном счёте, создания комбинаторной теории политической коллокации, способствующей более глубокому изучению данных единиц; а также важностью их лексикографического описания, выполненного на основе современных методов исследования, и разработки концепции турецко-английского учебного словаря политических коллокаций.

Степень разработанности проблемы. Отечественная и зарубежная лингвистика располагает значительным количеством работ, внимание которых сосредоточено на различных аспектах коллокаций: проблема их определения и описания [Борисова, 1995; Bartsch, 2004; Cowie, 1981; Eken, 2016; Firth, Palmer, 1957; Heid, 1984; Howarth, 1996; Krishnamurthy, 2003 и др.], демаркация коллокаций и других устойчивых неоднословных образований [Амосова 1963, Баранов, Добровольский 2010; Hausmann, 2007 и др.], разработка методов извлечения коллокаций из корпусов текстов [Захаров, Хохлова 2014; Sinclair, 1991 и др.], обучение коллокациям неродного языка [Борисова, 1995; Fontenelle, 1994; Hausmann, 1994; Palmer, 1966 и др.], изучение коллокаций как единиц мышления с позиций лексического прайминга [Ноеу, 2004 и др.], лексикографическое описание коллокаций [Cowie, 1981, Palmer, 1933; Benson et al., 1993; Иорданская, Мельчук, 2007; Özkan, 2007 и др.]. В настоящее время разработка теории коллокации является одной из проблем комбинаторной лингвистики, в задачи которой входит изучение механизмов образования коллокаций в разных сферах их функционирования [Влавацкая, 2011, 2015, 2019, 2020; Архипова, 2014, 2016; Коршунова, 2017 и др.], их типологизация и комплексное описание.

Наиболее изученными являются коллокации английского языка, которым посвящены многочисленные теоретические и практические исследования [Benson et al, 1985; Carter, 1987; Cowie, 1981, 1999; Cruise, 1986; Firth, 1951, 1957; Manning&Schutze 1999, Palmer, 1933, 1938, 1957; Sinclair, 1966, 1991 и др.]. Турецкие коллокации нашли значительно меньшее отражение в современной

лингвистической науке, преимущественно среди турецких языковедов [Dedeoğlu ve Şen, 2010; Eken, 2016; Özkan, 2007; Taşığüzel, 1988; Tüfekçioğlu ve Özkan, 2012; Yağcıoğlu, 2002 и др.].

Особое внимание в современной науке уделяется изучению языковых единиц с политической семантикой: политической лексики, фразеологии, терминологии, сленга и т.п. [Голованевский, 1987; Ткачёва, 2008; Загребельный, 2013; Ошеева, 2004; Крючкова, 1989, 1993; Протченко, 1975; Safire, 1993 и др.]. Подвижность данного пласта лексики приводит учёных к выделению и таких особых единиц политического языка, как ключевые слова текущего момента [Шмелёва, 1993], рекуррентные конструкции [Терехова, 2010] и др. Помимо такой дискуссионной проблемы, как систематизация и дифференциация единиц политического лексикона, внимание лингвистов сосредоточено на особенностях лексикографирования и перевода данных единиц, что в свою очередь, обуславливает актуальность исследований сопоставительного характера [Деркач, 2011].

Как правило, изучение политической лексики невозможно проводить автономно вне сферы их функционирования, поэтому нередко работы, посвящённые изучению языка политики, многоаспектны и затрагивают такие области исследования, как политический дискурс, его семиотика, метафорика и функциональная специфика [Будаев, Чудинов, 2006; Воробьёва, 2000; Карамова, 2013; Шейгал, 2000; Штанов, 2013] и др. Политический дискурс и его составляющие рассматриваются в тесной связи с медиадискурсом [Добросклонская, 2014, Катермина, 2016; Петрова и др., 2016; Шейгал, 2000; Hjarvard, 1999; Fetzer 2013], что обусловлено стремительным ростом новой сферы речеупотребления – массовой коммуникации. Вместе с тем политическая коллокация ранее не являлась объектом самостоятельного исследования, на сегодняшний день отсутствует комплексное описание данного типа единиц.

Исследование синтагматики единиц языка для специальных целей, описания свойств и определения статуса одного из типов коллокаций – терминологических (или специализированных) – освещено в работах ряда

отечественных и зарубежных языковедов [Левенкова, 2015; Пивоварова, Ягунова, 2006, 2010; Cabré-Castellvi, 2003; L'Homme, 2000; Heid, 1994, Patiño, 2013 и др]. Начиная с 80-х гг. XX века появляются толково-сочетаемые словари терминов [Морковкин и др., 1984; Дубичинский, 1998]; в настоящее время проблему словарного описания специализированных единиц относят к области терминографии, находящейся на пересечении таких направлений лингвистики, как терминология, лексикография и комбинаторика [Гринев-Гриневиц, 2009]. Изучение лексикографических произведений (одно- и двуязычных словарей коллокаций, политической лексики и терминологии) показывает, что двуязычные словари коллокаций представляют собой сравнительно редкий вид словарей [Кауль, Хидегель, 2012; Кузнецова и др., 1989; Покровская, 2003; Сазонов, 2013; Iordanskaja&Paperno, 1996 и нек. др.], в то же время важность проблем сочетаемости и интерес общества к социально-политическим событиям и явлениям свидетельствует о потребности в данных лексикографических продуктах.

Учитывая всё вышесказанное, выделение, анализ и описание (в том числе лексикографическое) политических коллокаций представляет собой исследование языка политики на коллокационном уровне и приводит к необходимости изучения целого ряда понятий, не имеющих однозначного толкования среди языковедов.

Объектом данного исследования является политическая коллокация как единица языка и речи.

Предмет исследования – характерные особенности политической коллокации как комбинаторно обусловленной терминологической и дискурсивной единицы.

Цель работы диссертационного исследования заключается в выявлении комбинаторно-семантической, структурной, дискурсивно-когнитивной, функционально-речевой специфики английских и турецких политических коллокаций как единиц языка и речи в современном медиадискурсе, а также проведении контрастного анализа этих единиц в целях отражения его

результатов в турецко-английском учебном словаре политических коллокаций и разработке комбинаторной теории политической коллокации в целом.

Достижение поставленной цели реализуется посредством решения следующих **задач**:

1) представить обзор исследований коллокаций с позиций разных подходов в отечественном и зарубежном языкознании, изучить и обобщить их классификации и типологии;

2) проанализировать дефиниции коллокации в структурной и комбинаторной лингвистике, изучить термин «комбинаторный потенциал»;

3) определить понятие «политическая коллокация» и обосновать её принадлежность к терминологическим единицам; выявить и описать системно-структурные, комбинаторно-синтагматические и другие ограничения на сочетаемость элементов политических коллокаций;

4) выявить комбинаторные и типологические характеристики английских и турецких политических коллокаций, а также их функционально-семантические свойства в разных видах медиадискурса;

5) разработать метод комбинаторного анализа ключевых политических лексем-терминов для создания комбинаторной карты с целью выявления и фиксации комбинаторного потенциала ключевых лексем политической сферы, служащих основой для образования политических коллокаций;

6) провести контрастивный анализ английских и турецких политических коллокаций, разработать концепцию учебного двуязычного (турецко-английского) словаря политических коллокаций (ТАУСПК);

7) обосновать выделение комбинаторной теории политической коллокации в рамках комбинаторной лексикологии, сформулировать (на базе имеющихся в лингвистике концепций и собственных исследований языкового материала) теоретические основы данной теории и описать ее содержание, структуру, задачи и перспективы.

Гипотеза исследования заключается в том, что медийный политический дискурс располагает значительным количеством специальных комбинаторно

обусловленных единиц – политических коллокаций, обладающих особыми свойствами и функциями, большинство из которых являются эквивалентными в исследуемых языках; учитывая постоянное обновление политической лексики, в современном медиадискурсе разных языков появляются всё новые политические коллокации, пока не получившие описания в лексикографических источниках, но требующие научно обоснованной комбинаторно-семантической, дискурсивно-когнитивной, типологической, функционально-речевой и др. систематизации и дифференциации, эффективно реализуемой в рамках комбинаторной теории политической коллокации.

Проведенное исследование позволяет вынести на защиту следующие **положения:**

1. Политическая коллокация – это комбинаторно обусловленная терминологическая единица, представляющая собой лексически и/или прагматически ограниченное устойчивое (рекуррентное и/или фиксированное) сочетание как минимум двух лексических единиц, обозначающее понятие, явление или процесс из области политики и функционирующее в специальном (политическом) дискурсе. Её компоненты обладают определённым комбинаторным потенциалом, т. е. совокупностью синтагматических связей, включая как вероятные, так и реализующиеся в современном узусе, обусловленные различными экстралингвистическими ситуациями в политической жизни общества.
2. Политические коллокации как терминологические единицы подразделяются на два класса: 1) **терминообразующие** коллокации, соотносимые с определённым понятием только при совместном употреблении – это: а) коллокации *со средней степенью семантической спаянности компонентов*, образованные на основе метафорического или метонимического переноса и способные сохранять экспрессивную окраску, и б) коллокации *с низкой степенью семантической спаянности* компонентов, значения которых представляют собой сумму значений элементов, из которых они состоят; 2) **терминосодержащие** коллокации, представляющие

собой сочетания терминологем с другими словами (терминами или нетерминами), которые при совместном употреблении не образуют нового термина.

3. Политическая коллокация представляет собой единицу медиадискурса, который является средой её функционирования и нередко источником её возникновения. В зависимости от роли медиадискурса в их происхождении политические коллокации делятся на **немедийные**, т.е. политологические термины, наименования субъектов политики и т.п. и **медийные**, т.е. намеренно или случайно созданные политиками или журналистами для описания определённых политических явлений или объектов.

4. В политическом медиадискурсе, включающем дискурс политиков, журналистов и граждан, количественным преимуществом обладают коллокации, служащие для обозначения *политических процессов, действий и событий*. В дискурсе политиков приоритет имеют коллокации с *идеологическим компонентом значения*, в то время как в дискурсе журналистов преобладают коллокации, именующие *субъектов политики*. Как дискурсивные единицы политические коллокации классифицируются по следующим критериям: тематика; степень терминологичности; медийность / немедийность; универсальность / национальная специфичность; выраженность коннотативного компонента; хронологические характеристики; способ образования; способ номинации.

5. Основным инструментом исследования комбинаторного потенциала ключевых терминологем является **комбинаторный анализ**, который позволяет, во-первых, выявить структурные модели и основные семантические группы лексических единиц, вступающих в синтагматические отношения с рассматриваемыми лексемами и образующие политические коллокации, и во-вторых, сформировать комбинаторную карту, фиксирующую сведения о комбинаторном потенциале ключевой лексемы-термина. Комбинаторная карта содержит структурные модели, по которым

ключевая лексема-термин образует коллокации, и группы коллокатов, связанных общими семантическими признаками.

6. Практическим воплощением теоретического описания политической коллокации в английском и турецком языках, функционирующих в медиадискурсе, является разработка оригинальной **концепции турецко-английского учебного словаря политических коллокаций** (далее ТАУСПК), который согласно параметрам комбинаторных словарей является учебным, полиаспектным, смешанного типа (отражает разные типы сочетаемости), комбинированным, нормативным, алфавитно-гнездовым, двуязычным (толково-переводным) и комплексным. Модель словарной статьи, разработанная на основе проведения комбинаторного анализа ключевой лексемы-термина и, соответственно, данных комбинаторной карты, обеспечивает максимально полное лексикографическое отражение разных типов сочетаемости данной лексемы и выделение тех областей, за счёт которых вероятно её дальнейшее комбинаторное расширение.

7. **Комбинаторная теория политической коллокации** как отдельная концепция, выделенная в рамках комбинаторной науки о языке, обоснована представленным научно доказательным описанием функционирующих в медиадискурсе политических коллокаций. Данная теория направлена на исследование комбинаторно-семантических и дискурсивных свойств данных единиц в теоретических и прикладных целях, имеет определенную структуру и содержание; её выделение ориентировано на дальнейшее – более глубокое исследование политических коллокаций, которые обладают характеристиками, подтверждающими их принадлежность к комбинаторным, и очерчивает перспективу их изучения и описания в разных языках.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов в следующих областях:

– комбинаторная лингвистика (Ю.Д. Апресян, Е.И. Архипова, Е.Г. Борисова, М.В. Влавацкая, С.Г. Тер-Минасова, S. Bartsch, С. Bozşahin, G. Kjellmer, Н. Palmer, J. Sinclair, M. Stubbs и др.);

– политическая лингвистика (Э. В. Будаев, Н. Д. Голев, А.Л. Голованевский, А. А. Карамова, О.Н. Кондратьева, Т.Б. Крючкова, И.Ф. Протченко, О. Фельдман, А. П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.);

– терминоведение (К.Я. Авербух, Б.Н. Головин, В.М. Лейчик, В.Д. Табанакова, Е.И. Чупилина, С.Д. Шелов, М.Т. Cabré-Castellvi, М.-С. L’Homme, U. Heid, Р. Patiño, Е. Tognini-Bonelli и др.);

– корпусная лингвистика (В.П. Захаров, М.В. Хохлова, Л.М. Пивоварова, Е.В. Ягунова, S. Bartsch, R. Krishnamurthy, J. Sinclair, M. Stubbs и др.);

– когнитивная лингвистика (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, М. Johnson, J. Lakoff и др.)

– лексикография и терминография (Ю.Д. Апресян, М.В. Влавацкая, С.В. Гринев-Гриневиц, Д.О. Добровольский, В.В. Дубичинский, Ю.Н. Караулов, О.В. Карпова, И.С. Кудашев, М.В. Моисеев, В.В. Морковкин, В.Д. Табанакова, О.В. Фельде, Л. В. Щерба, R. R. K. Hartmann, M. S. Kumanlı и др.)

Поставленные в научно-исследовательской работе задачи обуславливают необходимость использования следующего комплекса **методов и приёмов**: анализ и синтез, классификация и типология; контекстуальный анализ для изучения политических коллокаций в рамках медиадискурса; комбинаторный анализ – для выявления комбинаторных характеристик ключевых лексем в составе политических коллокаций; компонентный анализ для выявления интегральных и дифференциальных сем; сопоставительный анализ для выявления сходств и различий (как междискурсивных, так и межъязыковых) с целью выявления закономерностей; контрастивный анализ – с целью обнаружения комбинаторно-семантических характеристик коллокаций английского и турецкого языков; лексикографическое конструирование; статистический анализ с использованием системы *Sketch Engine*, приёмы количественного подсчёта;

сплошная выборка коллокаций из англоязычных и турецких медиатекстов политической направленности.

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании политической коллокации как комбинаторно обусловленной терминологической единицы языка и речи, создании алгоритма комплексного описания ее языковых и дискурсивных свойств, включающего выделение особых типов политических коллокаций как единиц медиадискурса, специфических признаков их структуры и семантики, а также функций политических коллокаций в разных видах медиадискурса на материале двух разносистемных, генетически и типологически неродственных языков. Кроме того, представлена оригинальная концепция учебного двуязычного словаря политических коллокаций комбинаторного типа, а также определено и научно обосновано выделение особой теории дальнейшего изучения политической коллокации – комбинаторной.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в описании комбинаторно-семантических, системно-структурных, дискурсивно-когнитивных и функциональных свойств политических коллокаций, что способствует развитию и совершенствованию теории коллокации, разрабатываемой в рамках комбинаторной лингвистики. Результаты исследования вносят определённый вклад в развитие политической, когнитивной и контрастивной лингвистики, а также в типологические исследования на синтагматическом уровне, так как работа содержит описание и анализ единиц языка политики и элементов политического дискурса на материале двух неродственных языков, что обеспечивает репрезентативность рассматриваемого материала и позволяет сделать выводы о сходстве и различиях некоторых фрагментов политической картины мира у носителей исследуемых языков.

Практическая значимость состоит в том, что результаты настоящего исследования могут быть использованы при составлении словарей комбинаторного типа (прежде всего, словарей политических коллокаций) и учебных пособий, а также в преподавании теоретических курсов по комбинаторной, контрастивной и политической лингвистике и при проведении

практических занятий по иностранному языку (модулей, связанных с изучением языка СМИ и политики).

Материалом исследования послужили:

1) лексикографические источники: а) словари общей лексики: *Словарь Мерриам Вебстер* (Merriam Webster <https://www.merriam-webster.com/> далее MW), *Словарь Dictionary.com* (<https://www.dictionary.com/>), *Турецкий словарь* (Türkçe Sözlük www.turkcesozluk.org, далее TS), *Актуальный турецкий словарь* (Güncel Türkçe Sözlük sozluk.gov.tr, далее GTS); б) онлайн-словари общей лексики, основанные на участии пользователей *Urban Dictionary* (www.urbandictionary.com, далее UD), *Eksi Sözlük* (<https://eksisozluk.com/>, далее ES), *İTÜ Sözlük* (<https://www.itusozluk.com/>, далее İTÜS); в) специальные словари: *Глоссарий выборов POLYAS* (POLYAS Election Glossary <https://www.polyas.com/election-glossary> далее - PEG), *Лексикон Брексита П. Вайса* (Weiss P. Brexit Lexicon www.paulweiss.com/practices/region/europe/publications/brexit-lexicon-update далее – BL), *Новый политический словарь У. Сафура* (Safire, W. (1993) Safire's new political dictionary, далее SNPД), *Официальный словарь-справочник политкорректной лексики* (Beard, H. (1993) The Official Politically Correct Dictionary and Handbook, далее – OPCDH), *Оксфордский словарь американского политического сленга* (Barrett, G. (2004) Hatchet jobs and hardball : the Oxford dictionary of American political slang, далее ODAPS), *Политический словарь Т. Годдарда* (Taegan Goddard's Political Dictionary www.politicaldictionary.com, далее TGPD), *Словарь ключевых парламентских терминов и их определений* (Helpful A-Z Glossary Listing Key Parliamentary Terms and Their Definition, далее LKPTTD), *Словарь политики и правительства П. Х. Коллина* (Collin P. H. (2004) Dictionary of Politics and Government, далее DPG), *Политический словарь З. Йылдыза* (Yıldız Z. (2013) Politika Sözlüğü, далее PS), *Словарь парламентских терминов* (Parlamento Terimleri Sözlüğü www.tbmm.gov.tr/psozluk, далее PTS), *Словарь популярных политических фразеологизмов А.С. Асландаша и Б. Бычакчы* (Aslandaş A.S., Bıçakçı B. (2013) Popüler Siyasi Deyimler Sözlüğü, далее PSDS),

Словарь терминов политической науки Й. О. Метхибая (Methibay Y. Ö. (2016) *Siyasal Bilgiler Terimler Sözlüğü*, далее SBTS), *Словарь терминов по международным отношениям и политологии* Х. Тунджая (Tuncay H. (2017) *Uluslararası İlişkiler ve Siyaset Bilimleri Terimler Sözlüğü*, далее UİSBT), *Турецкий словарь научных терминов* Тюбы (Tüba Türkçe Bilim Terimleri Sözlüğü www.tubaterim.gov.tr, далее ТТБТ), *Энциклопедический политический словарь* Ф. Сёнмезоглу (F. Sönmezoğlu (2013) *Ansiklopedik Politika Sözlüğü*, далее APS); г) словари коллокаций английского языка – “Online Oxford Collocation Dictionary of English” (OOCDE), “Oxford Collocations Dictionary for Students of English” (OCD), “The BBI Dictionary of English Word Combinations” (BBIDEWC), The LTP Dictionary of Selected Collocations (LTPDSC);

2) национальные корпуса английского и турецкого языков – *Corpus of Contemporary American English* (далее COCA), *News on the Web Corpus* (NOW), *Türkçe Ulusal Derlemi* (TND), *Turkish Web Corpus TrTenTen12* (TWC);

3) авторские корпуса на платформе SketchEngine, составленные из англо- и турецкоязычных медиатекстов и включающие около 1 000 000 слов (в которые вошли тексты выступлений политических деятелей (7 речей Д. Трампа с сайта <https://factba.se/>, 7 речей Р.Т. Эрдогана <https://www.tccb.gov.tr/>), статьи профессиональных журналистов (75 статей из разделов «Политика» газеты *The Washington Post* (на английском языке), 78 статей из газеты *Milliyet* (на турецком языке)), письма и блоги граждан (*The Washington Post* и *Milliyet Blog*) за период с 2016 по 2019 гг.

Также в работе были использованы примеры из других СМИ: *The Economist*, *Cumhuriyet*, *Hurriyet*.

Единицами анализа выступают коллокации, или неоднословные единицы с политическим компонентом значения, отобранные в соответствии с темой, целью и задачами исследования. Общее количество исследуемых единиц составляет более 1500 коллокаций.

Структура работы обусловлена поставленной целью и задачами исследования, особенностями объекта и предмета исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и приложений.

Во *Введении* обосновывается актуальность темы работы, определяются её предмет, объект, цель, задачи и методы, формулируется гипотеза, объясняется теоретическая и практическая значимость работы и её научная новизна, приводятся положения, выносимые на защиту.

В *Главе 1 «Политическая коллокация в контексте структурной и комбинаторной лингвистики»* рассматриваются существующие подходы к пониманию термина «коллокация», анализируется понятие «комбинаторный потенциал слова», описываются механизмы сочетаемости в структуре лексического значения слова. Изучается спорный вопрос о характере взаимоотношений между политической терминологией и политической лексикой; вводится понятие «политическая коллокация», предлагается её определение и классификация по степени терминологичности, рассматриваются основные структурные модели данного типа коллокаций в английском и турецком языках. Предлагается специальный – комбинаторный – анализ как метод выявления комбинаторного потенциала ключевых лексем политической терминологии.

Глава 2 «Политическая коллокация как единица медиадискурса» посвящена рассмотрению функционально-семантических особенностей политических коллокаций в разных видах политического медиадискурса. На основе анализа работ известных учёных раскрываются понятия «медиадискурс» и «политический дискурс», определяются области их пересечения. Описываются лингвокогнитивные особенности политических коллокаций, выделяются их особые типы: метафорические коллокации, коллокации-эргонимы, коллокации с нумеративным компонентом. Согласно установленным критериям отбора, извлечённые из дискурсивного материала (выступлений политических деятелей, статей профессиональных журналистов, медийных текстов граждан) политические коллокации анализируются по семантическим и функциональным признакам.

В *Главе 3 «Политическая коллокация в лексикографическом описании: концепция турецко-английского учебного словаря политических коллокаций»* проводится описание комбинаторных особенностей ключевых лексем политического языка, служащих основой формирования политических коллокаций. Предлагается метод составления комбинаторной карты лексем-термина, позволяющий сопоставить её актуальную и фиксированную сочетаемость и обозначить комбинаторный потенциал. С учётом теоретических положений лексикографии в целом и комбинаторной лексикографии в частности, а также на основе составленных комбинаторных карт проводится лексикографическая разработка модели построения статьи словаря политических коллокаций. В финальной части главы предлагается комбинаторная теория политической коллокации, уточняется её структура и содержание.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы.

Список литературы содержит 290 источников на русском, английском, турецком и немецком языках.

Апробация результатов исследования. Основные положения и промежуточные результаты диссертационного исследования обсуждались на научных и научно-практических конференциях: XI Всероссийская научная конференция молодых учёных «Наука. Технологии. Инновации», НГТУ (г. Новосибирск, 2017 г.), Всероссийская научная конференция молодых ученых с международным участием «Филологические чтения», НГПУ (г. Новосибирск, 2018, 2019 гг.), VII Международная конференция «Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты» НГТУ (г. Новосибирск, 2019 г.), IV Международная конференция «Фирсовские чтения», РУДН (г. Москва, 2019 г.), X Международный конгресс по когнитивной лингвистике «Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследований», УрГПУ (г. Екатеринбург, 2020 г.), Международная научная конференция «AmurCon 2020» ПГУ им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан, 2020 г.).

Материалы исследования нашли отражение в 16 публикациях автора, в числе которых 1 статья в журнале, индексируемом в наукометрической базе данных Web of Science, 6 публикаций в научных изданиях, включённых в реестр ВАК Министерства образования и науки РФ, 1 глава в коллективной монографии. Общий объём опубликованных работ по теме исследования составляет 9,7 п.л.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОЛЛОКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРНОЙ И КОМБИНАТОРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Значительную часть лексики, функционирующей в политической коммуникации, составляют специализированные единицы, обозначающие процессы, явления, объекты, относящиеся к политической сфере. Некоторые из таких единиц изначально являются однословными, другие же, вступая в линейные отношения с другими словами в речевой цепи, способны объединяться в более сложные лексические образования, которые при определенных условиях становятся самостоятельными единицами политического лексикона.

Комбинаторная лингвистика изучает проблему сочетаемости слов, являющуюся одной из самых актуальных в языкознании, поскольку именно к области сочетаемости относятся сложнейшие и противоречивые нормы в языке. Сочетаемость как лингвистическое явление – это основное свойство языковых единиц, обеспечивающее их функционирование в речи. В основе сочетаемости лежат синтагматические отношения.

Целью данной главы является изучение теории коллокации в рамках комбинаторной лингвистики, а также в отечественном и зарубежном языкознании в целом; рассмотрение понятий «политическая лексика» и «политическая терминология», что позволит сформулировать дефиницию и описать свойства политической коллокации, определить её место в системе языковых единиц, а также провести сопоставительный анализ структуры политических коллокаций в английском и турецком языках.

1.1. Комбинаторная лингвистика как раздел изучения семантики и сочетаемости единиц языка и речи

Данное исследование проводится в русле комбинаторной лингвистики, изучающей синтагматические свойства языковых и речевых единиц и их комбинаторный потенциал [Влавацкая 2011; 2013; 2016]. В задачи комбинаторной

лингвистики входит исследование и описание комбинаторных свойств и функций сочетаемости единиц языка. Исследования в сфере комбинаторной лингвистики имеют как теоретическую, так и практическую актуальность. Первая связана, прежде всего, с функционально-речевым аспектом языка, включающим коммуникацию общества в целом, построение и интерпретацию текста, классификацию и систематизацию комбинаторно-синтагматических свойств языковых знаков; практическая актуальность исследований в данной области заключается в развитии прикладного аспекта языка (обучение культуре речи, переводу и т. п.), что сопряжено с необходимостью проведения исследований сопоставительно-типологического характера, а также составления комбинаторных словарей в различных областях языкового употребления [Влавацкая, 2017].

Согласно положениям комбинаторной лингвистики в основе построения сочетаний языковых единиц находятся такие явления, как синтагматика и комбинаторика [Влавацкая, 2017, с. 20]. Под **синтагматикой** понимают:

1) «систему закономерного соединения (сцепления, сочетания) единиц и категорий языка в процессе их речевого функционирования» [Головин, 1983, с.155];

2) отношения между знаками, возникающие в результате их комбинирования [Кронгауз, 2005, с. 44];

3) линейное выстраивание языковых единиц в соответствии со стратегией и замыслом текстообразования, целями и задачами порождаемого текста (речи)» [Тарланов, 2007, с. 30].

Синтагматика включает в себя два уровня: уровень языка и уровень речи. На уровне языка синтагматика проявляется в валентности (потенциальная сочетаемость), а на уровне речи – в сочетаемости (реализация валентности) [Апресян, 1995; Влавацкая, 2011; Морковкин, 1979 и др.].

Лингвистическую комбинаторику, в свою очередь, определяют как «отрасль языкознания, изучающая в рамках лингвистического времени качественные и количественные характеристики как языковых континуумов, так и входящих в них языковых элементов с целью определения возможности (нескольких и

результатов различных видов их взаимодействия» [Маковский, 2006, с. 5]. По мнению В. М. Солнцева, «способность к комбинаторике есть общее и обязательное свойство единиц языка, обусловленное общесистемными фундаментальными свойствами единиц языка — дискретностью и неоднородностью» [Солнцев, 1977, с. 268]. Так, комбинаторика пронизывает все уровни языка и является «основным принципом организации языковых единиц, формой их существования, эволюции и взаимодействия» [Маковский, 2006, с. 6].

Содержанием комбинаторики на лексическом уровне системы языка является составление и изучение комбинаций слов, подчиненных определённым комбинаторным задачам при данных условиях их реализации, и которые можно образовать из заданного количества слов [там же, с. 43-45].

По утверждению М. В. Влавацкой, комбинаторная лингвистика «является той сферой, в которой ярко проявляется связь между элементами языка. Исследования в данной области помогают проникнуть в суть процессов сочетания языковых единиц и понять законы, лежащие в основе этих процессов» [Влавацкая, 2010, с. 89]. В зависимости от выбранной единицы анализа (фонемы, морфемы, лексемы, предложения) различают следующие разделы комбинаторной лингвистики [Влавацкая, 2012, 2013, 2016]: комбинаторная фонология, комбинаторная морфемика, комбинаторная лексикология, комбинаторная паремиология и др.

Единицы, являющиеся объектом нашего исследования, необходимо рассматривать, прежде всего, в рамках такого раздела комбинаторной лингвистики, как *комбинаторная лексикология*. В задачи комбинаторной лексикологии входит «изучение проблем, связанных с сочетаемостью лексических единиц, выявлением механизмов их сочетаемости, установлением закономерностей их связей, а также ограничениями на сочетаемость» [Влавацкая, 2011, с. 242]. Особое место в комбинаторной лексикологии отводится разработке теории коллокаций, описанию и систематизации разных типов данных единиц.

Необходимо отметить, что, исходя из приведённого выше положения о проявлении синтагматики на двух уровнях — языковой (валентность) и речевой

(сочетаемость), выделяют *единицы языка* и *единицы речи*. Известно, что в языке единицы представлены в своем общем виде (инвариант), а в речи — в виде конкретных вариантов. Одни единицы (слова, коллокации) могут быть и единицами языка, и единицами речи, другие (морфемы, фонемы) — только единицами языка, третьи (предложения, словосочетания) — только единицами речи, представляющими собой комбинации единиц языка в речевой цепи. В соответствии с принципом иерархичности в результате комбинаций единиц языка между собой (в соответствии с их уровневыми свойствами), возникают единицы более высокого уровня, обладающие новым качеством по сравнению с исходными единицами. Как и другие единицы, коллокация подчиняется инвариантно-вариантной закономерности: в языке коллокация существует как совокупность всех своих значений и грамматических форм своих компонентов; в речи коллокация не только представлена одной из своих форм, но и имеет одно конкретное значение. Образуюсь в результате комбинаторики слов, коллокации представляют собой единицы, компоненты которых взаимодействуют как на синтаксическом, так и на семантическом уровне, соответственно, коллокация может рассматриваться на лексическом уровне (как собственно коллокация) и на синтаксическом (как словосочетание).

Коллокации являются объектом изучения и других разделов комбинаторной науки о словах: *комбинаторной семасиологии* (подраздел комбинаторной лексикологии), *комбинаторной лексикографии* и *комбинаторной лингводидактики*. Так, инструментарий *комбинаторной семасиологии* применяется для исследования внутренних механизмов образования коллокаций и включает, прежде всего, изучение семного состава лексического значения сочетающихся слов, выявление их общих (связующих) сем, рассмотрение структуры синтагматического компонента значения слов. *Комбинаторная лингводидактика* занимается проблемами освоения принципов сочетаемости иноязычных слов в условиях аудиторного билингвизма и ориентирована на развитие у вторичной языковой личности коммуникативной и коллокационной компетенции [Влавацкая, 2018]. Наконец, *комбинаторная лексикография*

представляет собой теоретико-прикладной подраздел, содержанием которого являются теоретические и практические вопросы лексикографической интерпретации комбинаторно-синтагматических свойств слов и создания словарей комбинаторного типа.

Наряду с рассмотренными выше понятиями «синтагматика» и «комбинаторика», ключевое место в комбинаторной науке о словах занимает понятие «комбинаторный потенциал», актуальное для всех разделов данного направления.

1. 2. Понятие «комбинаторный потенциал» в лингвистических исследованиях

Разработка терминологического аппарата нового направления языкознания – комбинаторной лингвистики – требует уточнения некоторых понятий. Во-первых, терминологическую базу данного направления составляет инструментарий теории сочетаемости, представляющий некоторые сложности из-за большого количества синонимичных терминов. Во-вторых, некоторые понятия пока не нашли толкования, несмотря на достаточно широкое употребление. Одним из таких понятий является «комбинаторный потенциал» языковых единиц, представляющий собой, согласно определению, один из объектов изучения комбинаторной науки о словах. Целью данного параграфа является раскрытие и уточнение данного понятия.

Согласно Т.Ф. Ефремовой [Ефремова, 2000] «потенциал» определяется как: 1) величина, характеризующая запас энергии тела, находящегося в данной точке поля (электрического, магнитного и т.п.). 2) *перен.* совокупность всех имеющихся возможностей, средств в какой-л. области, сфере. Учитывая, что под термином «лингвистическая комбинаторика» понимается «составление и изучение комбинаций слов, подчиненных определенным коммуникативным задачам при данных условиях их реализации и которые можно образовать из заданного количества слов» [Маковский, 2006, с. 5], можно предположить, что

комбинаторный *потенциал* обозначает либо совокупность всех слов, способных образовать сочетания с данным словом, либо его скрытые, не реализованные пока возможности. Обнаруженные нами примеры актуализации смысла термина «комбинаторный потенциал» в лингвистической литературе показывают, что чаще всего данное словосочетание употребляется для обозначения всех актуальных и возможных синтагматических связей слова [Онал, 2019]. Нередко «комбинаторный потенциал» выступает в качестве синонима к термину «сочетаемость», например: «*Сочетаемость (комбинаторный потенциал). Для относительно полного лексикографического описания сочетаемости лексем достаточно учитывать следующие основные оппозиции а) семантическая (свободная) vs. лексическая сочетаемость...*» [Апресян, 2006, с. 36]. Для того чтобы выяснить, насколько комбинаторный потенциал может быть отождествлен с понятием «сочетаемость», рассмотрим определения последнего.

Обзор дефиниций показывает, что большинство авторов под сочетаемостью понимают определенное **свойство** языковых единиц (В. В. Морковкин, Ю. Д. Апресян, З. А. Харитончик и др.). По нашему мнению, наиболее точно коррелирует с понятием «комбинаторный потенциал» определение Н. З. Котеловой, поскольку оно охватывает **синтагматические возможности** слова: «значимое в структуре языка свойство, обобщающее регулируемую системой и нормой возможность употребления слова в предложении и фразе (структура которых в данном случае преломляется под углом зрения потенциалов отдельного слова, в разной степени имманентных для него) и «представляющее собой взаимодействие явлений разных языковых уровней: лексики и синтаксиса — синтаксическая сочетаемость — распространение слова синтаксическими связями и их упорядоченность; лексики и фразеологии — лексическая сочетаемость — распространение слова другими словами и их упорядоченность» [Котелова, 1975, с.121]. Итак, понятие «сочетаемость слова» может включать в себя не только свойство того или иного слова вступать в линейные отношения с другими словами, но и обозначать совокупность этих слов. В последнем значении оно может выступать в качестве синонима к понятию «комбинаторный

потенциал». Весьма убедительна концепция Д.О. Добровольского, согласно которой комбинаторный потенциал рассматривается как некая область, в ядерной части которой находятся нормативные, стилистически безупречные сочетания с данным словом, на периферии – словосочетания, являющиеся более или менее сомнительными с точки зрения узуса [Добровольский, 2005].

Обзор лингвистической литературы показывает, что в качестве синонимов к понятию «комбинаторный потенциал» используются понятия «сочетаемостный потенциал», «сочетательный потенциал», «синтагматический потенциал», реже – «валентностный потенциал». Известно, что соотношение «валентность – сочетаемость» коррелирует с отражением соотношения «язык – речь», при этом валентность определяется как потенциальная сочетаемость языковых единиц или их способность сочетаться друг с другом, которая заложена в языковой системе, а сочетаемость — как непосредственная сочетаемость слов в речевой цепи, то есть реализация валентности в речи [Влавацкая, 2017]. Поскольку валентность учитывается на уровне языковой синтагматики, а сочетаемость – на уровне речевой синтагматики, «синтагматический потенциал» должен включать в себя как сочетаемостный, так и валентностный потенциал. Так, в следующем примере имеется в виду реализация синтагматического потенциала на речевом уровне, то есть о так называемом «сочетаемостном потенциале», при этом автор делает упор на возможных, еще не реализованных сочетаниях языковых единиц: *Синтаксическое использование английского слова, его **синтагматический потенциал** тесно связаны с его семантическими особенностями и определяют его лексико-грамматические характеристики. Именно контекст дает разгадку для определения слушателем значения знакомой языковой единицы в незнакомой функции...* [Левицкий, 2009, с. 353].

Отметим также, что в отличие от понятия «комбинаторный потенциал», понятия «сочетательный» и «сочетаемостный» потенциал имеют более давнюю историю. Так, рассматривая сочетаемость слов в лексикографическом и лингводидактическом аспектах, П. Н. Денисов оперирует терминами «сочетательный потенциал» и «мощность сочетательного потенциала» слова,

указывая на две предельных точки лексической сочетаемости: 1) сочетательный потенциал слова может быть равен единице, если определенную синтаксическую позицию при данном слове можно заполнить только одним словом (например, *заклятый враг*); 2) сочетательный потенциал слова может быть равен бесконечности (например, позиция прямого дополнения при глаголе *видеть*) [Денисов, 1974, с. 74].

В настоящее время особую актуальность понятие «сочетательный / сочетаемостный потенциал» приобретает при исследованиях синтагматики классов слов, когда можно говорить о том, что определенное слово реализует потенциал, свойственный данному классу слов, в полной, неполной или наибольшей мере [см., например, Борискина 2008], а понятие «комбинаторный потенциал» получает все большее распространение в связи с оформлением комбинаторной лингвистики в качестве отдельного направления лингвистической науки.

Итак, словосочетания «комбинаторный потенциал», «синтагматический потенциал», «валентностный потенциал», «сочетаемостный потенциал» в основном используются языковедами взаимозаменяемо, в большинстве случаев обозначая всю совокупность единиц, с которыми исследуемая лексическая единица может вступать в синтагматические связи. Анализ дефиниций и контекстов употребления вышеперечисленных понятий показывает, что «синтагматический потенциал» охватывает как возможные синтагматические связи лексических единиц на языковом уровне (валентностный потенциал), так и их синтагматический потенциал на речевом уровне (сочетаемостный/сочетательный потенциал). Понятие «сочетаемость» при этом может означать как **свойство** слова, так и всю **совокупность** возможных «партнеров» данного слова. Во втором значении оно может выступать в качестве синонима к понятиям «комбинаторный потенциал», а также «синтагматический (сочетательный, сочетаемостный, валентностный) потенциал».

На современном этапе исследования линейных отношений слов возникает необходимость в разграничении данных понятий. Поскольку комбинаторика

единиц языка «подразумевает решение задач, обусловленных экстралингвистической ситуацией, целью высказывания (заданным смыслом)» [Влавацкая, 2013, с. 41], комбинаторный потенциал может быть определен как *«совокупность всех возможных синтагматических связей слова, включая как вероятные, так и реализующиеся в современном узусе, обусловленные различными экстралингвистическими ситуациями»* [Онал, 2019, с. 266]. Как можно заметить, термин «комбинаторный потенциал» тесно соотносится с понятием «дистрибуция» (см. п. 1.5.). Можно также утверждать, что слова с широкой семантикой обладают бóльшим комбинаторным потенциалом, чем слова с узкой семантикой, при этом комбинаторный потенциал последних поддается измерению в количественных показателях.

1. 3. Коллокация как объект лингвистического исследования

Изучению комбинаторного потенциала слов способствует изучение разного рода коллокаций. Понятие «коллокация» принадлежит к числу тех сложных явлений, исчерпывающего толкования которого, удовлетворяющего всех исследователей, на данный момент не существует. Известно, что впервые термин «коллокация» был употреблён в качестве лингвистического термина в 1750 году Г. Харрисом [Harris 1751], а «официальное» введение термина «коллокация» в науку о языке, а также последующие исследования коллокации и некоторых смежных явлений и понятий принадлежит представителям Лондонской лингвистической школы Дж. Р. Фёрсу, Г. Палмеру и др. [Palmer, 1933; Firth, 1951].

Проследив динамику развития значения термина «коллокация» и рассмотрев определения данного понятия в отечественной и зарубежной научной литературе, мы выделили следующие подходы его определению [Онал, 2018]:

1. Коллокация – это линейная последовательность лексических единиц.

Большинство ранних упоминаний слова «коллокация» в лингвистической литературе выступает именно в этом значении [Harris 1751, Fowler 1851, Ridpath

1880]. В современной лингвистике грамматическое соседство слов в предложении принято называть термином «коллигация».

2. Коллокация – это постоянная сочетаемость / совместная встречаемость изучаемого слова с определенными словами.

Данного определения, введенного Дж.Р.Фёрсом, придерживались, прежде всего, его последователи, М. А. К. Халлидей (1966), Дж. Синклер (1966) и др. Подобное толкование находим в работах О. С. Ахмановой [Ахманова, 1967], С. Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова, 1969] и некоторых других отечественных языковедов. Несмотря на использование других терминов, сходную позицию в отношении коллокации занимали В. Порциг («синтагматическое поле») и Э. Косериу («лексические солидарности»). Отметим, что данное значение использовалось преимущественно на первом этапе становления теории коллокации; позже сочетаемость как свойство слов стало называться *collocability* («коллокабельность»), термин «коллокация» же чаще стал употребляться в значениях, представленных ниже.

3. Коллокация – это устойчивое сочетание слов (имеющее признаки синтаксически и семантически целостной единицы).

В рамках данного определения статус коллокации трактуется неоднозначно. Обозначим два основных варианта данного подхода к определению коллокации, расходящихся в использовании терминологии:

1) коллокация рассматривается как **родовое понятие** по отношению к другим устойчивым сочетаниям – идиомам, составным наименованиям, клише и др. [Benson et al 1985; Cruise 1986, Carter 1987, Manning&Schutze 1999];

2) коллокации являются **одной из разновидностей** устойчивых сочетаний (В. Матезиус, Ф. де Соссюр («выражения», «готовые обороты»), И.А. Мельчук и др. («полуфраземы»/коллокации)) и др. Данный подход к определению коллокации также варьируется в зависимости от ее предполагаемого статуса с позиции фразеологии:

а) коллокации представляют собой **разновидность фразеологизмов** (В. В. Виноградов («фразеологические обороты»), Н. М. Шанский

(«фразеологические обороты», «фразеологические выражения»), Ш. Балли (“groupements usuels”), М.М. Копыленко, З.Д. Попова («свободные денотативные фразеосочетания», «несвободные коннотативные мотивированные фразеосочетания»), Е.Г.Борисова («коллокации»);

б) коллокации находятся на периферии фразеологического фонда языка (А. И. Смирницкий («обычные / традиционные сочетания»), Н.Н. Амосова («фразеолоиды»), А.В. Кунин (фразеоматические словосочетания), М.В. Копотев, Т. И. Стексова («коллокации») и **не являются фразеологизмами**; однако со временем их включение в класс фразеологических единиц представляется возможным;

в) коллокации является частью фразеологии в широком ее понимании, но за пределами фразеологии в ее узкой трактовке (В. Н. Телия («лексические коллокации с аналитическим типом значения») и др.);

г) коллокации являются частью лексической системы языка, представляя собой так называемые «аналитические слова» (О. С. Ахманова), «аналитические лексические единицы» (З.Н. Левит), или «синлексы», «беллетризмы» и «обороты речи» (Г.И. Климовская).

Как видим, первый подход более характерен для зарубежных лингвистов; второго же чаще придерживаются отечественные языковеды. Кроме того, исследователями выделяются различные признаки, по которым то или иное сочетание слов предлагается считать коллокацией, а также по-разному описываются свойства данных единиц.

Изучение современной турецкой лингвистической литературы показывает, что в настоящее время в турецком языкознании превалируют исследования коллокаций в корпусной лингвистике [Özkan 2007, Dedeoğlu ve Şen 2010, Tüfekçioğlu ve Özkan 2012], а также в работах по лингвистике текста [Yağcıoğlu 2002, Taşgüzel 1988, Çıkrıkçı 2014, Torun 2011] и др. При этом основная масса трудов отличается практической и прикладной направленностью, преимущественно с опорой на определения и типологии коллокаций, разработанные западными авторами [см., например, Eken 2016]; кроме того,

существует проблема избыточности терминов, актуальная и для турецкого языкознания в целом.

В настоящее время коллокация является объектом пристального внимания лингвистов: разрабатываются новые словари коллокаций, предлагаются методы выявления и извлечения коллокаций. Появляются научные исследования, посвященные разноаспектному изучению коллокаций [Копотев, 2016, Руангдам 2018, Eken 2016, Lehecka 2015, Sert 2017 и др.], а также работы узкой направленности, рассматривающие данное языковое явление в рамках как уже устоявшихся, так и новых подходов [Архипова 2016, Залесская 2014, Захаров 2014, Коршунова 2018, Левенкова 2015, Çetinkaya 2009, Kumanlı 2016, Lorente 2017, Macis 2017, Metin 2016 и др.].

Анализ отечественной и зарубежной лингвистической литературы позволяет выделить следующие подходы к изучению коллокаций:

- 1) теоретический (дистрибутивный, семантико-синтаксический и др.);
- 2) лексикографический;
- 3) лингводидактический;
- 4) фразеологический;
- 5) корпусный;
- 6) когнитивный;
- 7) комбинаторный и т.д.

Последние три подхода появились сравнительно недавно и являются новыми. Следует также отметить, что на практике вышеперечисленные подходы нередко пересекаются (Таблица 1).

Таблица 1. Подходы к определению и изучению коллокаций; основные проблемы их изучения в рамках данных подходов

Подход	Теоретический	Фразеологический	Лингводидактический	Корпусный	Лексикографический	Когнитивный	Комбинаторный
Дефиниция	Коллокация – один из способов определения значения слова [Firth 1951:194] Коллокации – слова в привычном окружении [Firth 1957:182]	Коллокация – проявление взаимной предсказуемости единиц Коллокация – слабоидиоматический фразеологизм со структурой словосочетания.	Коллокации – последовательности двух и более слов, которые лучше изучать, как целые слова [Palmer 1938:x; cf. Cowie 1999:54].	Коллокации – последовательно-сти слов, которые встречаются вместе чаще, чем можно было бы ожидать исходя из случайности распределения.	Коллокации – рекуррентные, полуфиксированные комбинации слов [Benson et al. 1997:ix].	Коллокации – ранее самостоятельные элементы, которые так часто встречались вместе, что слились в одну семантическую единицу	Коллокации – комбинаторно обусловленные лексико-семантические единицы, обладающие структурно-синтаксической целостностью и выполняющие определённые речевые функции
Предмет изучения	Проблема определения, описания и изучения коллокаций	Проблема разграничения идиомы и коллокации; сложного слова и коллокации	Проблема обучения коллокациям и формирования коллокационной компетентности	Разработка методов вычленения коллокаций. Использование коллокаций в качестве инструмента исследования	Проблема представления коллокаций в словаре	Исследование коллокаций с позиций лексического прайминга	Разработка типологии коллокаций, исследование механизмов образования коллокаций в разных сферах их функционирования
Авторы	J. R. Firth, M.A.K. Halliday and J.M. Sinclair, A. P. Cowie, P. Howarth и др.	В. В. Виноградов, Н. Н. Амосова, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, D. Jurafsky, A. Bell, M. Gregory и др.	H. Palmer A. P. Cowie M. McCarthy T. Fontenelle, Г.И. Климовская и др.	J. Sinclair, M. Stubbs, R. Krishnamurthy, S. Bartsch, S.K. Metin, В. П. Захаров, М. В. Хохлова и др.	A.P. Cowie, H.E. Palmer, M. Benson and F. J. Hausmann, И.А. Мельчук B. Özkan E. Dedeoğlu ve G. Şen и др.	M. Hoey, M. A. K. Halliday S. Johansson	М. В. Влавацкая, Е. И. Архипова, А.В. Коршунова, И.О. Онал, Л.В. Цвенгер и др.

Как показывает обзор работ отечественных и зарубежных исследователей, коллокациям присущи следующие свойства:

1. **Изменение значения одного из компонентов** (входя в коллокацию, слова полностью или частично теряют свои первоначальные значения) [Борисова, 1995; Влавацкая, 2015; Hausmann, 2007 и др.]. В составе коллокаций слово теряет часть отношений, которые оно имеет в свободном употреблении в лексической системе языка. Например, действие, обозначаемое английским глаголом *to hold* в коллокации *to hold negotiations* (*проводить переговоры*), получает новое, более общее значение в отличие от прямого значения этого глагола *to hold* (*держат*). Однако значение свободного компонента в коллокации обычно полностью сохраняется. В сочетаниях *to hold hearings* – ‘проводить слушания’, *to hold negotiations* – ‘проводить переговоры’ и т. п. значение существительных такое же, как и в свободных словосочетаниях.

2. **Грамматическая ограниченность** (несмотря на то, что грамматическая структура коллокаций в основном соответствует конструкциям свободных словосочетаний, она имеет свои особенности) [Борисова, 1995; Влавацкая, 2015; Иорданская и Мельчук, 2007; Котелова, 1975; Fontenelle, 1994; Hausmann, 2007; Mathesius, 1975 и др.]. Так, в глагольно-именных словосочетаниях нередко отсутствует возможность прономинализации, например, **англ.** *to cast vote* – ‘отдать голос’: невозможно **to cast it* – ‘отдать его’ (или **тур.** *oy kullanmak* – **onu kullanmak*).

3. **Прозрачность** (значение коллокации можно объяснить соединением значения отдельных компонентов) [Борисова, 1995; Benson, 1985; Fontenelle, 1994; Hausmann, 2007; Mathesius, 1975]. Коллокации при этом образуются из слов со свободным, или с фразеологически связанным значением: ср., например, **англ.** *fruitful talks* / **тур.** *verimli görüşmeler* – ‘результативные переговоры’ и **англ.** *high-level talks* / **тур.** *üst düzey görüşmeler* – ‘переговоры на высоком уровне’, **англ.** *to torpedo talks* / **тур.** *müzakereleri bozmak* – ‘сорвать переговоры’ и **англ.** *to accelerate the talks* / **тур.** *müzakereleri hızlandırmak* – ‘ускорять переговоры’.

4. **Невозможность предсказать сочетания компонентов коллокаций** с идентичной семантикой в другом языке [Борисова, 1995; Телия, 1996; Barnbrook et al., 2013; Fontenelle, 1994]. Данное свойство коллокаций проявляется при сопоставлении сочетаний со сходным значением в разных языках. Так, трудно объяснить, почему английскому сочетанию *high-level talks* – 'переговоры на высшем уровне' соответствует турецкая коллокация *üst düzey görüşmeler*, а не **yüksek düzey görüşmeler*.

5. **Распространенность** (коллокации – довольно частное явление). В процессе коммуникации говорящий использует не столько отдельные слова, сколько повторяющиеся, воспроизводимые конструкции. Носитель языка в повседневной практике часто оперирует хранящимися в памяти готовыми выражениями, число которых сопоставимо с количеством лексических единиц в словаре [Борисова, 1995; Влавацкая, 2015; Ноеу, 2005; Jackendoff, 1995; Sinclair, 1991 и др.].

6. **Субверсивность** («нарушительность», «подрывная деятельность»), которая выражается в том, что коллокации «подрывают» существующие описания лексики из-за того, что «их частая встречаемость нуждается в объяснении, в то время как ни одна теория не может его предоставить» [Ноеу, 2005, р. 7].

7. **Универсальность.** Коллокация представляет собой универсальную единицу, о чём свидетельствует её наличие во всех естественных языках, объединение слов в коллокацию – универсальное свойство языков [Palmer, 1957; Firth, 1957; Sinclair 1991].

Отметим, что указанные характеристики выделяются лингвистами как свойства коллокаций в целом, в результате исследований, проведённых на материале коллокаций естественного языка. Мы полагаем, что политические коллокации как единицы языка для специальных целей имеют как общие, так и дифференциальные свойства по сравнению с коллокациями естественного языка. Данное сопоставление представлено в п.1.7. диссертации.

1. 4. Систематизация коллокаций в отечественной и зарубежной лингвистике

Теория любой предметной области нуждается в систематизации. Согласно В.Л. Кожаре, «содержательные теории невозможны без классификаций, качество теорий зависит от качества классификаций. Чем лучше классификации, тем скорее возникают адекватные модели, плодотворные гипотезы, эффективные теории и т.п.» [Кожара, 2008, с. 214]. Особым вариантом классификации является типология, под которой понимают группировку объектов на основе их подобия некоторому образцу. В отличие от классификации, типология допускает существование таких явлений, которые не соответствуют ни одному из выделенных типов. С другой стороны, типология превосходит классификацию своей универсальностью, являясь первоначальной операцией любых систематизаций.

В лингвистической литературе предлагается систематизация словосочетаний и коллокаций по разным принципам: структурному, семантическому, функциональному, когнитивному и др.; кроме того, существуют типологии, основанные не на одном, а сразу на нескольких принципах.

Прежде всего, рассмотрим классификации и типологии данных единиц по структурному принципу.

Самым распространённым принципом классификации коллокаций является их систематизация по синтаксически главному слову. Данный принцип вытекает из морфологических свойств разных частей речи с присущими им формами и категориями и лежит в основе классификаций не только коллокаций, но и словосочетаний в целом. Характер и особенности построения сочетаний слов в зависимости от частеречной принадлежности ключевого слова привлекали внимание учёных ещё в XIX – начале XX в., как отечественных [Востоков 1813, Виноградов 1954], так и зарубежных [Fowler 1851, Ridpath 1880].

Одна из первых классификаций коллокаций была предложена Х. Палмером, который выделил следующие морфосинтаксические типы [Palmer, 1966, p. 8-10]:

1) **гетеросемы (“Heterosemes”)** – тип коллокаций, в которых по крайней мере один из компонентов приобретает новое значение при сочетании с другим компонентом (или компонентами): **англ.:** *to fall out* – ‘поссориться’, *the Civil Service* – ‘государственная служба’, *in order to* – ‘для того, чтобы’

2) **коллокации «глагол x дополнение» (Verb x Object Collocations):** **англ.:** *to ask a question* – ‘задать вопрос’, *to do a favour* – ‘сделать одолжение’, *to make a fire* – ‘разжечь огонь’;

3) **коллокации «глагол x предлог» (Verb x Preposition Collocations):** **англ.:** *to agree with* – ‘согласиться с’, **англ.:** *to rely upon* - ‘полагаться на’, *a request for* – ‘запрос, ходатайство о’;

4) **«безартиклевые» коллокации (Absence of Article):** **англ.:** *to go to bed* – ‘ложиться спать’, *to give way* – ‘уступать’, *to get hold of* – ‘связаться с’;

5) **образцы конструкций (Construction-Patterns):** **англ.:** *to be difficult to somebody to do something* – ‘кому-то трудно сделать что-то’;

6) **коллокации «без пробела» (Collocations Written Without a Break):** **англ.:** *downstairs* – ‘внизу, на нижнем этаже’, *lighthouse* – ‘маяк’, *birthday* – ‘день рождения’;

7) **«созданные» коллокации (“Coined” Collocations):** **англ.:** *Chamber of Commerce* – ‘Торговая палата’, *Holy water* – ‘святая вода’, *Leap year* – ‘високосный год’, *Proper noun* – ‘имя собственное’.

Очевидно, что последний тип коллокаций данной классификации не соответствует заявленному принципу, поскольку выделяется на основе намеренного / ненамеренного создания единицы. Однако данное наблюдение учёного, несомненно, представляет определённую ценность, закладывая основы изучения терминологических коллокаций, большинство из которых являются намеренно созданными.

М. Бенсон, Э. Бенсон и Р. Илсон предлагают выделять **грамматические** и **лексические** коллокации [Benson et al., 2009 (1984), р. XIII], на основе разделения частей речи на знаменательные и служебные:

1) **грамматические коллокации** (коллигации) представляют собой сочетания главного компонента (*dominant word*), выраженного одной из знаменательных частей речи, и служебного слова, например: **англ.:** *admiration (for)* – ‘восхищение’, *acceptable (to)* – ‘приемлемый (для)’ или грамматической конструкцией, например: **англ.:** *eager (to do something)* – ‘желающий (сделать что-л.)’, *eagerness (to do something)* – ‘желание (сделать что-л.)’, *to want (someone to do something)* – ‘хотеть (сделать что-л.)’;

2) **лексические коллокации** представляют собой сочетания двух и более знаменательных частей речи ‘verb-noun’; ‘noun-verb’; ‘noun-noun’; ‘adjective-noun’; ‘adverb-adjective’; and ‘verb-adverb’, например: **англ.:** *official permission* – ‘официальное разрешение’, ‘*arbitrary government*’ – произвол власти, *seriously injured* – ‘серьёзно повреждённый’ и др.

Классификация К. Офлазер, О. Четиноглу и Б. Сай, разработанная на материале турецкого языка, включает четыре группы коллокаций, выделенные на основе морфологических признаков [Oflazer et al., 2004]:

1. **Лексикализованные коллокации**, компоненты которых фиксированы (например, **тур.** *ipe sapa gelmez* – ‘непослушный’ (досл. не подходит ни верёвка, ни ручка)).

2. **Полулексикализованные коллокации**, одни компоненты которых фиксированы, другие же подвергаются изменениям в силу деривационных и инфлективных морфологических процессов; такие коллокации характеризуются некомпозициональностью значения (например, **тур.** *kafaуı çekmek* – ‘опьянеть (досл. «снять голову») ’).

3. **Нелексикализованные коллокации**, представляющие собой комбинации из двух одинаковых компонентов, либо сочетание «компонент + контрастный компонент» (например, **тур.** *çabuk-çabuk* – ‘быстро-быстро’, *harul hurul* – ‘шумно’).

4. **Составные наименования**, включающие имена собственные – названия мест, организаций, имена людей и т.п. (например, **тур. *Avrupa Birliği*** – ‘Европейский союз’) [Oflazer et al., 2004].

Строго говоря, коллокации четвертой группы тоже можно отнести к полулексикализованным структурам, так как последний элемент будет подвергаться морфологическим преобразованиям в соответствии с контекстом употребления коллокации, поскольку турецкие существительные обладают категориями падежа и числа. Отметим, что авторы данной концепции трактуют коллокации с позиции широкого подхода, так как относят к ним идиомы и сложные слова.

Необходимо отметить, что классификации, построенные по структурным (морфосинтаксическим) признакам, имеют особенности, специфические для каждого языка, учитывая системные языковые различия. Например, невозможно говорить о «безартиклевых» коллокациях (из классификации Г. Палмера) в турецком языке, где отсутствует данная часть речи, или о коллокациях со структурой *verb + noun* (из классификации Ф. Хаусмана [Hausmann 1984]), так как глагол в турецком языке всегда ставится после существительного.

Далее рассмотрим классификации, основывающиеся на семантическом принципе, дополнив их соответствующими примерами на исследуемых языках.

Структурно-семантическая классификация фразеосочетаний М. М. Копыленко и З. Д. Поповой базируется на степени идиоматичности, которая может быть выражена с помощью аппарата К/Д, где символ Д репрезентирует денотативную семему, отражающую непосредственную внутриязыковую сущность, а символ К – коннотативную семему, не отражающую внеязыковой сущности. Авторы выделяют следующие разряды двухлексемных сочетаний [Копыленко, 1978]: 1) свободные денотативные (Д1Д1, Д1Д2, Д2Д2); 2) несвободные коннотативные мотивированные (К1Д1, К1Д2, К1К1); 3) несвободные коннотативные неизоллированные (К2Д1, К2Д2, К2К1, К2К2) и 4) несвободные коннотативные изолированные (сочетания с семемой К3). Коллокации в данной классификации представлены фразеосочетаниями из

первых двух разрядов, например, Д1Д1: **англ.** *peace accord* / **тур.** *barış anlaşması* – ‘мирное соглашение’, где обе семемы обладают прямым денотативным значением; Д1Д2: **англ.** *political asylum* / **тур.** *siyasi sığınma* – ‘политическое убежище’, где семема Д1 имеет прямое, а Д2 – производно-денотативное значение; или К1Д2: **англ.** *to give an answer* / **тур.** *cevap vermek* – ‘дать ответ’, **англ.** *to open fire* / **тур.** *ateş açmak* – ‘открыть огонь’, где глагол выступает в переносном значении (К1), сохраняя только самые общие семантические признаки процесса.

Семантическая классификация коллокаций А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [Баранов, Добровольский, 2013, с. 88] построена на лексических функциях, разработанных И. А. Мельчуком [Мельчук, 1974]:

1. **Коллокации-magn** – устойчивые сочетания слов, передающие смысл нетривиальным способом Magn, например, **англ.** *bitter enemy* – ‘заклятый враг’, **тур.** *kara sevda* – ‘безумное увлечение’.

2. **Коллокации oper-func** – устойчивые сочетания слов, передающие смысл нестандартным способом Oper или Func, например, **англ.** *to claim victory* – ‘праздновать победу’, **англ.** *to take revenge* / **тур.** *öç almak* – ‘взять реванш’, **тур.** *fikir ayrılığı* – ‘расхождения во мнениях’.

3. **Коллокации real-fact** – устойчивые сочетания слов, в которых смысл передаётся нестандартным способом Real или Fact, например, **англ.** *to command admiration* – ‘вызывать восхищение’, **тур.** *göze almak* – ‘решиться на риск’, *yol tutmak* – ‘держаться пути’.

4. **Метафорические коллокации** – сочетания слов, в которых один из компонентов употреблен в прямом значении, а значение второго компонента выступает в переносном значении, например, **англ.** *banana republic* – ‘банановая республика’, **англ.** *election marathon* / **тур.** *seçim maratonu* – ‘предвыборный марафон’ и др. Проанализировав данные коллокации с помощью аппарата Д/К, можно установить, что они представляют собой сочетания типа К1Д1.

В ряде других классификаций, основанных на семантическом принципе, учитывается не только степень семантической спаянности компонентов

коллокации и/или прозрачности самой коллокации, но и другие признаки, например, возможность/невозможность трансформации отдельных компонентов коллокации. На одном конце данного континуума находятся идиомы с наибольшей степенью спаянности и невозможности к трансформациям, а на другом конце – свободные словосочетания, семантически прозрачные и допускающие замену компонентов. Между этими крайними точками располагаются различные типы «ограниченных» сочетаний. Приведём некоторые из таких классификаций.

Так, согласно А. Коуи, все несвободные сочетания (“composite elements”) распадаются на идиомы («чистые» (pure) и образные (figurative)), сложные слова и коллокации. При этом коллокации, по мнению автора, делятся на следующие два типа [Cowie, 1981, p. 226-230]:

1. **Открытые (open collocations)**, когда входящие в коллокацию компоненты могут сочетаться и с другими словами, например, элементы коллокации: **англ.** *run a business* - (*manage /direct*) *a business* - ‘управлять/руководить бизнесом’, *run (a business, a company, an institution)* – ‘управлять/руководить (бизнесом, компанией, учреждением)’.

2. **Ограниченные коллокации (restricted collocations)**, компоненты которых характеризуются ограниченной сочетаемостью, например, **англ.** *canvass someone’s opinion* – ‘узнать чьё-л. мнение’, *explode a myth* – ‘развеять миф’. Легко заметить, что в последних одно из слов употребляется в переносном значении; с другой стороны, можно сказать, что выбор второго компонента в данном случае задаётся контекстом.

Более подробную классификацию предлагает Дж. Хилл, различая 4 типа коллокаций в зависимости от их «коллокационной силы», то есть способности входящих в них слов-компонентов «притягивать» другие слова [Hill 2000]:

1. **Уникальные коллокации (unique collocations)** комбинации слов, компоненты которых обладают единичной сочетаемостью: **англ.** *foot the bill* - ‘оплатить счёт’, *shrug one’s shoulders* – ‘пожать плечами’ (но не *shrug one’s feet** - ‘пожать ногами’*).

2. **Сильные коллокации (strong collocations)** Коллокации, включающие слова, сочетающиеся с ограниченным количеством слов: **англ.** *trenchant criticism* – ‘язвительная критика’, *rancid butter* – ‘прогорклое масло’ не являются уникальными, так как существуют другие слова, способные вступать с ними в коллокации;

3. **Слабые коллокации (weak collocations)** компоненты которых могут вступать в сочетания с неограниченным количеством слов: **англ.** *a white shirt* – ‘белая рубашка’, *red wine* – ‘красное вино’, *red hair* – ‘рыжие волосы’, *a black mood* – ‘мрачное настроение’. Однако учёный отмечает, что компоненты таких коллокаций могут использоваться и в сильных коллокациях;

4. **Умеренно сильные коллокации (medium-strength collocations)** Самая многочисленная группа коллокаций, компоненты которых встречаются вместе чаще, чем в комбинациях с другими словами **англ.:** *to hold a conversation / a meeting / negotiations* – ‘вести разговор/ собрание/ переговоры’, *to make a mistake / a phone call/ a journey* – ‘совершить ошибку/ телефонный звонок/ путешествие’ и др.

Последние две классификации, как мы полагаем, коррелируют с теорией Н. Н. Амосовой, выделяющей единицы переменного и постоянного контекста [Амосова, 2010]. Целью данных классификаций является, прежде всего, демаркация идиом (в западной традиции) и фразеологизмов (в отечественной традиции) от сочетаний, таковыми не являющимися. Следует отметить, что между типами семем (выделенными М. М. Копыленко и З. Д. Поповой) и типами сочетаемости отсутствует чёткая связь. Так, в английском сочетании *to shrug one's shoulders* – ‘пожать плечами’ глагол *to shrug* характеризуется единичной сочетаемостью, однако обладает номинативным значением Д1.

Согласно В.Н. Телия, компоненты коллокаций могут объединяться не столько на семантическом, сколько на когнитивном уровне, отражая общую структуру лингвистических знаний о мире. По мнению учёного, существует целый корпус устойчивых сочетаний, которые напрямую отражают эти знания,

составляя своего рода «энциклопедию», проявляющуюся в лингвистических значениях [Телия, 1996]:

1. Зависимое слово называет **постоянное или частое свойство** означаемого ключевым компонентом, например: **англ.** *blue sea* – ‘синее море’, *green grass* – ‘зелёная трава’, *dark night* – ‘тёмная ночь’; **тур.** *mavi deniz* – ‘синее море’, *karanlık gece* – ‘тёмная ночь’.

2. Зависимое слово называет **функциональное свойство** сигнификата ключевого компонента, например: **англ.** *sharp needle* / **тур.** *keskin iğne* – ‘острая игла’, **англ.** *sea foam* / **тур.** *deniz köpüğü* – ‘морская пена’. Такие коллокации отражают «нормальное» состояние вещей, так как игла предназначена для того, чтобы шить, соответственно, должна быть *острой*, а не *тупой*.

3. Коллокат отражает **имплицативные отношения** между коллокатом и означаемым ключевого компонента, например: **англ.** *faithful friend* / **тур.** *sadık arkadaş* – ‘верный друг’. Коллокации данного типа содержат дополнительную информацию, которая не выражена в лексическом значении напрямую, но подразумевается.

4. Коллокат отражает **свойство, ожидаемое от** сигнификата ключевого компонента. Данное ожидание находится не на поверхности, а на глубинном уровне и связано скорее, с концептуальным, нежели с лексическим значением. Например, в концептуальной картине мира разных народов лекарство должно быть горьким. Это проявляется, например, в турецкой коллокации *acı ilaç* – ‘горькое лекарство’.

Г. И. Климовская предлагает классификацию коллокаций (в терминологии автора – «составного номинативного материала»), выделяя три пласта составных единиц, различающихся по функционально-стилевым характеристикам [Климовская, 2008]:

1. **Синлексы** – стилистически нейтральные сочетания слов, например, **англ.** *to make an impact* / **тур.** *etki yaratmak* – ‘создать впечатление’, **англ.** *absolute majority* / **тур.** *mutlak (salt) çoğunluk* – ‘’ и др.

2. **Обороты речи** – устойчивые комбинации слов, в которых предметное лексическое значение осложнено дополнительным экспрессивным смыслом, например: **англ.** *strained relations* / **тур.** *gerilimli ilişkiler* – ‘натянутые отношения’, **англ.** *to cross the line* / **тур.** *çizgiyi aşmak* – ‘переступить черту’ и др.

3. **Беллетризмы** – устойчивые, стереотипные словосочетания, имеющие художественный по природе, но стёртый смысловый заряд вследствие долгого и частого употребления в текстах, например: **англ.** *to cast a glance* / **тур.** *göz atmak* – ‘бросить взгляд’ и др.

Итак, систематизация коллокаций до сих пор остаётся актуальной задачей как для теоретического направления, в рамках которого разрабатываются критерии выделения коллокаций из ряда смежных единиц, так и для исследований практической направленности, например, для лексикографического описания коллокаций в общих и специализированных словарях или обучения неродному языку. Наибольшую значимость для последних, на наш взгляд, имеют классификации, дающие представление не только о значениях и структуре, но и об особенностях употребления коллокаций и их функциях.

Комбинаторная лексикология, в русле которой проводится данное исследование, располагает функционально-семантической типологией коллокаций [Влавацкая, 2015, 2019], где выделяются следующие их типы:

1. **Традиционные коллокации** – типичные, общеизвестные сочетания слов, используемые в разных функциональных стилях: **англ.** *to pay attention*, **тур.** *dikkat etmek* – ‘обратить внимание’, **англ.** *to take a chance*, **тур.** *şans almak* – ‘рискнуть’ и т.д.;

2. **Экспрессивные коллокации** – сочетания слов, использующиеся в публицистическом или художественном стилях речи, выражая эмоционально-экспрессивное значение: **англ.** *bitter cold* – ‘сильный холод’, *sharp desire* – ‘острое желание’, **тур.** *ölümüne sevmek* – ‘сильно любить (букв. «до смерти»)» и т.д.).

3. **Окказиональные коллокации** – уникальные индивидуально-авторские словосочетания (в которых, как правило, нарушена лексико-семантическая сочетаемость) использующиеся в художественном, поэтическом, а также

публицистическом стилях речи для выражения нетривиального / необычного значения. Например, **англ.** *fog-threatening evening* – ‘туманопугающий вечер’ (J. Fowles), *hard shadows* – ‘твёрдые тени’, *succulent odours* – ‘сочные запахи’ (W. Soyinka); **тур.** *soğuk savaş gözleri* – ‘глаза холодной войны’ (TND) и др.

4. **Этнокультурные коллокации** – сочетания слов, свойственные определённому языковому коллективу, отражающие социально значимые явления действительности и содержащие в себе национально-культурную специфику; они как правило, непонятны носителям других языков и культур, например, **англ.** *absentee voter* – ‘голосующий заочно’, *acceptance speech* – ‘заявление о согласии кандидата баллотироваться на выборах’, **тур.** *eski tüfek* – ‘опытный политик («старая винтовка»)’, *sandiğa gömmek* – ‘победить на выборах с большим преимуществом («похоронить (конкурента) в урне для голосования»)» и др.

5. **Терминологические коллокации** – сочетания слов, относящиеся к определённой области знаний и выражающие одно понятие: **англ.** *shuttle diplomacy* – ‘челночная дипломатия’, *trade dispute* – ‘трудоу спор’, *negative covenant* – ‘договорное обязательство о воздержании от действия’, **тур.** *baskı grubu* – ‘группа давления (инициативная группа)’, *sivil savunma* – ‘гражданская оборона’, *gizli oylama* – ‘тайное голосование’ и т.д.). К основным признакам данных коллокаций относятся комбинаторность, комплексность, устойчивость, регулярность, воспроизводимость, узуальность и функциональная ограниченность».

По замечанию М. В. Влавацкой, данная типология является открытой и «не ограничивается выделенными типами коллокаций, а может включать другие типы комбинаторно-семантически, функционально и идиоэтнически обусловленных единиц, которые отражают значимые реалии в жизни и деятельности человека» [Влавацкая, 2019, с. 203]. Так, например, в особую группу выделяются **колоративные коллокации** – комбинаторно обусловленные сочетания слов, ограниченные семантикой цвета, например, **англ.** *black Monday* – ‘день краха биржи’, *white beaches* – ‘пляжи с белым песком’), **тур.** *kara yüz* – (букв.: ‘черное лицо’) ‘позор, бесчестье’, *sarı çiyap* – (букв. ‘жёлтая сороконожка’) ‘подлец,

подлый человек’ и др. Колоративные коллокации обладают такими свойствами, как комбинаторность и комплексность, однако в плане устойчивости, воспроизводимости и узуальности они не всегда однозначны, «так как к ним могут также присоединяться единицы, ограниченные рамками определённого контекста» [Влавацкая, Цвенгер, 2020].

Как можно заметить, приведённые выше коллокации не всегда имеют чёткие критерии для разграничения их статуса и могут одновременно входить в несколько групп типологии. Например, турецкая терминологическая коллокация *devlet kapısı* – ‘государственные структуры’ (досл. – ‘государственные двери’) несёт в себе национально-культурную специфику, следовательно, является этнокультурной. А английская этнокультурная коллокация *attack dog* – ‘агрессивный сторонник или представитель политической партии или политика’, несомненно, обладает определённой экспрессивностью. Английская колоративная коллокация *blue laws* – ‘законы, диктующие, что можно, а что нельзя делать по воскресеньям’ является этнокультурной и терминологической одновременно.

Поскольку наше исследование проводится в рамках комбинаторной лингвистики, представляется необходимым изучить комбинаторно-синтагматические и структурно-семантические механизмы, лежащие в основе образования сочетаний слов.

1. 5. Ограничения на сочетаемость элементов коллокации

В настоящее время комбинаторно-семантический аспект изучения языка и речи, а именно, исследование механизмов создания и функционирования сочетаний слов, выявление взаимосвязей между семантикой и сочетаемостью лексических единиц, приобретает всё большую актуальность. Указанные исследования проводятся в рамках комбинаторной семасиологии, занимающейся изучением лексических значений сочетающихся слов, выделением в них общих семантических компонентов, способствующих сочетанию слов и созданию речи [Влавацкая, 2009].

Рассмотрим структурно-семантические механизмы образования коллокаций. Согласно положениям комбинаторной лингвистики, фундаментом построения сочетаний слов являются комбинаторика и синтагматика [Влавацкая, 2017]. Как уже отмечалось выше (п. 1.1), первая подразумевает решение задач, определяемых целью высказывания и экстралингвистическими факторами; последняя регламентирует сочетаемость одноуровневых единиц языка и их реализацию в речи. Синтагматика объединяет два масштабных уровня: языка и речи, на уровне языка проявляясь в валентности, на уровне речи – в сочетаемости [Морковкин, 1979, с. 129–136]. Под валентностью понимается потенциальная сочетаемость языковых единиц, или возможность их соединения в речи, заложенная в самой системе языка; а под сочетаемостью – реализация валентности слова, или реальная сочетаемость слова в речи (Ю. Д. Апресян, В. В. Морковкин и др.). Комбинаторика и синтагматика находятся между собой в эквиполентной оппозиции, пересекаясь при сочетаемости языковых единиц: синтагматика включает в себя линейную последовательность единиц определённого уровня, а комбинаторика входит в область синтагматики частично, поскольку имеет определенные ограничения: по решению коммуникативной задачи (заданности смысла), по условиям реализации этой задачи, а также по выбору конкретного набора языковых единиц, отражающих данный смысл [Влавацкая, 2017].

Синтагматика и комбинаторика, лежащие в основе комбинаторной лингвистики, тесно связаны с такими понятиями, как *контекст* – окружение исследуемой языковой единицы, в котором она реализует своё значение, и *дистрибуция* – множество всех окружений (контекстов) исследуемой единицы, отражающих её сочетаемость. Согласно И. А. Стернину, дистрибуцию необходимо рассматривать «в неразрывной связи с лексико-семантическим вариантом (ЛСВ) слова, поскольку каждый из них имеет особую дистрибутивную оформленность» [Стернин, 1979, с.18]. Учёный указывает на две стороны данного феномена: **синтаксическую** и **лексическую** дистрибуцию. Первая представляет собой модель синтаксического построения, в которой реализуется данное

значение слова, например, реализация переносных значений у большинства одушевлённых существительных в английском языке происходит в модели **N + of + N**, а в турецком языке – в модели **N + N'u/ü/i/i** (одноаффиксный изафет), например: **англ. *the star of the show* / тур. *şovun yıldızı*** – ‘звезда шоу’, **англ. *the queen of the south* / тур. *güney kraliçesi*** – ‘царица юга’ и т.п. Лексическая дистрибуция представляет собой разряд слов, обладающих определённой семантикой, которые непосредственно сочетаются с семантически реализуемым словом, выделяя в нём данное значение, например, английский глагол *to arouse* в значении ‘вызвать’ может сочетаться с рядом слов, обозначающих определённое эмоциональное состояние: *interest* (интерес), *curiosity* (любопытство), *fear* (страх), *anger* (гнев) и т.д. В большинстве случаев синтаксическая и лексическая дистрибуция выступают в комплексе.

Основным условием соединения слов в коллокацию является наличие в этих словах общих сем – явление, известное в лингвистике как **закон семантического согласования**. Закон семантического согласования слов в языке впервые был сформулирован в работах французских лингвистов Б. Потье и А. Греймаса, а также отечественных лингвистов – Ю.Д. Апресяна и В.Г. Гака. Повторяемость (итеративность) сем отдельных лексико-семантических вариантов слов обеспечивает их логическую сопоставимость, тематическую соотнесенность, семантическую осмысленность, то есть сочетаемость. Семантическая сочетаемость представляет собой достаточно сложное явление, вызывающее трудности при изучении иностранных языков, что обусловлено несовпадением семантических характеристик слов-эквивалентов в разных языках, например, **англ. *to make a decision*** – досл. ‘сделать решение’ и **тур. *karar vermek*** – досл. ‘дать решение’.

Исследуя окказиональные коллокации, А.В. Коршунова приходит к выводу, что в основе образования данных единиц лежат не только внутренние, но и внешние комбинаторные механизмы. Внутренние (семантические) механизмы создания коллокаций, как упоминалось выше, соотносятся с семантическими компонентами слов; внешние механизмы, в свою очередь, обусловлены

внешними факторами и заключаются в лингвостилистических способах образования данных единиц в соответствии с выполняемыми ими функциями [Коршунова, 2018]. Полагаем, что данные механизмы действуют и при создании других типов коллокаций. Однако, в отличие от окказиональных единиц, коллокации других типов, включая политические, будучи созданными, способны к дальнейшему воспроизведению в готовом виде при условии сходства экстралингвистической ситуации первичного и последующего употребления. Чем чаще возникает обозначаемое коллокацией явление, тем более востребовано его вербальное проявление (коллокация), и тем большей устойчивостью оно обладает. Например, английская коллокация *bully pulpit* – ‘высокая трибуна’ была впервые использована бывшим американским президентом Т. Рузвельтом в значении «доминирующее положение, использование высокой должности для навязывания своих взглядов». В данном сочетании наблюдается семантическое согласование компонентов по общей семе «убеждение», «действие, направленное на убеждение», которая является потенциальной для лексемы *pulpit* – ‘кафедра проповедника’, и актуальной для лексемы *bully* – досл. ‘доминирование, запугивание, подавление’. Согласно функционально-семантической классификации окказиональных коллокаций [Коршунова, 2018], данная коллокация образована на основе метонимизации и первоначально выполняла перифрастическую и экспрессивную функции. Затем вследствие тиражирования в медийном дискурсе и «перерождению» окказионального сочетания в рекуррентное произошло постепенное угасание экспрессивной функции.

Рассматривая сочетаемость слов на компонентном уровне, исследователи выделяют особый **синтагматический макрокомпонент** в лексическом значении слова [Влавацкая, 2013, 2015; Денисов, 1976; Морковкин, 1990; Новиков, 1982; Никитин, 1983; Стернин, 1979 и др.]. В комбинаторной семасиологии под синтагматическим компонентом лексического значения слова понимается «как его семантическая, так и несемантическая составляющая, регламентирующая синтаксическое образование, как правило, семантически корректного и нормативно обусловленного сочетания данного слова с другим словом»

[Влавацкая, 2016, с. 263]. Синтагматический макрокомпонент – это коллокационный механизм, обеспечивающий сочетаемость слов в речи, включающий три микрокомпонента, каждый из которых обладает специфическими функциями:

1. **Селективный микрокомпонент** [Михайлова, 1998; Стернин, 1979 и др.] лексического значения – это содержащееся в значении слова указание на правила его употребления в речи. Селективный микрокомпонент определяет комбинаторный потенциал слова, «выбирая» для него определённые структуры синтаксической и лексической сочетаемости. В рамках селективного компонента выделяют **денотативно-селективный** и **коннотативно-селективный** компоненты.

Денотативно-селективный компонент избирает и ограничивает сочетаемость слов, опираясь на мир вещей, например, денотативная обусловленность значения английского существительного *talks* – ‘переговоры’, обозначающего продолжительный процесс, объясняет его сочетаемость со словами, указывающими на определённый этап данного процесса *to start* – ‘начать’, *to complete* – ‘завершить’ и т.д. Поскольку в нашей работе внимание обращено к единицам политической терминологии, уточним, что денотативно-селективный компонент в политических коллокациях отражает типовые представления об объектах и явлениях, имеющих место в политической сфере.

Коннотативно-селективный компонент отражает представления, соотносимые с эмоциями, оценкой объектов и явлений действительности, экспрессивностью, функционально-стилистической принадлежностью сочетающихся слов. К основным компонентам коннотации относятся эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический, которые присутствуют в семантике большинства слов и могут быть представлены «положительно» или «негативно» [Стернин, 1979, 1985]. В рамках политической коммуникации особую актуальность приобретает функционально-стилистический компонент, регламентирующий сочетаемость слов с коллокатами определённого стиля, так, например, сочетаемость лексемы **англ. *asylum*** – ‘(политическое)

убежище’, ограничивается словами, принадлежащими к официальному стилю: *to apply for (to request) asylum* – ‘просить убежища’, *to grant asylum* – ‘предоставлять убежище’ и т.п.

В комбинациях слов, отражающих национально-культурную специфику конкретного языкового сообщества, ограничителем сочетаемости выступает разновидность селективного компонента – **национально-культурный селективный компонент**, существование которого связывают с наличием устойчивой связи лексического значения слова с культурой народа. Так, национально-культурный селективный компонент определяет выбор прилагательного в английской коллокации *simple resolution* – ‘резолуция, принятая одной палатой конгресса США (досл. «простая резолюция») ’ или выбор существительного в турецкой коллокации *emekli sandığı* – ‘пенсионный фонд’ (досл. «сундук») ’.

2. **Рестриктивный микрокомпонент** регламентирует так называемое «двойное» ограничение сочетаемости лексем посредством дальнейшей конкретизации в рамках семантического класса данных лексем. В большинстве случаев ограничение сочетаемости происходит под влиянием «предметных сем», которые ограничивают класс предметов, способных быть названными или охарактеризованными данным словом [Влавацкая, 2011; Голодяевская, Стернин 1994]. Рестриктивный компонент реализуется эксклюзивной семой в рамках подкласса, проявление которой формулируется негативно, т.е. «не о...». Например, английский глагол *to drive* в значении «управлять транспортным средством» сочетается не со всеми существительными данного класса, а только с некоторыми: *to drive a car/ bus /trolleybus /tractor*, но не **motorcycle* (правильно *to ride*), **plane* (правильно *to fly, to pilot*).

Далее перейдем к рассмотрению **комбинаторно-синтагматических ограничений на сочетаемость элементов коллокации**. Рассмотренные нами синтагматические ограничения являются языковыми закономерностями, которые регулируют сочетание элементов в речевой цепи. При порождении высказываний в рамках специального дискурса на сочетаемость накладываются также

ограничения особого типа, обусловленные, во-первых, спецификой области знания, в русле которой ведётся коммуникация, а, во-вторых, особенностями конкретного жанра. Например, **англ. *lame*** – ‘хромой’ в рамках общего дискурса может сочетаться с любым существительным, обозначающим живое существо, однако для выражения смысла «непереизбранный политик, который находится на посту только формально» необходимо использовать сочетание *lame duck* – ‘хромая утка’. При этом ведущим фактором при образовании коллокации является **функционально-ситуативная обусловленность**, которая включает в себя намерение говорящего, заданность условий и ситуации.

Необходимо отметить, что данные закономерности являются общими и действуют для образования комбинаций слов в речевой цепи, независимо от того, являются ли сочетания слов, порождаемые говорящим, свободными, фразеологически связанными или устойчивыми, хотя, несомненно, наблюдается определённая корреляция между компонентами, регулирующими сочетаемость и типом связи между словами. Для того чтобы разобраться, как именно сочетание слов приобретает статус коллокации, необходимо определить, каким образом и при каких условиях оно становится **устойчивым**, поскольку именно это свойство коллокаций считается наиболее важным.

Ф. де Соссюр рассматривал устойчивые словосочетания как часть неизменного лексического состава, передающегося по традиции. По мнению О. Д. Кузнецовой, «превращение свободного словосочетания в устойчивое, то есть его **лексикализация** происходит при условии, что оно становится семантическим целым и функционирует в речи в качестве отдельной единицы» [Кузнецова, 1978]. Сходную позицию занимает Л.И. Ройзензон, полагая, что устойчивость приобретается словосочетанием в процессе стабилизации и закрепления в речевой практике в качестве готового языкового комплекса [Ройзензон, 1961]. Т.А. Лапаева относит к устойчивым сочетания «с детерминированностью связей в словосочетаниях или с предсказуемостью компонентов» [Лапаева, 2007, с. 76].

Отметим, что в современной лингвистике устойчивое словосочетание понимается как готовая единица языка, которая является промежуточным звеном между свободными словосочетаниями и фразеологическими единицами и, следовательно, применимо к большому количеству словосочетаний – терминам, фиксированным наименованиям, перифразам, сложным номинациям с метафорическим значением, коллокациям.

На нетождественность устойчивости фразеологических сочетаний и коллокаций указывал А.В. Кунин: «между устойчивостью фразеологической единицы и неустойчивостью переменного сочетания наблюдается устойчивость особого порядка, свойственная промежуточным образованиям, стоящим ниже минимального порога фразеологической устойчивости» [Кунин, 1996, с. 59]. Учёный называет такие промежуточные комбинации слов **фразеоматическими сочетаниями**, которым свойственна фразеоматическая **устойчивость**, обязательным условием которой является инвариантность при возможных нормативных изменениях словосочетаний в речи.

С позиций корпусной лингвистики основным фактором перехода от свободной к связанной единице является **частота совместной встречаемости** её компонентов [Захаров, Хохлова, 2014]. Для выявления коллокаций используются механизмы вычисления и выдачи сочетаний заданного слова с другими с количественным указанием силы связи, которая рассчитывается на основе мер ассоциации. В национальных корпусах COCA, NOW, TUD доступны следующие меры: t-score (t-test), MI (mutual information), MI3, MI-logprod (MI.log_f), minimum sensitivity, loglikelihood ratio, Dice (logDice), MI.log_f. Мера MI (коэффициент взаимной информации) относится к точечным оценкам силы ассоциации. В основе MI лежит понятие взаимной информации (mutual information), заимствованное из теории информации. Коэффициент взаимной информации сравнивает зависимые контекстно-связанные частоты с независимыми (при случайном появлении слов в контексте) [Залеская, 2014, с. 12]. Обзор работ, посвященных изучению эффективности мер ассоциации, показал, что коэффициент MI является одной из наиболее эффективных мер для выявления

коллокаций [Хохлова, 2010], в особенности терминологических, поскольку коллокации, выделяемые с помощью коэффициента MI лучше характеризуют предметную область текстов [Пивоварова, 2010]. Кроме того, она имеет заниженные значения для сочетаний слов со знаками препинания и служебными словами, которые не осмыслены и не характеризуются зависимостью распределения коллокатов друг от друга [Залеская, 2014]. Исследования показывают, что статистически значимым считается показатель $MI \geq 3$ [Захаров, Хохлова, 2010]. Как показывают исследования указанных авторов, а также наш собственный опыт, большинство коллокаций, зафиксированных в словарях, имеют высокие ранги в корпусах, соответственно, статистические меры ассоциации достаточно хорошо выявляют существующие семантико-синтагматические связи.

В исследовании А. Руеангдам, выполненном на материале атрибутивных словосочетаний, утверждается, что их устойчивость и воспроизводимость обусловлена «привычной и закономерной для данного общества совместимостью понятий, соответствующих реалиям действительности. Чем типичнее ситуация употребления словосочетания, тем прочнее связь между его компонентами» [Руеангдам, 2018, с. 5]. Согласно О.А. Кулаевой, одним из показателей устойчивости сочетаний слов, кроме их повторяемости, является употребление в **терминологической функции**, а также **отнесённость к определенной области знаний и безальтернативность наименования** [Кулаева, 2003].

Разнообразие трактовок устойчивости обусловлено, во-первых, тем, что исследования проводятся на разном языковом материале, а во-вторых, отсутствием единого подхода к определению коллокации, которая по-разному понимается авторами. Тем не менее из вышесказанного следует, что устойчивость коллокаций определяется совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов, следовательно, требует комплексного подхода. Логично предположить, что чем больше таких факторов задействовано при создании коллокации, тем выше уровень её устойчивости.

Л. А. Уралова выделяет две группы факторов устойчивости коллокаций (фразеоматических сочетаний): 1) **структурно-семантические** факторы, проявляющиеся на уровне семантики слов, и 2) **семантико-функциональные** факторы, обеспечивающие устойчивость на уровне словосочетания [Уралова, 2007]. К структурно-семантическим факторам, по мнению исследователя, относятся **связанность значения, ограничение сочетаемости** от серийной до единичной, а также **фразообразующее сцепление (семантическое согласование)** по линии дифференциальных сем в семантике лексем, составляющих это сочетание (уже упомянутый выше закон семантического согласования) [Гак, 1972].

На уровне словосочетания как единой номинативной единицы выделяется, прежде всего, **семантическая устойчивость**, обусловленная осложненностью семантической структуры словосочетания, которая, в свою очередь, объясняется следующими факторами [Уралова, 2007]:

- 1) приобретение дополнительных семантических характеристик;
- 2) параллельная семантическая структура;
- 3) синтактико-семантическая асимметрия;
- 4) частичная десемантизация одного из компонентов;
- 5) единичный семантический результат.

Проиллюстрируем данные факторы примерами английских и турецких коллокаций:

1. Значение английской политической коллокации *accession country* определяется как «страна, которая недавно стала или в скором будущем станет членом Евросоюза» (DPG). К семантике компонентов коллокации «допуск» и «страна» добавляется компонент смысла, присущий данному сочетанию в целом.

2. Коллокация **англ. *cattle call*** имеет два параллельных значения (то есть обладает параллельной семантической структурой): 1. сбор потенциальных кандидатов в президенты в самом начале праймериз; 2. прослушивание большого количества (в основном неопытных) актёров, претендующих на ограниченное количество ролей (TPD).

3. О синтактико-семантической ассиметрии, в свою очередь, можно говорить, если структура словосочетания и суммарная семантика его компонентов вступает в логическое противоречие со значением данного сочетания в целом, например: **англ.** *to flee the country*: ‘бежать из страны’.

4. Частичная десемантизация синтаксически главного компонента присуща многим глагольным коллокациям: **англ.** *to hold talks* – **тур.** *görüşmeleri yürütmek* – ‘проводить переговоры’. Семантика второго компонента служит семантическим центром коллокации, за счёт которого происходит номинация действия.

5. Уникальный семантический результат предполагает, что результат сложения значений слов-компонентов уникален для данной коллокации: **англ.** *to vote straight ticket* – ‘голосовать за кандидатов от одной партии (досл. «голосовать по прямому билету）」, **тур.** *sandıktan çıkmak* – ‘победить на выборах’ (досл. «выйти из урны (сундука)»).

Современные исследования показывают, что формирование коллокаций обусловлено языковым мышлением носителей языка, благодаря чему они могут считаться не только единицами языка и речи, но и единицами мышления. Так, Г. Кьелмер отмечает, что «значительная часть нашего ментального лексикона состоит из сочетаний слов, которые постоянно встречаются вместе» [Kjellmer, 1991]. По мнению М. Хоуи, создателя теории лексического прайминга, данный феномен можно объяснить следующим образом: по мере того как мы овладеваем словарным запасом, последний обогащается контекстом, с которым мы постоянно сталкиваемся в дальнейшем. Это происходит таким образом, что мы подсознательно ожидаем и копируем эти контексты, когда читаем, пишем, слышим и говорим [Ноеу, 2005, р. 8-9]. Кроме того, разные типы коллокаций имеют свои особые критерии устойчивости. Например, терминологические коллокации могут приобретать устойчивость благодаря связи с понятием, которая сохраняется независимо от частоты употребления коллокации.

В рамках комбинаторной лингвистики описываются механизмы (и этапы образования) отдельных типов коллокаций. Так, например, **окказиональные коллокации** классифицируются по способу их создания: коллокации на основе

метафоризации, метонимизации, эпитета, синестезии, плеоназма, оксюморона и контаминации смыслов [Коршунова, Влавацкая, с. 2017]. При формировании **этнокультурных коллокаций** выделяется несколько этапов [Архипова, 2016, с. 54-55]: 1) возникновение у носителя языка потребности в наименовании того или иного предмета/явления; 2) объективизация осмысляемого предмета/явления средствами языка, поиск подходящего сочетания слов для его обозначения; 3) закрепление составляющих коллокации друг с другом благодаря определённым механизмам сочетаемости; 4) формирование целостного значения новой языковой единицы.

В отличие от вышеназванных типов коллокаций, представляющих собой достаточно однородные группы, **терминологические коллокации**, к которым мы относим и **политические коллокации**, отличаются разнородностью (разной степенью идиоматичности и устойчивости, разной степенью экспрессивности, наконец, разной степенью терминологичности). Чтобы проследить общие закономерности образования различных групп политических коллокаций, необходимо, прежде всего, определить их место в системе понятий «политическая лексика», «политическая терминология», «политический язык».

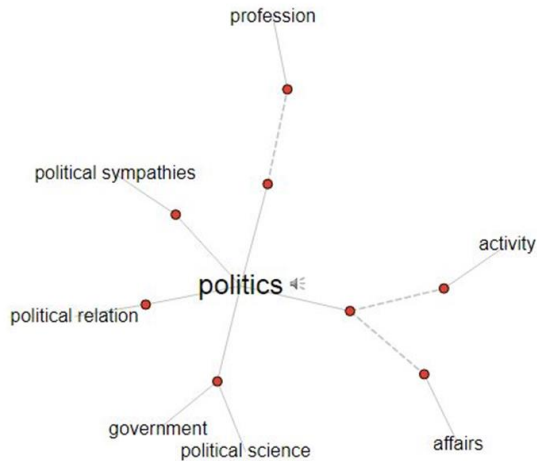
1. 6. Политическая терминология. Корреляция понятий «политическая терминология», «политическая лексика» и «политический язык»

Для того, чтобы определить место политической коллокации в политической терминологии, прежде всего обратимся к анализу референтной области исследуемой терминосистемы, то есть к понятию «политика». Согласно общему определению, политика – это «сфера жизнедеятельности общества, связанная с отношениями между социальными группами, по поводу обретения, организации, использования власти и управления социальными процессами» [Мустафин, 2012, с. 95].

В качестве критериев отнесения лексической единицы к сфере политики исследователи выделяют наличие в них таких сем, как «связанный с политикой»,

«социальный», «связанный с властью», «имеющий отношение к государственной и международной политике и политической жизни общества». Как демонстрирует приведённая ниже логико-понятийная схема из визуального тезауруса “Visual Thesaurus” (<https://www.visualthesaurus.com/>), исследуемое понятие сопряжено с такими сферами деятельности человека, как управление государством, политология, формирование мнения по политическим вопросам и т.д.

Рис. 1. Логико-понятийная схема понятия «Политика»

Одной из актуальных проблем лингвистических исследований в области политики является признание (или отрицание) наличия специального языка, обслуживающего политическую сферу жизни языкового коллектива. В отечественной науке существует как минимум три точки зрения на лингвистический статус данного явления: одни ученые употребляют термин «политический язык» без специальных пояснений (А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич), другие отрицают его существование (Б.П. Паршин, Д. Грейбер), третьи предпринимают попытки определить его своеобразие (П. Серио, Ю.С. Степанов, Е.И. Шейгал и др.).

Ученые, поддерживающие точку зрения о существовании языка политики, указывают на то, что данному языку свойственна не форма, а особое содержание (Ю.С. Степанов, Т.Б. Крючкова, Е.И. Шейгал). Язык политики, как и любой профессиональный подязык, включает в себя особые лексические единицы, имеющие отношение к таким сферам политической жизни общества, как

государственное устройство, избирательная система и выборы; дипломатия; военные действия; - то есть лексические единицы и термины тех сфер, которые имеют отношение к получению, осуществлению и удержанию власти. Политический словарь является одним из уровней языковых знаков и представляет собой «особую знаковую систему, предназначенную именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений» [Баранов, 1999, с. 108].

Наличие данной группы лексики так или иначе признается большинством исследователей, однако общепринятого термина для ее обозначения на данный момент не существует. Чаще всего используются такие понятия как «общественно-политическая лексика», «общественно-политическая терминология», «политическая терминология», «политическая лексика», реже – «политический словарь», «политический лексикон», «идеологически связанная лексика» и т. п. В большинстве случаев вышеперечисленные термины используются авторами для обозначения одного и того же арсенала лексических единиц, включающего не только отдельные лексемы, но и словосочетания, а также фразеологизмы. Реже языковеды рассматривают политическую фразеологию отдельно от политической лексики [Ошеева, 2004; Ткачева, 2008]. Разнятся и взгляды языковедов на соотношение (общественно-)политической лексики и (общественно-)политической терминологии: одни рассматривают данные понятия как тождественные [Голованевский, 1987; Маник, 2014], другие включают политическую терминологию в состав политической лексики [Григоренко, 2008, Лейчик], третьи настаивают на разграничении данных понятий [Крючкова, 1989; Загребельный, 2013; Чудинов, 2007 и др.].

Т. Е. Крючкова рассматривает общественно-политическую лексику и общественно-политическую терминологию как две самостоятельные, обособленные подсистемы, единицы которых характеризуются как семантическими, так и функциональными различиями [Крючкова, 1989]. Сходную позицию занимает А. В. Загребельный, утверждая, что «общественно-

политическая лексика является частью словаря общелитературного языка, лексические и фразеологические единицы которого не имеют абсолютного соотношения со специальными понятиями и характеризуются наличием исконных или приобретенных идеологизированных микрокомпонентов значения» [Загребельный, 2013, с. 49]. Исследователь приводит следующие критерии отнесения единиц к **политическим терминам** [Там же, с. 32]:

- 1) функционирование в специальном тексте (политические программы, манифесты, открытые письма, воззвания и т. д.);
- 2) наличие идеологизированности;
- 3) выполнение дефинитивной функции в тексте;
- 4) номинативная специализация на объективацию конкретного понятия в рамках отдельной отрасли знания.

По мнению А.П. Чудинова, необходимо разделять **политическую лексику** (в которую он включает составные наименования и фразеологизмы) и **политологическую терминологию**. Последняя, как утверждает учёный, «в полной мере известна только специалистам, не относится к общеупотребительному словарному фонду и используется только в научных и иных специальных текстах, ориентированных на специалистов по политологии» [Чудинов, 2007, с. 90]. Отметим, что и в западной научной литературе в отдельный раздел выносят именно политологическую, а не «политическую» терминологию (“political science terminology”). Под **политической лексикой**, в свою очередь, А.П. Чудинов понимает «тематическое объединение общеупотребительных слов, которые должны быть понятны абсолютному большинству граждан» [Там же, с. 90]. Однако при данном подходе за пределами языка политики остаются другие единицы, относящиеся к специальной лексике: номенклатурные обозначения (номены), профессионализмы, и профессиональные жаргонизмы, то есть специфические единицы, используемые отдельной группой лиц (профессиональные политики, политические журналисты, политтехнологи). Не все они понятны и доступны широкому кругу лиц, и в ряде случаев требуют специальных пояснений.

Кроме того, нередко случаи, когда политические термины в медийных источниках и в речах политиков приобретают различные коннотации: эмоциональные, оценочные, идеологические и др. Как неоднократно отмечали учёные, доступность политического языка для понимания практически всеми членами языкового сообщества приводит и к деспециализации терминологии, и к широкому употреблению жаргонизмов, относящихся к сфере политики. По утверждению Е.И. Шейгал, политическая коммуникация не просто опосредована средствами массовой информации (СМИ), но СМИ фактически являются основной средой ее существования, вследствие чего «язык политики оказывается лишенным свойства корпоративности, присущего любому специальному языку» [Шейгал, 2000, с. 21]. Тем сложнее представляется разграничение политической терминологии и политического жаргона в ряду специальных номинаций.

Наконец, существует точка зрения, согласно которой политическая лексика занимает «пограничное положение между общелитературной лексикой и терминологией» [Суслова, 1980, с. 6-7]. С одной стороны, к характерным признакам политической (или общественно-политической) лексики относятся общедоступность, многозначность, обусловленность экстралингвистическими факторами, эмоциональная окрашенность и наличие у многих единиц синонимов/антонимов, а также развитая лексическая сочетаемость; с другой стороны, данная группы лексических единиц обладает рядом качеств, свойственным терминологии: системностью, соотнесенностью с определенным социальным понятием, однозначностью многих лексем [Там же]. Следует отметить, однако, что в современной лингвистике любой термин может рассматриваться не только как единица терминосистемы, но и как единица речи, которой присущи такие свойства, как полисемия, стилистическая синонимия, омонимия, антонимия, расплывчатость значения [Табанакова, 2015, с.80].

В работах зарубежных авторов изучение лексического состава языка политики не получило такого широкого освещения, как в отечественной науке. Изучение тематической литературы показывает, что в американской, британской и турецкой лингвистике значительное место занимают работы по дискурс-

анализу, применяемым политиками методам языкового воздействия, стилям и жанрам политического текста и т.д. Термины «политический жаргон», «политический сленг», «политическая терминология» нередко используются как синонимы; иногда для обозначения всей совокупности лексических средств, используемых для политической коммуникации также употребляется термин «политический лексикон», «язык политики» и «политический язык».

Так, У. Сафир определяет язык политики как «лексикон конфликта и драмы, высмеивания и упрёков, заявлений и убеждений» [Safire, 2008, p. xiii]. По мнению автора, **язык политики** включает в себя следующие группы лексики:

1) жаргон политиков: **англ.** *smell of magnolias* – ‘быть южанином’ (досл. ‘пахнуть магнолиями’), *bullet vote* – ‘прицельное голосование, голосование за одного кандидата’;

2) «язык СМИ о политике» **англ.** *smoke-filled room* – ‘дымная комната, узкий круг лиц, которые принимают решение’, *whistle-stopping* – ‘кратковременные агитационные поездки’;

3) «язык, используемый политическими деятелями»: **англ.** *barefoot boy from Wall Street* – ‘босоногий мальчик с Уолл-Стрит (описание кандидата в президенты 1940 г. от республиканцев Уэнделла Уилки)’, *just and lasting peace* – ‘справедливый и длительный мир (слова президента А. Линкольна во время инаугурационной речи)’ [Там же].

У. Сафир отмечает, что язык политики содержит не очень значительное количество единиц из «языка правительства». Сопоставление коллокаций, представленных в «Новом политическом словаре» У. Сафира [Safire, 1993] и «Словаре американского политического сленга» Г. Баррета [Barret, 2006] показывает, что часть коллокаций имеет толкования в обоих источниках, однако, в первом из них данные единицы позиционируются как термины, а во втором являются частью «политического сленга».

Изучение трудов англоязычных авторов позволяет заключить, что чаще всего для обозначения политической лексики и фразеологии используются

наименования “political language” и “political vocabulary” [T. Carver T. & J. Pikalo, 2011; H. Gruber, 1993; C. Condren, 2017; A. G. Marshall, 2012 и др.]

Учитывая недифференцированность и размытость границ между политической лексикой и терминологией, наиболее оптимальным, на наш взгляд, является интегральный подход. Такой подход, как мы полагаем, обеспечивается концепцией LSP (ЯСЦ) – “Language for Specific Purposes” («Язык для специальных целей») [Лейчик 1986, 2007; Cabré, 1999; Sager et al., 1997; Picht & Draskau, 1985 и др.], под которым в настоящее время понимается разновидность языка, используемая для специальных целей и в соответствующем контексте, для передачи информации специализированного характера на любом уровне – на самом высоком уровне сложности, между экспертами и, на более низких уровнях сложности, с целью информирования других заинтересованных сторон в максимально экономичных, точных и недвусмысленных терминах [Picht & Draskau, 1985]. В структуре языков для специальных целей выделяют два уровня: верхний и нижний. Верхний уровень (зона нормы) представлен терминологией и терминосистемой; к нижнему уровню (зона узуса) относится профессиональная некодифицированная устная речь (профессиональный жаргон, профессиональное просторечие), промежуточное положение между которыми занимает разговорная профессиональная речь, в которой используются как термины, так и профессионализмы [Фельде, 2014]. По мнению Л.А. Чернышовой, язык для специальных целей обслуживает, прежде всего, профессиональную языковую картину мира, представляющую собой «национальную форму выражения единого содержательного инварианта профессионального знания» [Чернышова, 2011, с.100].

Поскольку язык для специальных целей не может быть ограничен только лексическим уровнем, для обозначения арсенала лексических средств, используемых для выражения понятий, явлений и процессов из области политики целесообразно использовать термин «политическая терминология» в его широком понимании, при котором терминология охватывает все виды специальных номинаций. По характеру понятия, с которым связана терминологическая

единица, выделяют несколько их специфических видов: собственно термины, номены, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы [Алексеева, 1984, с.15].

Собственно термины связаны с общими специальными понятиями (объём которых включает в себя более одного объекта), а также с категориями – наиболее общими, фундаментальными понятиями, фигурирующими во всех видах теоретического мышления [Лейчик, 2007, с. 22].

Номены (или номенклатурные обозначения) определяются учёными по-разному: 1) номены – единицы специальной лексики, выражающие единичное понятие [Герд, 1986, с. 6; Головин, 1987, с. 17 и др.]; 2) номены – промежуточная категория специальной лексики, располагающейся между терминами и именами собственными [Винокур, 1939; Лейчик, 1974; Кудашев, 2007 и др.]; 3) номены включают в себя как имена собственные, так и обозначения определённых классов однородных предметов [Реформатский, 1961; Канделаки, 1973; Гринев 1993; Суперанская, 2003 и др.]. Вслед за С.Д. Шеловым, мы полагаем, что номенклатурные наименования не противопоставляются собственно терминам, а входят в их состав, при этом их особенностью является «специфика языковых средств сужения одного специального понятия до еще более специального и частного понятия» [Шелов, 2018, с. 231]. Отметим, что данный подход возможен, по мнению учёного, при разграничении понятий «номенклатурное наименование» и «номенклатурный показатель», где первое представляет собой «терминологическое обозначение частного специального понятия какой-либо области знания, дисциплины или тематической области», второй же является своего рода знаком, служащим для выделения из родового понятия именно данного частного понятия, фиксируемого в специальных описаниях, толкованиях, дефинициях и т.п. [Там же]. Например, турецкие коллокации *Alman Federal Meclisi* и *Türkiye Büyük Millet Meclisi* представляют собой номенклатурные наименования, в которых *meclis* – термин со значением «парламент, законодательное собрание», а остальные компоненты сужают значение коллокации до обозначения единичного объекта – ‘Федеральное собрание

Германии' и 'Великое национальное собрание Турции' соответственно. При этом сохраняется функциональная общность термина и понимаемого таким образом всего номенклатурного наименования, а именно, выражение специального понятия.

Большинство учёных считают нужным отграничивать собственно термины от профессионализмов и профессиональных жаргонизмов. Между тем, в науке до сих пор не выработано чётких критериев данного разделения. Наиболее признанной является точка зрения, согласно которой разграничение терминов и профессионализмов проводится по нормативному и функционально-стилистическому признакам [Калинин, 2013; Прохорова, 2003]. Термины являются «узаконенными названиями» специальных понятий, в то время как профессионализмы представляют собой их «неофициальные заменители» [Прохорова, 2003]. Профессиональные жаргонизмы, в свою очередь, рассматриваются учёными либо как синоним профессионализмов, либо как их разновидность, характеризующаяся ещё большей ненормированностью и стилистической сниженностью [Калинин, 2013; Формановская, 2003 и др.] или более яркой образностью и преобладанием пейоративной коннотации [Фельде, 2010], что вызывает определённые сложности при их отграничении от класса профессионализмов. Н.М. Карпухина предлагает выделение ещё одной, промежуточной, категории языковых единиц специальной лексики – профессионально терминированных наименований – функцией которых является замещение лакун понятий, не имеющих своего выражения в данной терминологии [Карпухина, 2009, с. 113]. Размышляя о соотношении разных классов специальной лексики, С. Д. Шелов и В. М. Лейчик приходят к выводу, что собственно терминология и профессиональная лексика находятся в отношениях пересечения, в результате которого образуется обширная совокупность специальной лексики, входящей как в состав терминологии, так и в состав профессиональной лексики.

Поскольку в задачи нашего исследования не входит разработка критериев разграничения классов специальной лексики, мы не будем стремиться к строгому

разделению терминов, номенов и профессионализмов. Одной из наших задач является очертить границы политической терминологии с тем, чтобы определить место в ней политической коллокации. Кроме того, поскольку конечной целью исследования является разработка модели учебного двуязычного словаря политических коллокаций, следует учитывать, что выбор относительно включения/ не включения той или иной единицы в словник зависит не только от теоретических определений, но и от совокупности собственно лексикографических и внешних факторов [Кудашев, 2007].

Обобщая вышеизложенное и опираясь на полевую концепцию языка, положения которой были в разное время сформулированы отечественными и зарубежными учёными (Й. Трир, А. А. Уфимцева, Г. С. Щур, Ю.Н. Караулов, З.Д. Попова, И.А. Стернин, О.В. Борхвальдт и др.), мы рассматриваем политическую терминологию как терминологическое поле, то есть совокупность языковых единиц, составляющих политическую картину мира. В ядре данного поля находятся языковые единицы, представляющие собой терминологию политической науки, (например: **англ.** *civil society* – ‘гражданское общество’, *representative democracy* – ‘представительная демократия’; **тур.** *demokratikleşme süreci* – ‘процесс демократизации’, *seçme hakkı* – ‘избирательное право’), а также номенклатурные наименования (например, **англ.** *Secretary of State* – ‘госсекретарь’, *Department of Defense* – ‘министерство обороны’, **тур.** *Bakanlar kurulu* – ‘кабинет министров’, *aile işleri bakanlığı* – ‘министерство по делам семьи’), в то время как в ближней периферии данного поля располагаются профессионализмы и профессионально терминованные наименования (например, **англ.** *kitchen cabinet* – ‘неформальный круг советников президента (досл. «кухонный кабинет»)', *sanctuary city* – ‘город, законы которого позволяют мигрантам жить без документов (досл. «город-убежище»)', *straw polls* – ‘предварительные (неофициальные) опросы’, **тур.** *pay koparmak* – ‘получить долю (досл. «оторвать»)', в дальнюю периферию входят единицы из других терминосистем (например, **англ.** *borrowing capacity* – ‘кредитоспособность’, **тур.** *adli işlemler* – ‘судебные разбирательства’, *anapara akışı* – ‘приток капитала’), на

крайней периферии содержатся единицы из общей лексики, употребляемые в особой функции (Диаграмма 1).

Диаграмма 1. Терминологическое поле «Политика»

Таким образом, политическая коллокация входит в состав политической терминологии, которая представляет собой совокупность единиц, формирующих политическую картину мира, и выстраивается в одноименное терминологическое поле. При этом специфика политической терминологии проявляется в том, что она является открытой (так как в неё заимствуются термины из других сфер профессиональной деятельности) и подвижной (так как любое политическое событие сопровождается появлением новых терминов и, наоборот, с потерей актуальности устаревшие единицы полностью выходят из употребления или заменяются новыми). Кроме того, многие единицы политического лексикона отличаются оценочностью и экспрессивностью, что обусловлено такими функциями политической терминологии, как прагматическая и эстетическая.

1. 7. Политическая коллокация как комбинаторно обусловленная терминологическая единица

Рассмотрев проблемы определения и описания политической терминологии, а также основные положения теории коллокаций, их классификации и типологии, сформулируем определение **политической коллокации**: это *лексически и/или прагматически ограниченное устойчивое (рекуррентное и/или фиксированное) сочетание как минимум двух лексических единиц, обозначающее понятие, явление, объект или процесс из области политики и функционирующее в специальном (политическом) дискурсе.*

В соответствии с описанными выше особенностями расслоения политической терминологии на отдельные группы, можно говорить о неоднородности и разноаспектности данной группы коллокаций. Как было установлено выше, группу коллокаций, являющихся частью лексики, отражающей профессиональную (политическую) картину мира, составляют терминологические единицы. Следовательно, политическая коллокация имеет терминологический характер, в связи с чем необходимо рассмотреть существующие подходы к определению терминологической коллокации.

Изучение литературы показывает, что наряду с сочетанием «терминологическая коллокация» для обозначения исследуемых нами единиц используются и такие термины, как «терминологическое словосочетание», «составные термины», “specialized collocations”, “specialized lexical combinations” “multilexemic terminological units”, “LSP collocations” и др. Представляется, что для русскоязычного употребления более удобным является обозначение «терминологическая», чем «специализированная» коллокация. В пользу выбора данного наименования также свидетельствует тот факт, что для обозначения лексико-фразеологического состава языка для специальных целей нами был принят термин «политическая терминология». Наконец, принимая во внимание разделение специальной лексики на терминологию и терминологическую лексику (в зависимости от сферы функционирования данных единиц – термин

употребляется в специальной (профессиональной) среде, а терминологика – в общелитературном окружении) [Авербух 2015], мы считаем, что наименование «терминологическая коллокация» является приемлемым для любой из указанных областей.

Далее выясним, во-первых, существуют ли различия (и какие) между **терминологической коллокацией** и **терминологическим словосочетанием** (составным термином); а, во-вторых, определим свойства терминологической коллокации.

Согласно Е.В. Ягуновой и Л.М. Пивоваровой терминологические коллокации – это «неслучайные сочетания двух и более лексических единиц, характерные как для языка в целом, так и определенного типа текстов (или (под)выборки текстов)», [Пивоварова, Ягунова, 2006, с. 214-215]. По мнению В.П. Захарова и М.В. Хохловой, терминологические сочетания – это так называемые «свободные устойчивые словосочетания», объединяющие в себе свойства свободных сочетаний и фразеологизированных, поскольку, с одной стороны, их значения (как и значения свободных словосочетаний) эквивалентны сумме значений составляющих их компонентов, однако, с другой стороны, за каждым составным термином стоит устойчивая воспроизводимая структура сложного понятия, что роднит их с фразеологизированными сочетаниями [Захаров, Хохлова, 2014].

Согласно альтернативной точке зрения, терминологические коллокации следует отличать от терминологических словосочетаний или составных терминов. Р. Коста и Р. Силва утверждают, что составные термины (“multilexemic terminological units”) обозначают и называют понятия из определенных сфер знания и употребляются членами языкового сообщества, объединенных определенной сферой деятельности, в то время как терминологические коллокации состоят из элементов, один из которых благодаря некоторой морфосинтаксической и/или семантической силе, «притягивает» другие элементы и образует коллокацию. Полученная в результате такого соединения не всегда соответствует какому-либо понятию, следовательно, не всегда является

термином; но при укреплении отношений зависимости между компонентами происходит смена статуса и терминологическая коллокация становится составным термином [Costa& Silva, 2004, p. 1530-1531].

В исследовании А.Ю. Левенковой, посвященном разработке структурно-функциональной модели терминологического словосочетания солнечной энергетики, терминологическая коллокация определяется как «устойчивое, часто встречающееся сочетание слов в речи, формирование которого обусловлено понятийной системой области знания, в которой оно используется» [Левенкова, 2015, с. 1392]. По мнению автора, терминологические коллокации, в отличие от терминологических словосочетаний, не имеют статуса термина в силу отсутствия словарных дефиниций. Полагаем, что, если исходить из тезиса, что словосочетание – это языковое явление, а коллокация – речевое, то данный вывод вполне логичен. Однако не всегда представляется возможным отследить переход терминологической коллокации в терминологическое словосочетание/составной термин; кроме того, «не только термин, но и вообще любое слово или словосочетание может иметь дефиницию, точнее говоря, входить в дефиницию (см. толковые словари), так что этот признак неспецифичен для термина» [Лейчик, 2009, с.24]. Наконец, нередки случаи, когда лексикографы включают в свои работы словосочетания, не соотносимые с понятиями и не отличающиеся высокой степенью повторяемости даже в специализированных коллекциях текстов, что заставляет усомниться в справедливости их причисления к терминам, например, в двуязычных турецко-английских словарях, составленных турецкими лексикографами, можно найти следующие заголовочные единицы: **тур.** *siyasi küfür* / *political blasphemy* – ‘политическое богохульство’, *siyasi keder* / *political grief* – ‘политическое горе’ [SBTS], *Türkiye’ye yapılan şantaj* – *political blackmail against Turkey* – ‘политический шантаж Турции’ [UİSBT] и др.

Кроме того, необходимо отметить следующее противоречие: сопоставляя термины «коллокация» и «словосочетание», учёные в основном употребляют термин «словосочетание» как родовое понятие по отношению к коллокации, которая, в отличие от словосочетаний (которые могут быть свободными),

обладает относительной устойчивостью, рекуррентностью и способностью воспроизводиться в готовом виде. Так, согласно определению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского коллокации – это «слабоидиоматичные фразеологизмы преимущественно со структурой словосочетания» [Баранов, Добровольский, 2010, с. 81]. Однако терминологическая коллокация, в соответствии с упомянутыми выше исследованиями, напротив, оказывается более широким понятием по отношению к терминологическому словосочетанию или составному термину.

В комбинаторной лингвистике терминологические коллокации определяются как «комбинаторно обусловленные сочетания слов, отражающие предметы и понятия определённой области знаний» [Влавацкая, 2019, с. 439], например: **англ.** *justice system* – ‘система правосудия’, *consumption curve* – ‘кривая потребления’, **тур.** *iktisadi gerileme* – ‘экономический спад’, *askeri durum* – ‘военное положение’ и т. п. В данном определении ключевая роль также отводится соотнесённости терминологической коллокации с определённым понятием. Идентичный подход к определению терминологической коллокации находим у Д. Буковчан (D. Bukovčan), который определяет терминологические коллокации как «лексикализованные двухсловные выражения, относящиеся к определённой области знаний, характеризующиеся условностью и лексической валидностью» [цит. по V. Cigan 2018, с. 91].

Следует отметить, что терминологические коллокации характеризуются разной степенью семантической спаянности.

Так, сочетания **англ.** *shadow cabinet* / **тур.** *gölge kabine* – ‘теневой кабинет’, **англ.** *frozen diplomasi* / **тур.** *donuk diplomasi* – ‘замороженная дипломатия’, **англ.** *political party* / **тур.** *siyasal parti* – ‘политическая партия’, **англ.** *electoral system* / **тур.** *seçim sistemi* – ‘избирательная система’ представляют собой неоднословные термины с функциональной точки зрения. Между тем, по степени семантической спаянности *shadow cabinet* / *gölge kabine* и *frozen diplomasy* / *donuk diplomasi*, обладающие образностью, могут быть отнесены к фразеологическим единствам (то есть к фразеосочетаниям типа K1K1 и K1D1), а сочетания *political party* / *siyasal parti* и *electoral system* / *seçim sistemi*, семантика которых соответствует

сумме значений входящих в них компонентов, являются фразеологическими выражениями (фразеосочетаниями типа Д1Д1). Согласно А.В. Кунину, такие обороты, являются «переменно-устойчивыми образованиями» [Кунин, 1996], так как, с одной стороны, это воспроизводимые единицы языка, а с другой – единицы, образующиеся по порождающей модели переменного словосочетания.

Таким образом, составные термины, обозначающие специальные понятия, могут считаться коллокациями при условии относительно широкого подхода к определению коллокации; в то время как в рамках узкого подхода неоднословные терминологические единицы распределяются между лексическим и фразеологическим фондами языка. Уточним, что под «относительно широким» мы понимаем такой подход к определению коллокации, при котором к данным единицам относятся не только фразеологически связанные сочетания, но и комбинации слов, значения которых складываются из значений компонентов, а устойчивость обеспечивается высокочастотной повторяемостью.

Исследования сочетаемости терминов с другими лексическими единицами находят отражение в трудах ряда зарубежных лингвистов (Н. Picht, А. L. Kjør, Р. Thomas, М.-С. L'Homme, Е. Tognini-Bonelli, U. Heid, Р. Patiño и др.). В концепциях этих учёных терминологические (или «специализированные») коллокации представляют собой сочетания уже существующего термина (в т. ч. неоднослового) с другими лексическими единицами. Согласно П. Патиньо, терминологическая коллокация – это «тип словосочетания, состоящий из как минимум одного термина, который служит основным компонентом» [Patiño, 2013, p. 126]. Основным компонентом, как полагает автор, является существительное, а в качестве зависимых могут выступать другие части речи (существительные, глаголы, прилагательные, наречия), вступающие с ним в прямую синтаксическую связь.

Сходной с П. Патиньо точки зрения придерживаются М. Лоренте и др., утверждающие, что основу терминологической коллокации составляет термин; при этом терминологические / специализированные коллокации образуют особую группу лексических сочетаний в специальном дискурсе [Lorente et al., 2017, p.

201], в то время как сочетания слов, обозначающие определенное понятие только при совместном употреблении, предлагается рассматривать как составные терминологические единицы, являющиеся частью фразеологии. Однако М. Лоренте и др. допускают принадлежность термина-основы к другой части речи – глаголам, наречиям, прилагательным, отмечая, что именно комбинации слов с термином-основой, выраженном существительным, имеют бóльшую тенденцию к лексикализации.

Итак, можно выделить следующие подходы к определению терминологической коллокации: в работах одних авторов терминологическая коллокация представляет собой сочетание уже имеющегося термина-существительного с другими лексическими единицами [Левенкова, 2015, Costa&Silva, 2004, Lorente et al., 2017, Patiño, 2013 и др.], в то время как другие исследователи основным критерием считают соотнесенность терминологической коллокации с определенным понятием; при этом наличие в составе коллокации однословного термина не является обязательным условием [Влавацкая, 2019, Захаров, Хохлова, 2014; Пивоварова, Ягунова, 2010; Vukovčan, 2009 и др.].

Принимая обозначение «терминологическая коллокация» как родовое понятие, мы выделяем следующие разряды данных языковых единиц [Онал, 2019]:

1. К первым необходимо отнести так называемые **терминообразующие**, или **терминоформирующие** коллокации, т. е. сочетания слов, соотносимые с определенным понятием только при совместном употреблении, которые распадаются на две категории в зависимости от степени семантической спаянности компонентов.

Во-первых, это коллокации со **средней степенью спаянности компонентов**, как правило, образованные на основе метафорического или метонимического переноса, вследствие чего они могут сохранять некоторую экспрессивную окраску, например: **англ.** *to gain a seat* / **тур.** *sandalye kazanmak* – ‘получить место (в парламенте)’; *досл.* – «сиденье» в английском варианте и «стул» в турецком), **тур.** *sandiğa gömülmek* – ‘«быть похороненным в сундуке

(урне для голосования)» – проиграть на выборах (*oy sandığı* – ‘урна для голосования’), **англ.** *to go to the country* – *брум.* ‘назначить всеобщие выборы’. Отличительным признаком таких коллокаций является закрепленность в словаре; при этом они не обязательно обладают высокой степенью частотности. Так, турецкая терминологическая коллокация *tulum çıkarmak* (для политической партии ‘получить все без исключения места в избирательном округе’) имеет только одно употребление в Национальном корпусе турецкого языка (TUD). Согласно классификации М. М. Копыленко и З. Д. Поповой, терминообразующие коллокации указанной группы соответствуют моделям Д1К1 или К1К1. Отметим также, что в большинстве случаев компоненты данных коллокаций обладают ограниченной сочетаемостью, то есть могут соединяться либо с рядом слов, обладающих определённым семантическим признаком (например, в коллокации *sandalye kazanmak* вместо лексемы *sandalye* (‘стул’) может употребляться лексема *koltuk* (‘кресло’), имеющие архисему «предмет мебели для сидения»), либо только с одним словом (*to go to the country*, *tulum çıkarmak*).

Во-вторых, к **терминообразующим коллокациям с низкой степенью семантической спаянности** компонентов относятся сочетания слов, значения которых представляют собой сумму значений элементов, из которых они состоят (сочетания типа Д1Д1 либо Д1Д2), например: **англ.** *majority vote* / **тур.** *çoğunluk oyu* – ‘большинство голосов’, **англ.** *to hold negotiations* / **тур.** *müzakere etmek* – ‘вести переговоры’. Сочетания данного вида характеризуются высокой частотностью, преимущественно нейтральной коннотацией и выходят за пределы фразеологии в ее узком понимании.

2. К терминологическим коллокациям второго типа, или **терминосодержащим коллокациям**, мы относим сочетания терминов с другими словами (терминами или не терминами), которые при совместном употреблении не образуют нового термина, например, **англ.** *political bargaining chip* – ‘политический козырь’, **тур.** *seçim tuzağı* – ‘предвыборная ловушка’. Примечательно, что коллокации данной группы могут иметь метафорическую природу и представлять собой семемные сочетания типа К1К2, однако отсутствие

лексикографической фиксации позволяет усомниться в достаточной степени семантической спаянности их компонентов. По нашему мнению, именно частота употребления коллокаций второго типа делает их устойчивыми речевыми образованиями; при фиксации в словаре такие коллокации переходят в разряд терминообразующих и пополняют терминологию той или иной области знания.

Сопоставление коллокаций естественного языка и политических коллокаций позволяет заключить, что к особенностям терминологических коллокаций по сравнению с коллокациями общеупотребительными относятся такие свойства, как тенденция к преобладанию среди них именных и глагольных коллокаций, более высокая частота употребления в специальном дискурсе (по сравнению с общим дискурсом), а также способность одних и тех же коллокатов употребляться с рядом разных терминов, например: **англ.** *to cast one's vote* – 'отдать голос', *to split one's vote* – 'голосовать за кандидатов от разных партий на разные должности (досл. «разделять голос»)'; **тур.** *oy vermek* – 'отдать голос', *oy kullanmak* – 'использовать свой голос, голосовать', *oy almak* – 'получить голоса' и др. У. Хейд предлагает называть такие коллокации «концептуальными», в отличие от «лексических» коллокаций, в которых коллокат сочетается только с одним термином [Heid, 1994].

Можно утверждать, что компоненты, входящие в состав терминологических коллокаций имеют меньшую степень комбинаторной ограниченности по сравнению с коллокациями естественного языка. Кроме того, исследования доказывают, что терминологические коллокации имеют ограниченный «набор» моделей, по которым они образуются, в отличие от общеупотребительных коллокаций, характеризующимся разнообразием таких моделей [Lorente et al. 2017; Штанов, 2013]. Например, анализ лексикографического материала и материала, собранного из национальных корпусов и статей на английском и турецком языках [Онал, 2018], показывает, что в политическом лексиконе обоих языков преобладают двухкомпонентные коллокации со структурой **N+N**, **Adj+N**, **V+N** англ. (**N+V** тур.).

Следуя классификации единиц специальной номинации, представленной в п. 1.6, можно заключить, что политические коллокации могут, при более детальном рассмотрении, быть разделены на коллокации, образующие собственно термины, номенклатурные наименования и профессионализмы (терминообразующие), либо коллокации, включающие указанные единицы (терминосодержащие). Отметим также, что согласно коммуникативной теории терминологии [Cabré, 2003, p. 183] любая терминологическая единица является трёхсторонней: во-первых, это единица знания, во-вторых, единица языка, и, в-третьих, – единица коммуникации, осуществляемой в рамках определённой сферы. По нашему мнению, политическая коллокация в полной мере удовлетворяет данным требованиям, следовательно, может считаться терминологической.

Итак, политическая коллокация является одним из видов терминологических коллокаций, поскольку обладает всеми признаками данного вида единиц: ограниченность определенной предметной областью (политика), соотнесённость с понятием или явлением и данной области, трёхсторонний характер. В то же время ей свойственны такие качества, как комбинаторность, комплексность, устойчивость, воспроизводимость, узуальность и функциональная ограниченность. Иными словами, политическая коллокация – это комбинаторно обусловленное сочетание слов, отражающее предмет, понятие или явление из сферы политики.

1. 8. Структурные модели политических коллокаций в английском и турецком языках

В связи с происходящим в настоящее время развитием международных контактов, усилением взаимного влияния языков и культур, сопоставительные исследования языков с различной структурой имеет как теоретическую, так и практическую значимость, позволяя выявить в них сходные и отличительные черты, проникнуть во внутренние механизмы каждого из изучаемых языков,

понять их национальную специфику. Так как наше исследование проводится на материале двух разносистемных, генетически не родственных языков, необходимо выяснить, в чём именно заключаются их сходство и различия, а также провести сопоставительный анализ структуры коллокаций в рассматриваемых языках и выявить основные модели, по которым в них создаются политические коллокации.

Изучением сходств и различий языков, которые коренятся в наиболее общих и наиболее важных свойствах языка и не зависят от их генетического родства, занимается особое направление общего языкознания – лингвистическая типология. Наиболее известной является морфологическая классификация языков на основе морфологических признаков слов, их грамматических форм [см.: Немченко, 2008; Шайкевич, 2010; Глинских, Петрова, 1998]. По морфемному строению большинство языков мира делится на два класса (типа): корневые языки и аффиксальные языки. В корневых языках (также «изолирующих», «корнеизолирующих», «безаффиксных», «аморфных», «аналитических») отношения между словами передаются в основном синтаксическими способами. [Немченко, 2008]. Аффиксальным языкам свойственно образование грамматических форм слов с помощью собственно аффиксов и флексий (окончаний). Аффиксальные языки, в свою очередь, делятся на флективные и агглютинативные. Во флективных языках основным средством образования грамматических форм слов и выражения грамматических значений является флексия (внешняя или внутренняя) как полифункциональная (многозначная) грамматическая морфема. Для агглютинативных языков, как и для флективных, характерно образование грамматических форм с помощью морфем (аффиксов), которые в определенной последовательности присоединяются к корню/основе слова, при этом каждая морфема в агглютинативных языках выражает только одно определенное значение. Языки, которые не укладываются в рамки данных трёх типов, учёные относят к инкорпорирующим. В таких языках используются производные (сложные) слова/словоформы, эквивалентные предложениям.

Согласно приведённой выше классификации, английский язык, хотя и не является «чистым» представителем корневых языков (как, например, китайский и другие языки Юго-Восточной Азии), но по многим признакам тяготеет именно к данному классу. Турецкий язык, в свою очередь, принадлежит к аффиксальным языкам и является классическим примером агглютинативного языка.

Отметим также, что существуют морфологические классификации языков, основанные на иных критериях. К примеру, в зависимости от способа выражения грамматических значений лингвисты различают следующие морфологические типы языков: 1) синтетические (грамматические формы образуются синтетическим способом); 2) аналитические (словоформы образуются аналитическим способом); 3) полисинтетические (совмещают признаки синтетических и аналитических языков) [Головин, 1983; Глинских, Петрова, 1998; Кодухов, 1987; Маслов, 1987; Немченко, 2008]. Согласно этой классификации, английский язык по большинству морфологических признаков относится к аналитическим языкам, а турецкий – к синтетическим.

Размышляя над проблемой типологизации языков, В.М. Солнцев подчеркивает, что для определения типа языка необходимо использовать сходство трёх основных видов отношений в пределах некоторых групп языков: 1) иерархические (т.е. устройство единиц) 2) синтагматические (т.е. отношения единиц одного уровня между собой в речевой цепи) 3) парадигматические (т.е. способы группировки единиц в разные классы). По мнению учёного, ориентация на эти три аспекта позволяет учитывать не только формальные свойства языков, но и такие, которые определяются значением, или содержанием, единиц и категорий языка. Так, опираясь на особенности синтагматических отношений в разных языках на уровне слов, учёный предлагает выделять два типа языков: I тип – изолирующие языки (в которых в словах независимо от их морфологической сложности не выражены отношения друг к другу) и II тип – неизолирующие языки (в которых хотя бы некоторые категории слов своими собственными средствами выражают отношения к другим словам). Изолирующие языки, так же, как и неизолирующие, могут иметь агглютинацию и даже флексию [Солнцев,

1978]. Поскольку предметом нашего исследования являются коллокации – единицы, возникающие в результате действия синтагматических и комбинаторных механизмов, данная работа может внести определённый вклад в типологические исследования на синтагматическом уровне.

Особый интерес для нашего исследования представляет труд В. Д. Аракина по типологии языков [Аракин, 1989], в котором учёный проводит сопоставительный анализ языков не только на фонологическом и морфологическом, но и на синтаксическом и лексическом уровнях: предлагаются типологии словосочетаний и предложений, а также типологии словообразовательных систем. Согласно «типологическому паспорту», составленному В. Д. Аракиным на основе 11 существенных типологических характеристик, английский язык является «слабо флективным, с преобладанием признаков агглютинативного типа и примыканием; отсутствием фузии на стыках морфем» [Аракин, 1989, с. 140], в то время как турецкий – «язык агглютинативный, одноморфемный, суффиксальный с примыканием и четкими морфемными швами» [Там же, с. 142]. Учёный выделяет следующие критерии описания признаков, на основе которых может строиться сопоставление сочетаний слов, включая коллокации: 1) **тип** синтаксических отношений между элементами (атрибутивные, объектные, обстоятельственные); 2) **способ** выражения синтаксических отношений (согласование, управление, примыкание, предложная связь); 3) положение зависимого компонента по отношению к стержневому (в препозиции/ в постпозиции).

Далее перейдём непосредственно к выделению и описанию структуры политических коллокаций в английском и турецком языках.

Как уже упоминалось выше, коллокация состоит из ключевого слова («node», «базы», базового компонента, семантической доминанты) и коллоката («collocate», зависимое слово). При статистическом подходе коллокатам может считаться любое слово, встречающееся слева или справа от ключевого, мы же будем рассматривать в качестве коллокатов только знаменательные слова. Важным является тот факт, что в коллокации на первый план выходит

лексическая сочетаемость. В отличие от синтаксической сочетаемости, свойственной целым классам и разрядам слов, лексическая сочетаемость имеет индивидуальный характер, так как зависит от лексического значения сочетающихся слов, характеризуется избирательностью входящих в него лексем и обеспечивает смысловую правильность высказывания. Так, в сочетании **тур. *seçim sandığı*** – ‘урна для голосования’ (*sandık* – сундук, *seçim* – выбор, выборы)) с позиции синтаксиса основным является слово *sandık*, а зависимым – *seçim*. Однако с точки зрения лексической сочетаемости ключевым компонентом является *seçim*, в то время как выбор слова *sandık* определяется узусом.

Анализ структуры политических коллокаций английского и турецкого языков, представленных в лексикографических источниках, позволил выделить их основные структурные модели:

- 1) глагол + существительное (**N+V/V+N**),
- 2) существительное + существительное (**N+N**),
- 3) прилагательное + существительное (**Adj+N**)
- 4) причастие + существительное (**Part+N**)
- 5) числительное + существительное (**Num+N**).

Последние четыре типа сочетаний слов могут быть объединены в группу именных коллокаций, так как функционально данные единицы соотносимы с существительными. Остановимся на данном типе коллокаций подробнее.

Именные политические коллокации

И в английском, и в турецком языках именные коллокации со структурой **N+N**, **Adj+N**, **Part+N**, **Num+N** представляют собой субстантивные словосочетания атрибутивно-препозитивного типа с примыканием, характеризующиеся отсутствием какого-либо морфологического оформления синтаксической связи между стержневым и зависимым компонентами: эта связь осуществляется благодаря порядку расположения компонентов, при котором зависимый компонент находится перед стержневым [Аракин, 1989].

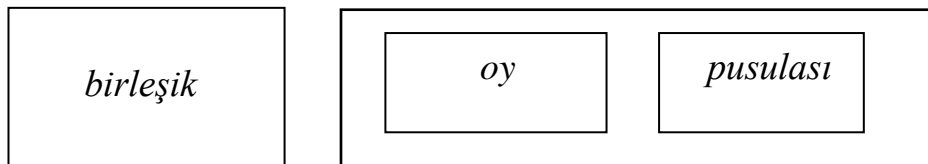
Помимо двухкомпонентных коллокаций мы относим к данной группе и коллокации, состоящие из трёх и более компонентов, соответствующие указанной

модели. Например, коллокация **тур.** *birleşik oy pusulası* – ‘объединенный бюллетень’ может быть представлена как двухкомпонентная, в качестве ядра которой выступает коллокация *oy pusulası* ‘бюллетень’, функционально соотносимая со существительным, а в качестве зависимого компонента (коллоката) – прилагательное *birleşik* – ‘объединенный’.

По тому же принципу трёхкомпонентные коллокации, состоящие из причастия или прилагательного и двух существительных или трёх существительных могут быть включены в группы **Part+N** и **N+N**: например, **тур.** *dış politika amaçları* = (*dış + politika*) + *amaçları*, **англ.** *foreign policy objectives* = (*foreign + policy*) + *objectives* ‘цели внешней политики’ (‘внешняя политика’ + ‘цели’) можно представить в виде равенства ((**Adj+N**) + **N**) = **N+N**.

Итак, с функциональной точки зрения большинство трёхкомпонентных коллокаций может быть приведено к двухкомпонентной структуре (Рис. 2).

Рис. 2. Структура трёхкомпонентной коллокации

Коллокации N+N («существительное + существительное»)

Коллокации со структурой **N+N** являются одним из самых распространенных типов сочетаний слов в обоих языках. Примечательно, что и для английского, и для турецкого актуальна проблема демаркации сложных слов и устойчивых словосочетаний, известная в западной науке как “Stone wall problem”, которая по-разному освещается в работах отечественных и зарубежных учёных.

Так, Р. Квирк и др. [Quirk et al., 1982] относят сочетания типа: **англ.** *crime report* – ‘криминальная сводка’, *office management* – ‘офисное руководство’, *steel production* – ‘производство стали’ к составным существительным, помещая их в различные структурные группы согласно отображаемому ими грамматическому

процессу. Например, **англ.** *crime report* является «составным исчисляемым» существительным, образованным по модели “object+deverbal noun” (X сообщает о преступлении – сообщение о преступлении – *crime report*). Х. Марчанд отмечает, что сочетания данного типа представляют словесный комплекс, имеющий два ударения, соответственно, составляющие данного комплекса не обладают внутренней связью, присущей компонентам сложного слова, поэтому первое слово выступает в роли определения ко второму. Дополнительным доказательством этому может служить употребление определяющего слова в единственном, а не множественном числе, например, **англ.** *an arm chair*, а не *an arms chair [Marchand, 1960]. Л. Бауэр выделяет 3 типа конструкций со структурой N+N: сложные существительные, синтаксические образования (syntactic phrases) и ряд образований «с неопределённым статусом» [Bauer, 1993, p. 132]. Результаты исследования данной проблемы приводят Дж. Ф. Домингеса к предложению о выделении словообразования в английском языке в отдельный раздел или независимый модуль (intermediate independent module), располагающийся между морфологией и синтаксисом [Domínguez, 2009], так как данные сочетания могут являться объектом изучения обоих указанных разделов языкознания.

Ввиду отсутствия единого подхода лексикографы самостоятельно принимают решение об отнесении комбинаций слов данного типа к словосочетаниям или сложным словам. Например, в словаре “The Dictionary of Politics and Government” П.Х. Коллина [Collin, 2004] все сочетания с существительным в качестве ключевого компонента (N+N, Adj+N, Num+N) обозначены пометой *n* – «имя существительное». Среди турецких лингвистов также отсутствует единое мнение о том, к какой области науки – морфологии, фразеологии или синтаксису – следует отнести комбинации слов данного типа и с какими категориями они взаимосвязаны. Состав изафетных конструкций (специфичных для турецкого языка сочетаний двух существительных, из которых одно, стоящее в родительном или неопределённом падеже, является определением и одновременно дополнением к другому определяемому и одновременно дополняемому [Майзель, 1957, с.13]) весьма неоднороден с точки

зрения семантической спаянности: среди них можно встретить свободные словосочетания, фразеологизмы, сложные слова.

Анализ лексикографических источников показывает, что отнесение подобных образований к разряду сложных слов в некоторых словарях проводится непоследовательно и не обусловлено строгими критериями. Например, **тур.** *ou sandığı* – ‘урна для голосования’, *ou pusulası* – ‘избирательный бюллетень’, *ou birliği* – ‘единогласное принятие какого-то решения, досл. «союз голосов»’ в одних источниках имеют отдельные словарные статьи с пометой “*isim*” – «имя существительное», а в других данные сочетания включены в словарную статью имени существительного *ou* (голос) с пометой “*birleşik sözler*” – «сложные слова». В словарях лингвистических терминов в качестве примеров сложных слов приводятся как цельные, так и раздельнооформленные сочетания (например, *dilbilim* – ‘лингвистика’, *okul çantası* – ‘школьная сумка’ и т.п.). И в трудах по тюркологии, и в лексикографических работах до сих пор отсутствуют критерии выделения и разграничения сложных слов и устойчивых словосочетаний. Как правило, при выделении сложных слов языковеды руководствуются семантическим признаком, невыводимостью значения целого из значений составляющих компонентов [Муратов, 1961].

Наконец, рассмотрение данной проблемы в отечественной науке (на материале английского языка) позволяет выделить следующие точки зрения по данному вопросу: одни ученые полагают, что такие сочетания являются сложными словами [Смирницкий, 1952; Кунин, 1996; Шанский, 1996 и др.] и представляют собой особый тип составного существительного, так называемое «нестабильное существительное» (*unstable compound*), другие считают, что они являются словосочетаниями [Иванникова, 1964; Ахманова, 2004 и др.], третьи относят субстантивные коллокации к промежуточной категории между словом и словосочетанием [Амосова, 1963; Пауль, 1960 и др.].

Учитывая крайнюю сложность проблемы демаркации сложного слова и словосочетания, мы считаем, что термин «коллокация» является весьма удобным,

так как, обозначая сочетание элементов, снимает необходимость данного разграничения.

Английские и турецкие коллокации со структурой N+N образуются преимущественно по описанному выше атрибутивно-препозитивному типу с примыканием: например, **англ.** *pressure group* ‘группа давления’, при этом турецкая коллокация представляет собой так называемую изафетную конструкцию 2-го типа (одноаффиксный изафет), в которой зависимый компонент остается неизменным, а к стержневому присоединяется аффикс принадлежности 3-го лица: *baskı* ‘давление’ + *grup* ‘группа’ = *baskı grubu*. В некоторых случаях, однако, той же модели в английском языке соответствует одноаффиксный изафет в турецком: *buffer state* ‘буферное государство’ – *tampon* ‘буфер’ + *devlet* ‘государство’ = *tampon devlet*, но такие соответствия немногочисленны.

Известно, что безаффиксный изафет обладает более узкой семантикой по сравнению с одноаффиксным: зависимое существительное, выступающее в функции определения, обозначает либо материал, из которого состоит объект, либо объект сравнения («государство – как буфер»). Одноаффиксный изафет характеризуется более широким спектром значений: указывает на предназначение предмета, на его характерный признак, либо на отношение между частью и целым, связь с местом или временем и т.д. – в английском языке данные значения покрываются конструкцией N+N.

Следует также отметить, что в английском языке имеются коллокации, отражающие те же семантические связи, но с помощью другой структуры – **N+prep+N**, например, *balance of power* – ‘баланс сил’, *breach of the peace* – ‘нарушение общественного порядка’ и др. В классификации В. Д. Аракина данный тип характеризуется как атрибутивно-предложный с примыканием и постпозицией [Аракин, 1989]. Нередко в словарях представлены два возможных варианта коллокаций, имеющих одно и то же значение, например, **англ.** *speech of acceptance* – *acceptance speech* ‘благодарственная речь (речь, целью которой является выражение согласия и благодарности)’ (DPG).

К другим структурным моделям коллокаций, являющихся частью политического лексикона, следует отнести сочетания атрибутивно-препозитивного типа с управлением, относящиеся в обоих языках к так называемым «поссесивным конструкциям», которые обычно образуются в процессе речи и являются свободными словосочетаниями: **англ.** *ladies' gallery* ‘галерея для женщин (в Палате общин)’, *women's suffrage* – ‘право голоса для женщин’. В турецком языке данная конструкция соответствует двуаффиксному изафету, в котором зависимый компонент выражен существительным в форме притяжательного падежа, а стержневой получает дополнительную морфему – аффикс принадлежности 3-го лица: *ortanın solu* ‘умеренный левый’.

Отдельно следует отметить коллокации с нумеративным компонентом которые могут представлять собой как двухкомпонентные сочетания атрибутивно-препозитивного типа с примыканием (**Num+N**), например, **англ.** *the second round (of voting)* / *ikinci tür* – ‘второй тур (выборов)’, так и сочетания с более сложной структурой (**Num+N**) + **N**, например, **англ.** *one-party rule* – ‘однопартийная система’ или (**Num+Adj**) + **N**/ **Num** + (**Adj** + **N**), например, **англ.** *nine old men* – досл. ‘девять стариков’. Коллокациям с компонентом-числительным посвящён параграф 2.2.2. диссертации.

Подробнее сопоставление структурных признаков именных политических коллокаций представлено в таблице (Таблица 2).

Следует отметить, что из-за наличия категории числа и падежа у турецких существительных, к именованному стержневому компоненту любого из вышеназванных типов коллокаций могут присоединяться суффиксы множественного числа и соответствующие падежные суффиксы, например, *tampon devletleri* – ‘буферные государства’ (множ. число, Исходный падеж), *tampon devletinde* – ‘в буферном государстве’ (ед.ч., Местный падеж) и т. п.

Таблица 2. Основные структурные модели именных политических коллокаций английского и турецкого языков

	тип связи	English	Türkçe	тип связи
N+N	атрибутивно-предложный тип с примыканием и постпозицией	vote of confidence <i>вотум доверия</i>	güven oyu <i>вотум доверия</i>	атрибутивно-препозитивный тип с примыканием
	атрибутивно-препозитивный тип с примыканием	welfare state <i>государство всеобщего благосостояния</i>	refah devleti <i>государство всеобщего благосостояния</i>	
		buffer state <i>буферное государство</i>	(одноаффиксный изафет/ <i>belirtisiz tamlama</i>)	
	атрибутивно-препозитивный тип с управлением	people's republic <i>народная республика</i> states' rights <i>права штатов</i> (посессивная конструкция)	ortanın solu <i>средний «левый»</i> (двухаффиксный изафет/ <i>belirtili tamlama</i>)	атрибутивно-препозитивный тип с управлением
Adj+N	атрибутивно-препозитивный тип с примыканием	quiet diplomacy <i>тихая дипломатия</i>	sessiz diplomasi <i>тихая дипломатия</i>	атрибутивно-препозитивный тип с примыканием
Part+N		floating voter «колеблющийся» избиратель	geri kalmış ülkeler развивающиеся (досл. «оставшиеся позади») страны	
Num+N		the second round второй тур (голосования)	ikinci tür второй тур (голосования)	

Далее проведём сопоставительный анализ структуры глагольных коллокаций рассматриваемых языков, а именно, коллокаций, представляющих собой сочетание существительного и глагола.

В английском языке глагол ставится перед существительным, если оно находится в синтаксически зависимой позиции, и после существительного, если в

зависимой позиции находится глагол (V+N); в то время как в турецком языке глагол ставится после существительного независимо от того, является ли существительное субъектом или объектом действия (N+V). Например, **англ.** *to win elections* – ‘победить на выборах’, *election comes* – ‘выборы приближаются’, **тур.** *seçim/seçimi kazanmak* – ‘победить на выборах’, *seçim geliyor* – ‘выборы приближаются’.

Проанализировав структуру турецких глагольных политических коллокаций, мы выделили следующие группы данных сочетаний по характеру синтаксических отношений между компонентами:

1) N (в Винительном оформленном падеже (Belirtme hali)) + V

seçimi kazanmak, seçimleri kazanmak – ‘победить на выборах’;

2) N (в Винительном неформальном падеже) + V

oy vermek – ‘отдать голос, голосовать’, *propaganda yapmak* – ‘вести пропаганду’, *aday olmak* – ‘быть кандидатом, баллотироваться’, *görev almak* – ‘вступить в должность’;

3) N (в Дательном-направительном падеже (Yönetme hali)) + V

sandiğa gitmek – ‘идти на выборы’, *savaşa katılmak* – ‘участвовать в войне’, *müzakerelere oturmak* – ‘начать переговоры, сесть за стол переговоров’;

4) N (в Местном падеже (Bulumna hali)) + V

görevde bulunmak – ‘находиться в должности’;

5) N (в Исходном падеже (Ayırtma hali)) + V

sandiktan çıkmak – ‘победить на выборах, оказаться победителем’, *görevden ayrılmak* – ‘уйти с должности’.

Как показал анализ фактического материала, большинство глагольных политических коллокаций соответствует образцам 2 и 3.

Как в английском, так и в турецком языках различаются формы полной вербальности (финитные глаголы) и формы неполной вербальности. Финитные глаголы характеризуются определённым набором специфических грамматических категорий (время, наклонение, залог, лицо и др.). Формы неполной вербальности (неличные формы глагола) – инфинитив, причастие (англ., тур.), отглагольное имя

(тур.), деепричастие (тур.), герундий (англ.) и др. – совмещают некоторые особенности и грамматические категории глагола с особенностями других частей речи. В данной работе сочетания разных видовременных форм одних и тех же глаголов, а также их неличные формы рассматривались как варианты одной и той же коллокации. В качестве иллюстрации приведём примеры употребления коллокаций-эквивалентов **англ.** *to cast vote* и **тур.** *oy vermek* – ‘проголосовать, отдать голос’:

англ.

1) *There were no votes cast at all in three opposition strongholds in the east of the country after the authorities cancelled the vote there, citing health risks from an Ebola outbreak and ethnic violence (Past Simple, Passive Voice).* / *В трех опорных пунктах оппозиции на востоке страны вообще не было отдано ни одного голоса после того, как власти отменили там голосование, сославшись на риск для здоровья из-за вспышки Эболы и этнических беспорядков (Прошедшее простое время, пассивный залог).*

2) *«Regardless of whether they cast a yes vote or a no vote,» the president said, «I would like to thank all our citizens (Past Simple, Active Voice).* / *«Независимо от того, проголосовали ли они «да» или «нет», - сказал президент, - я хотел бы поблагодарить всех наших граждан (Прошедшее простое время, активный залог).*

3) *Having cast a positive vote, our delegation would like to reiterate the two main principles governing United Nations actions in reaching a solution to this long-standing problem (Participle I Perfect Active).* / *Проголосовав за данный проект резолюции, наша делегация хотела бы еще раз указать на два главных принципа, которыми ООН должна руководствоваться в своей деятельности, направленной на поиск решения этой давней проблемы (Причастие I, активный залог, совершенный вид).*

тур.

3) *Şimdi ben Adalet ve Kalkınma Partisine oy veren yurttaşlarımın vicdanına sesleniyorum (Sıfat-fiil).* / *Теперь я обращаюсь к совести моих*

соотечественников, **которые голосуют (отдающих голос)** за Партию справедливости и развития (Причастие, активный залог).

4) *Bunlara oy verdiğiniz andan itibaren size kullanırlar* (Görülen Geçmiş Zaman Kipi). / Они будут использовать вас с того момента, как вы **проголосуете** за них (Очевидное прошедшее время, активный залог, 2 лицо, мн.ч.).

5) *Türklerin en çok oy verdiği Sosyal Demokrat Parti (SPD)'ye desteğin hala sürdüğü ortaya çıktı* (Görülen Geçmiş Zaman Kipi). / Оказалось, что поддержка социал-демократической партии (СДПГ), за которую **проголосовали** большинство турок, все еще сохраняется (Очевидное прошедшее время, активный залог, 3 лицо).

Как следует из приведённых выше примеров, глагольные коллокации, во-первых, могут обладать таким признаком, как *проницаемость* (пример 2), а во-вторых, подвергаясь синтаксическим трансформациям, способны приобретать именные и адъективные признаки (пример 3), выступая в качестве зависимых компонентов-определений и образуя более сложные сочетания слов.

Итак, несмотря на то что английский и турецкий языки являются генетически и типологически не родственными, политические коллокации в них образуются по сходным моделям. При этом имеющиеся структурные расхождения между английскими и турецкими коллокациями объясняются прежде всего наличием у турецких существительных категории падежа. Наиболее продуктивной следует признать модель **N+N**, имеющей два варианта в английском языке и три – в турецком, обусловленных различиями в формировании поссессивных конструкций. Глагольные коллокации в турецком и английском языках различаются не только количеством моделей (одна в английском и пять – в турецком языке), но и порядком следования глагола и синтаксически зависимого от него существительного.

1. 9. Комбинаторный анализ как метод выявления комбинаторного потенциала ключевых лексем политической терминологии

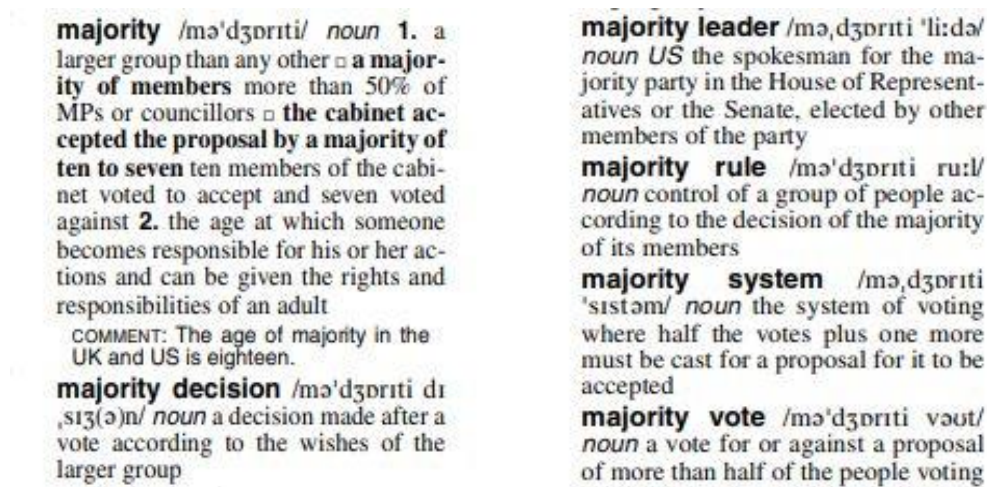
Изучив понятие «комбинаторный потенциал» (см. п. 1.2), мы выяснили, что оно отражает «сочетательную ценность» слова, то есть охватывает его актуальную и потенциальную сочетаемость. Выявление комбинаторного потенциала лексической единицы может иметь как теоретическую значимость, так и практическое применение, в частности, служить основой для составления словаря политических коллокаций. Поскольку единицы с политической семантикой обладают достаточно широкой сочетаемостью, а количество слов, вступающих с ними в коллокации в рамках специального дискурса, исчисляется десятками, подробное описание всех возможных синтагматических связей представляется достаточно затруднительным. Однако, как мы полагаем, можно выделить ряды единиц, с которыми тот или иной термин образует устойчивые сочетания, обозначив, таким образом, его комбинаторные «предпочтения» и поместив их в «комбинаторную карту», представляющую собой совокупность коллокатов лексем, распределенных по отдельным семантическим признакам в соответствующие группы, и содержащую структурные модели, по которым данная лексема образует коллокации.

Для составления такой карты был разработан комбинаторный анализ, целью проведения которого является установление как регулярных (устойчивых), так и возможных синтагматических связей слова (термина) на синтаксическом и лексико-семантическом уровнях, обусловленных различными экстралингвистическими ситуациями, то есть выявление его комбинаторного потенциала и последующем построении комбинаторной карты, которая должна послужить основой словарной статьи словаря политических коллокаций.

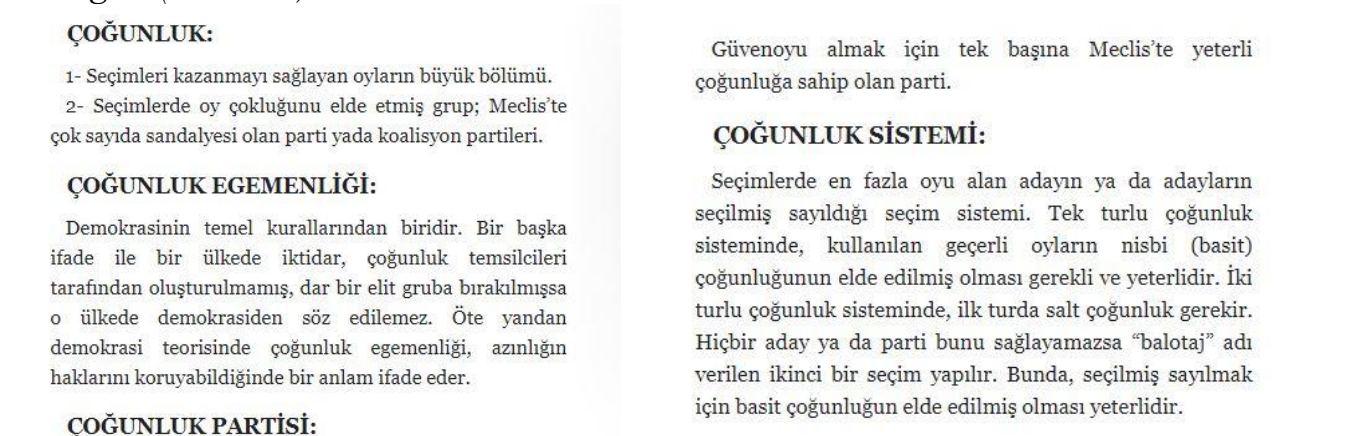
Регулярные синтагматические связи лексем отражаются прежде всего в лексикографических справочниках. В специализированных словарях коллокации, как правило, выступают в качестве самостоятельных заголовочных единиц. Так, ниже приведены примеры коллокаций с лексемами **англ. majority** и **тур. çoğunluk**

в словарях политической лексики (Рис.3 и Рис.4): **англ.** *majority decision* – ‘решение большинства’, *majority leader* – ‘лидер большинства’, *majority rule* – ‘власть большинства, правление большинства’, *majority system* – ‘мажоритарная система’, *majority vote* – ‘большинство голосов’ и **тур.** *çoğunluk egemenliği* – ‘доминирование большинства’, *çoğunluk partisi* – ‘партия большинства’, *çoğunluk sistemi* – ‘мажоритарная система’.

Рис. 3. Словарные статьи лексемы *majority* и коллокаций с ней в “*The Dictionary of Politics and Government*” (P.H. Collin)

Рис. 4. Словарные статьи лексемы *çoğunluk* и коллокаций с ней в “*Politika Sözlüğü*” (Z. Yıldız)

В толковых словарях коллокация также может иметь отдельную статью (Рис. 5), при этом в статье с ключевым словом содержится отсылка к словарным статьям с коллокациями с данной лексемой, особенно, если они начинаются с зависимого компонента, например, *relative majority* – ‘относительное большинство’, *absolute majority* – ‘абсолютное большинство’ (Рис. 6).

Рис. 5. Словарные статьи с лексемой *majority* и коллокации с ней в словаре “The Random House Dictionary of the English Language”

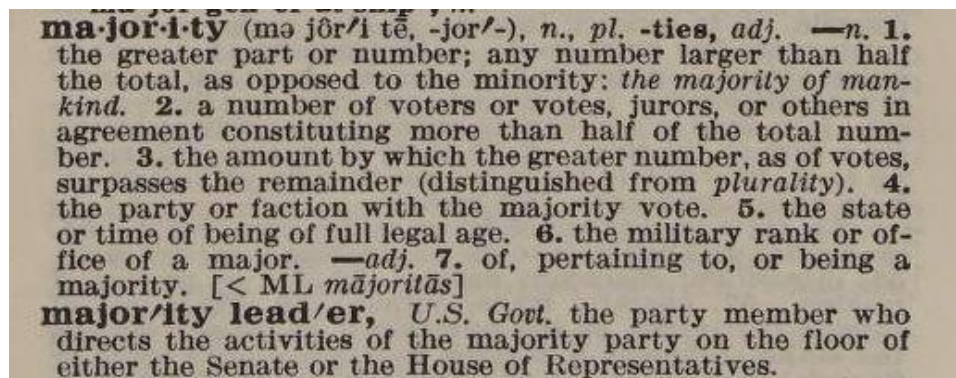
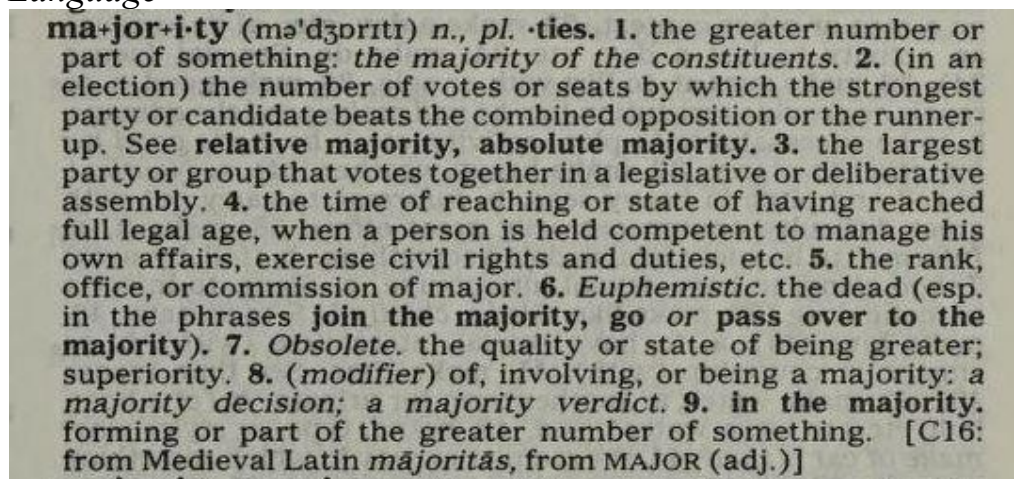

Рис. 6. Словарная статья лексемы *majority* в “Collins Dictionary of the English Language”

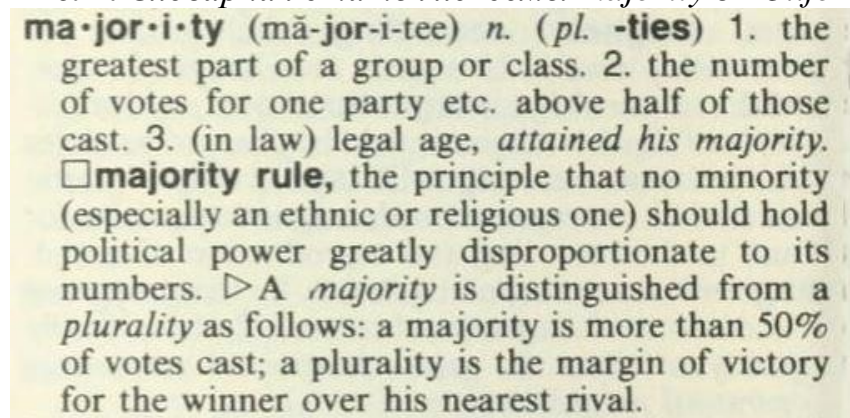

Другой распространённый вариант представления коллокаций в толковых словарях – включение их в словарную статью с основной лексемой в качестве заголовочной после соответствующей пометы (в лексикографии такое ответвление словарной статьи называют «подстатьёй» или «микростатьёй» [Кудашев, 2007]), например, коллокация **англ.** *majority rule* – ‘власть большинства’ в словаре “Oxford American Dictionary” вводится после пометы, означающей «фразы с заголовочным словом» (Рис.7), а семантизация коллокации **тур.** *çoğunluk sistemi* – ‘мажоритарная система’ в “Ötüken Türkçe Sözlük” производится после пометы «идиома, термин или фраза, начинающаяся с заголовочного слова» (Рис.8). Мы полагаем, что иллюстративные примеры также могут содержать коллокации, особенно, если для иллюстрации приводится двухсловное сочетание, так, проверка частоты употребления сочетаний **англ.** *a majority decision* – ‘решение большинства’, *a majority verdict* – ‘вердикт

большинства’, приведённых в словаре “Collins Dictionary of the English Language” (Рис. 6) показывает, что данные комбинации слов имеют высокую частотность в национальных корпусах (4660 и 1657 употреблений в NOW), следовательно, обладают относительной устойчивостью и могут считаться коллокациями.

Рис. 7. Словарная статья лексемы *majority* в “Oxford American Dictionary”

Рис. 8. Словарная статья лексемы *çoğunluk* в словаре “Ötüken Türkçe Sözlük” (Y. Çağbayır)

çoğunluk, -ğu [çok-un-luk] *is.* 1. Sayıca üstün olma durumu; ekseriyet. 2. Sayıca üstün olan taraf. 3. Siyasi ve ekonomik bir kuruluşta sayıca üstünlüğü elinde tutan taraf. **☞ çoğunluk sistemi**, *siy.* En çok oy alan adayların seçilmiş olduğunu kabul eden siyasi sistem.

Репрезентация коллокаций в онлайн-словарях также производится различными способами. Так, в словаре Турецкого лингвистического общества “Güncel Türkçe Sözlük” коллокации вынесены в отдельные словарные статьи, ссылки на которые даются в статье соответствующего ключевого слова (Рис. 9), например, для лексемы *çoğunluk* – коллокации *çoğunluk sistemi* – ‘мажоритарная система’, *nispi çoğunluk* – ‘относительное большинство’, *salt çoğunluk* – ‘абсолютное большинство’. В словарной статье лексемы *majority* в онлайн-источнике “Collins Dictionary” (Рис.8) не представлены описания коллокаций с данной единицей, однако иллюстративные примеры содержат такие коллокации, как *to win a (clear) majority* – ‘получить (явное) большинство голосов’, *a narrow majority* – ‘незначительное большинство’, *a majority vote* – ‘большинство голосов’

Рис. 8. Словарная статья лексемы *majority* в онлайн-словаре “Collins Dictionary” (<https://www.collinsdictionary.com/>)

majority

(mədʒɔrɪti ⓘ), US -dʒɔr- ⓘ)

Word forms: plural majorities ⓘ

1. SINGULAR NOUN [with singular or plural verb, usually singular]

The **majority** of people or things in a group is more than half of them.

The majority of my patients come to me from out of town. ⓘ
The vast majority of our cheeses are made with pasteurised milk. [+of] ⓘ
As a fuel it is preferred by top chefs and is used in the majority of British homes. ⓘ
Still, a majority continue to support the treaty. ⓘ

See in a majority/in the majority

2. COUNTABLE NOUN

A **majority** is the difference between the number of votes or seats in parliament or legislature that the winner gets in an election, and the number of votes or seats that the next person or party gets.

Members of Parliament approved the move by a majority of ninety-nine. ⓘ
According to most opinion polls, he is set to win a clear majority. ⓘ
The Trust's annual meeting has decided by a narrow majority to ban deer hunting. ⓘ

Synonyms: margin, landslide [More Synonyms of majority](#)

3. ADJECTIVE [ADJECTIVE noun]

Majority is used to describe opinions, decisions, and systems of government that are supported by more than half the people involved.

...her continuing disagreement with the majority view. ⓘ
A majority vote of 75% is required from shareholders for the plan to go ahead. ⓘ

4. UNCOUNTABLE NOUN [oft. with poss]

Majority is the state of legally being an adult. In Britain and most states in the United States, people reach their majority at the age of eighteen.

The age of majority in Romania is eighteen. ⓘ
Once you reach your majority, you may do what you damned well please. ⓘ

Рис. 9. Словарная статья лексемы *çoğunluk* в онлайн-словаре “Güncel Türkçe Sözlük” (<https://sozluk.gov.tr/>)

çoğunluk, -ğu ⓘ

isim

Sayı üstünlüğü, ekseriyet, azınlık karşıtı:
"Gene bazıları ama bu ikinci bazıları büyük bir çoğunluk, sulhu bir hatıra yapmamaya çalışıyorlar." - Nazım Hikmet

Birleşik Kelimeler

çoğunluk sistemi   nispi çoğunluk   salt çoğunluk

çoğunluk sistemi ⓘ

isim

Çok partili sistemlere göre bir seçim bölgesinde en çok oy alan partinin seçimi kazanması.

← çoğunluk

nispi çoğunluk, -ğu ⓘ

isim, hukuk

Bir oylamada yarışan kişi, liste veya görüşlerden birinin, diğerlerinin ayrı ayrı elde ettiklerinden daha çok oy alması yoluyla sağlanan çoğunluk.

← çoğunluk

salt çoğunluk, -ğu ⓘ

isim

Oylamada, yarıdan bir fazla üye sayısının oyuyla sağlanan çoğunluk.

← çoğunluk

Поиск и извлечение коллокаций из толковых и специальных словарей производится не только по вокабулам и специальным пометам внутри словарных статей, но и из примеров, приведённых в качестве иллюстраций. Из словарей общей лексики выбираются только те значения, которые имеют отношение к рассматриваемой сфере (политика). Также нельзя не отметить бóльшую разработанность англоязычной лексикографии по сравнению с турецкой.

Выборка единиц из словарей коллокаций оказалась возможной только на английском языковом материале, так как единственный на сегодняшний день словарь турецких коллокаций “Türkyenin Türkçesinin Eşdizim Sözlüğü” [<http://turkcederlem.mersin.edu.tr/esdizim/>] находится в стадии разработки.

Англоязычная лексикография располагает такими печатными и онлайн-источниками, как “The LTP Dictionary of Selected Collocations” (LTP), “Oxford Collocations Dictionary for Students of English” (OCD), “The BBI Dictionary of English Word Combinations” (BBIDEWC), “Online Oxford Collocation Dictionary of English” (OOCDE) и др. Ниже приведён пример статьи словаря коллокаций (Рис.10). Очевидно, что необходим дополнительный отбор коллокаций с требуемой тематикой, так как изучение словарных статей толковых словарей показывает наличие как минимум двух значений у искомой лексемы.

Рис. 10. Коллокации с лексемой *majority* в словаре “The LTP Dictionary of Selected Collocations”.

MAJORITY

V: aim at, cut, enhance, gain, get, have, hold onto, increase, obtain, preserve, push up, receive, reduce, retain, secure, win ~

V: ~ grew, shrank, slipped, was cut, went down/up

A: absolute, clear, comfortable, decisive, definite, existing, generous, handsome, large, massive, overall, overwhelming, powerful, respectable, safe, secure, simple, slender, slight, slim, solid, straight, substantial, sweeping, thumping, tiny, unprecedented, vast, workable, working ~

Итак, изучение лексикографических источников позволило извлечь из них 58 английских и 5 турецких коллокаций с лексемами *majority/ çoğunluk*.

Далее перейдём к исследованию корпусных данных, а именно, данных англоязычных корпусов COCA, News on the Web (NOW), национального корпуса турецкого языка Türkçe Ulusal Derlemi (TUD) и The Turkish Web Corpus (trWaC) на платформе *Sketch Engine*. Отбор коллокаций из национальных корпусов

(COCA, NOW, TUD) проводится в соответствии с критериями, указанными в п.1.5, а именно, сочетание должно иметь высокую частотность (как минимум 300 употреблений) и показатель MI (коэффициент совместной встречаемости) не менее 3. Для выявления коллокаций из корпуса trWaC, доступного в системе *Sketch Engine*, имеется специальный инструмент *Word Sketch*, позволяющий не только выделить коллокации, но и распределить их по структурным моделям (Рис. 11), при этом сопровождающие контексты употребления той или иной коллокации дают возможность установить наличие или отсутствие у рассматриваемых единиц политической семантики.

Рис. 11. Фрагмент экрана с коллокациями с лексемой *çoğunluk*, извлечёнными из корпуса trWaC с помощью инструмента *Word Sketch* в системе *Sketch Engine*

MODIFIER	CLASSIFIER	POSSESSOR
salt salt çoğunluğu ile	ez ezici çoğunluğu	tamsayı üye tamsayısının salt çoğunluğu
büyük büyük çoğunluğu	meclis	nüfus
ez ezilen çoğunluğu	oy oy çoğunluğu	halk
sayısal	nüfus	seçmen
mutlak mutlak çoğunluğu	arap	üye
sömür	yahudi	azınlık
çifte	hıristiyan	delege
parlamento	pay	ahali
	halk	turist
	kürt	köylü

Большинство английских коллокаций с лексемой *majority*, выделенных из корпусов, оказались идентичными единицам, полученным из лексикографического материала, при этом общее количество коллокаций (после исключения повторов) равняется 62 единицам. Количество турецких коллокаций с лексемой *çoğunluk*, благодаря данным, полученным из корпусов, составило 33 единицы (из которых в словарях были представлены только 5 коллокаций). Все коллокации, полученные из лексикографических источников и из корпусов были

распределены по группам в соответствии со структурными и семантическими характеристиками.

I. N/ADJ/NUM/V + MAJORITY/ÇOĞUNLUK (ĞU)

1. Коллокаты, содержащие количественные показатели.

В основном представлены прилагательными, либо числительными (комбинациями с числительными)

Adj + majority/çoğunluk (ğü)

англ. *vast majority, large majority, huge majority;*

тур. *büyük çoğunluk, önemli (bir) çoğunluk; az (bir) çoğunluk*

Num (N+Num) + majority/çoğunluk (ğü)

англ. *one-seat (two-seats) majority, two-thirds majority, three-to-one majority;*

тур. *üçte iki çoğunluğu*

2. Коллокаты, обладающие количественно-качественными характеристиками. Помимо указания на приблизительное количество, коллокации с данными лексемами имеют дополнительные оттенки значения. Представлены прилагательными, реже – причастиями.

Adj/Part + majority/çoğunluk (ğü)

англ. *simple (functional, working) majority, absolute (outright, overall) majority, clear (comfortable, decisive) majority, acceptable majority, necessary (requisite) majority, safe (secure) majority, qualified majority (super majority), relative majority, substantial majority, solid majority, thumping (sweeping, overwhelming) majority; narrow majority, slim majority, wafer-thin majority, razor-thin majority;*

тур. *basit çoğunluk, salt (mutlak) çoğunluk, ezilen (ezici) çoğunluk, yeterli çoğunluk, nitelikli çoğunluk, nispi çoğunluk.*

3. Коллокаты, отражающие состав большинства (либо аффилиацию входящих в него людей – партийную, национальную, институциональную и т.п.)

Adj/N + majority/çoğunluk (ğü)

англ. *Republican majority, Democratic majority, Conservative majority, Muslim majority parliamentary majority, government majority, ruling majority, etc.*

тур. *Parlamento çoğunluğu, Müslüman çoğunluğu, Sünni çoğunluğu, Senato çoğunluk, v.s.*

4. Коллокаты, обозначающие действия по получению и удержанию (большинства) - образуют глагольные коллокации с главным словом.

V+majority / çoğunluk+V

а) получение

англ. *to achieve (gain, get, obtain, retain, receive, secure, win) a majority, to constitute (to form) the majority, to muster the majority, to recover the majority, to increase (enhance) the majority;*

тур. *çoğunluk almak, çoğunluk kazanmak, çoğunluğu olaştırmak, çoğunluğu sağlanmak, çoğunluk çıkartmak; çoğunluk elde etmek, çoğunluğa uymak;*

б) удержание

англ. *to have (command) a majority, to maintain (retain) the majority;*

тур. -

в) потеря

англ. *to lose the majority*

тур. *çoğunluğu kaybetmek*

II. MAJORITY/ÇOĞUNLUK + N

1. Коллокаты, обозначающие субъект или объект, относящийся к большинству (основанный на большинстве, входящий в большинство):

англ. *majority leader, majority party, majority system, majority government, majority vote*;

тур. *çoğunluk yöntemi, çoğunluk partisi, çoğunluk sistemi, çoğunluk oyu, çoğunluk egemenliği çoğunluk kuralı*;

2. Коллокаты, обозначающие действия, выполняемые большинством:

англ. *majority verdict, majority decision, majority support*;

тур. *çoğunluk desteği, çoğunluk iradesi. çoğunluk diktatörlüğü*

Результаты проведения комбинаторного анализа показывают, что терминологемы *majority* и *çoğunluk* обладают достаточно широкой сочетаемостью, которая, однако, ограничена единицами с определённой семантикой. Сопоставление английских и турецких коллокаций с лексемами *majority* и *çoğunluk* позволяет заключить, что, во-первых, английская лексема обладает бóльшим комбинаторным потенциалом, который расширяется преимущественно за счёт коллокатов-прилагательных, выражающих количественные характеристики и глаголов с семантикой получения и удержания. В основном это расширение происходит за счёт синонимов: так, например, в дополнение к уже имеющимся в английском языке сочетаниям *slim majority*, *narrow majority* – ‘незначительное большинство’ и *wafer-thin majority* – ‘незначительное (досл. «тончайшее») большинство’ – в последние годы получила распространение комбинация слов *razor-thin majority*, где коллокат *razor-thin* дословно означает ‘тонкий, как бритва’. При этом около 63% турецких коллокаций и 34% английских коллокаций являются эквивалентными для рассматриваемой пары языков, обозначая универсальные политические понятия и явления, например, *absolute majority/ salt çoğunluk* – ‘абсолютное большинство’, *simple majority/ basit çoğunluk* – ‘простое большинство’, *to win a majority/*

çoğunluğu kazanmak – ‘получить большинство’, *majority support/ çoğunluk desteği* – ‘поддержка большинства’ и др.

Итак, проведение комбинаторного анализа ключевой лексики, составляющей основу для ряда семантически близких политических терминологических коллокаций, осуществляется посредством выполнения следующих действий:

1. Произвести сплошную выборку коллокаций из соответствующих источников (словарные справочники, национальные корпуса текстов, коллекции текстов и т. п.). В соответствии с целями и задачами исследования в данной работе комбинаторный анализ проводится на лексикографическом и дискурсивном материале двух языков.

2. Выделить основные структурные модели, по которым образованы данные коллокации. Если частеречная принадлежность лексики позволяет ей выступать как в качестве основного (с точки зрения внутреннего синтаксиса), так и в качестве зависимого компонента коллокации, необходимо разделить собранные единицы на две соответствующие группы, а затем произвести структурный анализ коллокаций каждой группы.

3. Сгруппировать коллокаты (лексемы, образующие коллокации с ключевой единицей) по общим семантическим признакам.

4. Построить на основе выявленных свойств комбинаторную карту, фиксирующую дистрибуцию, или устойчивые синтагматические связи ключевой лексики в виде списков (таблицы), включающих коллокаты, сгруппированные по общим семантическим и частеречным признакам. Основное назначение комбинаторной карты – наглядное отражение всех видов сочетаемости лексики для последующего построения словарной статьи учебного словаря коллокаций.

5. Сопоставить структурно-семантические и комбинаторные характеристики лексем английского и турецкого языков с целью выявления общих и дифференциальных признаков.

Таким образом, комбинаторная карта лексики включает в себя:

1) структурные модели, по которым образуют коллокации данная единица;

2) группы лексических единиц, связанных общими семантическими признаками и образующих коллокации с данной лексемой.

По нашему убеждению, комбинаторная карта может отражать не только реальную, но и потенциальную сочетаемость рассматриваемой единицы, так как полученные группы лексем, объединённые общими семантическими признаками, способны расширяться за счёт других лексем со сходной семантикой.

Следует отметить, что лексические единицы, которые могут также являться терминологическими, входящие в каждую из таких групп, обладают разной степенью спаянности с ключевой лексемой, которая зависит от ряда факторов, описанных в п. 1.5: соотнесённость полученной коллокации с понятием, фиксация в словаре, высокая частотность в специальном дискурсе, приводящая к формированию устойчивости. Чем больше таких факторов задействовано при образовании коллокации, тем прочнее связь между её компонентами.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Исследование проводится в русле комбинаторной лингвистики, основная задача которой заключается в изучении и описании комбинаторных свойств, типов и функций сочетаемости языковых единиц, как в теоретическом, так и в прикладном аспекте. Основными понятиями комбинаторной лингвистики являются (синтагматика, комбинаторика, дистрибуция, валентность, контекст, коллокация и комбинаторный потенциал). Понятие «комбинаторный потенциал» соотносится с термином «дистрибуция» и означает совокупность всех возможных синтагматических связей слова, включая как вероятные, так и реализующиеся в современном узусе, обусловленные различными экстралингвистическими ситуациями.

Коллокация представляет собой устойчивое сочетание слов, обладающее синтаксической и семантической целостностью. Если в западной лингвистике коллокация чаще всего рассматривается как родовое понятие по отношению к другим устойчивым сочетаниям – идиомам, составным наименованиям, клише и др. (М. Бенсон, Э. Бенсон, Р. Илсен, Д. А. Круз, Р. Картер, К. Маннинг и Х. Шутце и др.), то в работах отечественных учёных коллокации являются одной из разновидностей устойчивых сочетаний. При этом коллокации рассматриваются как 1) разновидность фразеологизмов, 2) единицы, выходящие за пределы фразеологического фонда языка, 3) единицы так называемой «серой зоны» между лексикой и фразеологией. В соответствии с задачами исследования в данной работе принимается широкий подход: мы рассматриваем коллокацию как языковое или речевое образование, состоящее как минимум из двух слов и обладающее устойчивостью (которая обеспечивается рядом разнородных факторов: связью с понятием или представлением, высокой частотностью употребления и др.) и рекуррентностью (то есть способностью воспроизводиться в готовом виде).

Образование политических коллокаций, как и коллокаций других типов, происходит на основе внутренних и внешних механизмов: первые проявляются на

уровне языковой и речевой синтагматики, вторые заключаются в обусловленности внешними факторами, отражая намерение автора и экстралингвистическую ситуацию. Политические коллокации характеризуются неоднородностью, так как обладают различной степенью терминологичности, устойчивости, экспрессивности и идиоматичности.

Сопоставление понятий «политическая лексика», «политическая терминология», «политический язык» показывает, что на сегодняшний день не существует их чёткого разделения. В работе политическая терминология рассматривается как терминологическое поле, в центре которого находятся единицы с ярко выраженной политической семантикой, и высокой степенью терминологичности, а на периферии – единицы, заимствованные из общей лексики или других терминосистем, единицы, обладающие коннотациями и т. п. Частью данного поля являются коллокации с политическим компонентом значения, то есть политические коллокации. В соответствии с традиционно принятым в терминоведении разделением специальных единиц по характеру обозначаемого ими понятия, политические коллокации представляют собой собственно термины, номены или профессионализмы.

В зависимости от степени терминологичности политические коллокации распадаются на два класса: терминообразующие коллокации, закрепленные в словаре и соотносимые с определенными понятиями соответствующей области знания, а также политические терминосодержащие коллокации, представляющие собой статистически устойчивые образования, имеющие в своем составе термин, но не образующие нового термина (однако при определенных условиях имеющие возможность перейти в разряд терминообразующих).

Среди наиболее употребительных структурных моделей политических коллокаций в обоих рассматриваемых языках являются сочетания **N+N**, **Adj+N**, **Num+N**, **N+V (V+N)**, а также более комплексные образования, которые в большинстве случаев могут быть приведены к двухкомпонентной формуле. Преобладание сочетаний именного типа свидетельствует о преимуществе

номинативной функции у рассматриваемых коллокаций, что говорит об их терминологическом характере.

В качестве инструмента исследования комбинаторных свойств единиц языка политики может быть использован комбинаторный анализ, позволяющий выявить основные семантические группы лексических единиц, вступающих в синтагматические отношения с рассматриваемыми лексемами и образующие политические коллокации, а также составить их комбинаторные карты, фиксирующие комбинаторный потенциал лексемы (или ее дистрибуцию) в виде таблицы или списков, включающих коллокаты, сгруппированные по общим семантическим и частеречным признакам.

Выделение политических коллокаций из дискурсивного материала может быть выполнено как с помощью существующих технических средств (например, платформы *Sketch Engine* и имеющихся на ней специальных инструментов для выделения частотных сочетаний слов), так и с применением традиционных логико-понятийных способов (оценка устойчивости связи между компонентами на основании её фиксации в лексикографических источниках (не только в качестве заголовочного слова, но и в случае использования в иллюстративном примере), и/или наличия определённых семантических факторов, способствующих формированию и укреплению данной связи).

Таким образом, в контексте комбинаторной лингвистики политическая коллокация представляет собой комбинаторно обусловленную терминологическую единицу, включающую как минимум два компонента и обладающую трёхсторонним характером: во-первых, она является единицей знания, во-вторых, единицей языка, и в-третьих, – единицей политической коммуникации.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОЛЛОКАЦИЯ КАК ЕДИНИЦА МЕДИАДИСКУРСА

Данная глава посвящена рассмотрению политических коллокаций как единиц дискурса. Поскольку основной средой существования и сферой функционирования данных единиц является специальный дискурс, а именно, политический дискурс, мы обратились к изучению области его пересечения с медиадискурсом, являющимся на сегодняшний день наиболее актуальной «площадкой», на которой происходят, обсуждаются и комментируются политические действия, события и явления.

2. 1. Медиадискурс: понятие и основные виды. Политический медиадискурс

По мнению ряда ученых, в современной действительности медиадискурс является одной из самых важных форм бытования языка, так как многие события становятся достоянием общественности именно посредством медийного дискурса, а не устной коммуникации [Добросклонская, 2014; Thompson, 1995 и др.].

На сегодняшний день выделяются два основных подхода к определению медиадискурса. В рамках первого подхода медиадискурс рассматривается как особый тип речемыслительной деятельности, свойственный исключительно информационному полю масс-медиа. В этом понимании следует различать медиадискурс и другие самостоятельные типы дискурса, как, например, политический, религиозный, научный и т. д. [Кожемякин, 2010]. При этом к основным характеристикам медиадискурса относятся «дистантность, наличие индивидуально-коллективного субъекта, наличие неизвестного, коллективно не определённого рассредоточенного адресата» [Слышкин, 2000]. Разработка типологии медиадискурса проводится по таким признакам, как например, форма реализации (устная или письменная), выполняемые им коммуникативные

функции (на основе которых выделяют новостной, публицистический, рекламный дискурс, PR-дискурс) или каналы распространения (печать, телевидение, радио, Интернет) [Добросклонская, 2014, Оломская, 2013]. Так, например, Н. И. Клушина выделяет три основных типа медийного субдискурса на основе их функциональных характеристик: публицистический, информационный / новостной и субдискурс развлечения. В данную типологию не включаются рекламный, политический и религиозный дискурсы, так как, по мнению учёного, они не являются медийными дискурсами в чистом виде, представляя собой лишь зоны пересечения деятельности СМИ и политических, экономических, религиозных институтов [Клушина, 2013, с. 100–101].

Следуя второму подходу, **медиадискурсом** можно считать любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации [Будаев, Чудинов, 2006]. Данный подход, на наш взгляд, соотносится с понятием медиадискурса, предложенного Т. Г. Добросклонской, согласно которому это «функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2014, с. 182]. При такой трактовке медиадискурса можно говорить о политическом, религиозном, педагогическом и прочих видах медиадискурса.

Политический дискурс, в свою очередь, определяется как «представленные особыми речевыми средствами тексты, соотносимые с теми ситуациями общения, которые связаны с политической сферой жизнедеятельности людей» [Карамова, 2013, с. 11]. Данный вид дискурса «использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, т. е. обладает собственным «подъязыком» (лексикой, фразеологией и паремиологией)» [Шейгал, 2000, с. 15].

Вслед за Е.И. Шейгал, под политическим дискурсом мы понимаем тип дискурса, включающий в себя как институциональное (статусно-ориентированное), так и личностно-ориентированное общение, охватывая знаки вербальных и невербальных семиотических систем, при условии, что как минимум один из трёх компонентов (субъект, адресат, содержание) связан с

областью политики [Шейгал, 2000]. Вовлечённости адресата как активного участника современного политического дискурса способствуют масс медиа, что по мнению В. В. Катерминой, указывает на смену информационной парадигмы в XXI в., так как адресат более не является пассивным участником коммуникации, а, напротив, «привносит свою интерпретацию рассматриваемого события, тем самым обогащая знания о мире» [Катермина, 2016, с. 32]. Представляя собой основной канал осуществления политической коммуникации, массмедийный дискурс играет «особую роль в бытии политического дискурса», в связи с чем «можно говорить о тенденции к сращиванию политического общения с дискурсом масс-медиа» [Шейгал 2000, с. 32]. Сходного мнения придерживается А. Фетцер, утверждая, что процессы глобализации неизбежно приводят к тому, что политический дискурс становится одним из видов медиадискурса [Fetzer, 2013, p. 3].

Итак, политический дискурс в СМИ – сложное явление: во-первых, это преимущественно институциональный (реже – неинституциональный) дискурс, во-вторых, это медиадискурс и, в-третьих, это опосредованный политический дискурс. Как институциональный дискурс политический дискурс «есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2002, с.195]. Как медиадискурс, он является общественным видом дискурса, адресованным широкой аудитории. Как опосредованный политический дискурс, он является результатом пересечения двух видов дискурса: дискурса политики и дискурса СМИ. Как политический дискурс в целом, так и язык, используемый политиками и обычными гражданами при обсуждении политических событий и явлений, и таким образом, тоже принимающих участие в «производстве» политики, являются популярным объектом анализа в современной лингвистике.

Опираясь на разграничение видов политического дискурса, предложенное Н.М. Перельгут и Е.Б. Сухоцкой [Перельгут, Сухоцкая 2013], мы выделили актуальные области пересечения современного политического дискурса и

медиадискурса, обозначив, таким образом, сферу политического медиадискурса (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Корреляция разных видов политического дискурса и медиадискурса (тёмным цветом выделены области пересечения)

Политический дискурс		
	Институциональный	Неинституциональный
Дискурс политиков	- аппаратный (служебный, внутренний);	Политические мемуары (бывших политиков)
	- политический дискурс, направленный на общение внутри госструктур/ общественных структур;	
	- политические мемуары (действующих политиков)	
	- политический дискурс, осуществляемый в публичной политической деятельности (парламентские речи и дебаты, публичные выступления, интервью и др.);	
Дискурс реагирования	- политический дискурс, осуществляемый журналистами и распространяемый посредством прессы, радио, телевидения, интернета)	- политический дискурс граждан (интернет-комментарии, записи в блогах, письма в СМИ, связанные с определенными политическими событиями)
Медиадискурс		

Таким образом, политический медиадискурс включает в себя:

- 1) публичные выступления политических деятелей;
- 2) результаты деятельности журналистов, распространяемые посредством СМИ;
- 3) политический дискурс граждан – письма в СМИ, комментарии и т. д.

При этом каждый из рассматриваемых видов медиадискурса имеет характеристики, отличающие его от двух других.

В монографии А.А. Петровой, Н. Б. Егорченкой и Н. Л. Шамне политический медиадискурс (или «медиа-политический» дискурс) предстаёт как новый гибридный феномен, совмещающий в себе признаки двух видов дискурса (медийного и политического) в равной степени [Петрова и др., 2016]. Например, выступление политика на конференции, не транслируемое по телевидению или радио, представляет собой только политический дискурс, а его трансляция в СМИ – политический медиадискурс. То же самое верно в отношении указанных выше «точек пересечения» дискурсов. Новостное сообщение о принятии нового закона с необходимыми разъяснениями по поводу его действия, комментарий в блоге с критикой положений данного закона относятся к сфере политического медиадискурса, в то время как сам закон – исключительно к дискурсу политическому. Взаимодействие дискурсов или «дискурсная гетерогенность» (термин Е. В. Белоглазовой) может проявляться как на глубинном (лексическом), так и на поверхностном (грамматика, словообразование, синтаксис) уровнях. Так, исследование стихотворных текстов сетевых поэтов на политические темы, которые, как мы полагаем, могут быть отнесены к одному из периферийных жанров политического медиадискурса [Онал, 2020] выявило наличие в них достаточно большого количества политических коллокаций. Таким образом, политический медиадискурс – это сложное коммуникативное явление, реализуемое через средства массовой информации, целью которого является борьба за власть посредством формирования общественного мнения, включающее текст (как вербализованный результат речи), контекст (ситуативный, социокультурный, прагматический, психологический), а также специальные языковые средства, отвечающие его целям и задачам [Никитина, 2006]. Политические коллокации, в свою очередь, являются единицами одноимённого дискурса, в том числе, опосредованного масс-медийными источниками.

2. 2. Систематизация политических коллокаций медиадискурса

Как и все единицы политического словаря, политические коллокации можно систематизировать, прежде всего, по тематическим или семантическим признакам. Изучение работ по выявлению и описанию политической терминологии показывает, что определение структуры указанной терминосистемы проводится преимущественно через выделение групп, которые затем подвергаются подробному рассмотрению, то есть в основе отнесения термина к политической терминосистеме лежит понятийно-смысловой критерий, а также используется содержательная (тематическая) характеристика. Отметим, что тематическое разделение политической терминологии, как правило, предполагает синхронный подход к изучению языкового материала того или иного языка, поскольку в разные исторические периоды могут появляться и исчезать наименования политических явлений, например мероприятий, учреждений, должностей и т.п.

Классификация политической терминологии по тематическому принципу неоднократно предпринималась отечественными и зарубежными учёными (С.И. Деркач, И.О. Ткачева, И.Ф. Протченко и др.), однако, поскольку исследования проводились на разном языковом материале (разные языки, разные временные «срезы»), полученные классификации отличаются как в количественном (по числу выделяемых категорий), так и в содержательном отношении. Помимо тематической общности и семантических критериев исследователи учитывают такие признаки, как степень терминологичности и степень эмоциональной окрашенности политических терминов.

Согласно Т.Б. Крючковой, рассматриваемые единицы делятся на две большие группы: единицы, являющиеся по происхождению терминологическими, и единицы, не являющиеся таковыми. Первая группа далее распадается на тематические группы в соответствии с классификацией общественных наук: единицы, являющиеся по происхождению юридическими, экономическими терминами и т. п., в то время как ко второй группе относится политическая

лексика языка массовой коммуникации. В плане тематической классификации это лексика, которая обозначает реалии и явления и внешней, и внутренней политической жизни [Крючкова, 1989].

Наиболее обобщённая классификация политической терминологии представлена в исследовании О. С. Воробьёвой, которая вводит понятие «политема» для обозначения слов и сочетаний слов, в семантической структуре которых содержится политический компонент значения [Воробьева 2000]. По мнению исследователя, в семантическом пространстве политем необходимо разграничивать **идеологемы** (единицы, связанные с представлением политических идей, политического сознания), а также так называемые **социологемы** (единицы, репрезентирующие государство как институт политической системы, орудие публичной власти: термины и номенклатурные наименования государственного аппарата, системы органов, через которые осуществляется управление государством). На наш взгляд, данное разделение представляется правомерным, поскольку определение политической лексики как совокупности единиц, имеющих в своей семантической структуре идеологический компонент, значительно уменьшает массив единиц, составляющих терминологическое поле политики.

А.А. Карамова предлагает классификацию одной из категорий политической терминологии – политических фразеологизмов, основывающуюся на тематическом признаке и отражающую, по мнению учёного, структуру самой политики [Карамова, 2013]:

1) политическая идеология: **англ.** *Great Society* – ‘великое общество (набор внутренних программ, предлагавшихся или принятых в США по инициативе президента Линдона Б. Джонсона в целях построения «Великого общества», в котором не будет бедности)’, *evil empire* – ‘империя зла’, **тур.** *Dokuz Işık* – ‘Девять лучей света’, *Nixon doktrini* – ‘доктрина Никсона’ и т. п.;

2) политический строй: **англ.** *the era of totalitarianism* – ‘эра тоталитаризма’, *Labour party* – ‘лейбористская партия’; **тур.** *Adalet partisi* – ‘партия справедливости’, *faşist rejimi* – ‘фашистский режим’ и т. п.;

3) сферы политической деятельности: **англ.** *free trade* – ‘свободная торговля’, *financial crisis* – ‘экономический кризис’, *hot spot* – ‘горячая точка’; **тур.** *insan sermayesi* – ‘человеческий капитал’, *finansal piramit* – ‘финансовая пирамида’ и т. п.;

4) политические процессы: **англ.** *policy of double standards* – ‘политика двойных стандартов’, *unilateral disarmament* – ‘одностороннее разоружение’; **тур.** *seçim yarışı* – ‘предвыборная гонка’ и т. п.;

5) субъекты политики: **англ.** *party in power / leading party* – ‘партия власти’, **тур.** *özel temsilci* – ‘специальный представитель’ и т.п.;

В работе Е.И. Шейгал предложена референтная классификация политической лексики, включающая четыре основные рубрики [Шейгал 2000]:

1) субъекты политики: а) политические институты и их представители: **англ.** *the White House* – ‘Белый дом’, *upper chamber* – ‘верхняя палата’, **тур.** *cumhurbaşkanlığı teşkilatı* – ‘администрация президента’ и т. п., б) групповые агенты политики: **англ.** *Republican party* – ‘республиканская партия’; **тур.** *liberaller* – ‘либералы’ т. п.; в) политические антропонимы (имена политиков).

2) политические системы и формы государственного устройства: **англ.** *despotism* – ‘деспотия’, *socialist principles* – ‘социалистические принципы’; **тур.** *anarşi* – ‘анархия’, *otoriter rejim* – ‘авторитарный режим’ и т. п.;

3) политическая философия и идеология (политические принципы и ценности, лозунги и названия программ, политические символы): **англ.** *freedom of speech* – ‘свобода слова’; **тур.** *vatanseverlik* – ‘патриотизм’ и т. п.;

4) политические действия и события (включая методы, стратегии, приёмы): **англ.** *social unrest* – ‘общественные беспорядки’, *vote of no confidence* – ‘вотум недоверия’; **тур.** *parlamento oturumu* – ‘заседание парламента’, *cumhurbaşkanlığı kararnamesi* – ‘указ президента’ и т. п.

Отметим, что, несмотря на очевидное сходство двух последних классификаций, политическим субъектам в них отводится разное место. В нашей работе мы опираемся на концепцию Е.И. Шейгал, в которой категория политического субъекта является ведущей, в то время как остальные категории

связаны с ней отношениями логической производности, отражая формы, принципы и нормы существования политического субъекта.

С точки зрения выраженности коннотативного компонента выделяются следующие типы политических коллокаций:

1. **Коллокации с номинативным значением** («политические константы» [Шейгал, 2004], составляющие оценочно-нейтральную базу политического словаря. Эта группа коллокаций представлена в основном номинативными сочетаниями терминологического характера; соответственно, данные единицы располагаются в ядре терминологического!!!! ВОТ! поля «Политика» и отличаются относительной устойчивостью. Например, **англ.** *electoral district*/ **тур.** *seçim çevresi* – ‘избирательный округ’.

2. **Коллокации, выполняющие модально-оценочную функцию** («оценочно-маркированные базовые политические термины» [Шейгал, 2004]. Данная группа коллокаций подразделяется на единицы, имеющие постоянную пейоративную или мелиоративную окраску, а также амбивалентные сочетания слов, способные менять свою коннотацию в зависимости от контекста, в котором они употребляются. Например, **англ.** *dark PR* – ‘чёрный пиар’ имеет ярко выраженный негативный оттенок, в то время как **тур.** *seçim malzemesi* – ‘избирательный/ предвыборный материал’ может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. В следующем предложении приведён пример использования данной коллокации с пейоративной окраской:

Devletimizin bu yarıtı müdahale ne yazık ki seçim malzemesi haline getirildi.
/ К сожалению, вмешательство нашего государства [в это дело] превратили в **избирательный материал**.

С хронологической точки зрения можно выделить коллокации, активно функционирующие в современном политическом дискурсе, например: **англ.** *campaign trail*/ **тур.** *seçim kampanyası* – ‘избирательная кампания’. Во вторую группу входят коллокации, которые практически не употребляются в современном языке, например, из-за изменения политического устройства в стране или из-за упразднения того или иного института власти – так называемые

историзмы, например: **англ.** *plural voting* – ‘множественное голосование (система, позволявшая избирателю голосовать более одного раза или в нескольких избирательных округах, упразднённая в 1950 г.)’, **тур.** *Tesanüd grubu* – ‘группа Тесануд (первая группа, основанная бывшими иттихатистами в Великом национальном собрании Турции)’, *şurayı sultanat* – ‘Шурай-султанат (встреча по чрезвычайным ситуациям, проводимая в Османском государстве под председательством султана с участием государственных деятелей, полководцев и учёных)’. Наконец, третью группу составляют коллокации, отражающие текущую ситуацию в стране или в мире.

Последней группе необходимо уделить особое внимание, так как формирование коллокаций, составляющих её, может происходить разными способами. Один из способов – образование коллокаций на основе слов, связанных с политическими кампаниями, инициативами, названиями актуальных политических событий, лозунги, именами действующих политиков, которые именуется в работах исследователей «лексика сегодняшнего дня» [Шейгал, 2000], «ключевые слова текущего момента» [Шмелева, 1993], «слова-хронофакты» [Фомина, 1995]. По утверждению Т. В. Шмелёвой, одним из свойств таких слов является достаточно быстрое формирование новых «сочетаемостных привычек слова» [Шмелева, 1993, с. 36], иными словами, происходит расширение и/или изменение его комбинаторного потенциала. В результате в медиадискурсе образуются и закрепляются политические коллокации с данным ключевым словом. Например, английский неологизм *Brexit*, служащий для наименования прекращения членства Великобритании в Европейском Союзе и связанной с ним процедуры, стал основой для образования таких политических коллокаций, как *soft Brexit* – ‘мягкий Брексит’, *hard Brexit* – ‘жесткий Брексит’, *to deliver Brexit* – ‘осуществить Брексит’, *no-deal Brexit* – ‘Брексит «без сделки»’, *Brexit deadline* – ‘срок выхода из ЕС’ и др., а на основе турецкой лексемы *darbe*, приобретшей особую актуальность в связи с попыткой военного переворота в июле 2016 года, в медийном дискурсе появились такие коллокации, как *Temmuz darbe* – ‘июльский путч’, *askeri darbe* – ‘военный переворот’, *sivil darbe* – ‘гражданский переворот’,

darbe girişimi/ darbe teşebbüsü – ‘попытка переворота’, *darbe yapmak* – ‘совершить переворот’. Примечательно, что в изученных нами словарях политической лексики, опубликованных до 2016 года, отсутствует термин *darbe*, служащий для обозначения переворота, но уже в словаре Й.О. Метхибая [Methibay, 2016] появляется не только сама лексема *darbe*, но и ряд коллокаций с данным термином.

Второй способ образования единиц данной группы заключается в возникновении непосредственно коллокации, служащей для наименования или описания актуального политического явления, понятия или события, что происходит, когда одного слова оказывается недостаточно. Это может быть коллокация, заимствованная из общей лексики или комбинация слов, случайно или намеренно созданная политическим деятелем или журналистом. Такие коллокации часто имеют метафорическую или метонимическую природу, однако вследствие последующего употребления большой группой авторов теряют свежесть, переходя в разряд устойчивых сочетаний, при этом нередко сохраняя некоторую экспрессивность: **англ.** *pork chopper* – ‘мясоруб, досл. «измельчитель свинины» (профсоюзный чиновник, который находится на своем посту из-за личных интересов, а не потому, что он в глубине души заинтересован в интересах других членов профсоюза)’ (TGPD), *peanut politician* – ‘арахисовый политик (тот, кто занимается политикой в мелком масштабе и в основном мотивирован узкими личными интересами)’ (TGPD), *Teflon president* – ‘тефлоновый президент’ (президент, который продолжает сохранять популярность, несмотря на скандалы или недовольство правительством в целом (UD, TGPD) и др. Ещё одной особенностью данных коллокаций является то, что они имеют прецедентный характер и не всегда понятны рядовому реципиенту без специальных пояснений. Так, термин *pork chopper* возник на основе выражения *pork chop* – ‘свиная отбивная’, которое ранее выступало жаргонным названием для выгод, получаемых от организованного труда: «измельчитель свинины», предположительно, больше заботится о своей собственной зарплате, чем о долгосрочных ценностях профсоюза.

Следует отметить, что в процессе употребления коллокации третьей группы либо переходят в одну из вышеназванных групп и закрепляются в них, либо почти полностью выходят из употребления. Например, наибольшая частотность коллокации *Teflon president* наблюдалась в 1983 году (для характеристики Р. Рейгана), затем в 2001 и 2016 гг. в отношении Б. Клинтона и Д. Трампа, которым, несмотря на серьёзные проблемы, грозящие их репутации, удалось сохранить популярность среди рядовых граждан; а коллокация *baskın seçim* – ‘досрочные, *досл.* «подавляющие» выборы’ приобрела высокую частотность в 2018 году, когда в СМИ широко обсуждалась целесообразность проведения досрочных выборов в Турции.

В зависимости от культурной отнесенности политические коллокации распадаются на универсальные и национально-специфичные (этнокультурные). Универсальные политические коллокации присущи большинству культур, называя общие для них явления и процессы политической жизни общества, например, **англ.** *general election* / **тур.** *genel seçim* – ‘всеобщие выборы’, **англ.** *bilateral negotiations* / **тур.** *ikili görüşmeler*. Между тем, в медиадискурсе на разных языках коллокации могут иметь различную частотность. Так, в национальных корпусах соответствующих языков английская коллокация *general election* встречается значительно чаще (более 2000), чем ее турецкий аналог (чуть более 300), а единица *bilateral relations* (99) чаще, чем турецкая коллокация *ikili görüşmeler* (41). Причина, на наш взгляд, кроется в экстралингвистических факторах, отражая значимость того или иного политического события в жизни носителей разных языков. Тем не менее, в связи с доминирующим положением английского языка в мире, в последние годы все чаще наблюдаются прямые заимствования английских коллокаций в другие языки, несмотря на отсутствие соответствующих явлений в культуре носителей языка, заимствующего ту или иную языковую единицу (например, коллокация *topal ördek* (от **англ.** *lame duck* – ‘хромая утка» (избранное должностное лицо, продолжающее исполнять свои обязанности в период между поражением на выборах и вступлением в должность

преемника) (MW). все чаще встречается в турецком медийном дискурсе без объяснительного перевода, например:

*Dünün tek adamı, güçlü adamı bugünün artık **total ördeğidir**. Herkes bu gerçeği bilsin. / Человек, который ещё вчера был сильным, сегодня уже **хромая утка**. Пусть это знают все (Hürriyet).*

Анализ политических коллокаций, обладающих национальной спецификой, позволяет классифицировать данные единицы следующим образом:

1. Политические коллокации, национальная специфика которых связана с отсутствием обозначаемых ими явлений в другой культуре.

В эту группу входит большинство номенов, то есть наименований должностей, социальных институтов, общественно-политических организаций, учреждений и т.п., например, **англ.** *U.S.-Mexico border wall* – ‘Стена на границе США и Мексики’, *Secretary of State* – ‘госсекретарь’, *Electoral College* – ‘Коллегия выборщиков’, *House Committee on Foreign Affairs* – ‘Комитет палаты представителей по внешней политике’; **тур.** *Diyanet İşleri Başkanlığı* – ‘Управление по делам религии’, *Türkiye Cumhurbaşkanı* – ‘Президент Турецкой республики’, *Adalet ve Kalkınma Partisi* – ‘Партия справедливости и развития’, *Yönetim Bütçe Kanunu* – ‘Закон об административном бюджете’ и др. Также к данной группе единиц относятся коллокации, номинирующие события и явления, обусловленные особенностями политического устройства, общественно-политической ситуацией, внешнеполитическими факторами, политическими традициями и т.д., например, **англ.** *pocket veto* – ‘задержка в подписании президентом законопроекта до закрытия сессии конгресса, в результате чего закон не принимается (досл. «карманное вето）」’, **тур.** *terör koridoru* – ‘террористический коридор’ (который пытаются создать сирийские курды; речь идёт об области вдоль южных границ Турции, охватывающей обширную территорию на границе с Ираном, вдоль границы с Сирией и достигающей Средиземного моря), *milletvekili seçimi* – ‘выборы депутатов’.

2. Политические коллокации, обладающие национальной спецификой в силу отсутствия значимости явления (события, процесса, объекта) для другой

культуры. Например, **англ.** *big government* – ‘ «большое» правительство, обладающее чрезмерной властью, а также оказывающее людям чрезмерную социальную поддержку’, *pitbull politics* – ‘грубые и беспорядочные политические кампании, досл. «политика питбуля» ’, *impeachment manager* - ‘менеджер по импичменту’; **тур.** *15 Temmuz (hain) darbe girişimi* – ‘(предательская) попытка государственного переворота 15 июля’, *tek adam rejimi* – досл. ‘режим одного человека (=авторитарный режим) ’ и др.

3. Относительно небольшую часть национально-специфичных политических коллокаций составляют единицы, обусловленные не столько внешними, сколько языковыми факторами, особенностями менталитета носителей языка, вследствие чего национальной специфика отражается в плане выражения, а не плане содержания единицы, например, **англ.** *landslide victory* – ‘победа с подавляющим количеством голосов (досл. *landslide* – ‘лавина, оползень, обвал’)’, **тур.** *yeşil oy* – ‘человек, воздержавшийся при голосовании (досл. «зелёный голос»)’. Такие коллокации могут иметь одноуровневые эквиваленты в другом языке, но при этом у них не совпадает план выражения, так, турецким эквивалентом к английской политической коллокации *landslide victory* может послужить единица *ezici (siyasi) zafer*, в составе которой место лексемы *landslide* занимает лексема *ezici* – ‘подавляющий’; вместо турецкой коллокации *yeşil oy* можно использовать нейтральный синоним *çekimser oy* и, соответственно, подобрать в качестве английского эквивалента коллокацию *abstention vote*, выражающую указанное значение.

Поскольку в нашей работе политические коллокации рассматриваются как единицы политического дискурса, опосредованного СМИ, приведём классификацию политических коллокаций с точки зрения роли медиадискурса в их происхождении:

1. Политические коллокации, имеющие не медийное происхождение. В данную группу входят коллокации, располагающиеся в центре терминологического поля «Политика»:

- научные (политологические) термины, например: **англ.** *separation of powers* / **тур.** *güçler ayrılığı* – ‘разделение властей’, **англ.** *civil war* / **тур.** *iç savaş* – ‘гражданская война’, **англ.** *confidence vote* / **тур.** *güven oyu* – ‘вотум доверия’, **англ.** *pressure group* / **тур.** *baskın grubu* – ‘группа давления’ и др.

- номенклатурные наименования, например: **англ.** *Home Secretary* – ‘министр внутренних дел’, *European Parliament* – ‘Европейский парламент’; **тур.** *idare amiri* – ‘руководитель администрации’, *Hazırlık komisyonu* – ‘Подготовительная комиссия’.

К особенностям таких коллокаций относятся универсальность (наличие эквивалентов в других языках), соотнесённость с определённым понятием из сферы политики, а также возможность употребления во всех видах медийного политического дискурса.

2. Политические коллокации, порождённые непосредственно медиадискурсом: жаргонизмы политиков, журналистские клише, сочетания из высказываний политических лидеров, получившие устойчивость благодаря тиражированию в СМИ и др. Некоторая часть таких коллокаций относится к этнокультурным единицам, а также обладает коннотативной окраской. Коллокации данного типа либо создаются с использованием уже готового сочетания слов (заимствованного из общего, художественного, научного дискурса и т.п.), либо образуется в процессе порождения текста на основе свободных сочетаний слов или окказиональных сочетаний. Например, **англ.** *bleeding heart* – ‘кровоточащее сердце’ (авторство которого приписывается Дж. Чосеру) в политическом дискурсе используется в значении «политик, который очень сильно сопереживает угнетенным и бедным» (TPG). Так, «либерал с кровоточащим сердцем» (*a bleeding heart liberal*) может радеть за то, чтобы социальные программы и государственные системы социальной защиты заботились о бедных.

Турецкая коллокация *cici demokrasi* – ‘красивая демократия’, появившаяся в 60-е гг. XX века в журнале “Yön” в связи с победой на выборах Партии справедливости, которая по факту не имела ничего общего с интересами и предпочтениями народа. Ироничность наименования и негативная оценочность

коллокации создаётся за счёт сочетаемости лексемы *cici* (употребляемой преимущественно в общении с маленькими детьми для обозначения чего-то хорошего или красивого) и политического термина «демократия».

Английская коллокация *clothespin vote* – ‘голосование за менее неприятного кандидата (досл. «голосование с прищепкой на носу» ’ впервые появившаяся в статье У. Сафира в *New York Times* в 2000 году, указывающим на сложность выбора между Э. Гором и Дж. У. Бушем. Отметим, что, хотя коллокации *cici demokrasi* и *clothespin vote* были образованы по внешним механизмам, характерным для окказиональных коллокаций, их последующее регулярное употребление данных единиц в сходных контекстах привело к снижению первоначальной экспрессивности, но с сохранением номинативной и модально-оценочной функции. Нередко коллокации данной группы представляют собой эвфемизмы, реализуя перифрастическую функцию, например, англ. *incomplete success* – ‘неполный успех’ (впервые употребленное президентом США Дж. Картером в 1980 году для характеристики неудачного рейда по освобождению американских заложников в Иране (ОПСДН)).

Таким образом, в рамках политической терминологии наблюдается определённая корреляция между отнесённостью коллокации к той или иной группе специальных единиц (то есть к собственно терминологическим, коллокациям-номенам и коллокациям-жаргонизмам) и источником их происхождения: собственно терминологические единицы и номенклатурные наименования, как правило, имеют не медийное происхождение, в то время как источником коллокаций-жаргонизмов часто являются именно медийные тексты.

Изучение фактического материала, полученного как из лексикографических произведений, так и из политических медиатекстов, позволяет также установить разделение политических коллокаций по типу и способу номинации, то есть «образования языковых единиц, <...> служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, словосочетаний и предложений» [ЛЭС, с. 336]. Различают естественную и искусственную, первичную и вторичную номинации. Под

первичной номинацией понимается акт присвоения имени предмету, который ещё его не имеет. Наиболее известное определение вторичной номинации сформулировано В.Н. Телия – это «использование в языке уже имеющихся номинативных средств в новой для них функции наречения» [Телия, 1977, с. 129]. В рамках вторичной номинации происходит дальнейшее выделение не прямой (автономной) и косвенной (неавтономной) номинаций. Специфика терминологической номинации традиционно заключается в её вторичном характере, при этом все виды вторичной номинации основаны на ассоциациях, которые формируются благодаря сходству или смежности определенных качеств, характера или свойств элементов внеязыковой действительности.

При автономной номинации полученное наименование может самостоятельно, вне контекста, указывать на то или иное специальное понятие. При неавтономной (косвенной) номинации способом «переключения семантического регистра» переосмысливаемого наименования за счёт другого или других, уже существующих опорных наименований, служит комбинаторика [Телия, 1977], то есть осуществление номинации происходит при условии употребления данного наименования в соответствующем контексте.

Далее рассмотрим существующие способы номинации. Согласно Д.Н. Шмелеву [Шмелев, 1982], эти способы одинаковы в различных языках и включают следующие: 1) словообразовательная деривация (создание нового слова на базе уже имеющихся в языке лексических единиц и аффиксальных средств); 2) заимствование; 3) словосложение (образование номинаций с помощью сочетания слов); 4) семантическая деривация (переосмысление единицы, уже имеющейся в языке); 5) описательный способ (создание составного наименования). Так как объектом настоящей работы являются не отдельные слова, а коллокации, имеет смысл говорить о двух ведущих способах номинации: семантическая деривация и образование составных наименований. Мы также считаем, что для турецкого языка в качестве продуктивного способа номинации политических понятий и явлений может выступать калькирование наименований, преимущественно из английского языка. Например, английской коллокации *political football* –

‘политический футбол’ (когда политики не пытаются решить стоящую перед ними проблему, а используют её лишь для того, чтобы заработать политические “баллы”) соответствует турецкая калька *siyasi futbol*. Проследив происхождение указанной коллокации в английском и турецком языках, мы пришли к выводу, что данное сочетание пришло в турецкий язык из английского, причём калькирование осуществлено именно на коллокационном уровне, так как лексемы *siyasi* и *football* уже имелись в турецком языке.

Возвращаясь к приведённой выше классификации политических коллокаций по принципу медийности/ не медийности происхождения, можно констатировать, что коллокациям, имеющим не медийное происхождение, свойственна автономность, то есть способность указывать на то или иное специальное понятие вне контекста. «Медийные» политические коллокации, в свою очередь, нуждаются в соответствующем контексте, имплицитно или эксплицитно указывающем на их значение.

Анализ собранного языкового материала показывает, что часто не только вся политическая коллокация, но и её отдельные компоненты представляют собой единицы вторичной номинации. В частности, необходимо отметить распространённость политических коллокаций, содержащих метафору (реже – метонимию), коллокаций с нумеративным компонентом и коллокаций с именами собственными.

Итак, являясь, с одной стороны, коллокациями, а с другой стороны - единицами политической терминологии, политические коллокации, функционирующие в медиадискурсе, могут быть систематизированы по следующим признакам: 1) тематика; 2) степень терминологичности; 3) медийность/ немедийность происхождения; 4) универсальность/ национальная специфичность; 5) выраженность коннотативного компонента; 6) хронология; 7) структура; 8) способ номинации.

2. 2. 1. Метафорические политические коллокации

Как упоминалось выше, нередко политические коллокации, как собственно терминологические, так и имеющие медийное происхождение, образуются на основе метафоры и метонимии. По утверждению В.Н. Телия, именно метафора является основным приёмом косвенной номинации [Телия, 1977, с. 191].

В современной науке метафора трактуется преимущественно как важнейшая ментальная операция, как инструмент познания, структурирования и объяснения мира; считается, что человек не только формулирует мысли с помощью метафор, но и мыслит метафорами, создает посредством метафор мир, в котором живет (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, М. Джонсон, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф и др.). Минимальным контекстом реализации метафоры является сочетание из двух слов, в том числе коллокация. Метафорические коллокации нередко оказывались объектом исследования в разных областях и разделах науки о языке: фразеологии, стилистике текста, лингводидактике, корпусной лингвистике, комбинаторной лингвистике и др. Как упоминалось выше, согласно А.Н. Баранову и Д.О. Добровольскому, метафорические коллокации – это сочетания слов, один из компонентов которых употреблен в прямом значении, а второй – метафора, изменяющая значение первого [Баранов, Добровольский, 2008; 67-68].

М. Мэсис и Н. Шмидт предлагают разделить коллокаций на «буквальные», «фигуральные (переносные)» и «дуплексные»: под «фигуральными» коллокациями ученые понимают сочетания, значение которых не сводится к сумме значений составляющих их слов [Macis & Schmidt, 2017]. М. Хори, рассматривая креативные (авторские) коллокации в произведениях Ч. Диккенса, выделяет метафорические коллокации как один из видов креативных коллокаций наряду с «переносными», «модифицированными идиоматическими», «оксюморонными» и некоторыми другими [Hori, 2004, p. 57]. В частности, автор отмечает, что в метафорических коллокациях один из компонентов может быть употреблен в метафорическом значении, а другой – в прямом; либо оба

компонента могут быть употреблены в метафорическом значении. Придерживаясь более узкого подхода к понятию коллокации в целом (так как мы полагаем, что одним из обязательных признаков данных единиц является их устойчивость), мы разделяем мнение М. Хори в том, что метафорические коллокации не ограничиваются теми сочетаниями, в которых лишь один из компонентов – метафора.

Поскольку мы относим к коллокациям только устойчивые сочетания слов, способные к воспроизведению и функционированию в качестве самостоятельных единиц, в фокусе данного исследования находятся конвенциональные метафоры, то есть метафорические значения, закрепленные в лексико-семантической системе языка (узуальные, языковые), а также метафоры, регулярно встречающиеся в текстах политической тематики и утратившие свою первоначальную яркость и выразительность (И. М. Кобозева называет такие метафоры «традиционными» [Кобозева, 2010; с. 41-46]).

Анализируя метафору в различных сферах ее функционирования, ученые выделяют различные типы (группы) метафор. Согласно исследованиям А.П. Чудинова, основными источниками политической метафоры являются следующие сферы, в соответствии с которыми человек моделирует политическую реальность: «человек», «социум», «природа», «артефакты», что обуславливает классификацию метафор на антропоморфную, природоморфную, социоморфную и артефактную [Чудинов, 2003].

Рассмотрев комбинаторные свойства метафорических коллокаций, извлечённых из англоязычных и турецких лексикографических источников, мы выделили следующие группы данных единиц в зависимости от степени метафоризации коллокации, места в ней метафоры, а также метафорической модели [Онал, 2020]:

1. Один компонент употреблен в метафорическом, второй – в прямом значении (П+М или М+П).

1а. В коллокациях **М+П** первый компонент – метафора, в то время как второй компонент выступает в прямом значении. Синтаксически главные

компоненты в комбинациях данной модели представляют собой политические термины, способные функционировать самостоятельно; некоторые из таких терминов, сочетаясь с другими единицами, могут образовывать другие терминологические (в том числе и метафорические) коллокации. Например, **англ.** *banana republic* – ‘банановая республика’, *satellite state* – ‘государство-сателлит’ и др.

Группа коллокаций **М+П** оказалась самой многочисленной, особенно для английской выборки (43% от общего числа метафорических коллокаций). Также выяснилось, что большинство турецких коллокаций данного подтипа имеют английские аналоги, например: **англ.** *summit diplomacy* / **тур.** *zirve diplomasisi* – ‘дипломатия саммита’, **англ.** **тур.** и др. Можно предположить, что такие коллокации были заимствованы в турецкий язык именно из английского: переведенные способом калькирования термины, прижившись, стали полноправными единицами и в турецкой политической коммуникации.

Небольшое количество турецких коллокаций в сфере функционирования, то есть единицы, которые пока не зафиксированы в словарях, но активно используются в медиадискурсе, было выявлено в коллекциях текстов, составленных из статей газет и журналов. Например, **тур.** *baskın seçim* ‘досрочные выборы с эффектом неожиданности для оппозиции’ (досл. «доминирующие» выборы, *baskın* ‘подавление, набег’)), *havuz medyası* (досл. «бассейновые» СМИ) – группа средств массовой информации, оказывающих поддержку правительству, т. е. освещающие политические события так, как выгодно руководству страны:

Havuz medyası döndü bütün o olayları tiyatroya, Can Dündar’ın düzenlediği bir mizansen olarak kamuoyuna sunmaya çalıştı. / Приблизжённые к правительству СМИ постарались превратить эти события в театр, мизансцену, организованную Джаном Дюндаром (Hürriyet, 2016).

İktidarın işleri hızla kötüye gidiyordu ve bunu durduramayacaklarını bildikleri için zaman geçirmeden baskın seçime gitmeye mecbur kaldılar. / Дела правительства быстро ухудшались, и, зная, что они не смогут остановить

этот процесс, они были вынуждены без промедления провести **досрочные («доминирующие») выборы**) (Cumhuriyet, 2018).

Можно заметить, что подобные коллокации не всегда понятны представителям другой культуры без специальных пояснений, поскольку обладают национальной спецификой. С другой стороны, единицы, функционирующие в политическом дискурсе, могут представлять сложность и для носителя языка, не имеющего соответствующих фоновых знаний для их правильной интерпретации. Приведём примеры английских национально-специфичных политических коллокаций, содержащих метафору: *carousel retaliation* – ‘ответы по карусели’ торговый спор, особенно между США и Евросоюзом, повышение тарифов на импорт товаров, список которых постоянно изменяется для усиления эффекта (DPG), *maiden speech* – ‘девичья речь’ первая речь, которую произносит законодатель, отдавая дань штату или округу, а также часто отдавая должное своему предшественнику (TGPD) и др.

Доминирующими метафорами в данной группе коллокаций являются **природоморфная** (в обоих языках) и **артефактная** (в английском языке). Поскольку метафорический компонент в данной модели находится в зависимой позиции и его основное назначение – характеристика свойств того или иного политического явления или процесса, проявление метафоры в основном ограничивается коллокацией и не распространяется на более широкий контекст.

16 В коллокациях группы **П+М** первый компонент (синтаксически зависимый) употреблен в прямом значении; базовый компонент выступает в метафорическом значении. Терминологический компонент в коллокациях данной модели, хотя и находится в синтаксически зависимой позиции, но играет важную семантическую роль, поскольку коллокация в целом характеризует один из аспектов понятия, явления или процесса, выраженного указанным термином.

В данной группе также было обнаружено несколько универсальных коллокаций, предположительно имеющих английское происхождение: *political suicide/ siyasi intihar* – ‘политическое самоубийство’, *election marathon / seçim maratonu* – ‘избирательный марафон’, *electoral threshold / seçim barajı* –

‘избирательный порог (процентный барьер)’ и др. Последний пример интересен тем, что с точки зрения переводных соответствий он является не дословным, а эквивалентным: английская лексема *threshold* имеет основное значение ‘порог (дома)’, а исходное значение стержневого компонента турецкой коллокации *baraj* – ‘плотина’, таким образом мы имеем разные проявления одной и той же метафорической модели или разные слоты одного фрейма.

Анализ контекстов употребления коллокаций данной группы показал вероятность смыслового развития заключенных в них метафор. Рассмотрим следующие примеры:

Migrant flow / mülteci akını (göçmen akını) / поток (наплыв) мигрантов.

Mülteci akınını engellemeyen Yunanistan hükümetine insan hakları örgütleri sert eleştiriler yöneltiyor (TUD). / Неспособность правительства Греции предотвратить наплыв беженцев вызывает резкую критику со стороны правозащитных организаций.

The European decision to curb migrant flow on its shore has pushed people to choose much more dangerous paths (NOW). / Решение Европы сдержатъ поток мигрантов на своем берегу подтолкнуло людей к выбору гораздо более опасных путей.

Анализ сочетаемости показывает, что в контекстах, представленных в турецких СМИ, поток беженцев «уменьшается» (*azalıyor*), «растет», «происходит» (*oluşuyor*), его можно или нужно «остановить» (*durdurmak*) или предотвратить (*önlemek*). Английская коллокация обнаруживает более широкий комбинаторный потенциал, сочетаясь с глаголами «остановить» (*to stop*), «сдержатъ» (*to curb, to control*), «сократитъ» (*to cut, to reduce*), «приостановитъ» (*to halt*), «противостоятъ» (*to stem*), «замедлитъ» (*to slow*), «высохнуть, иссякнуть» (*to dry up*), «увеличитъся» (*to increase*). На первый взгляд, такие же синтагматические связи свойственны и лексеме *flow* в значении «поток воды», однако изучение контекстов показало, что, помимо общих для «потока мигрантов» и «потока воды» сочетаниями с глаголами «увеличивать(ся)» (*to increase*), «уменьшать(ся)» (*to reduce*), «остановитъ» (*to stop*), для *water flow* также

характерны сочетания с глаголами «восстановить» (*to restore*), «поддерживать» (*to maintain*) и «регулировать» (*to regulate*). При этом количество сочетаний коллокации *migrant flow* с глаголами, содержащими семы «прекращение действия», «каузация прекращения действия» значительно превышает количество сочетаний данных глаголов с коллокацией *water flow*. Таким образом, переходя из сферы-источника в сферу-цель, лексема не обязательно сохраняет свои прежние коллокаты и может менять своё «комбинаторное поведение», что обусловлено экстралингвистическими факторами.

Приведем примеры национально-специфичных коллокаций данной группы:

англ. *ward heeler* – ‘приспешник местного политического босса, мелкий политикан’ (досл. *ward* – административный орган (небольшого) города’, *heeler* – ‘человек, который подбивает каблуки’).

Corbeil admitted approving six fake invoices for cash from the party fund, the \$117,000 in question, which he said he turned over to party bagman and ward heeler Joe Morselli, now deceased. / Корбейл признал, что подписал и обналичил шесть поддельных счетов из партийного фонда на сумму 117 000 долларов США, которые, по его словам, он передал взяточнику и своему **приспешнику** Джо Морселли, ныне покойному (NOW).

тур. *devlet kapısı* / ‘государственные структуры’ (досл. государственная дверь (государственные ворота))

Bu yüzden, yetenekli gençlerimiz iş hayatında meslek aramaktan çok, devlet kapısına başvurmayı tercih ediyorlardı (TUD). / Поэтому наши талантливые молодые люди предпочитали обращаться в государственные структуры, а не искать работу в бизнесе).

Анализ фактического материала показывает, что форма направительного падежа данной коллокации (*devlet kapısına* – в/на государственные структуры) образует сочетания со следующими глаголами: *girmek* ‘войти’, *gitmek* ‘пойти’, *yollamak* ‘направить (кого-то)’ *dayanmak* – ‘полагаться’ (в буквальном смысле глагол может также означать ‘прислониться’, поэтому в целом можно заключить, что метафора «дверей» поддерживается синтагматическим окружением единицы;

однако при употреблении в местном падеже (*devlet kapısında* ‘в государственных структурах (дверях)’ семантический «центр тяжести» коллокации смещается на первый компонент, на что указывают такие сочетания, как *görevi bırakmak* ‘уйти в отставку’, *memur olmak* ‘работать служащим’, *iş bulmak* ‘найти работу’, *didinmek* ‘усердно трудиться’. Тем не менее данная коллокация оставляет простор для развертывания метафоры, как можно увидеть, например, в следующем предложении:

Biz gideriz devlet kapısına, kapının üstünde şöyle yazar: GİRİLMEZ! Yahut da İŞİ OLMAYAN GİREMEZ... / Мы пойдём к воротам государства, а на них [воротам] написано: ВХОДА НЕТ! Или БЕЗРАБОТНЫМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН.... (TUD).

Как демонстрируют вышеприведенные примеры, коллокации данной группы содержат метафоры из всех четырех ключевых сфер-источников, однако статистические данные показывают, что доминирующими являются сферы-источники «спорт», «театр» (англ.), «дом, строение» (тур.), то есть, можно говорить о преобладании социоморфной и артефактной метафор.

2. Вся коллокация выражает метафорическое значение (M=П1+П2 и M2<=M1)

В данную группу входят коллокации, метафоризированные единой структурой, то есть комбинации, в которых два неметафорических компонента образуют свободное словосочетание, имеющее прямое значение в естественном языке, которое также может использоваться в качестве политического термина, но уже в метафорическом значении (M=П1+П2). Сюда же мы относим те случаи, когда уже существующая в естественном языке (или в другой терминосистеме) метафора переносится в политическую сферу (M2<=M1), например, английская коллокация *cattle call* – ‘процесс прослушивания большой группы (обычно неопытных) исполнителей для получения роли в представлении’ в политическом дискурсе используется в значении ‘публичное собрание потенциальных кандидатов в президенты в самом начале предвыборной кампании’ (TPD).

Возможны и обратные варианты, когда политическая коллокация, образованная из переосмысленного свободного словосочетания, становится общеупотребительной, приобретая новые оттенки смысла. Поскольку такие переходы достаточно сложно отследить, и так как каждая коллокация так или иначе первоначально представляла собой словосочетание, не имеющее отношение к политике, целесообразно отнести их к одной структурно-семантической группе.

Согласно классификации, приведённой в п.1.7, коллокации данного типа являются **терминообразующими**, поскольку приобретают терминологическое значение только в сочетании друг с другом. Такие коллокации сложнее выделить из-за отсутствия терминологического компонента в их составе; нередко у них имеется автор или событие, обусловившее появление данной единицы в языке политики. Например, английская коллокация *smoke-filled room* (досл. «наполненная дымом комната; комната, в которой накурено») появилась после того, как небольшая группа влиятельных сенаторов собралась в чикагском отеле «Блэкстоун», чтобы устроить выдвижение У.Г. Хардинга кандидатом в президенты от республиканцев в 1920 году; затем в “Associated Press” появилось сообщение, что У.Г. Хардинг был избран «в дымной комнате». С тех пор «дымная комната» означает место «за кулисами», где руководители курят сигары и плетут интриги, выбирая кандидатов (TGPD). Почти все коллокации данной модели являются национально-специфичными, при этом большинству из них присущи определенные коннотации.

Для английских коллокаций это вторая по объёму группа, включающая единицы, в которых содержатся метафоры из различных сфер-источников:

1) «мир животных» (зооморфная метафора) – *attack dog* ‘сторожевой пес / бойцовая собака’ = ‘агрессивный сторонник политика или политической партии’ (DPG), *stalking horse* ‘заслонная лошадь’ = ‘ширма, подставное лицо’ (TGPD), *old bull* ‘старый бык’ = ‘влиятельный конгрессмен’ (DPG);

2) «дом, здание» (артефактная метафора) – *kitchen cabinet* ‘кухонный кабинет’ = ‘неофициальный комитет министров, советников и друзей, которые

оказывают помощь некоторым премьер-министрам или президентам’ (DPG), *boiler room* ‘бойлерная’ = ‘штаб партии во время выборов’;

3) «любовь, секс» (антропоморфная метафора) – *strange bedfellows* ‘странные любовники’ = ‘неожиданный политический союз’ (TGPD);

4) «кино, театр», «спорт, игра» (социоморфная метафора) – *plot twist* ‘поворот сюжета’ = ‘неожиданное изменение политической ситуации’, *trial balloon* – ‘пробный шар’).

Было установлено, что в данной группе преобладают коллокации с природоморфными метафорами, заимствованных из таких сфер-источников как «мир животных», «мир растений», «природные явления».

Незначительное количество метафорических коллокаций данного типа, полученных из турецких лексикографических источников, представлено историзмами, которые практически не употребляются в современном дискурсе, например, *bol elbise* ‘свободное платье’ (о первой конституции, которую Ататюрк сравнил с платьем, оказавшимся слишком свободным для турецкого народа) (PSDS), *bahar havası* ‘весенняя погода’ = ‘хорошая, приятная атмосфера / обстановка’ (отсылка к периоду 1947-1957, когда между Демократической партией и Народной республиканской партией временно установились дружественные отношения) (PSDS). Также была выявлена коллокация, актуальная и для современной политической коммуникации: *eski tüfek* ‘опытный политик (досл. – старая винтовка)’ (PD).

Для того чтобы определить, насколько прочно закрепились данные метафорические коллокации в политическом медиадискурсе, был проведен анализ контекстов употребления коллокаций **англ.** *attack dog* и **тур.** *eski tüfek* в Корпусе современного американского английского языка (COCA) и Национальном корпусе турецкого языка (TND) (включающем тексты из различных источников, в т. ч. художественные).

Выяснилось, что из 125 употреблений **англ.** *attack dog* только 15 выступали в прямом значении, 97 использовались как политические коллокации, остальные

13 имели метафорическое значение, но не в политических контекстах, либо было невозможно однозначно утверждать, что контекст является политическим:

1. *They start across the street. The chained **attack dog** hurls himself at the fence, which bulges and rattles its metal links / Они начинают переходить улицу. **Бойцовая/сторожевая собака**, прикованная на цепь, бросается к забору, который гремит и прогибается от ударов металлических звеньев (СОСА).*
2. *He will probably be the chief **attack dog** of the Democratic Party. / Возможно, он будет главной «**бойцовой собакой**» от Демократической партии (СОСА).*
3. *Like **an attack dog**, the beetle bites and shakes its head, shredding the woolly cocoon / Как **бойцовая собака**, жук кусается и трясет головой, разрывая шерстяной кокон (СОСА).*

Для коллокации **тур. eski tüfek** из 33 употреблений в Национальном корпусе турецкого языка (TUD) соотношение политических коллокаций к коллокациям, не относящимся к политике, составило 14 к 19; при этом 16 единиц были использованы в метафорическом, а 3 единицы – в прямом значении. Более того, употребление данной коллокации в политических контекстах обнаружило выраженную тенденцию к ее использованию в атрибутивной функции, с такими словами, как *solcu* ‘левый’, *sosyalist* ‘социалист’, *komünist* ‘коммунист’ и др., что, на наш взгляд, может свидетельствовать о ее функционировании в качестве семантически цельной единицы.

В целом можно констатировать, что по сравнению с коллокациями, представленными в данной группе, свободные словосочетания с идентичным планом выражения употребляются значительно реже, что свидетельствует о тенденции употреблений коллокаций в метафорическом значении «вытеснять» не метафорические употребления. Однако не последнюю роль, на наш взгляд, играет тот факт, что именно медиадискурс на данный момент является самой популярной формой бытования языка, вследствие чего количество употреблений метафорических коллокаций в текстах СМИ может превышать количество употреблений свободных словосочетаний с идентичным лексемным составом в общем дискурсе.

3. Оба компонента коллокации – метафоры (M1+M2).

Данная модель представлена незначительным количеством коллокаций, включающих два самостоятельных метафорических компонента. От коллокаций с полной метафоризацией данные единицы отличаются, во-первых, отсутствием свободного словосочетания с таким же планом выражения, а во-вторых, наличием в их составе метафор из разных сфер-источников, либо репрезентирующих разные слоты одного фрейма.

Например, **англ.** *landslide victory* – ‘безоговорочная, полная победа на выборах’ включает метафоры из сферы «природа» *landslide* ‘обвал, оползень’ и сферы «война» *victory* ‘победа’; *sleeper cell* ‘спящая ячейка’ = ‘группа террористов, работающая «под прикрытием»’, содержит метафоры из разных слотов сферы «живая природа».

В турецком политическом дискурсе *hizmet yarışı* – ‘служебное соревнование’ используется иронически в отношении «слуг народа», то есть людей, занимающих или стремящихся занять руководящие посты. Слово *hizmet* означает ‘служба’, *yarış* – ‘соревнование’, таким образом, коллокация содержит метафоры из разных слотов сферы «социум».

Таблица 4. Основные структурно-семантические модели атрибутивно-субстантивных метафорических коллокаций

язык \ модель	M+П	П+M	M1+M2	M = П+П M2 ≤ M1	M+m
английские коллокации (102)	61	23	2	46	9
турецкие коллокации (51)	25	21	1	9	2

4. Метафорические коллокации с метонимическим компонентом (M+m)

Анализ таких сочетаний как **англ.** *Shadow cabinet* – **тур.** *Gölge Kabine* ‘Теневой кабинет’, **англ.** *green paper* ‘официальный документ’, *kangaroo ticket* ‘«кенгуровый список, кенгуровая пара» (список кандидатов, в котором кандидат на пост вице-президента более популярен среди избирателей, чем кандидат на

пост президента)» показывает, что, хотя из составляющих их компонентов только один употреблен в метафорическом значении, второй, синтаксически главный компонент, представляет собой слово не в прямом, но и не в метафорическом, а в метонимическом значении (**M+m**).

В отличие от метафоры, при порождении и декодировании которой взаимодействуют две разные понятийные сферы, при метонимии перенос наименования происходит в пределах одной понятийной сферы, с одного из ее составных элементов на другой [Кобозева, 2001]. Такие компоненты можно определить как консубстанциональные термины, образованные способом метонимического переноса: **англ. seat** 'место' – **тур. sandalye** 'стул' в значении «членство в парламенте», **англ. cabinet** – **тур. kabine** 'комната, кабинет' в значении 'группа лиц', **англ. ticket** 'билет' в значении «список кандидатов от партии» – данные единицы являются устоявшимися политическими терминами, закрепленными в языковой системе.

Метафорические коллокации являются важной и неотъемлемой частью языка политики. По степени метафоризации коллокации и месту метафорического компонента в коллокациях с неполной метафоризацией среди атрибутивно-субстантивных коллокаций выделяется несколько структурно-семантических моделей, обладающих определенными особенностями. Так, модель **M+П** отличается наибольшей частотностью, **П+М** характеризуется большей степенью универсальности по сравнению с другими моделями и возможностями смыслового развития содержащихся в них метафор, а моделям **M=П+П** и **M₂<=M₁** свойственна высокая концентрация единиц, обладающих национально-культурной спецификой.

Среди сфер-источников метафорической экспансии во всех представленных группах коллокаций наиболее продуктивными оказались сферы «природа» (мир животных, мир растений), «общество» («спорт», «театр») и «дом, строение». Небольшое расхождение наблюдалось для коллокаций модели **П+М**: в турецких единицах доминирует артефактная метафора, в то время как в английских коллокациях преобладает социоморфная метафора. Напомним, что в данном

исследовании рассматривались конвенциональные метафоры; не исключено, что анализ «живых» метафор может продемонстрировать несколько иную метафорическую картину. В частности, обращает на себя внимание относительно небольшое количество коллокаций, содержащих военную метафору, в то время как современные лингвисты отмечают чрезмерную милитаризацию языка во всех сферах жизнедеятельности общества, включая политику [см., например, Пушина, 2019, 2020; Semino, 2021 и др.].

2. 2. 2. Политические коллокации с нумеративным компонентом

Особое место среди политических коллокаций занимают единицы с нумеративным компонентом. Это связано, во-первых, с тем, что некоторые политические явления поддаются счёту, а во-вторых, с необходимостью наименования некоторых событий в политической жизни общества. В данном параграфе внимание будет обращено на политические коллокации с нумеративным (числовым) компонентом в английском и турецком языках, рассмотрены их структурные, семантические и национально-специфические особенности.

При самостоятельном употреблении лексемы-числительные выступают в своём прямом числовом значении. Однако в составе устойчивых сочетаний числовые компоненты нередко утрачивают семантические признаки, присущие данной части речи, и приобретают дополнительные свойства – символические или качественно-оценочные.

Так как семантические изменения компонентов-числительных в составе политических коллокаций ранее не выступали в качестве самостоятельного объекта исследования, мы опирались на работы, посвящённые изучению данных компонентов в составе фразеологических единиц общего словарного фонда языка.

Согласно А.А. Осиповой, компонентам-числительным в составе фразеологизмов свойственны следующие преобразования [Осипова, 2008]:

1) семантизация – сохранение компонентом-числительным определённо-количественного значения;

2) частичная десемантизация 1 типа – утрата компонентом фразеологизма конкретного числового значения и реализация неопределённо-количественного значения;

частичная десемантизация 2 типа – утрата компонентом конкретного числового значения и реализация комбинаторного значения;

3) полная десемантизация – полная утрата числительным количественного значения и реализация исключительно качественной оценки.

Как показывает анализ фактического материала, нумеративный компонент большинства политических коллокаций сохраняет своё определённо-количественное значение: **англ.** *first reading* – ‘первое чтение законопроекта, не предполагающее обсуждения или голосования’. *one-house veto* – ‘вето, налагаемое одной из палат парламента’ (досл. «однопалатное вето») (DPG); **тур.** *iki dereceli/ iki aşamalı seçim* – ‘непрямые выборы’ (досл. «двухступенные выборы»), **тур.** *Dört Ağustos Kararları* – ‘решения от 4-го августа’, **англ.** *five-year plan* / **тур.** *beş yıllık kalkınma planı* – ‘пятилетний план’ и др. По нашему мнению, при анализе данной группы коллокаций более правомерно говорить не о «семантизации», а о сохранении компонентом-числительным исходной семантики. Кроме того, в большинстве случаев коллокация в целом получает дополнительное «приращение смысла», что характерно для данных единиц. Так, несмотря на относительную прозрачность сочетаний **тур.** *Dört Ağustos Kararları*, **англ.** *Fourth of July Speech* или **англ.** *five-year plan* / **тур.** *beş yıllık kalkınma planı* их значение не выводится из простой суммы значений компонентов без определённых фоновых знаний.

Примеров частичной десемантизации с указанием на неопределённо-количественное значение в исследуемом материале обнаружить не удалось.

Частичная десемантизация, сопровождающаяся приобретением дополнительных качественных характеристик, как мы полагаем, свойственна таким коллокациям, как: **англ.** *second ballot* – эквивалент к *two-round system* (досл. «второй голос»): в данном случае лексема *second*, несмотря на наличие в её

значении семы «два», выступает не в прямом значении, поскольку речь идёт не только о втором туре, а о системе голосования, включающей два тура; **англ.** *second-class citizen* / **тур.** *ikinci sınıf vatandaş* – ‘человек, не имеющий таких же прав, привилегий или возможностей, как остальное население’ (досл. «гражданин второго сорта») (DPG); **тур.** *dokuz ışık* – ‘основные принципы идеализма, выдвинутые А. Тюркешем’ (досл. «девять лучей света») (PSDS) и т.п. В последнем примере нумеративный компонент сохраняет сему количества, указывая на точное число сформулированных принципов, тем не менее, центр общего значения коллокации фокусируется на самих принципах, вследствие чего реализуется дополнительное символическое значение.

Приведём примеры полной десемантизации: **англ.** *fourth estate* – ‘представители прессы’ (досл. «четвёртая власть») (DPG, SNPD), **англ.** *fifth column* / **тур.** *beşinci kol* – ‘внутренний противник, группа людей, поддерживающих неприятеля и готовая нанести удар в подходящий момент’ (досл. «пятая колонна»). Переосмысление числительного в данных коллокациях приводит к семантической модификации, ведущей к утрате количественного значения и перехода языковой единицы в область качественной оценки.

Некоторую часть политических коллокаций с нумеративным компонентом составляют так называемые прецедентные единицы, то есть «единицы, производные от уже существующих языковых / дискурсивных знаков и служащие примером, основанием для последующих случаев их языкового употребления (конstellации)» [Голубева, 2008, с.17]. Например, английская коллокация *Eleventh Commandment* – «одиннадцатая заповедь», запрещающая говорить плохо о республиканцах, заимствована из высказывания бывшего президента США Р. Рейгана (SNPD), а термин «пятая колонна» первоначально представлял собой наименование агентства генерала Франко, действовавшей в Испанской Республике во время Гражданской войны в Испании.

Отдельно следует отметить сочетания, служащие наименованием исторического события, явления, периода. Например, **англ.** *Third Republic* – ‘политическая система, установленная во Франции после Наполеона III и

просуществовавшая до 1940 года' (досл. «Третья республика») (DPG), тур. *Birinci Grup* – 'группа, которая объединилась вокруг М. К. Ататюрка в Первом Собрании, образовав административный состав нового государства' (досл. «Первая группа») (PS) и др. Нумеративный компонент, входящий в состав коллокаций данной группы, указывает на дату события либо содержит количественную характеристику описываемого объекта. Большинству таких коллокаций свойственно совпадение виртуального и актуального денотатов. Разграничение данных единиц и омонимичных им свободных сочетаний может обеспечиваться капитализацией числовых компонентов коллокации, «привязывающей» дату или порядковый номер, содержащийся в сочетании, к определённой событию.

Итак, проведённый анализ позволяет разделить коллокации с нумеративным компонентом на следующие группы в зависимости от того, насколько данный компонент сохраняет своё исходное числовое значение [Онал, 2020]:

1) коллокации с нумеративным компонентом, сохраняющим исходное значение, при этом компонент может обозначать: а) дату; б) продолжительность события; в) количество элементов; нередко коллокации данной группы выражают дополнительное символическое значение;

2) коллокации с нумеративным компонентом, частично утратившим исходную семантику и актуализирующим дополнительное символическое и/или качественное значение;

3) коллокации с нумеративным компонентом, актуализирующие только качественное и символическое значение.

Количественный анализ показывает, что наиболее продуктивными в образовании политических коллокаций являются числительные *one/first* (англ. *один/первый*), *two/second* (англ. *два/второй*), *iki/ikinci* (тур. *два/второй*) и *three/third* (англ. *три/третий*), что, на наш взгляд, можно объяснить как общеполитическими и/или национально-культурными особенностями, так и чисто языковыми факторами.

2.2.3. Политические коллокации с компонентом-онимом

Ещё одну группу политических коллокаций составляют единицы, являющиеся онимами, в том числе содержащие компонент-оним (эпонимы). Существуют немногочисленные исследования данной группы политического словаря как с позиции ономастики – раздела языкознания, занимающегося изучением имён собственных, – так и политической лингвистики. Среди онимов традиционно выделяют антропонимы, топонимы, зоонимы, мифонимы, этнонимы и др.

К ономастическим единицам, являющихся частью политической терминологии, относятся имена политических деятелей (антропонимы), наименования значимых общественно-политических и военных событий (хрононимы), наименования разного рода документов (документонимы), названия политических партий (эргонимы) и некоторые другие. При этом особого внимания заслуживают единицы, которые однозначно маркируют политический дискурс, объединяя названия органов власти, государственных учреждений, партий, движений, объединений, обществ, союзов и др. Н. А. Максимчук предлагает именовать данную группу единиц **политонимами** [Максимчук, 2002]. Данный термин, хотя и с более узкой трактовкой, также представлен в словаре Н.В. Подольской: **политоним** (греч. «государственные дела, государственное устройство» + оним) – имя собственное, называющее некоторые атрибуты, эмблемы, символы государства, в том числе гербы, знамёна, флаги, гимны [Подольская, 1988, с.107].

Анализ лексикографических источников показывает высокое содержание ономастических коллокаций в политической терминосфере. Так, например, в словаре “Politika Sözlüğü” З. Йылдыз [Yıldız, 2013] ономастические единицы составляют около 30%, при этом большинство из них являются коллокациями. Рассмотрим основные группы политических коллокаций-онимов на материале словарей политической лексики и терминологии.

Прежде всего, все политические коллокации-онимы классифицируются на группы в соответствии с именуемыми объектами. Самую многочисленную группу, по нашим подсчётам, образуют коллокации-эргонимы. Согласно определению, **эргонимы** – это «наименования деловых объединений людей (союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий и т. п.)» [Подольская, 1988, с. 151]. По мнению Т.И. Зелениной, эргонимы являются наименее изученным классом онимов по сравнению с антропонимами и топонимами [Зеленина, 2011]. Между тем, именно эргонимы составляют значительную часть политической терминологии; к ним относятся прежде всего названия политических партий и правительственных учреждений. В зависимости от связи эргонима (в нашем случае коллокации-эргонима) с денотатом, можно разграничить две группы данных единиц:

1) имена, в которых все входящие в их состав слова употребляются в прямом значении – «реальные» [Суперанская, 1973] или реально мотивированные [Беспалова, 1991], отражающие местоположение, указывающие на основателя или характер деятельности организации, например, **англ.** *Disability Rights Commission* – ‘Комиссия по правам инвалидов’, *The Libertarian Party* – ‘Либертарианская партия’, *Scottish National Party* – ‘Шотландская националистическая партия’, **тур.** *Yönetim Kurulu* – ‘Административный совет’, *Özgürlük Partisi* – ‘Партия справедливости’, *Türkiye İşçi Partisi* – ‘Рабочая партия Турции’.

2) «символические» [Суперанская, 1973], символически мотивированные или «условные» эргонимы [Беспалова, 1991], значение которых не связано напрямую со свойствами денотата, например: **англ.** *Green Party* – ‘Зелёная партия’, **тур.** *Yeşiller ve Sol Gelecek Partisi* – ‘Зелёная и левая партия будущего’.

И.В. Крюкова предлагает дальнейшее разделение данной группы эргонимов на условно-символические и символические [Крюкова, 1993]: в первых содержится косвенное или условное указание на реальные признаки объекта (**англ.** *Third Way* – ‘Третий путь’); вторые же характеризуют имена с общим значением положительности, например: **англ.** *New Party* – ‘Новая партия’, **тур.** *AK Parti* – ‘Белая партия’.

К другим группам политических коллокаций-онимов относятся хрононимы и документонимы.

Хрононимы – имена собственные, называющие определённые отрезки и точки времени. Политические хрононимы часто бывают связаны с именами политических деятелей, места, даты, например, **тур.** *Yalta Konferansı* – ‘Ялтинская конференция’. Особую группу хрононимов составляют единицы, называющие военные события (войны, сражения, битвы), которые предлагается выделить в отдельный класс **милитарионимов** [Фатеева, 2018]. На наш взгляд, данное выделение вполне обосновано, так как семантическая структура подобных единиц включает не только указание на временную точку или период, но и интегральную сему «военные действия», например, **англ.** *Second World War* – **тур.** *İkinci Dünya Savaşı* – ‘Вторая мировая война’, **тур.** *Suriye Barış Pınarı Harekatı* – ‘Операция "Источник Мира в Сирии"’ и др.

Документонимы представляют собой названия документов, актов, законов. Однако они называют не материальные объекты, то есть не собственно листы бумаги с подписями, а идеи, изложенные в данных документах, политический курс, зафиксированный в них. В политических документонимах, как и в хрононимах, нередко фигурируют имена известных деятелей, проводящих данные законы в жизнь, например, **англ.** *Obama healthcare reform* – ‘реформа здравоохранения Б. Обамы’.

Так, структурно политические коллокации-онимы делятся на две группы в зависимости от того, является ли сама коллокация онимом или не только является онимом, но и содержит в себе оним:

1) **коллокации-онимы:** **англ.** *Black Power* – движение «Власть чёрным» (сформированное темнокожими гражданами США для борьбы за равноправие), *Peace Corps* – ‘Корпус мира’ (правительственная организация в США, готовящая волонтеров для работы в развивающихся странах), **англ.** *United Nations Organization* – **тур.** *Birleşmiş Milletler Teşkilatı* – ‘Организация Объединённых Наций’, **тур.** *Şapka Devrimi* – «Шляпная революция» 1925 года и др.;

2) **коллокации-онимы, включающие компонент-оним:** **англ.** *African Union* – ‘Африканский союз (объединение африканских государств, основанная на взаимном сотрудничестве)’, **англ.** *Boston Tea Party* – «Бостонское чаепитие» (политический протест со стороны «сыновей свободы» в Бостоне 16 декабря 1773 года), **англ.** *Monroe doctrine* / **тур.** *Monroe Doktrini* – доктрина Монро (декларация принципов внешней политики США, провозглашенная 2 декабря 1823 года президентом Д. Монро в своем ежегодном послании Конгрессу).

Наше предположение о возможном существовании коллокаций, не являющихся онимами, но включающими компонент-оним, не подтвердилось. Анализ языкового материала показывает, что все политические коллокации, содержащие компонент-оним, так или иначе сами являются онимами. Например, коллокация **тур.** *Osmanlı borçları* – «Оттоманские долги» (долг Турецкого государства перед иностранными государствами и частными лицами, т. е. внешний долг Турции в широком смысле слова), содержащая антропоним, хотя и не включает компонентов, присущих хрононимам, однако, несомненно, указывает на период времени, в течение которого стране пришлось выплачивать данные долги.

Необходимо отметить, что терминологические единицы, образованные на основе имен собственных, составляют особую группу лексики. Имена собственные играют важную роль в формировании национально-языковой картины мира, создавая «в разных языках совершенно несхожие центры ассоциативных созвездий, что объясняется различиями в традициях и культуре народов, и образуют лексические единицы, восполняющие в языке определенные семантические лакуны, на основе которых способны возникать яркие национально обусловленные когнитивные концепты, отражающие особенности этнической картины мира» [Рылов, 2006, с. 298 – 299].

Различия языковых картин мира у разных этносов нередко приводят к тому, что одно и то же событие или явление получает разные наименования в языках. Например, *Карибский кризис* в английском и турецком языках получил название по имени страны, события на территории которой послужили причиной

знаменитого противостояния – **англ.** *The Cuban Missile Crisis* – **тур.** *Küba füze krizi* – *досл.* ‘Кубинский ракетный кризис’.

Важной чертой коллокаций-онимов, а также коллокаций с нумеративным компонентом-датой, на наш взгляд, является то, что пока такие единицы актуальны и широко используются в политическом медиадискурсе, они понятны широкому кругу реципиентов и не требуют специальных пояснений. Однако с течением времени данные коллокации переходят в разряд историзмов и находят отражение не столько в лингвистических, сколько в энциклопедических словарях политической лексики или терминологии или же в словарях смешанного типа.

Как правило, для того чтобы быть зафиксированной в лексикографическом источнике, коллокация должна обозначать событие или явление, имеющее относительно высокую значимость. Так, например, **тур.** *15 Temmuz darbe girişimi* или *15 Temmuz günü*, отсылающая к попытке военного переворота в Турции, вероятно, найдёт отражение в указанных источниках, в то время как сочетание **тур.** *23 haziran seçim*, хотя и имеет достаточно высокую частотность в медиадискурсе 2019 года, всё же носит временный характер и, скорее всего, в будущем выйдет из широкого употребления.

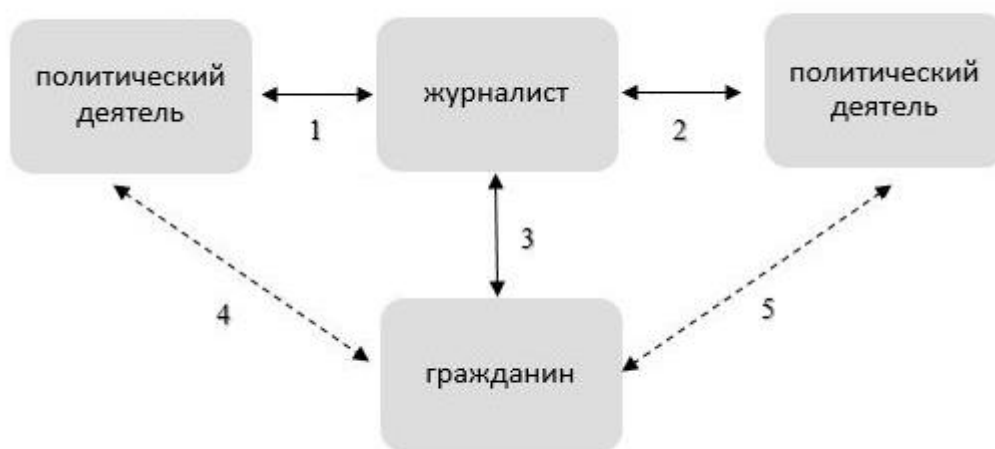
2. 3. Функционирование политических коллокаций в разных видах политического медиадискурса

В данном разделе мы рассмотрим политические коллокации, функционирующие в разных видах политического медиадискурса, а именно: в выступлениях политических лидеров, в дискурсе профессиональных журналистов, освещающих политические события, а также политическом дискурсе граждан. Согласно классификации, приведённой в п.2.1, первые два вида принадлежат к **институциональным** формам, а последний – к **неинституциональным** формам дискурса. С другой стороны, речи выступлений относятся к дискурсу политиков, в то время как медиатексты, являющиеся продуктом деятельности журналистов и граждан, относятся к так называемому

«дискурсу реагирования». Основываясь на разделении первичных и вторичных жанров, предложенном М.М. Бахтиным, Е.И. Шейгал предлагает считать институциональные жанры, составляющие основу политической коммуникации (дебаты, речи, переговоры, лозунги, партийные программы и др.) первичными жанрами политического дискурса, а ко вторичным отнести жанры, носящие респонсивный характер (интервью, аналитические статьи, мемуары, письма читателей и др.) [Шейгал, 2004, с. 244-245].

Так, каждый из рассматриваемых видов медиадискурса имеет характеристики, отличающие его от двух других. Важно подчеркнуть, что данные жанры дискурса взаимосвязаны. Согласно Й. Хьярварду, журналисты являются своего рода «медиаторами» между политическими деятелями и гражданами [Schrøder, 1999] (Рис. 12).

Рис. 12. Взаимодействие субъектов и объектов политической деятельности (по Hjarvard, 1999)

Как показано на схеме, обе оси являются диалоговыми, то есть на вертикальной оси журналисты становятся посредниками, которые одновременно передают обсуждения из политической системы гражданам и направляют общественное мнение граждан в политическую систему (1, 2, 3). Последнее происходит, когда журналисты вовлекают граждан, пытающихся отобразить общественные настроения среди тех организаций и отдельных лиц, на которых

воздействуют политические инициативы или политические упущения, с тем чтобы привнести их взгляды в общественную повестку дня, готовые к тому, чтобы политики встраивали их в обсуждения и политические инициативы. Однако, с другой стороны, политики тоже являются гражданами и могут читать статьи, написанные журналистами; кроме того, в некоторых случаях граждане могут напрямую обращаться к политическим деятелям.

Таким образом, схема, предложенная учёным, не учитывает возможности взаимодействия между гражданами и политическими деятелями, поэтому мы посчитали нужным дополнить её взаимонаправленными стрелками 4 и 5. Представленная взаимосвязь, на наш взгляд, подтверждает необходимость широкого подхода к политическому медиадискурсу.

Функционирование политических коллокаций в разных видах медийного дискурса определяется не только соответствующим жанром, но и семантикой той или иной единицы, наличием или отсутствием у неё определённой коннотации. Опираясь на существующие тематические и семантические классификации политической терминологии (см. п. 1.6) и на собранный языковой материал, мы выделили следующие группы политических коллокаций.

1. Коллокации, отражающие политические системы и формы государственного устройства.

2. Коллокации, обозначающие субъектов политики (наименования органов, институтов и представителей власти; наименования политических партий, группировок и их представителей; наименования классов, групп общества и их представителей).

3. Коллокации, обозначающие политические процессы, действия, события (избирательный процесс; процессы дезорганизации; дипломатия и военные действия; внутренние политико-экономические процессы; законодательные процессы).

4. Коллокации, отражающие понятия из сферы политической идеологии и философии.

Являясь вербальными знаками политического дискурса, политические коллокации выполняют определённые функции, которые следует рассматривать прежде всего в контексте функций самого политического дискурса. Известно, что ведущими функциями политического дискурса являются, во-первых, **акциональная** функция (обусловленная тем, что политическая деятельность является по сути деятельностью вербальной), а, во-вторых, **контролирующая** (контроль над установками и поведением электората) – по утверждению Е. И. Шейгал, данные функции не требуют использования специальных знаковых единиц, а осуществляются «всей массой» политического дискурса [Шейгал, 2000, с. 111-112]. С другой стороны, осуществление таких функций политического дискурса, как интерпретация / ориентация, интеграция / дифференциация, агональность / гармонизация «связано с использованием специфических знаковых средств, составляющих семиотическую базу политического дискурса» [Там же].

Таким образом, выделяются три типа ориентации знаков политического дискурса: интеграция, ориентация и агональность. **Интеграционная** функция направлена на сплочение и воодушевление приверженцев общей идеи. Функция **ориентации**, как следует из её названия, позволяет определить место того или иного объекта (явления, процесса и т. п.) в мире политики. Наконец, **агональная** функция, осуществляемая через употребление языковых средств с отрицательной оценочностью, направлена на ниспровержение оппонента, понижение его политического статуса» [Там же, с. 121].

Согласно ряду исследований, единицы политического лексикона также способны выполнять следующие функции:

- 1) прагматическая функция усиления интеллектуальной информации,
- 2) функция воздействия на политическое и идеологическое сознание массового адресата,
- 3) функция привлечения внимания, перифрастическая функция и др.

Следующий параграф данной главы будет посвящён рассмотрению функций политических коллокаций как особой группы языковых единиц, являющихся частью медийного дискурса.

Отбор политических коллокаций из корпусов, созданных в *Sketch Engine* на основе медийных текстов, производился методом сплошной выборки с помощью инструмента *Key words* для англоязычного корпуса (с выделением двух- и трёхкомпонентных сочетаний) и с применением инструмента *N-grams* для турецкого корпуса (ввиду отсутствия функции *Key words* для турецкоязычных корпусов) с использованием стоп-листа, позволяющего исключить из зоны внимания служебные слова (*ne, ve, şu, bu, o* и т.п.).

Для того чтобы установить, являются ли отобранные сочетания слов коллокациями, были использованы следующие критерии (с опорой на теоретические положения, представленные в *Главе 1*):

1) наличие у словосочетания **словарной дефиниции** (отдельной статьи в словаре общей лексики, специальном словаре; части словарной статьи, а также в онлайн-словарях, основанных на участии пользователей);

2) использование сочетания в качестве **иллюстративного примера** к одному из его компонентов в лексикографических источниках;

3) относительно **высокая частота совместной встречаемости** данных сочетаний слов (значение $FREQ \geq 300 / MI \geq 3$ в национальном корпусе соответствующего языка/ более 500 тыс. результатов в поисковой системе Google);

4) наличие определённых **семантико-функциональных факторов**, описанных в параграфе 1.5. (осложнённая семантическая структура, соотнесённость с понятием, параллельная семантическая структура, частичная десемантизация одного из компонентов и т.д.).

Как уже отмечалось выше, фиксация коллокации в лексикографическом источнике является, хотя и желательным, но не обязательным фактором, позволяющим отнести то или иное сочетание слов к данному типу языковых единиц. В то же время терминологические коллокации, закреплённые в словарях, как было установлено в *Главе 1*, не всегда имеют высокие ранги в корпусах.

2.3.1. Политические коллокации в публичных выступлениях политических деятелей

Публичное выступление, как известно, с давних времён являлась не только престижной формой общения, но и предметом наблюдения и анализа. Под публичной речью понимается «устное монологическое выступление одного человека перед группой людей, характеризующееся наличием замысла, структурно-композиционной и содержательной завершенностью, целенаправленностью и установкой на воздействие» [Блох, Фрейдина, 2011, с. 3]. Политическое выступление, в свою очередь, – это выступление, обращённое к массовой аудитории, в котором идёт речь об актуальных политических проблемах [Алтунян, 1999], для которого характерны наличие коллективного автора и нацеленность на воздействие.

Публичное выступление политика, будучи опосредованным средствами массовой информации и Интернет-коммуникации, является частью публичного дискурса и характеризуется следующими признаками: а) массовая адресация; б) адресант – индивидуальный речедеятель, обладающий определенным социальным статусом, дающим «право на речь»; в) общественно значимая тематическая направленность; г) интеллектуализированная, но понятная широкой аудитории речь [Воронцова, 2008, с.20]. Выбор лексических средств политического выступления обусловлен как политико-социальным контекстом, ситуацией общения, так и особенностями языковой личности политика. Благодаря различного рода эпитетам обеспечивается эмоциональная выразительность речи. Одним из популярных стилистических приёмов в речевом арсенале политиков является использование фразеологических единиц: поговорок, пословиц, устойчивых и идиоматических выражений, а также коллокаций, которые кратко и ёмко актуализируют мысль говорящего. Мы выбрали для анализа выступления глав государств как наиболее авторитетных представителей политической лингвокультуры.

2.3.1.1. Политические коллокации в выступлениях Д. Трампа

Эмпирический материал составил 7 речей Д. Трампа: *D. Trump's Victory Speech* (10.11.2016), *D. Trump's Inaugural Address* (20. 01. 2017), *President Trump's Speech to the Arab Islamic American Summit* (21. 05. 2017), *President Donald J. Trump's Weekly Address* (13. 04. 2018), *Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly* (25. 09.2018), *Donald Trump's State of the Union Speech* (05. 02. 2019), *Donald Trump's Speech at the Value Voters Summit in Washington* (12. 10. 2019), из которых при помощи сплошной выборки были отобраны 267 коллокаций, отвечающих выше приведенным критериям (с. 144). Данные коллокации были распределены по семантическим и функциональным признакам, описанным в параграфе 2.3.

1. Коллокации, отражающие политические системы и формы государственного устройства, представлены относительно небольшим количеством единиц (24 ед.).

Среди коллокаций данной группы, выполняющих ориентационную функцию, можно выделить следующие: *ruling class* – ‘правящий класс’, *developing country* – ‘развивающаяся страна’, *communist rule* – ‘коммунистическое правление’, *democratic rule* – ‘демократическое правление’ и др.

*The second-largest economy in the world should not be permitted to declare itself a **developing country** in order to game the system at others' expense.* / Нельзя допустить, чтобы вторая по величине экономика в мире объявила себя **развивающейся страной**, чтобы играть в систему за чужой счет.

*In recognition of every **sovereign state** to determine its own capital, I moved the U.S. Embassy in Israel to Jerusalem.* / В знак признания права каждого **суверенного государства** самостоятельно определять свою столицу, я переместил посольство США в Израиле в Иерусалим.

Такие коллокации, как *repressive regime* – ‘репрессивный режим’, *evil empire* – ‘империя зла’, относятся к агональным знакам политического дискурса,

поскольку представляют собой пейоративные единицы, используемые для осуждения объекта высказывания:

*Today, we are announcing additional sanctions against **the repressive regime**, targeting Maduro's inner circle and close advisors. / Сегодня мы объявляем о дополнительных санкциях против **репрессивного режима**, направленного против окружения Мадуро и его близких советников.*

*Think of this Capitol -- think of this very Chamber, where lawmakers before you voted to end slavery, to build the railroads and the highways, to defeat fascism, to secure **Civil Rights**, to face down **an evil empire**. / Подумайте об этом Капитолии - подумайте об этой самой Палате, где законодатели задолго до вас проголосовали за отмену рабства, за строительство железных дорог и автомагистралей, за победу над фашизмом, за обеспечение **гражданских прав**, за противостояние **империи зла**.*

Ниже представлены примеры употребления коллокаций данной семантической группы, выполняющих функцию интеграции:

*There is Israel, proudly celebrating its 70th anniversary as a **thriving democracy** in the Holy Land. / Есть Израиль, который с гордостью отмечает свою 70-ю годовщину **процветающей демократии** на Святой Земле.*

*Only by standing up for ourselves can we end the abuse, restore our prosperity, and reclaim our **economic independence**. / Только защищая себя, мы можем положить конец злоупотреблениям, восстановить наше процветание и вернуть себе **экономическую независимость**.*

Однако нередки случаи, когда нейтральная коллокация в составе единицы более высокого уровня – предложения, текста, приобретает агональную или интегральную функции.

*The dictator Maduro is a Cuban puppet, protected by Cuban bodyguards, hiding from his own people while Cuba plunders Venezuela's oil wealth to sustain its own corrupt **communist rule**. / Диктатор Мадуро - кубинская марионетка, охраняемая кубинскими телохранителями и скрывающаяся от своего*

народа, в то время как Куба грабит нефтяные богатства Венесуэлы, чтобы поддержать свое коррумпированное **коммунистическое правление**.

2. Коллокации, обозначающие субъектов политики (34 ед.), включают следующие группы:

1) наименования органов, институтов и представителей власти: *government agency* – ‘правительственное учреждение’, *international body* – ‘международный орган’, *federal government* – ‘федеральное правительство’, *legitimate government* – ‘законное правительство’, *bloated bureaucracy* – ‘раздутая бюрократия’, *interim president* – ‘исполняющий обязанности президента’, *vice president* – ‘вице-президент’, *first lady* – ‘первая леди’ и др.

*It calls for streamlining acquisition, eliminating **bloated bureaucracy**, and massively building up our military, which has the fundamental side benefit of creating millions and millions of jobs.* / Это требует упорядочения закупок, устранения **раздутой бюрократии** и наращивания мощи наших вооруженных сил, основным побочным преимуществом чего является необходимость создания миллионов рабочих мест.

2) наименования политических партий, группировок и их представителей: *Democrat party, Democratic party* – ‘Демократическая партия’, *radical left* – ‘радикальный левый’, *radical islamist* – ‘радикальный исламист’, *Blue Dog Democrat* – ‘демократ консервативной коалиции’ и др.

*And as we have seen in the last three years, **the extreme left** has absolutely no respect for the will of the American people.* / И, как мы видели за последние три года, **крайние левые** абсолютно не уважают волю американского народа.

*These days, there's no such thing as a **Blue Dog Democrat**, a **Red State Democrat**, or a **Conservative Democrat** because they are all Pelosi Democrats: weak on crime, weak on terrorism, and weak on national defense.* / В наши дни не существует такого понятия, как **демократ консервативной коалиции**, **демократ из красного штата** или **консервативный демократ**, потому что все они - демократы Пелоси: слабые в борьбе с преступностью, терроризмом и неспособные обеспечить национальную безопасность.

3) наименования классов, групп общества и их представителей: *world community* – ‘мировое сообщество’, *working class* – ‘рабочий класс’, *illegal alien* – ‘нелегальный мигрант’, *Christian community* – ‘христианское сообщество’, *Muslim communities* – ‘мусульманские сообщества’, *African-American community* – ‘афроамериканское сообщество’, *American public* – ‘американское общество’ и др.

*This legislation reformed sentencing laws that have wrongly and disproportionately harmed **the African-American community**.* / Это законодательство реформировало законы о вынесении приговоров, которые нанесли неправомерный и непропорциональный ущерб **афроамериканскому сообществу**.

*There is India, a free society over a billion people, successfully lifting countless millions out of poverty and into **the middle class**.* / Есть Индия, свободное общество с населением более миллиарда человек, которое успешно выводит бесчисленные миллионы [граждан] из бедности в **средний класс**.

Функционально большинство коллокаций данной группы (обозначающей субъектов политической деятельности) являются **знаками ориентации**, то есть номинируют понятия из мира политики, как правило, обладая нейтральной коннотацией.

3. Коллокации, обозначающие политические процессы, действия, события, составляют самую большую группу, которую можно разделить на следующие тематические подгруппы, в зависимости от того, какие явления они описывают: 1) избирательный процесс; 2) процессы дезорганизации; 3) дипломатия и военные действия; 4) внутренние политико-экономические процессы; 5) законодательные процессы (126 ед.). Приведём примеры указанных коллокаций.

1) Коллокации, описывающие различные аспекты избирательного процесса: *campaign trail* – ‘избирательная кампания’, *presidential elections* – ‘президентские выборы’, *the Electoral College* – ‘Коллегия выборщиков’, *ballot box* – ‘урна для голосования’, *win the Presidency* – ‘победить на президентских выборах’ и др. (11 ед.):

*It doesn't matter what **Democrat candidates** say on the campaign trail because once Democrats get to Washington, they always do the same thing: They vote for the liberal Pelosi agenda down the line, straight down the line every single time. / Неважно, что кандидаты-демократы говорят по ходу предвыборной кампании, потому что, как только кандидаты от Демократической партии добираются до Вашингтона, они всегда делают одно и то же: каждый раз строго по пунктам голосуют за либеральную повестку дня Н.Пелоси.*

*They are trying to use the courts to rewrite the laws, undermine democracy, and force through an agenda they can't pass at **the ballot box**. / Они пытаются использовать суды, чтобы переписать законы, подорвать демократию и провести через повестку дня, которую они не могут пройти через урну для голосования (=посредством честных выборов).*

2) Коллокации, обозначающие различные процессы дезорганизации общественно-политической жизни: *internal repression* – ‘внутренние репрессии’, *opioid crisis* – ‘опиоидный кризис’, *human smuggling* – ‘контрабанда людей’, *terrorist attack* – ‘террористический акт’, *religious persecution* – ‘религиозные преследования’ и др. (10 ед.):

*The dictatorship used the funds to build nuclear-capable missiles, increase **internal repression**, finance terrorism, and fund havoc and slaughter in Syria and Yemen. / Диктатура использовала эти средства для создания ядерных ракет, усиления **внутренних репрессий**, финансирования терроризма, а также финансирования хаоса и убийств в Сирии и Йемене.*

*As an example, yesterday I received a call from President Putin of Russia thanking our country for the intelligence that our CIA was able to provide them concerning a major **terrorist attack** planned in St Petersburg.. / Например, вчера у нас состоялся телефонный разговор с президентом России Путиным, в котором он поблагодарил нашу страну за то, что ЦРУ предоставило им информацию о крупном **террористическом акте**, запланированном в Санкт-Петербурге.*

Коллокации, попавшие в данную группу, в большинстве своём являются единицами, выполняющими **агональную** функцию; их лексическое значение включает устойчивую отрицательную коннотацию.

3) Коллокации, использующиеся для обозначения явлений и событий из сферы дипломатической практики и военных действий: *security strategy* – ‘оборонная стратегия’, *unfair trade* – ‘нечестная торговля’, *immigration policy* – ‘иммиграционная политика’, *border security* – ‘безопасность границ’, *trade agreement* – ‘торговое соглашение’, *foreign policy* – ‘внешняя политика’, *nuclear deal* – ‘ядерная сделка’, *migration crisis* – ‘миграционный кризис’, *economic aggression* – ‘экономическая агрессия’, *world war* – ‘мировая война’, *military conflict* – ‘военный конфликт’ и др. (40 ед.):

*We recognize the right of every nation in this room to set its own **immigration policy** in accordance with its **national interests**, just as we ask other countries to respect our own right to do the same -- which we are doing.* / Мы признаем право каждой страны в этом зале устанавливать свою собственную **иммиграционную политику** в соответствии со своими **национальными интересами**, точно так же, как мы просим другие страны уважать наше собственное право делать то же самое – что мы и делаем.

*Our shared goals must be the de-escalation of **military conflict**, along with a political solution that honors the will of the Syrian people.* / Наши общие цели должны заключаться в деэскалации **военного конфликта** наряду с политическим решением, учитывающим волю сирийского народа.

4) Коллокации, обозначающие политические (включая законодательные) и экономические процессы и события в сфере внутренней политики: *national rebuilding* – национальное восстановление, *economic development* – ‘экономическое развитие’, *economic growth* – ‘экономический рост’, *to battle extremism* – ‘бороться с экстремизмом’, *abortion ban* – ‘запрет абортов’, *infrastructure bill* – ‘законопроект об инфраструктуре’, *to pass a bill* – ‘принять законопроект’ и др. (10 ед.):

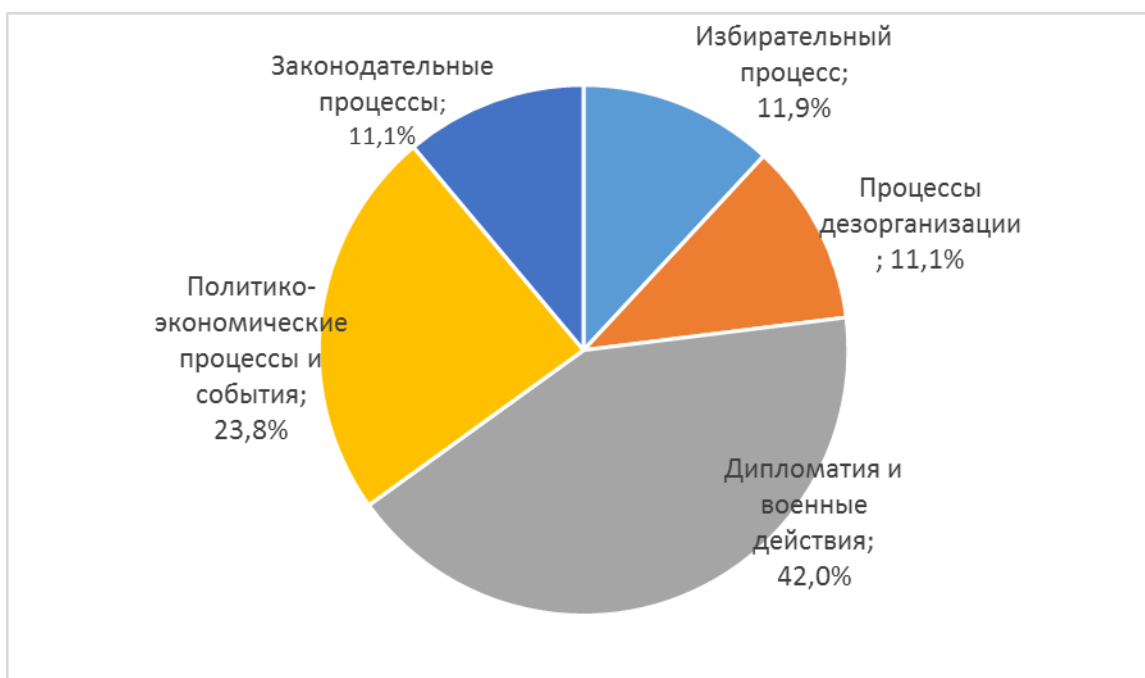

*I know that Congress is eager to pass an infrastructure bill -- and I am eager to work with you on legislation to deliver new and important infrastructure investment, including investments in the cutting edge industries of the future. / Я знаю, что Конгресс готов **принять законопроект об инфраструктуре**, и я готов работать с вами над законодательством, чтобы обеспечить новые важные инвестиции в инфраструктуру, включая инвестиции в передовые отрасли будущего.*

*Thankfully, there is a growing recognition in the wider Middle East that the countries of the region share common interests in **battling extremism** and unleashing economic opportunity. / К счастью, на Ближнем Востоке растет признание того, что страны региона имеют общие интересы в **борьбе с экстремизмом** и использовании экономических возможностей.*

Количественное соотношение данных коллокаций по тематическим группам представлено на Диаграмме 2.

Диаграмма 2. Тематическое разделение коллокаций группы «Политические процессы, действия, события» в публичных выступлениях Д. Трампа

4. Наконец, четвёртую группу составляют коллокации, отражающие понятия из сферы политической идеологии и философии: American greatness – ‘величие Америки’, American leadership – ‘первенство Америки’, religious freedom

– ‘свобода вероисповедания’, *national interest* – ‘национальные интересы’, *free society* – ‘свободное общество’ и др. (85 ед.):

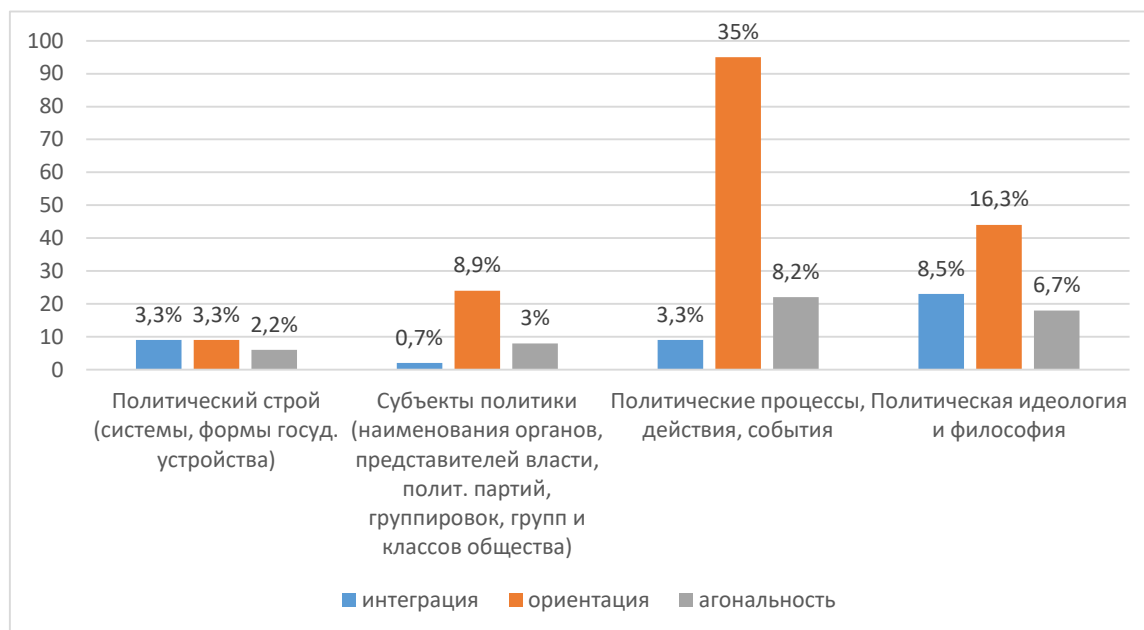
*Together, our task is to strengthen our families, to build up our communities, to serve our citizens, and to celebrate **American greatness** as a shining example to the world. / Наша общая задача состоит в том, чтобы укрепить наши семьи, создать наши общины, служить нашим гражданам и прославлять **величие Америки** как яркий пример для всего мира.*

*Our victories are Americans’ victories because the Republican Party is now the party of the American worker, the American family, and **the American Dream**. / Наши победы – это победы американцев, потому что Республиканская партия теперь является партией американского рабочего, американской семьи и **американской мечты**.*

Как демонстрируют вышеприведённые примеры, коллокации данной группы широко используются политиком в функции **интеграции**. Заметим, что мы зафиксировали 124 употребления прилагательного “American” в речах Д. Трампа в качестве определения, что, несомненно, выражает интенцию к сплочению и воодушевлению, то есть выполняет интегративную функцию. Также необходимо отметить широкое использование эпитетов, служащих для усиления эффекта воздействия. Например, *great American way*, *sweeping new farm bill*, *bold new democracy* и др.

На диаграмме 3 представлено процентное соотношение коллокаций описанных выше семантических групп в соответствии с реализуемыми ими функциями.

Диаграмма 3. Распределение политических коллокаций в публичных выступлениях Д. Трампа по функционально-семантическим признакам

Следует отметить, что большинство коллокаций, обнаруженных в публичных выступлениях Д. Трампа, зафиксированы в лексикографических источниках и являются частью политической терминологии. Кроме того, определённое количество единиц, будучи употреблёнными американским президентом в анализируемых выступлениях, получили дальнейшее распространение в средствах массовой информации, вследствие чего можно говорить об их прецедентном происхождении.

2.3.1.2. Политические коллокации в выступлениях Р. Т. Эрдогана

Политические выступления турецкого президента Р. Т. Эрдогана также показали высокую насыщенность коллокациями. Эмпирический материал составил 162 коллокаций, отобранных из 6 речей турецкого президента с сайта <https://www.tccb.gov.tr/receptayyiperdogan/konusmalar/>: *Birleşmiş Milletler Mülteciler Zirvesi'nde Yaptıkları Konuşma* (20.09.2016), *D-8 Zirvesinde Yaptıkları Konuşma* (20.10.2017), *AK Parti Grup Toplantısında Yaptıkları Konuşma* (08.05.2018), *AK Parti Genel Merkezinde Yaptıkları Balkon Konuşması* (24.06.2018), *Cumhurbaşkanlığı Göreve Başlama Töreninde Yaptıkları Konuşma* (09.07.2018), *Cumhurbaşkanlığı*

Kabinesi Birinci Toplantısı Açılış Töreni'nde Yaptıkları Konuşma (13.07.2018), G-20 Zirvesi Nedeniyle Bulunduğu Osaka'da Düzenlediği Basın Toplantısında Yaptıkları Konuşma (29.06.2019). Представим распределение указанных на группы в соответствии с их семантическими характеристиками, а также проанализируем их функции.

1. Коллокации, отражающие политические системы и формы государственного устройства, в основном выполняют **ориентационную** функцию, например: *yeni yönetim sistemi* – ‘новая система управления’, *hukuk devleti* – ‘правовое государство’, *hükümet sistemi* – ‘государственная система’, *cumhurbaşkanlığı hükümet sistemi* – ‘система президентского правления’, *gelişmiş ülkeler* – ‘развитые страны’ и др. (21 ед.):

Gelin, ezilene kalkan olacak, aç ve açıkta kalana el uzatacak, gelecek nesillere umut aşılacak bir küresel yönetim sistemi kuralım. / Давайте же создадим глобальную систему управления, которая защитит угнетенных, протянет руку помощи голодающим и бездомным и даст надежду будущим поколениям.

Bütün bunları etkili ve kararlı bir şekilde yapabilmek için elbette cumhurbaşkanlığı hükümet sistemi çok önemli bir kolaylık olacaktır. / Конечно, система президентского правления будет очень важным инструментом, позволяющим сделать всё это эффективно и решительно.

Единиц данного уровня, обладающих признаками агональности, в выступлениях турецкого политика обнаружено не было.

2. Среди коллокаций, обозначающих субъектов политики, также преобладают номинативные единицы, выполняющие функцию **ориентации**, например, *devlet başkanı* – ‘глава государства’, *güvenlik konseyi* – ‘совет безопасности’, *meclis başkanı* – ‘спикер парламента’, *genel sekreter* – ‘генеральный секретарь’, *sivil toplum kuruluşları* – ‘неправительственные организации’, *birinci sınıf vatandaşı* – ‘гражданин первого класса’ и др. (24 ед.):

Tepkimizi hoşgörüyü esas alan kapsayıcı bir söylem ve somut önlemlerle ortaya koymak biz devlet adamlarının en önemli görevidir. Наиболее важная

обязанность нас как **государственных деятелей** – выразить нашу реакцию посредством всеобъемлющего обсуждения и конкретных мер, основанных на толерантности.

*Siber saldırılar büyük şirketlerden devlet kurumlarına, hatta demokratik seçime kadar hemen her şeyin güvenliğini tehdit ediyor. / Кибератаки угрожают безопасности практически повсюду, от крупных компаний до **правительственных учреждений**, и даже демократическим выборам.*

1) наименования политических партий, группировок и их представителей: *siyasi parti* – ‘политическая партия’, *Ak Parti* – ‘Партия справедливости и развития’, *Milliyetçi Hareket Partisi* – ‘Партия национального действия’, *Cumhuriyet Halk Partisi* – ‘Республиканская народная партия’, *muhalefet partisi* – ‘оппозиционная партия’ и др. :

*Geçmişimizden bugüne her türlü siyasi parti bu tür yollara başvurmuştur, bu tür hak arama mücadelesini vermiştir. / С давних пор все виды **политических партий** действовали подобным образом, пытаясь добиться таких прав.*

2) наименования классов, групп общества и их представителей (*uluslararası toplum* – ‘международное сообщество’ и др.)

3. Согласно данным, приведённым на Диаграмме 5, около 55% (89 ед.) от общего числа коллокаций, полученных из текстов выступлений Р. Т. Эрдогана, составляют единицы, обозначающие политические процессы, явления и события, которые можно подвергнуть дальнейшему разделению на тематические группы:

1) дипломатия и война (29 ед.): *ikili görüşmeler* – ‘двусторонние переговоры’, *uluslararası işbirliği* – ‘международное сотрудничество’, *ticaret savaşları* – ‘торговые войны’, *dış politika* – ‘внешняя политика’, *insani yardım* – ‘гуманитарная помощь’, *ikinci dünya savaşı* – ‘Вторая мировая война’, *birinci dünya savaşı* – ‘Первая мировая война’, *ticaret anlaşma* – ‘торговое соглашение’, *zirve toplantı* – ‘встреча на высшем уровне’, *Yüzyılın Anlaşması* – «соглашение века», «делка века» и др.

*Aralık ayında Cenevre’de gerçekleştirilecek olan ve eşbaşkanlığını üstleneceğimiz **Küresel Mülteci Forumu**’nun başarısına da önem veriyoruz. / Мы также*

придаем большое значение успеху **Глобального форума по делам беженцев**, который состоится в декабре в Женеве, где мы будем сопредседателями.

Yüzyilin Anlaşması olarak takdim edilen girişimin amacı Filistin Devleti'nin ve halkının mevcudiyetini tamamen ortadan kaldırmak mıdır? / Является ли цель инициативы, представленной как **Соглашение века**, полностью ликвидировать присутствие палестинского государства и его народа?

Следует отметить, что коллокация «Соглашение века» или «Сделка века» обязана своим происхождением американскому президенту, именно так назвавшему соглашение по ближневосточному урегулированию, заключённое между США, Саудовской Аравией и ОАЭ в июле 2018 года, вызвавшее неоднозначную реакцию мирового сообщества, в связи с чем до сих пор является предметом обсуждения, не теряя актуальности. Использование данной коллокации в турецком политическом медиадискурсе свидетельствует о её распространённости и универсальности.

2) политико-экономические процессы, явления и события (13 ед.): *ekonomik kriz* – ‘экономический кризис’, *siyasi kaos* – ‘политический хаос’, *ekonomik tuzak* – ‘экономическая ловушка’, *sosyal politika* – ‘социальная политика’, *siyasi güç* – ‘политическая власть’, *siyasi hayatı* – ‘политическая жизнь’ и др.

*Geçmişte yol açtığı siyasi, sosyal ve ekonomik kaoslar sebebiyle ülkemize çok büyük bedeller ödeten bir sistemi artık geride bırakıyoruz. / Мы оставляем позади систему, которая вызвала **политический, социальный и экономический хаос** и дорого обошлась нашей стране.*

*Küresel ekonomideki özellikle karşısında bulunan uluslararası işbirliğini artırmamız, ülkeler arasındaki güven kanallarını açık tutmamız, var olan tüm **politika araçlarını** kullanmamız gerektiği noktasında mutabakata vardık. / Мы достигли соглашения о том, что нам следует расширять международное сотрудничество, особенно в мировой экономике, сохранять каналы доверия между странами и использовать все существующие **инструменты политики**.*

3) законодательные процессы (8 ед.): *köklü reformlar* – ‘радикальные реформы’, *kanun çıkarmak* – ‘принять закон’, *kanun değişiklik* – ‘изменение закона’, *anayasa değişiklik* – ‘изменение конституции (внесение поправок в конституцию)’, *Cumhurbaşkanlığı kararnameleri* – ‘указы президента’ и др.

Özellikle Güvenlik Konseyi'nde adalete ve hakkaniyete uygun köklü reformları derhal gerçekleştirmeliyiz. / Особенно в Совете Безопасности мы должны немедленно провести радикальные реформы в соответствии с принципами справедливости и равенства.

Her şeyden önce, sistem oturana kadar cumhurbaşkanlığı kararnameleri yanında çok sayıda kanun çıkarmaya veya kanun değişikliğine, hatta anayasa değişikliğine ihtiyaç duyulacaktır. / Прежде всего, будет необходимо принять или изменить многие законы или даже конституционные поправки наряду с президентскими указами, пока система не установится.

4) избирательный процесс (27 ед.): *sandiğa gitmek* – ‘идти на выборы’, *oy vermek* – ‘голосовать, отдавать голос’, *serbest seçim* – ‘свободные выборы’, *çatı adayı* – ‘самый подходящий кандидат’, *seçim maratonu* – ‘избирательный марафон’, *salt çoğunluk* – ‘простое большинство’, *milletvekili adaylar* – ‘кандидаты в депутаты’ и др.

Seçim günü sandığa giderek iradelerini yansıtan, demokrasimize sahip çıkan tüm vatandaşlarıma buradan tekrar şükranlarımı sunuyorum. / Я выражаю свою благодарность всем гражданам, которые пришли голосовать (досл. – к урне для голосования) в день выборов, выражая свою волю и выбирая демократию.

Следует отметить, что коллокации, обозначающие различные аспекты избирательного процесса, составляют вторую по численности подгруппу данной группы (Диаграмма 4), в то время как в дискурсе американского президента коллокации избирательного процесса занимают третье место по численности после одноимённых единиц, служащих для описания дипломатических и военных действий, а также политико-экономических процессов, событий и явлений.

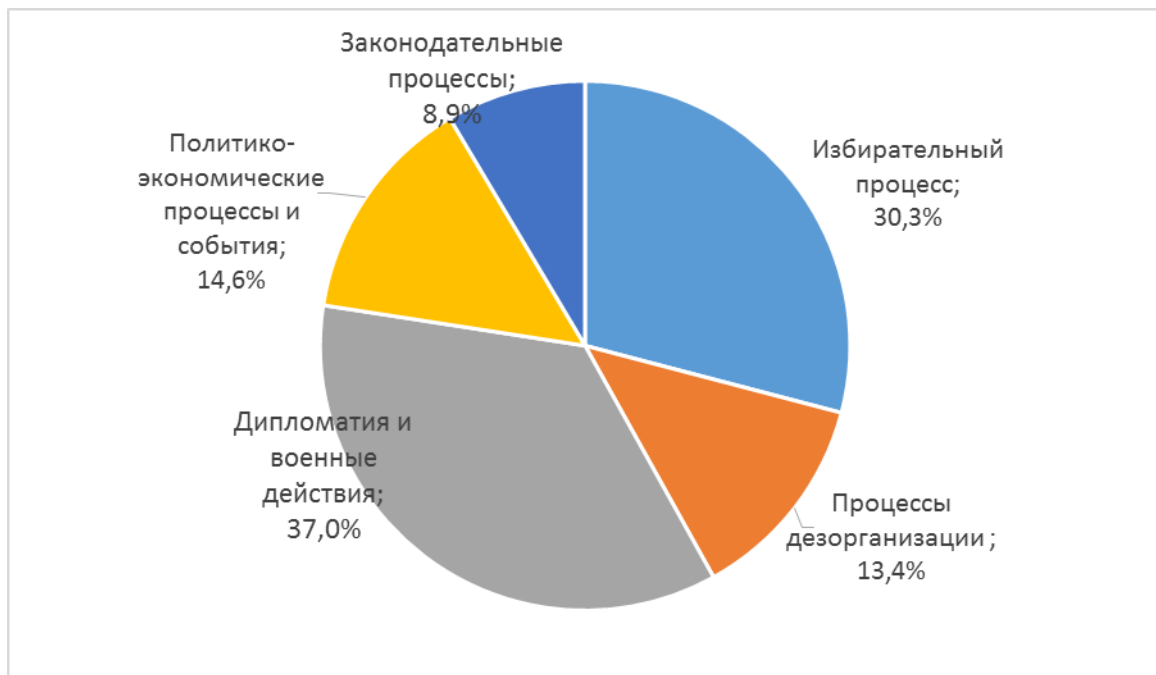
Данное расхождение можно объяснить экстралингвистическими факторами: в рассматриваемый период проходили выборы президента Турции.

5) процессы дезорганизации (12 ед.): *temmuz darbe* – ‘июльский путч’, *terör tehditi* – ‘угроза террора’, *siber saldırılar* – ‘кибератаки’, *provokatif haberler* – ‘провокационные новости’ и др.

Sizler Gezi olaylarında, 17-25 Aralık emniyet-yargı darbe girişiminde, Cumhurbaşkanlığı seçiminde yanımızdaydınız. / Вы были с нами на событиях в Гези, во время попытки государственного судебного переворота 17-25 декабря, на президентских выборах.

Afganistan'da yaklaşık 40 yıldır kesintisiz süren işgaller, çatışmalar ve terör faaliyetleri küresel düzeyde sorunlara yol açmıştır. / Непрерывная оккупация, конфликты и террористическая деятельность в Афганистане в течение почти 40 лет вызывали глобальные проблемы.

Диаграмма 4. Тематическое разделение политических коллокаций группы «Политические процессы, действия, события» в выступлениях Р.Т. Эрдогана

4. Наконец, приведём примеры политических коллокаций с идеологическим компонентом значения: *milli irade* – ‘народная воля’, *cumhuriyet bayramı* –

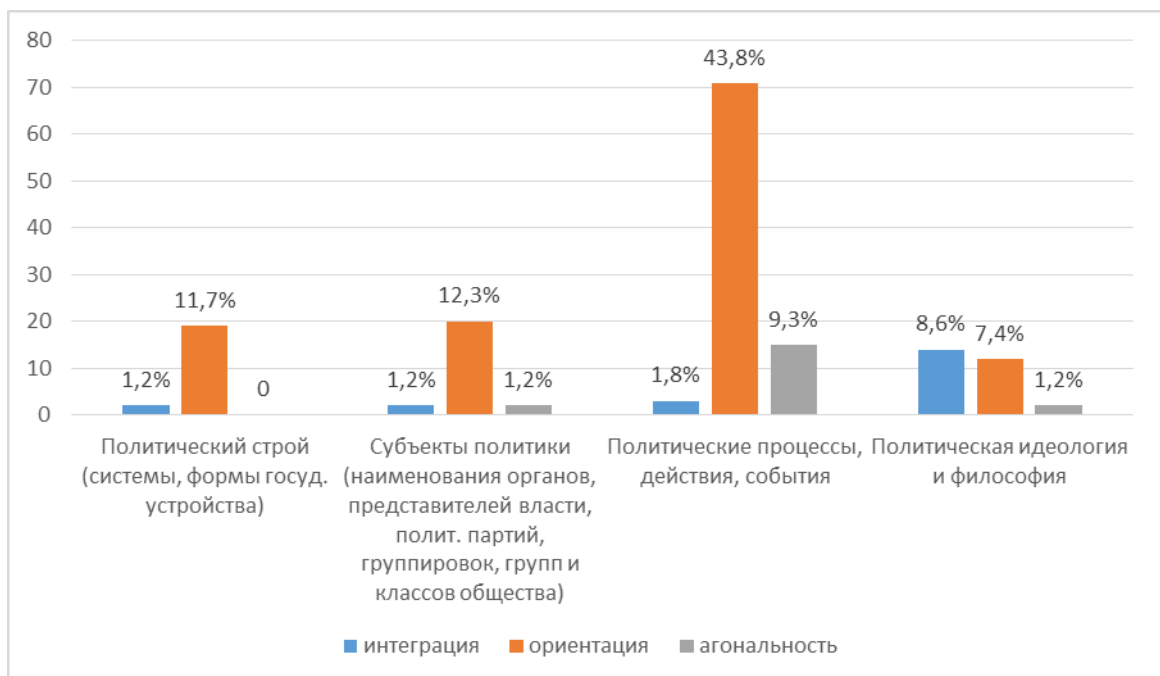
‘республиканский праздник’, *büyük millet* – ‘великий народ’, *demokrasi şöleni* – ‘торжество демократии’, *demokrasi imtihanı* – ‘тест на демократию’, *Türk milleti* – ‘турецкий народ’, *yeni dünya* – ‘новый мир’ и др. (28 ед.):

*Demokratik bir hukuk devleti olan Türkiye'de 31 Mart seçimleri **demokrasi şöleni** havasıyla gerçekleştirilmiştir. / В Турции, являющейся демократическим правовым государством, 31 марта прошли выборы в атмосфере торжества демократии.*

*Türk siyasi tarihinin en yüksek katılımlı serbest seçiminde sandığa giderek bu **demokrasi şölenine** katılan tüm vatandaşlarıma teşekkür ediyorum. / Я хотел бы поблагодарить всех граждан, которые участвовали в этом **торжестве демократии**, отдав свой голос на выборах с самой высокой явкой в политической истории Турции.*

Функционально-семантическое разделение политических коллокаций представлено на Диаграмме 4.

Диаграмма 5. Распределение политических коллокаций в публичных выступлениях Р.Т. Эрдогана по функционально-семантическим признакам

Таким образом, анализ фактического материала показывает, что самую обширную группу в выступлениях лидеров государств составляют политические коллокации, обозначающие политические процессы, действия, события (при этом

бóльшая часть единиц описывает процессы, относящиеся к дипломатической и военной сферам), второй по частотности является группа коллокаций, имеющих идеологический компонент значения. Большинство извлечённых коллокаций имеют нейтральную коннотацию и выполняют номинативную и ориентационную функции. Однако в составе единиц более высокого уровня – предложений, текстовых фрагментов, а также непосредственно в процессе произнесения речи – нейтральные коллокации могут приобретать иные функции, получать дополнительные коннотации и оттенки смысла. Также было показано, что публичные речи политиков насыщены коллокациями, относящимися к сфере политической идеологии и философии: в выступлениях Д. Трампа коллокации данной группы составили 31%, а в выступлениях Р. Т. Эрдогана – 17 % от общего числа единиц. Сопоставление интегральных и агональных знаков в количественном отношении показывает преобладание первых. Структурно около 90% полученных коллокаций представляют собой именные и лишь небольшая часть – глагольные сочетания.

Некоторые коллокации из выступлений лидеров США и Турции закрепились в политическом медиадискурсе благодаря повторению как в дискурсе самих политиков, так и в дискурсе реагирования, например, **англ.** *Deal Of The Century* – ‘сделка века’ (Д. Трамп), **тур.** *demokrasi şöleni* – ‘торжество демократии’ (Р. Т. Эрдоган) и другие.

Анализ фактического материала показал наличие в выступлениях обоих президентов коллокаций с числовым компонентом: **англ.** *first round* – ‘первый тур’, *first lady* – ‘первая леди’, *First Amendment* – ‘первая поправка’; **тур.** *birinci sınıf vatandaşı* – ‘гражданин первого класса’, *ikili görüşmeler* – ‘двусторонние переговоры’, *Birinci Meclis* – ‘Первое национальное собрание’.

Метафорические коллокации также были представлены в речах обоих президентов, хотя и в относительно небольшом количестве (42 ед.): **англ.** *swamp of government corruption* – ‘болото правительственной коррупции’, *bloated bureaucracy* – ‘раздутая бюрократия’. *witch hunt* – ‘охота на ведьм’, **тур.** *ekonomik tuzak* – ‘экономическая ловушка’, *siyaset yelpaze* – ‘политический спектр’ и др.

Отметим, что незначительное количество данного типа коллокаций не является показателем отсутствия политической метафоричности в выступлениях политических лидеров. Как было установлено в п. 2.2.1, метафорические коллокации, являясь устойчивыми сочетаниями слов, содержат конвенциональные (или традиционные) метафоры, в то время как политики стремятся сделать свои выступления живыми, добавляя в них не шаблонные, а авторские метафоры, эпитеты и другие экспрессивные средства. Нередко метафора разворачивается в более широком контексте, чем коллокация – в предложении, абзаце, а иногда и на уровне текста.

Достаточно большую группу среди исследуемых единиц составили политонимы, то есть коллокации-онимы (более 140 ед.):

1) коллокации-эпонимы: **англ.** *The People's Democratic Party* – ‘Народная демократическая партия’, *the North Atlantic Treaty Organisation* – ‘Северо-Атлантический Союз’, *the Labour Department* – ‘Департамент труда’; **тур.** *Diyanet İşleri Başkanlığı* – ‘Управление по делам религии’ и др.;

2) коллокации-хрононимы: **англ.** *Balkan Savaşı* – ‘Балканская война’, *ikinci dünya savaşı* – ‘Вторая мировая война’, *15 Temmuz Darbe Girişimi* – ‘Попытка переворота 15 июля’ и др.;

3) коллокации-документонимы: **англ.** *Russia sanctions bill* – ‘законопроект о наложении санкций на Россию’; **тур.** *Devlet Memurları Yasası* – ‘Закон о государственных служащих’, *Diyanet teşkilat yasaı* – ‘Закон о религии’ и др.

Анализ языкового материала позволяет заключить, что речи политических лидеров содержат как узуальные, зафиксированные в лексикографических источниках коллокации, так и новые, прецедентные единицы, порождённые непосредственно дискурсом политиков, ещё не удостоившиеся упоминания в словарях, но активно тиражируемые в других видах политического медиадискурса, и в первую очередь, в дискурсе журналистов.

2.3.2. Политические коллокации в дискурсе журналистов

Политический дискурс СМИ определяется как «сложное коммуникативное явление, имеющее своей целью борьбу за власть посредством формирования общественного мнения, включающее текст как вербализованный результат речи, контекст – ситуативный, социокультурный и прагматический, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса» [Никитина, 2006, с. 4].

В зависимости от типов политических сообщений, средства массовой информации выполняют в политике разные функции, то есть в зависимости от того, представляют ли эти сообщения независимое мнение журналиста о политическом событии или является площадкой для выражения взглядов политического деятеля; обращаются к гражданам с политической рекламой или предоставляют эфирное время для выступлений. Средства массовой информации могут сообщать об общественных взглядах политических лидеров, доносить информацию как от правительства к обществу, так и от граждан к правительству. При этом нередко сами политики получают сведения об общественном мнении через средства массовой информации. Таким образом, власть СМИ заключается в отборе и формировании политического дискурса [The Encyclopedia of Political Science, p. 1015–1017]. Иными словами, политик общается с адресатом посредством средств массовой информации, в то время, как СМИ распространяют информацию, необходимую государству на данный момент для влияния на общественное мнение, а также «сообщают общественные взгляды на политических лидеров и переносят, таким образом, информацию от правительства к общественности и от общественности к правительству» [Никифорова, 2014]. Однако, в отличие от выступлений политиков, для которых медиаканал – лишь средство передачи информации, дискурс журналистов (статьи и устные сообщения) включает не только выдержки из речей политических деятелей, но и сообщения об их действиях, комментарии, анализ, представляя собой совершенно иной тип дискурса. СМИ не только наиболее мобильно реагируют на

происходящие в обществе и в языковом сознании изменения, но и во многом определяют изменения в сознании рядовых носителей языка. Именно благодаря усилиям журналистов закрепляются новые идеологические установки, а политические термины зачастую приобретают новые, не нормативные, реальные значения [Кондратьева, 2016].

Для исследования нами были отобраны 75 статей из разделов «Политика» газеты *The Washington Post* (на английском языке) и 78 статей из газеты *Milliyet* (на турецком языке) за период 2016–2019 гг., из которых были сформированы корпуса на платформе *Sketch Engine*.

Функционально-семантический анализ политических коллокаций, содержащихся в текстах статей, показывает, что в дискурсе СМИ так же, как и в речах политических деятелей, преобладают коллокации, обозначающие политические процессы, явления и события и выполняющие функцию ориентации. Однако, если в политических выступлениях политиков второе место по численности занимают коллокации-идеологемы, то в дискурсе журналистов на втором месте находятся коллокации, представляющие собой наименования субъектов политики. Также можно заметить, что дискурс политиков характеризуется большей **агональностью** (на коллокационном уровне), чем дискурс журналистов.

Приведём примеры коллокаций по тематическим группам:

1) коллокации, использующиеся для описания политического устройства: **англ.** *federal government* – ‘федеральное правительство’, *Socialist government* – ‘социалистическое правительство’, *political system* – ‘политическая система’, *military rule* – ‘военное правление’; **тур.** *azınlık hükümeti* – ‘правительство меньшинства’, *koalisyon hükümeti* – ‘коалиционное правительство’, *kuvvetler ayrılığı* – ‘разделение властей’, *parlamentar demokrasi* – ‘парламентская демократия’, *federal siyasi sistemi* – ‘федеральная система правления’, *sosyalist hükümet* – ‘социалистическое правительство’, *yeni yönetim sistemi* – ‘новая система правления’ и др. (всего 43 ед.).

Большинство коллокаций данной группы выполняют функцию **ориентации** и **идентификации**.

*On Wednesday, the president agreed to support legislation providing hurricane relief money in a package that also averts an imminent shutdown of the **federal government** and raises its borrowing limit for three months. / В среду президент согласился поддержать законодательство, предусматривающее предоставление помощи в случае урагана в виде пакета мер, который также предотвращает неизбежное прекращение работы **федерального правительства** и на три месяца повышает его лимит заимствования.*

Такие единицы, как **англ.** *undemocratic system* – ‘недемократическая система’, *one-man rule* – ‘единоличное правление’, **тур.** *otoriter rejim* – ‘авторитарный режим’ в современной действительности обладают выраженной пейоративной окраской и агональной функцией, реализуя её непосредственно на уровне коллокации и получая дальнейшее развитие в более широком контексте.

*The language from the police underscores the lack of accountability under Hong Kong's **undemocratic system**, said William Donohue, a professor of communication at Michigan State University. / В высказываниях полиции подчеркивается отсутствие ответственности в **недемократической системе** Гонконга, говорит Уильям Донохью, профессор связи в Университете штата Мичиган.*

*Bugün Arap ülkelerinde güncel bölünme İslamcılar ile diğerleri arasında değil, demokrasiden yana olanlarla **otoriter rejim** isteyenler arasında. / Сегодня в арабских странах противостояние возникает не между исламистами и лицами другого вероисповедания, а между теми, кто выступает за демократию, и теми, кто хочет (установления) **авторитарного режима**.*

2. Среди коллокаций, обозначающих субъектов политики (114 ед.), были выделены следующие группы:

1) наименования органов, институтов и представителей власти: **англ.** *government agency* - государственное агентство, *State Department* – Государственный департамент’, *federal bureaucracy* – ‘Федеральная бюрократия’,

political figures – ‘политические фигуры’ (значимые личности в политике), *deputy prime minister* – ‘заместитель премьер-министра’, **тур.** *Yönetim Kurulu* – ‘административный совет’, *siyasi aktörler* – ‘политические деятели’, *Cumhurbaşkanlığı Sözcüsü* – ‘пресс-секретарь президента’, и др.

2) наименования политических партий, группировок и их представителей: **англ.** *right-wing party* – ‘партия правого крыла’, *Democratic Party* – ‘демократическая партия’; **тур.** *Millet ittifakı* – ‘Альянс наций’, *Saadet Partisi* – ‘партия счастья’, *İşçi Partisi* – ‘Лейбористская партия’, *parti üyeleri* – ‘члены партии’ и др.

3) наименования классов, групп общества и их представителей: **англ.** *working class* – ‘рабочий класс’, *ethnic group* – ‘этническая группа’, **тур.** *sivil toplum* – ‘гражданское общество’, *kamu işçileri* – ‘государственные служащие’, *basın mensupları* – ‘представители прессы’ и др.

Большую часть коллокаций данной группы (обозначающей субъектов политической деятельности) представляют собой номенклатурные наименования органов, институтов и представителей власти различных уровней. Из 53 английских коллокаций к данной группе относится 13, а из 57 турецких – 14 единиц. Коллокации данных групп являются **знаками ориентации**, то есть номинируют понятия из мира политики, как правило, обладая нейтральной коннотацией.

3. Как и в дискурсе политиков, самую многочисленную группу коллокаций в дискурсе журналистов составляют единицы, обозначающие политические процессы, действия, события (314 ед.):

1) коллокации, используемые для описания избирательного процесса: **англ.** *presidential election* – ‘выборы президента’, *Electoral College* – ‘коллегия выборщиков’, *ballot recount* – ‘повторный подсчёт голосов’, **тур.** *sandık başına gitmek* – ‘идти на избирательный участок’, *oy oranı* – ‘соотношение голосов’, *Cumhurbaşkanı adayı* – ‘кандидат в президенты’, *seçimlerine katılım* – ‘участие в выборах, явка избирателей’, *seçim gezisi* – ‘предвыборная поездка’ и др.

Avusturyalılar, yarın federal meclisin yeni üyelerini belirlemek üzere sandık başına gidecek. / Австрийцы завтра отправятся на избирательные участки, чтобы определить новых членов Федерального Собрания).

Muhalefetteki Sol Partinin (Die Linke) oy oranı yüzde 5,5 oldu. /Доля голосов оппозиционной Левой партии (Die Linke) составила 5,5 процента.

Следует отметить, что большинство коллокаций данной подгруппы являются универсальными для рассматриваемой пары языков. И английские, и турецкие единицы являются широко употребительными в медиадискурсе, однако, в отличие от английских коллокаций, их турецкие эквиваленты зачастую не имеют описания в одноязычных словарях. Вероятно, этот факт объясняется тем, что в Турции институт выборов сформировался относительно недавно и многие термины, включая коллокации, были образованы способом калькирования. Например, **англ.** *electoral district* – **тур.** *seçim bölgesi* – ‘избирательный участок’, **англ.** *call for election* – **тур.** *seçim çağrısı* – ‘призыв к выборам, объявление выборов (президентом, премьер-министром)’, **англ.** *local election* – **тур.** *yerel seçim* – ‘местные выборы’ и др.

В английском материале мы обнаружили ряд этнокультурных политических коллокаций, таких, как, например, *run-off election* – ‘второй (решающий) тур выборов’, *landslide victory* – ‘победа со значительным преимуществом’, *presidential bid* – ‘участие в президентских выборах’, *smear campaign* – ‘грязная (клеветническая) кампания’. Среди турецких коллокаций, служащих для описания избирательного процесса, также имеются единицы, обладающие национально-культурной спецификой, например, *oy patlaması* – ‘неожиданно большое количество голосов (досл. «взрыв голосов»)’, *sandıktan çıkmak* – ‘победить на выборах (досл. «выйти из урны («сундука») для голосования)’, *çatı adayı* – ‘основной кандидат (досл. *catı* – «крыша»)» и некоторые другие. Несмотря на достаточно широкое употребление указанных единиц в современном медиадискурсе, данные политические коллокации пока не получили должного освещения в лексикографических источниках.

2) коллокации, обозначающие процессы дезорганизации: **англ.** *government shutdown* – ‘остановка работы правительства’, *corruption scandal* – ‘коррупционный скандал’, *disinformation campaign* – ‘кампания дезинформации’, *political unrest* – ‘политическая нестабильность’, *terrorist activity* – ‘террористическая деятельность’; **тур.** *teröre yataklık yapmak* – ‘покрывать террористов’, *terör eylemleri* – ‘террористические акты’, *düzensiz göç baskısı* – ‘наплыв нелегальных мигрантов’ и др.

Поскольку коллокации данной группы служат для описания внутренних политических процессов, тот факт, что мы получили разные по тематической отнесённости единицы, представляется закономерным. Тем не менее существуют и общие темы: так, в средствах массовой информации на обоих языках уделяется особое внимание осуждению террористических действий, а также обсуждению проблем нелегальной миграции.

3) коллокации, служащие для описания дипломатических и военных действий: **англ.** *militant group* – ‘группа боевиков’, *political asylum* – ‘политическое убежище’, *migrant center* – ‘центр для мигрантов’, *trade war* – ‘торговая война’, *climate accord* – ‘соглашение по вопросам климата’, *cease fire agreement* – ‘соглашение о прекращении огня’; **тур.** *uluslararası toplum* – ‘международное сообщество’, *dış politika* – ‘внешняя политика’, *açık kapı politikası* – ‘политика открытых дверей’, *yaptırımları uygulamak* – ‘применить санкции’, *müzakere masası* – ‘стол переговоров’, *verimli görüşmeler* – ‘продуктивные переговоры’, и др.

Как демонстрируют вышеприведённые примеры, коллокации данной подгруппы также в большинстве своём являются универсальными, что можно объяснить как постоянным функционированием института дипломатии и необходимостью освещения соответствующих событий в средствах массовой информации, так и экстралингвистическими факторами, а именно, наличием общих проблем, так или иначе касающихся большинства стран.

Например, широкое применение Соединёнными Штатами санкций с целью воздействия на другие страны привело к активному использованию как в

англоязычном, так и в турецком медиадискурсе коллокаций с ключевыми компонентами *sanctions / yaptırımlar*: **англ.** *to relieve (to ease) / to impose / to drop sanctions* – ‘ослабить/ ввести/ снять санкции’; **тур.** *yaptırımları uygulamak / ağırlaştırmak / sertleştirmek* – ‘ввести/ усилить/ ужесточить санкции’ и др.

*Of particular concern is a congressional review process that would allow the House and Senate to stop the president from **lifting sanctions**.* / Особую озабоченность вызывает процесс пересмотра в конгрессе, который позволил бы Палате представителей и Сенату предотвратить возможную **отмену санкций** президентом.

*ABD'nin Avrupa ve Avrasya İlişkilerinden Sorumlu Dışişleri Bakan Yardımcısı Wess Mitchell de Temsilciler Meclisi'nin Dış İlişkiler, Türkiye'nin Rusya'dan S-400 satın almasının "CAATSA'nın 231'inci maddesi kapsamında **yaptırımların uygulanmasına** ve Türkiye'nin F-35 programına katılımı üzerinde olumsuz etki yaratma potansiyeli" taşıdığını ifade etmişti.* / Заместитель министра иностранных дел США, отвечающий за отношения с Европой и Евразией, Весс Митчелл также заявил, что покупка Турцией S-400 у России "потенциально может оказать негативное влияние на **введение санкций** в соответствии со статьей 231 CAATSA и участие Турции в программе F-35".

4) коллокации, репрезентирующие внутренние политико-экономические процессы: **англ.** *economic growth* – ‘рост экономики’, *economic malaise* – ‘экономический спад’, *federal budget* – ‘федеральный бюджет’, *private sector* – ‘частный сектор’, *crumbling economy* – ‘гибнущая экономика (пришедшая в упадок экономика)’; **тур.** *yatırım ortamı* – ‘инвестиционный климат’, *özel sektör yatırımları* – ‘инвестиции в частный сектор’ и др.

*Tens of thousands of people took to the streets in Sudan on Sunday **to demand the resignation** of President Omar Hassan al-Bashir, whose nearly 30 years in power have been punctuated by **civil war, ethnic conflict and a crumbling economy.*** / Десятки тысяч человек вышли в воскресенье на улицы Судана, чтобы потребовать отставки президента Омара Хасана аль-Башира, почти 30

лет пребывания которого у власти сопровождалась **гражданской войной, этническими конфликтами и развалом экономики.**

5) коллокации, служащие для описания законодательных процессов: **англ.** *economic policy* – ‘экономическая политика’, *trade rules* – ‘правила торговли’, *federal budget cuts* – ‘сокращение федерального бюджета’; **тур.** *yasa tasarısı* – ‘проект закона’, *yasa teklifi* – ‘предложение о введении закона’, *siyaset yasağı* – ‘политический запрет’ *kanun tasarısı hazırlamak* – ‘подготовить законопроект’ и др.

Анализ языкового материала позволил выделить ещё одну, шестую, группу коллокаций, служащих для описания политических процессов и действий: это единицы, обозначающие:

б) различные действия, совершаемые непосредственно политическими деятелями и их группами или применяемые к политическим деятелям, например: **англ.** *nationwide debate* – ‘общенациональные дебаты’, *political speech* – ‘политическое выступление’, *to take office* – ‘вступить в должность’, *to reopen the government* – ‘возобновить работу правительства’; **тур.** *görevden uzaklaştırmak* – ‘отстранить от должности’, *hükümet kurmak* – ‘сформировать правительство’, *istifa etmek* – ‘уйти в отставку’, *konuşma yapmak* – ‘выступить с речью’, *balkon konuşması* – ‘балконное выступление’ и др.

Как видим, коллокации данной группы в основном универсальны, поскольку отражают явления, имеющие место в политической жизни обеих стран. Определённой национальной спецификой обладает турецкая коллокация «балконное выступление» (*balkon konuşması*). Практика балконного выступления была относительно недавно внедрена в политическую культуру Турции Р. Т. Эрдоганом, однако имеет достаточно долгую политическую историю. С балконов выступали и другие политические лидеры: бывшие президенты США Б. Обама и Ф. Рузвельт, лидер нацистской Германии А. Гитлер, вождь большевиков В. И. Ленин и другие. Однако, поскольку в настоящее время данная коллокация в рамках пары языков «турецкий – английский» является значимой

для турецкой лингвокультуры и не имеет аналогов соответствующего уровня в английском языке, её можно считать этнокультурной.

Onun için helalleşme, balkon konuşması, empati, beyaz sayfa açmak, kapıyı herkese açık bırakmak gibi kavramları Türk siyasetinde biz işler hale getirdik. / Поэтому мы ввели в турецкую политическую культуру такие понятия, как хелаллинг, балконное выступление, эмпатия, начало с чистого листа, открытые двери для всех.

Национально-специфичных коллокаций в дискурсе англоязычных журналистов для данной тематической группы политических коллокаций нам обнаружить не удалось.

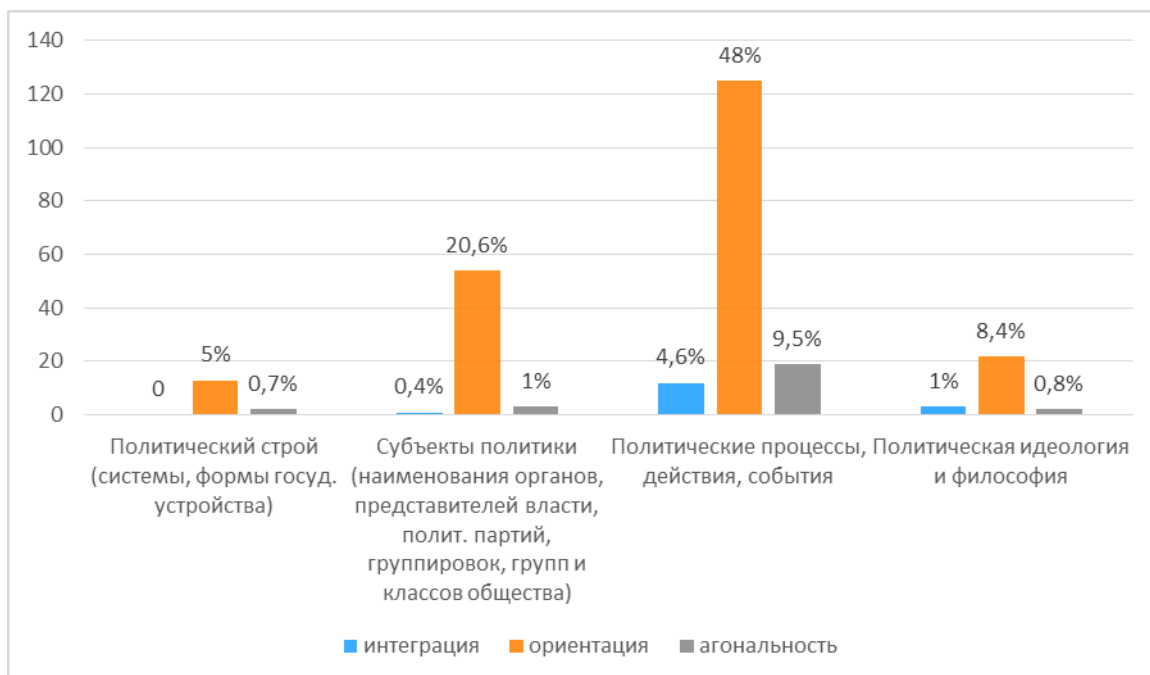
4. Наконец, приведём примеры коллокаций, относящихся к области политической идеологии и философии: **англ.** *political scene* – ‘политическая сцена’, *political battleground* – ‘политическое поля боя’, *national anthem* – ‘национальный гимн’, *racial bias* – ‘расовые предрассудки’, **тур.** *siyasi görüşü* – ‘политические убеждения’, *demokratik prensipler* – ‘демократические принципы’, *demokratik değerler* – ‘демократические ценности’, *millet tercihi* – ‘выбор народа’ и др. (51 ед.):

*Millions of Brazilians woke up on Monday to a drastically altered **political landscape**. / Миллионы бразильцев проснулись в понедельник [в стране] с резко изменившимся **политическим ландшафтом**.*

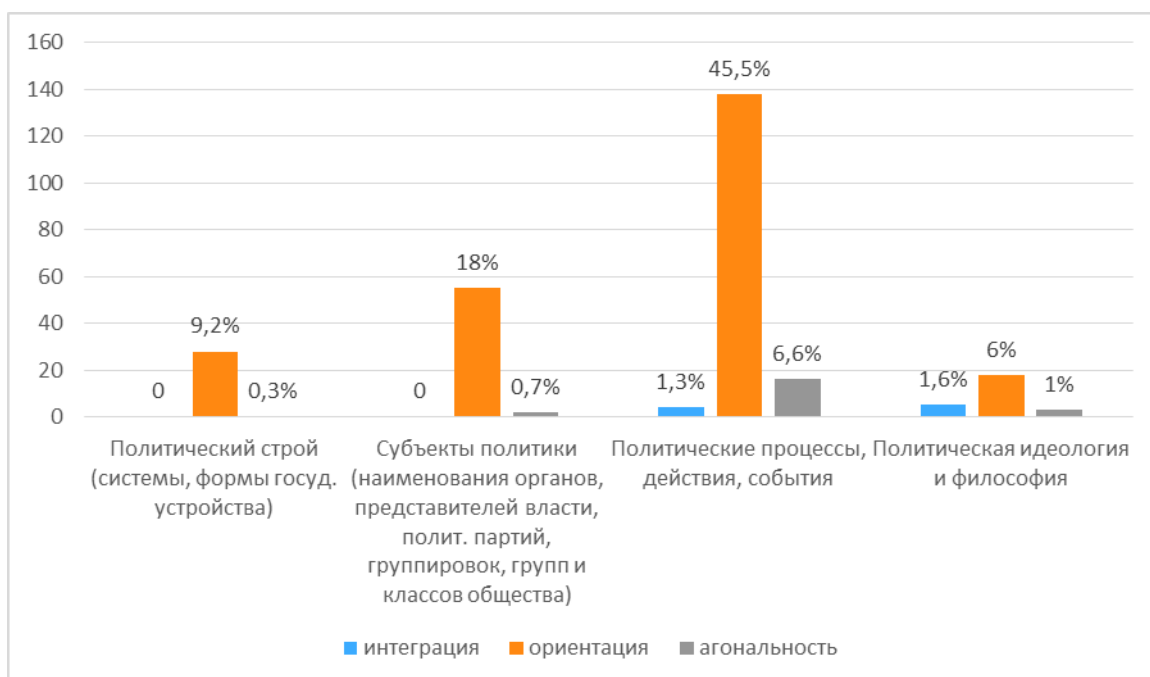
***Demokratik değerlere bağlı ve insan haklarına saygılı bir adalet sistemine sahip olduğumuz konusunda, hiç kimsenin şüphesi olmatmalıdır.** / В том, что у нас есть система правосудия, которая придерживается **демократических ценностей** и уважает права человека, никто не должен сомневаться.*

По сравнению с дискурсом политических деятелей данная группа коллокаций в дискурсе журналистов представлена меньшим количеством единиц, которые выполняют преимущественно функцию ориентации (Диаграммы 6, 7).

Диаграмма 6. *Распределение политических коллокаций в дискурсе американских журналистов (“The Washington Post”) по функционально-семантическим признакам*

Диаграмма 7. *Распределение политических коллокаций в дискурсе турецких журналистов (“Milliyet”) по функционально-семантическим признакам*

Далее проанализируем коллокации, полученные из газетных статей с точки зрения их метафоричности, наличия / отсутствия ономастических и нумеративных единиц.

Метафорические коллокации, используемые журналистами так же, как и метафорические коллокации в дискурсе политиков, в основном представляют собой узуальные коллокации, зафиксированные в лексикографических источниках, например, **англ.** *to gain a seat* – ‘получить место’, *political spectrum* – ‘политический спектр’, *presidential race* – ‘президентская гонка’, *arms race* – ‘гонка вооружений’; **тур.** *siyasi yelpaze* – ‘политический спектр (досл. «веер»)’, *açık kapı politikası* – ‘политика открытых дверей’, и др. Также были обнаружены метафорические коллокации, не имеющие описания в словарях, хотя и в меньшем количестве, например: **англ.** *hard-left leader* – ‘жесткий левый лидер’, *trade war* – ‘торговая война’, **тур.** *terör koridoru* – ‘террористический коридор’ и др.

If Johnson had only a few votes to spare, he would be more vulnerable to be taken hostage by Brexit hard-liners who insist on the sharpest possible split from Europe. / Если бы у Джонсона было всего несколько голосов в запасе, он был бы более уязвим, чтобы оказаться в заложниках у сторонников жесткой линии Brexit, настаивающих на самом резком возможном расколе с Европой.

Şimdi de gündemimizde Fırat'ın doğusunda oluşturulmaya çalışılan terör koridorunu parçalamak vardır. / Теперь наша повестка дня состоит в том, чтобы разбить террористический коридор, который пытаются создать к востоку от Евфрата.

В некоторых случаях метафора, содержащаяся в коллокации, разворачивается в более широком контексте, на уровне предложения или фрагмента текста. Рассмотрим, к примеру, следующее предложение:

In August alone, more than 10,000 workers were laid off, collateral damage from the trade war's salvos. / Только в августе было уволено более 10 000 рабочих - сопутствующий ущерб от залпов торговой войны.

Метафорический образ, выраженный коллокацией *trade war* – ‘торговая война’ получает дальнейшее развитие с помощью лексемы *salvos* – ‘залпы’, а также коллокации *collateral damage* – ‘сопутствующий ущерб’, характерной для военного дискурса, но используемой в данном предложении не в прямом, а в

метафорическом значении, поскольку речь идёт не о погибших людях, а о гражданах, понесших материальные убытки.

Коллокации-онимы или коллокации с онимами представлены преимущественно номенклатурными наименованиями, входящими в приведенные выше тематические группы коллокаций и обозначающими субъектов политики – должности, названия организаций и т. п. Однако наблюдаются и некоторые отличия от ономастических единиц, представленных в словарях политической терминологии, которые, на наш взгляд, являются характерной особенностью именно медиадискурса. Это, прежде всего, включение даты в название события (милитарионима, документонима и т.п.), например: **англ.** *the 1967 Six-Day War* – ‘Шестидневная война 1967 года’, *the June 2016 Brexit Referendum* – ‘Референдум о выходе Британии из Евросоюза в июле 2016’, *the 1994 North American Free Trade Agreement* – ‘Североамериканское соглашение о свободной торговле 1994 года’; **тур.** *15 Temmuz darbe girişimi* – ‘Попытка военного переворота 15 июля’, *2017 Türkiye anayasa değişikliği referandumu* – ‘Конституционный референдум в Турции 2017 года’ и др.

На наш взгляд, данный приём обусловлен стремлением обеспечить реципиента максимально полной информацией об упоминаемом событии. Кроме того, необходимо отметить тенденцию к использованию вместо эргонима – официального названия организации (политической партии, администрации и т.п.) – его «дискурсивного» эквивалента, включающего антропоним, и, таким образом «привязывающего» данную организацию к её лидеру, например, **англ.:** *Corbyn's Party* – ‘партия Корбина’ (вместо *the Labour Party*), *Erdogan's Party* – ‘партия Эрдогана’ (вместо *AK Party*), *President B. Obama's Administration* – ‘администрация президента Б. Обамы’, *Trump's White House* – ‘Белый дом Трампа’; **тур.** *Putin'in partisi* – ‘партия Путина’, *Trump'in partisi* – ‘партия Трампа’. Тот же принцип используется для наименования событий, связанных с политическими деятелями, например: *Trump's Trade War* – ‘торговая война Трампа’, *the Clinton Trial* – ‘суд над Клинтоном’, *the Trump Era* – ‘Эра Трампа’;

тур. *Trump'in Ticaret Savaşı* – ‘торговая война Трампа’, *Putin'in referandumu* – ‘референдум Путина’.

По нашему мнению, во всех вышеперечисленных случаях коллокации являются дискурсивно обусловленными и выполняют также компрессивную функцию, позволяя чётко и ёмко выразить мысль автора.

2.3.3. Политические коллокации в медийном дискурсе граждан

Реакцию на политические события – комментарии, обсуждения, интерпретацию относят ко вторичным жанрам политического дискурса (по отношению к основным – институциональным – жанрам политической коммуникации) [Шейгал, 2004]. Это так называемые реактивные жанры, находящиеся на пересечении политического и бытового дискурсов – бытовые разговоры о политике, письма читателей в журналы и газеты, записи в блогах, репрезентирующие мнения о том или ином политическом событии – и, по мнению ряда учёных, отражающие обыденное политическое сознание рядового носителя языка [Голев, 2013, Мельник, 2019 и др.]. Для исследования мы выбрали письма читателей в «The Washington Post» и записи в блогах на сайте «Milliyet Blog» (<http://blog.milliyet.com.tr/>), размещённые в тот же временной период, что и рассмотренные в предыдущих параграфах речи политиков и статьи журналистов (2016-2019 гг.). Несмотря на наличие некоторой подготовленности текстов, письма читателей в СМИ и записи в блогах относятся к жанрам естественной письменной речи, так как они создаются под влиянием возникшего внутреннего побуждения авторов, реализуя их собственную интенцию, и характеризуются такими признаками, как спонтанность и непрофессиональность исполнения [Лебедева, 2001]. Остановимся подробнее на характеристиках указанных жанров.

Жанр письма в дискурсе СМИ позволяет журналистам и читателям вступать в отложенный (асинхронный) диалог. Тем самым письма читателей включаются в публицистический дискурс, что обусловлено их семантической, грамматической и композиционной структурой [Маевский, 1997; Валгина, 2003], сохраняя, однако,

определенную специфику, свойственную эпистолярным жанрам. Несмотря на обращённость письма, в первую очередь, редактору, адресант так или иначе рассчитывает на публикацию своего текста, что приведёт к его доступности другим читателям, преследуя, таким образом, цель донести свою точку зрения на проблему или событие не только до редакции журнала (газеты), но и до других читателей. Как показывают работы, посвящённые изучению текстов данного жанра, значительная часть писем читателей посвящена именно политическим темам. Например, согласно исследованию С.Х. Арташковой, абсолютное большинство писем читателей, опубликованных в журналах «The Economist», «Time и Newsweek» с 2000 по 2006 годы, посвящено вопросам международной и внутренней политики и деятельности политических партий и международных общественных организаций [Арташкова, 2010].

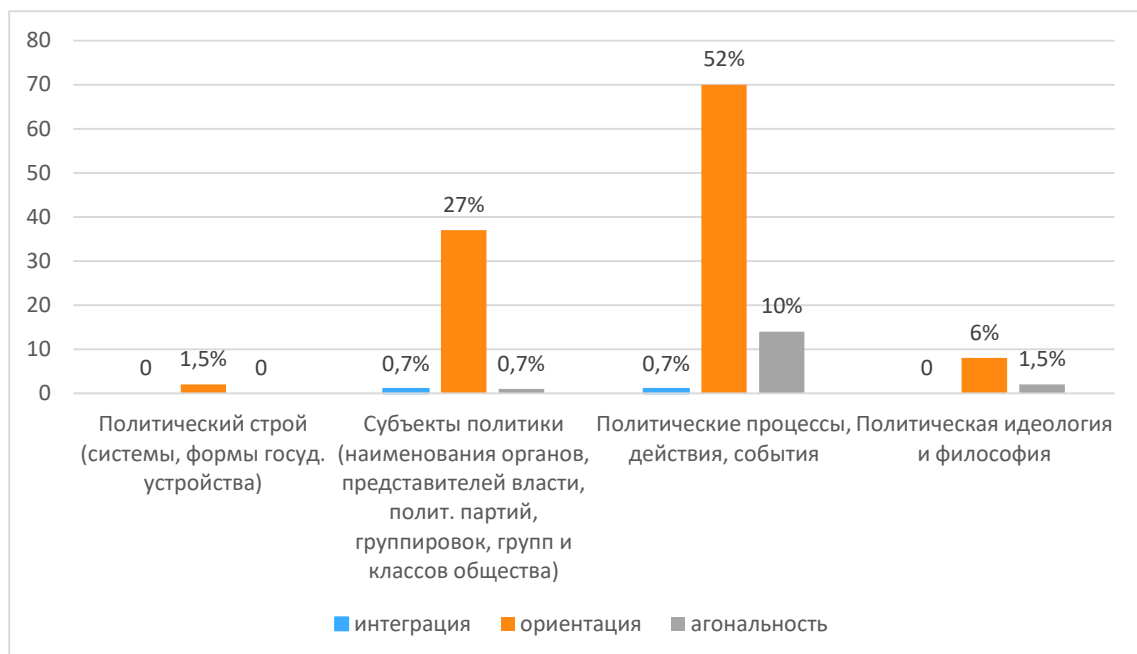
Блоги являются местом для обсуждения общественно значимых событий и вопросов политической идеологии сквозь призму личности автора, который имеет или может иметь к обсуждаемому непосредственное отношение. По мнению Н.Б. Рогачевой, обсуждение политических вопросов в сетевых дневниках может быть сопоставлено с «разговором о политике на кухне» [Рогачева, 2009, с. 99]. Однако, в отличие от вышеназванных разговоров, сетевой дневник представляет собой не устный, а письменный жанр, что неизбежно влечёт за собой определённые ограничения и условности. Как справедливо отмечает Б. Л. Бойко, «по мере подготовки текста к публикации оттачивается социальная позиция автора, содержание текста ориентируется на референтную группу. В содержании находит выражение социальная позиция пишущего, форма приводится в соответствие с требованиями норм литературного языка и жанра» [Бойко, 2008, с. 118]. Более того, для достижения эффекта объективности блогеры нередко дополняют свои записи цитатами и ссылками на источники, что также является специфической характеристикой интернет-общения.

В данном исследовании нас интересовали следующие вопросы: Насколько совпадают политические коллокации, функционирующие в дискурсе граждан, с политическими коллокациями в выступлениях политиков и статьях журналистов?

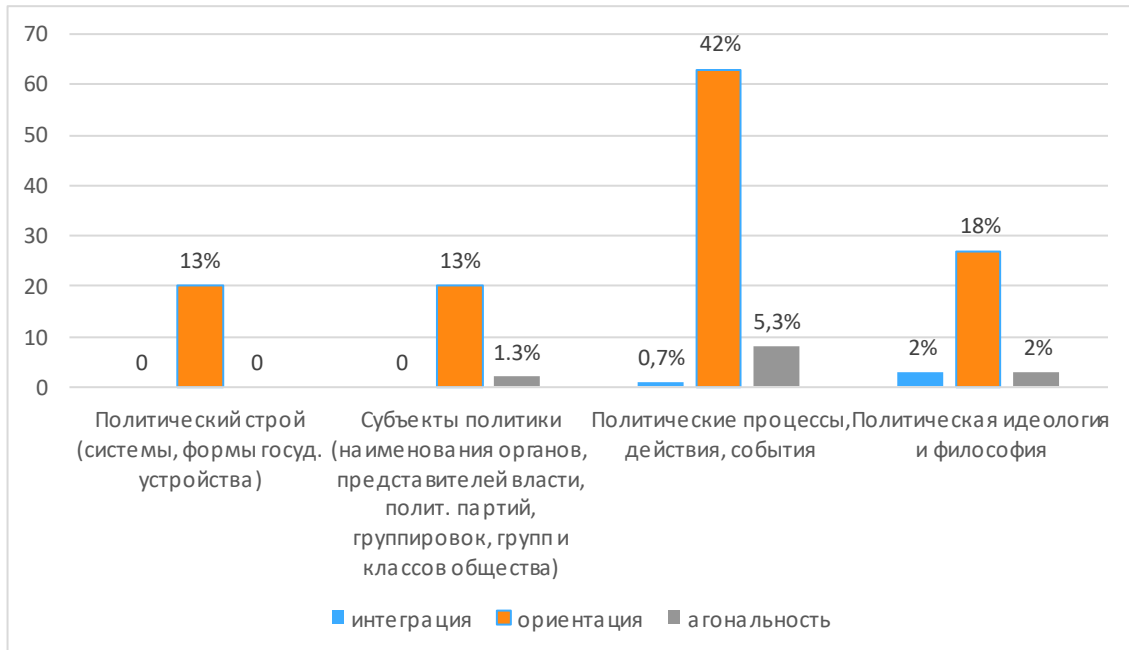
Имеются ли в дискурсе граждан особые коллокации, не обнаруженные в других видах политического медиадискурса? Выполнив функционально-семантическое разделение по тому же принципу, что и в предыдущих параграфах, мы получили следующую картину (Диаграммы 8, 9).

Как и в двух других видах политического медиадискурса – выступлений политических деятелей и произведениях журналистов – в дискурсе граждан преобладают коллокации, репрезентирующие политические процессы, явления и события и выполняющие функцию ориентации. Сравнительно высокое содержание коллокаций, обозначающих понятия, связанные с политическим устройством и политической идеологией в дискурсе турецких авторов по сравнению с англоязычными можно объяснить различием жанров: в блогах нередко приводятся цитаты из других источников, включая официальные.

Диаграмма 8. *Распределение политических коллокаций в коллокаций в дискурсе граждан (Letters to the Washington Post) по функционально-семантическим признакам*

Диаграмма 9. Распределение политических коллокаций в дискурсе граждан (Milliyet Blogları) по функционально-семантическим признакам

Кроме того, нельзя исключать тот факт, что некоторые блогеры могут выполнять «социальный заказ» определённых политических групп. Этими же причинами, как мы полагаем, можно объяснить и тот факт, что в сообщениях турецких «политических» блогеров второе место по численности занимают коллокации-идеологемы, свойственные дискурсу политиков, в то время как в письмах американских граждан в СМИ вторую позицию занимают коллокации, представляющие собой наименования субъектов политики, как в дискурсе журналистов (на обоих языках).

Далее приведём примеры политических коллокаций, извлечённых из исследуемых текстов.

1. Коллокации, использующиеся для описания политического устройства: **англ.** *executive branch* – ‘исполнительная власть’, **тур.** *parlamenter sistem* – ‘парламентская система’, *halk iktidarı* – ‘народная власть’ и др. (22 ед.):

2. Коллокации, обозначающие субъектов политики, в основном, представлены теми же единицами, что и в выступлениях политических деятелей, и в статьях профессиональных журналистов, например, **англ.** *federal government* – ‘федеральное правительство’, *vice president* – ‘вице-президент’, *upcoming*

administration – ‘новая администрация’; **тур.** *Genel Başkanı* – ‘лидер партии (досл. «генеральный директор»)’, *sol parti* – ‘партия левых’, *belediye başkanlığı* – ‘мэрия’ и др. (61 ед.):

3. Наиболее многочисленной группой так же, как и в двух других видах политического дискурса, оказались коллокации, обозначающие политические процессы, действия и события (157 ед.):

1) коллокации, используемые для описания избирательного процесса: **англ.** *presidential candidate* – ‘кандидат в президенты’, *to interfere in election* – ‘вмешаться в выборы’, *Democratic presidential nominee* – ‘кандидат в президенты от Демократической партии’, **тур.** *seçimleri kazanmak* – ‘выиграть выборы’, *çatı adayı* – ‘основной кандидат’, *Cumhurbaşkanı adayı* – ‘кандидат в президенты’, *seçim kampanyası* – ‘предвыборная кампания’ и др.

2) коллокации, обозначающие процессы дезорганизации: **англ.** *sabotage campaign* – ‘диверсионная кампания’, *to undermine human rights* – ‘to undermine human rights’, **тур.** *15 Temmuz kalkışması* – ‘покушение от 15 июля’, *darbe çağırkanlığı* – ‘призыв к перевороту’. Отметим, что данная группа коллокаций оказалась немногочисленной, так же, как и:

3) коллокации, служащие для описания дипломатических и военных действий: **англ.** *military accident* – ‘военный инцидент’, *foreign policy* – ‘внешняя политика’, *the Israeli-Palestinian Conflict* – ‘Израильско-Палестинский конфликт’; **тур.** *tehdit siyasetini yürütmek* – ‘проводить политику угроз’;

4) Среди коллокаций, служащих для описания внутренних политико-экономических процессов, можно выделить следующие: **англ.** *sufficient federal funding* – ‘достаточное федеральное финансирование’, **тур.** *ekonomik sıkıntılar* – ‘экономические трудности’;

5) коллокации, обозначающие законодательные процессы: **англ.** *to open impeachment* – ‘начать процесс импичмента’, *trade law provision* – ‘обеспечение трудового права’, *sweeping bill* – ‘радикальный законопроект’; **тур.** *meclis çoğunluğu* – ‘парламентское большинство’, *siyasi partiler yasası* – ‘закон о политических партиях’, *anayasandan kaldırmak* – ‘удалить из Конституции’ и др.

В группе коллокаций, номинирующих явления и понятия из области идеологии и философии, наблюдалось расхождение: количество политических коллокация с указанной семантикой в письмах англоязычных граждан (10 ед.) значительно уступает по количеству единицам данной подгруппы в дискурсе турецкоязычных граждан-блогеров (33 ед.): **англ.** *white hegemony* – ‘белая гегемония’, **тур.** *demokrasi deneyim* – ‘демократический опыт’, *demokrat kimliği* – ‘демократическая идентичность’, *adalet yürüyüş* – ‘марш справедливости’. Полагаем, что данное расхождение может быть объяснено жанровыми различиями.

Метафорические коллокации, извлечённые из дискурсивного материала граждан, либо уже встречались в дискурсе политиков и журналистов, либо закреплены в лексикографических источниках; метафорических коллокаций, специфичных именно для данного вида медиадискурса, обнаружено не было.

If nothing else, the political climate has driven home the point that to win elections and bolster support, politicians need bogeymen to distract voters from seeing candidates' own faults. / Во всяком случае, политический климат привел к тому, что для победы на выборах и усиления поддержки политикам нужны пугала, чтобы отвлечь избирателей от видения собственных ошибок кандидатов.

Evet, PKK'ya silah bırakılacak ve oy patlaması yaşanacak. /Да, PKK сложит оружие, и произойдет «взрыв голосов».

К функциональным характеристикам политических коллокаций, извлечённых из текстов, составляющих дискурс граждан, относится выполнение большинством из них **номинативной** функции (как и политических коллокаций из выступлений политиков и статей журналистов), однако в группе коллокаций, описывающих действия, процессы и события, был обнаружен небольшой процент единиц, выполняющих **агональную** функцию. Данный факт может свидетельствовать о том, что именно деятельность политиков часто получает неоднозначную оценку граждан.

Обобщая полученные данные, можно констатировать, что для вторичных жанров политического дискурса характерно использование специальных единиц, функционирующих в его первичных жанрах. Следовательно, периферийные жанры политической коммуникации являются только терминоиспользующими, в то время как в дискурсе политиков и журналистов могут одновременно и использоваться, и создаваться новые политические термины, включая политические коллокации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Рассмотрение подходов к определению понятий «медиадискурс» и «политический дискурс» позволило определить участки их пересечения и, таким образом, очертить область политического медиадискурса, который в современных условиях является основной сферой функционирования политических коллокаций. Так, политический дискурс в современной трактовке включает в себя любые типы речевой деятельности, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики. Процессы глобализации и информатизации закономерно приводят к «сращиванию» политического дискурса с медийным. Это слияние дискурсов наиболее ярко выражено в следующих областях: во-первых, это публичные выступления политических деятелей, транслируемые по медийным каналам; во-вторых, дискурс журналистов; в-третьих, политический дискурс граждан (так называемый «обыденный политический дискурс»).

Политический медиадискурс является не только средой существования, но и источником политических коллокаций. Политические коллокации медиадискурса могут быть систематизированы по различным основаниям: во-первых, как коллокации – по структурному принципу, по количеству компонентов, по степени их семантической спаянности; во-вторых, как терминологические единицы – по типу специального наименования (номен, собственно термин или профессионализм) и по степени терминологической разложимости (терминообразующие/ терминосодержащие); в-третьих, как единицы политического лексикона – по тематической отнесённости, по степени выраженности коннотативного компонента, по хронологическому принципу, по типу культурной отнесённости (универсальные/национально-специфичные).

С точки зрения способов номинации политические коллокации в основном образуются с помощью семантической деривации либо описательным способом. Переосмысление компонента коллокации или всей коллокации целиком осуществляется преимущественно с помощью метафоры, при этом наиболее продуктивной моделью является **М+П**, где метафорический компонент является

синтаксически зависимым по отношению к компоненту, выступающему в прямом значении. Нередко в составе политической коллокации имеется компонент-оним или нумеративный компонент, выступающий в своём основном или модифицированном значении.

По происхождению политические коллокации распадаются на следующие группы: 1) «специально созданные» коллокации, намеренно образованные для обозначения предмета или явления политической сферы (наименования организаций, объединений, групп); 2) коллокации, пришедшие в политическую терминологию из других сфер деятельности человека (экономика, юриспруденция, общая лексика); 3) коллокации, возникшие спонтанно, на пике какого-либо политически значимого события, в дискурсе политика или журналиста и получившие дальнейшее распространение в СМИ; 4) коллокации, фиксирующие дату или место события (коллокации с нумеративным компонентом или компонентом-онимом).

В зависимости от роли медиадискурса в происхождении политических коллокаций, исследуемые единицы могут быть объединены в два больших раздела: 1. Политические коллокации, имеющие немедийное происхождение. В данную группу входят коллокации, располагающиеся в центре терминологического поля «Политика» - научные (политологические) термины, номенклатурные наименования. К особенностям таких коллокаций относятся универсальность (наличие эквивалентов в других языках), соотнесённость с определённым понятием из сферы политики, а также возможность употребления во всех видах медийного политического дискурса. 2. Политические коллокации, порождённые непосредственно медиадискурсом: жаргонизмы политиков, журналистские клише, сочетания из высказываний политических лидеров, получившие устойчивость благодаря тиражированию в СМИ и др. Некоторая часть таких коллокаций обладает национально-культурной спецификой и/или коннотативной окраской.

Обзор существующих тематических и семантических классификаций политической терминологии позволяет выделить следующие группы

политических коллокаций: 1) коллокации, отражающие политические системы и формы государственного устройства; 2) коллокации, обозначающие субъектов политики; 3) коллокации, номинирующие политические процессы, действия, события (избирательный процесс; процессы дезорганизации; дипломатия и военные действия; внутренние политико-экономические процессы; законодательные процессы); 4) коллокации, отражающие понятия из сферы политической идеологии и философии.

Функционально-семантический анализ коллокаций, извлечённых из дискурсивного материала разных видов и политического дискурса (дискурс политиков, дискурс журналистов, дискурс граждан) показывает, что наиболее многочисленной является группа коллокаций, служащих для обозначения процессов, происходящих в политической жизни общества; при этом основная масса исследуемых политических коллокаций выполняет функцию ориентации. Наличие коллокаций, общих для всех рассматриваемых видов политического медиадискурса позволяет судить, с одной стороны, о размытости и диффузности границ данного дискурса, а с другой стороны, свидетельствует о правомерности широкого подхода к понятию «политический дискурс», в который включается не только дискурс политиков, но и периферийные виды и жанры.

ГЛАВА 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОЛЛОКАЦИЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ: КОНЦЕПЦИЯ ТУРЕЦКО- АНГЛИЙСКОГО УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОЛЛОКАЦИЙ

Политическая коллокация – многоаспектная единица, представляющая собой не только комбинаторно обусловленную и дискурсивную единицу, но и единицу лексикографического описания.

Несмотря на растущую тенденцию к сближению политических дискурсов на разных языках и относительной универсальности политической терминологии, понимание политических коллокаций одного языка представителями другой культуры нередко вызывает затруднения. Во-первых, это связано с наличием терминологической составляющей в лексическом значении, во-вторых, с культурологическими и идеологическими различиями в понимании и оценке одних и тех же общественно-политических реалий и событий в разноязычных обществах [Маник, 2010], в-третьих, расхождениями непосредственно на коллокационном уровне: отсутствием точного эквивалента-коллокации в языке реципиента, различием структурных моделей коллокаций, отражающих одно и то же понятие в соответствующих языках. Кроме того, изучение имеющихся англо- и турецкоязычных лексикографических изданий, посвящённых политической лексике, терминологии и фразеологии позволяет сделать вывод о значительно меньшей разработанности последних.

В связи с вышесказанным представляется актуальным создание специального турецко-английского учебного словаря политических коллокаций (ТАУСПК), в котором будут зафиксированы турецкие единицы и представлены возможные варианты их перевода на английский язык, с привлечением культурологических данных и иллюстративных примеров из медийного дискурса. Вслед за О.Н. Кондратьевой мы считаем, что использование медийных источников при составлении словарей политической терминологии позволит

создать словари нового типа, фиксирующие реальные значения политических терминов [Кондратьева, 2016].

Согласно положению, представленному в п. 1.7, политические коллокации нередко образуются при сочетании однословного политического термина с другими единицами («терминосодержащие коллокации»). Известно, что комбинаторные свойства языковых единиц определяют соединение слов в речевой цепи, обеспечивая реализацию коммуникативной функции языка. Современные потребности общества обуславливают большой интерес к изучению сочетаемости слов, что стимулирует дальнейшее развитие комбинаторной лингвистики – во-первых, как теоретической дисциплины, изучающей и описывающей комбинаторный потенциал слова и таким образом определяющей теоретические основы комбинаторной науки о словах [Влавацкая 2011, 2015], а во-вторых, как прикладного раздела, изучающего способы лексикографического отражения комбинаторного потенциала слов и разрабатывающего разные концепции словарей комбинаторного типа. Данная глава посвящена разработке модели нового учебного двуязычного словаря комбинаторного типа – словаря политических коллокаций.

3.1. Комбинаторная лексикография как прикладная область описания сочетаемостных особенностей слов

В современных лингвистических исследованиях важное место отводится изучению сочетаемости единиц языка и речи. Интерес к разработке данной проблемы позволил сделать выводы о необходимости выделения такого направления, как **комбинаторная лексикография** в качестве одного из разделов комбинаторной лингвистики, с одной стороны, и как самостоятельное направление в рамках общей теории лексикографии, с другой [Влавацкая, 2004, 2008]. Как и лексикография в целом, комбинаторная лексикография может быть разделена на теоретическую и практическую.

К основным разделам **теории комбинаторной лексикографии** относятся: 1) содержание и структура понятия «комбинаторная лексикография»; 2) учение о лексикографической интерпретации сочетаемости; 3) инструментарий комбинаторной лексикографии; 4) учение о типах сочетаемостных словарей; 5) учение об элементах и параметрах комбинаторного словаря; 6) учение о первичных словарных материалах; 7) выработка и формулирование правил лексикографирования. **Практическая комбинаторная лексикография** включает два раздела: 1) создание словарей сочетаемости; 2) накопление и хранение словарных материалов по сочетаемости» [Влавацкая, 2004, с. 176].

Проблемой создания словаря, в словарных статьях которого представлено максимальное количество сочетаний слов, связанных определённым образом с заголовочным словом, занимались многие отечественные и зарубежные учёные (см., например, работы Ю.Д. Апресяна, М. Бенсона, Э. Бенсон, В.В. Виноградова, М. Р. Кауль и С. С. Хидекель, Н.З. Котеловой, И.А. Мельчука, В.В. Морковкина и др.) При этом словари, фиксирующие сочетаемость слов, получают разные наименования: *комбинаторный (combinatory) словарь* (М. Benson; Н.К. Рябцева), *словарь сочетаемости* (П.Н. Денисов, В.В. Морковкин, М.Р. Кауль и С.С. Хидекель), *дистрибутивно-трансформационный словарь* (Ю.Д. Апресян) *толково-комбинаторный словарь* (И.А. Мельчук), *дистрибутивный словарь* (U. Helbig; К.А. Sommerfeldt), *дистрибутивно-трансформационный* (Ю.Д. Апресян) и т. д.

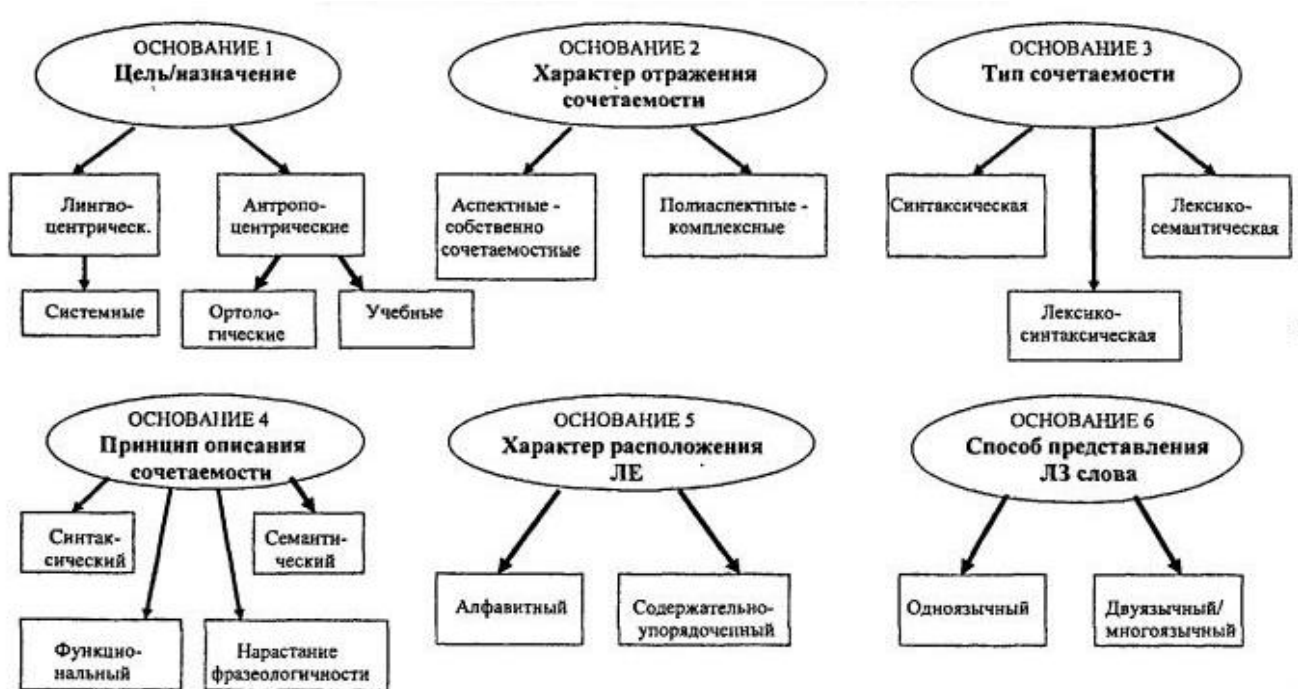
Как правило, авторы словарей комбинаторного типа используют разные способы описания сочетаемости, в соответствии с собственным видением и пониманием данного явления и целью его отражения. Приведём некоторые определения словарей сочетаемости:

- учебный словарь, «содержащий активную лексику и раскрывающий способы её употребления» [Баранов, 2001, с. 70];
- учебный словарь, дающий систематическое и по возможности полное описание валентных (сочетаемостных) свойств наиболее употребительных слов данного языка [Морковкин, 1977];

- словарь, представляющий собой «руководство к построению распознавания слов, но не актуальных, выражающих конкретные смыслы, а потенциальных, способных, готовых к выражению этих смыслов» [Федосов, 1986, с. 129].
- словарь сочетаемости или комбинаторный словарь – это «особый тип учебно-нормативного словаря, цель которого – показать пользователю необходимый и корректный в языковом отношении перечень распространителей определённого слова» [Влавацкая, 2008, с. 50].

В соответствии с рядом принципов в рамках комбинаторной лексикографии [Влавацкая, 2008] была разработана следующая классификация комбинаторных словарей (Рис. 13):

Рис. 13. Классификация словарей сочетаемости (Влавацкая, 2008)

В настоящее время проблемы комбинаторной лингвистики приобретают особую актуальность в связи с необходимостью представления языковых норм и речевых закономерностей в различных целях: научных, справочных, образовательных. Например, включение в двуязычный словарь терминологических коллокаций, реально функционирующих в устном и письменном дискурсе, по мнению терминографов, способствует максимально полному раскрытию понятий, имеющих разные соответствия в исследуемых

языках [Табанакова, 2006]. Как показано выше, большинство авторов определений словарей сочетаемости единодушны в том, что словарь комбинаторного типа (т. е. словарь сочетаемости) относится к разряду **учебных словарей**, при этом подчёркивается его методическая или лингвистическая направленность. В связи с этим необходимо отметить тесную связь комбинаторной лексикографии с комбинаторной лингводидактикой, так как словари сочетаемости способствуют формированию у изучающих иностранный язык коллокационной компетенции – одного из компонентов иноязычной коммуникативной компетенции. Коллокационная компетенция понимается как «способность верно, согласно нормам изучаемого языка, сочетать единицы языка, базирующаяся на знаниях коллокаций и речевых навыках их употребления во всех видах речевой деятельности» [Алексеева, 2011, с. 11].

Важным для нашего исследования является развитие ещё одной филиации лексикографии – политической лексикографии – раздела специализированной лексикографии, в задачи которой входит «изучение репертуара специальных политических словарей и словарей, включающих общественно-политическую терминологию, а также составление новых типов терминологических справочников на материале электронных корпусов общественно-политических медиатекстов» [Маник, 2019]. Данный раздел лексикографии призван объединить в себе новейшие тенденции теоретической и практической лексикографии, корпусной лингвистики, политической и медиалингвистики, а также терминоведения.

Как отмечалось в п. 2.1, благодаря процессам компьютеризации, глобализации и развитию СМИ, политическая коммуникация привлекает всё больше внимания исследователей, в связи с чем возникает потребность в соответствующих лексикографических материалах. Как отечественными, так и зарубежными лексикографами разрабатываются справочники, словари, глоссарии (печатные, электронные и онлайн), содержащие описание политической лексики. Наличие тесной связи политической коммуникации с медийным дискурсом также приводит учёных к постановке вопроса о целесообразности создания особого типа

словаря – «Словарь политических терминов в СМИ», демонстрирующего специфику функционирования политической терминологии в медийном пространстве, в ходе которого происходит трансформация семантики терминов, корректировка стоящего за ними концептуального содержания, а также изменение оценки соответствующего концепта средствами массовой информации [Кондратьева, 2016, с. 46]. Исследование контекстов, предпринятое автором данной концепции для составления словарных статей, основывается прежде всего на анализе сочетаемости термина, при этом особое внимание уделяется метафорической сочетаемости и коллокациям, содержащим оценочный компонент значения.

Изучив имеющиеся в нашем распоряжении толковые одноязычные и двуязычные (англо-турецкие и турецко-английские) словари политической лексики, мы пришли к выводу, что наименее разработанной является турецко-английская двуязычная политическая лексикография, при этом практически без внимания остаются турецкие политические коллокации. Так, зафиксированные в электронных многоязычных словарях Tureng (www.tureng.com) и Sesli Sözlük (www.seslisozluk.net) турецкие неоднословные единицы с политической семантикой нередко представляют собой переводные эквиваленты английских единиц, что можно выявить с помощью поисковых систем и/или опроса носителей турецкого языка: например, в паре *siyasi destek* – *political support* английский вариант имеет более 1 млн. употреблений в поисковой системе Google, в то время как турецкий эквивалент – всего 15 тыс., при этом в большинстве контекстов между словами *siyasi* и *destek* отсутствуют синтагматические связи. Подобные примеры, на наш взгляд, свидетельствуют о неустойчивом характере данного сочетания, следовательно, оно не может считаться коллокацией. С другой стороны, ряд политических коллокаций, функционирующих в современном турецком медиадискурсе, не имеют описания ни в толковых одноязычных, ни в двуязычных словарях.

Всё вышесказанное приводит к выводу об актуальности создания именно активного турецко-английского учебного словаря, адресованного, в первую

очередь, лицам, занимающимся изучением турецкого языка и/или исследованиями турецкого политического и/или медийного дискурса, и при этом свободно владеющим английским языком (что, впрочем, не исключает возможности применения данного словаря турецкоязычными пользователями в переводческих целях).

Разработка нового вида словаря, соответствующего критериям описанных выше разделов лексикографии (комбинаторная лексикография и политическая лексикография), а именно, *двухязычного учебного словаря политических коллокаций*, отражающего как узуальную, так и актуальную сочетаемость политических терминов, будет способствовать пониманию и продуцированию политических медиатекстов на английском языке студентов (будущих лингвистов, журналистов, регионоведов), владеющих английским языком и профессионально изучающих политический аспект СМИ в целях овладения турецкой политической лексикой, а также формированию у них иноязычной коллокационной компетенции в профессиональной области знаний.

3.2. Комбинаторная карта как отражение дистрибуции ключевых лексем в целях создания словарной статьи двухязычного комбинаторного словаря

Применение в настоящем исследовании комбинаторного анализа (см. п. 1.9) способствовало составлению отдельных для каждой лексемы комбинаторных карт, назначением которых является отражение дистрибуции ключевых лексем в и описании политических коллокаций турецкого и английского языков в учебном словаре комбинаторного типа (см. выше).

Составление комбинаторной карты лексемы предполагает следующие действия исследователя и их результаты: отбор коллокаций с рассматриваемой лексемой из корпусных источников, анализ грамматической сочетаемости лексемы в выделенных коллокациях и выделение их структурных моделей, анализ лексико-семантической сочетаемости лексемы в данных коллокациях; объединение коллокатов данной лексемы в группы по общим семантическим

признакам, а также сопоставительный анализ структуры и контрастивный анализ семантики и сочетаемости политических коллокаций рассматриваемых языков.

Таким образом, комбинаторная карта лексической единицы содержит структурные модели, по которым образует коллокации данная единица и группы лексических единиц, связанных общими семантическими признаками и образующих коллокации с ключевой лексемой. Проиллюстрируем построение комбинаторной карты на актуальном языковом материале.

Исходя из выявленных нами в главах 1 и 2 особенностях политических коллокаций, для анализа были выбраны несколько ключевых лексем, служащих основой для образования политических коллокаций:

power / güç – власть; сила

political/ siyasi (siyasal, politik) – политический

election/ seçim – выборы

party/ parti – партия

diplomacy/ diplomasi – дипломатия

В качестве материала для анализа и выявления дистрибуции лексем были использованы общие и специальные словари, авторские корпуса, созданные в системе *Sketch Engine*, а также национальные корпуса английского и турецкого языков, точнее, те их подкорпусы, в которых собраны тексты статей, журналов и новостных сообщений, то есть то, что входит в область современного политического медиадискурса. Отбор коллокаций из словарей производился методом сплошной выборки в соответствии с критериями, обозначенными в п.2.3. (наличие отдельной словарной статьи для данного сочетания, части словарной статьи (микростатьи), либо использование искомой комбинации слов в качестве иллюстративного примера). Для отбора коллокаций из корпусов, созданных в системе *Sketch Engine* на основе медийных текстов, также использовался инструмент *Word Sketch*, позволяющий выделить сочетания с требуемой лексемой с сопутствующим распределением коллокатов по частям речи. Из национальных корпусов английского и турецкого языков отбирались сочетания лексем со

значением $MI = 3$ и $MI > 3$, так как данный показатель считается статистически значимым [Захаров, Хохлова, 2010].

3. 2. 1. Комбинаторная карта лексем *power* / *güç*

Поскольку основная цель, пронизывающая политический дискурс, выражается в завоевании, сохранении и удержании власти, концепт «власть» является одним из важнейших концептов экспликации политической деятельности. Его основными вербальными репрезентантами в английском языке и турецком языках являются лексемы *power* и *güç*. Рассмотрим толкования данных единиц в лексикографических источниках. Так как лексемы *power* и *güç* имеют достаточно разветвлённую семантическую структуру, мы посчитали необходимым выбрать лишь те значения, которые могут быть связаны с политикой.

Согласно словарю *Merriam Webster Dictionary (MWD)*, на сегодняшний день семантическая структура лексемы *power* включает 9 лексико-семантических вариантов (ЛСВ), каждый из которых подразделяется на 3-4 более узких; при этом “political control or influence” (политический контроль, влияние) находится на третьей позиции после более широких значений, таких, как “legal or official authority, capacity, or right” (законные или официальные полномочия, дееспособность или право), “possession of control, authority, or influence over others” (обладание контролем, властью или влиянием на других людей). В *Dictionary.com* выраженные «политические» значения данной лексемы занимают вторую, пятую, седьмую и десятую позиции:

2. the amount of political control a person or group has in a country: *the balance of power in Europe*. (степень политического контроля, который человек или группа имеет в стране: *баланс сил в Европе*).
5. political ascendancy or control in the government of a country, state, etc.: *They attained power by overthrowing the legal government*. (политическое господство или контроль в правительстве страны, государства и т. д.: *Они пришли к власти, свергнув законное правительство*).
7. delegated authority; authority granted to a person or persons in a particular office or capacity: *the powers of the president*. (делегированные полномочия; полномочия,

предоставленные лицу или лицам, занимающим определенную должность или занимающим определенный пост: полномочия президента).

10. a state or nation having international authority or influence: *The great powers held an international conference.* (государство или нация, обладающие международным авторитетом или влиянием: *Великие державы провели международную конференцию*).

При этом ЛСВ, имеющие отношение к физике и математике, занимают позиции с 15 по 20.

Семантическая структура турецкой лексемы *güç* обнаруживает отличия от одноимённой структуры своего английского эквивалента. Среди одиннадцати ЛСВ, имеющих в словаре *Güncel Türkçe Sözlük (GTS)*, «политическое» значение занимает лишь шестую позицию и объединяет в себе значения «власть» «ветвь власти» и «держава»:

isim Siyasi, ekonomik, askerî vb. bakımlardan etki ve önemi büyük olan devlet, devletler topluluğu: *Güçler dengesi* / Политические, экономические, военные и т. д.; государство, которое имеет большое влияние и значение, сообщество государств: *Баланс сил.*

В словаре *Ötüken Türkçe Sözlük (ÖTS)* это же значение находится на 12 позиции (из 15). Как показал анализ лексикографических источников, толкования лексемы *güç* в турецких одноязычных словарях в основном дублируют друг друга, с разницей в количестве выделяемых ЛСВ и порядке их расположения.

Обобщая вышеприведённые определения, можно выделить основные значения рассматриваемых лексем, имеющие отношение к политике:

1. политическое господство, контроль в стране/мире/части мира;
2. полномочия, предоставленные лицу или группе лиц;
3. государство, страна, имеющая влияние.

Далее были отобраны коллокации для составления комбинаторной карты лексем *power* и *güç* из лексикографических источников и выделены следующие структурные модели: **V+N (power) / N (güç)+V, Adj + N (power/güç), N (power/güç) + N**, а также менее употребительные при образовании политических коллокаций модели **N+prep (of) + N (power(s))** и соответствующая ей **N (güçler) + N** (одноаффиксный изафет).

Полученные из лексикографических источников коллокации были распределены на следующие группы в соответствии с семантикой коллокатов (зависимых компонентов):

ЛСВ 1. Политическое господство, контроль в стране/мире/части мира

1) захват и удержание власти: **англ.** *to attain power* – ‘достичь власти’, *to seize power* – ‘захватить власть’, *to come to power* – ‘прийти к власти’, *to take power* – ‘захватить власть’, **тур.** нет коллокаций данной семантической группы в лексикографических источниках;

2) утрата и передача власти: **англ.** *to lose power* – ‘потерять власть’, *to fall from power* – ‘утратить власть (досл «выпасть из»)’, *to transfer power* – ‘передать власть’, *the transfer of power* – ‘передача власти’; **тур.** нет коллокаций данной семантической группы в лексикографических источниках;

ЛСВ 2. Полномочия, предоставленные лицу или группе лиц.

3) степень проявления власти: **англ.** *absolute power* – ‘абсолютная’, *total power* – ‘полная’, *limited power* – ‘ограниченная’; **тур.** нет коллокаций данной семантической группы в лексикографических источниках;

4) характер, свойства: **англ.** *executive power* – ‘исполнительная власть’, *legislative power* – ‘законодательная власть’, **тур.** *yargı gücü* – ‘судебная власть’, *yasama gücü* – ‘законодательная власть’, *askerî güç* – ‘военная мощь’, *dördüncü güç* – ‘четвёртая власть’;

5) применение: **англ.** *separation of powers* – ‘разделение властей’, *abuse of power* – ‘злоупотребление властью’, *balance of power* – ‘баланс сил’; **тур.** *güçler ayrılığı* – ‘разделение властей’, *güçler dengesi* – ‘баланс сил’, *gücün kötüye kullanımı* – ‘злоупотребление властью’, *gücü kötüye kullanmak* – ‘злоупотреблять властью’;

ЛСВ 3. Государство, страна, имеющая влияние.

англ. *a power bloc* – ‘силовой блок’ (группа стран, объединившихся ради достижения общей политической цели); **тур.** *süper güçler* – ‘супердержавы’, *güç birliği* – ‘союз сил’.

Затем, опираясь на критерии отбора коллокаций, описанные в п. 2.3 настоящей работы, были извлечены комбинации слов из составленных нами

коллекций медиатекстов политических деятелей, журналистских статей и граждан.

Единицы из полученной выборки также были распределены по общим семантическим признакам:

ЛСВ 1. Политическое господство, контроль в стране/мире/части мира

1) захват, получение, удержание: **англ.** *to earn power* – ‘получить власть’, *affirmation of power* – ‘утверждение (закрепление) власти’, *to limit power* – ‘ограничить власть’; **тур.** *güç kazanmak* – ‘завоевать власть’, *güç mücadelesi* – ‘борьба за власть’, *güç katmak* – ‘укрепить власть’, *güç almak* – ‘получить власть’;

2) утрата и передача власти/полномочий: **англ.** *to lose power* – ‘утратить власть’, *to cede power* – ‘уступить власть’, *to transfer power* – ‘передать власть’, *to entrust power* – ‘вверить власть’, *handover of power* – ‘передача власти’; **тур.** *güç paylaşmak* – ‘разделить власть’, *vesayet güçleri* – ‘делегированные полномочия’.

ЛСВ 2. Полномочия, предоставленные лицу или группе лиц

3) степень проявления: **англ.** *immense powers* – ‘огромная сила, мощь’, *extensive power* – ‘широкие полномочия’; **тур.** нет коллокаций данной семантической группы в медийных источниках;

4) принадлежность (характеристика по субъекту): **англ.** *president's powers* – ‘полномочия президента’, *international powers* – ‘международные силы’, *government power* – ‘государственная власть’, *national power* – ‘национальная мощь’, *foreign powers* – ‘зарубежные силы’; **тур.** *küresel güç* – ‘глобальная власть’, *demokratik güçleri* – ‘демократические силы’, *koalisyon güçleri* – ‘силы коалиции’, *emperyalist güçleri* – ‘империалистические силы’, *uluslararası güçler* – ‘международные силы’, *muhalefet güçleri* – ‘силы оппозиции’.

5) характер, свойства: **англ.** *political power* – ‘политическая власть’, *economic power* – ‘экономическая власть’, *nuclear power* – ‘ядерная мощь’, *unilateral power* – ‘односторонняя власть’; **тур.** *politik güçler*, *siyasi güç* – ‘политическая власть, влияние’, *nükleer güç* – ‘ядерная мощь’;

б) применение: **англ.** *separation of powers* – ‘разделение властей’, *levers of power* – ‘рычаги власти’, *abuse of power* – ‘злоупотребление властью’; **тур.** *güçler ayrılığı* – ‘разделение властей’, *gücü kötüye kullanmak* – ‘злоупотреблять властью’;

7) органы и подразделения: **англ.** нет коллокаций данной семантической группы в медийных источниках; **тур.** *kolluk güçleri* – ‘правоохранительные органы’, *güvenlik güçleri* – ‘силы безопасности’;

ЛСВ 3. Государство, страна, имеющая влияние

англ. *rival powers* – ‘соперничающие державы’, *global power* – ‘мировая держава’; **тур.** *güç birliği* – ‘союз сил’, *süper güçler* – ‘супердержавы’, *büyük güç* – ‘великая держава’, *nükleer güç* – ‘ядерная держава’.

Можно заметить, что материал, полученный из медиаисточников, включает большее количество коллокаций с ключевыми лексемами по сравнению с лексикографическими источниками, что позволяет сделать более достоверные выводы об их актуальной сочетаемости. Комбинаторную карту лексем *power* и *güç*, содержащую количественные показатели их сочетаемости, составленную на основе лексикографического и дискурсивного материала, можно представить в виде следующей таблицы (см. таблицу 5):

Таблица 5. Комбинаторная карта лексем *power* и *güç*

ЛСВ лексемы- термина / семант. группа колло- катов лексема- термин	I. Политическое господство, контроль		II. Полномочия, предоставленные лицу или группе лиц.					III. Государство, страна, имеющая влияние
	1. захват и удержание власти	2. утрата и передача власти	3. степень проявления власти	4. принадлеж- ность	5. характер, свойства	6. применение	7. органы, подразделе- ния	
power(s)	to attain power to seize power to come to power to take power to earn power affirmation of power to limit power 17%	to lose power to fall from power to transfer power transfer of power to cede to entrust handover of power 22%	absolute total limited immense extensive 12,2%	president's international government national foreign 17%	executive legislative political economic unilateral nuclear 14,6%	separation of powers abuse of power 9,8%	0	balance of power power bloc rival powers 7,4%
güç(ler)	güç kazanmak güç mücadaleri güç katmak güç almak 13%	güç paylaşmak vesayet güçler 6%	büyük güç küresel güç 6%	küresel demokratik koalisyon emperyalist uluslararası muhalefet 33%	yargı yasama askerî dördüncü nükleer 18%	güçler ayrılığı gücün kötüye kullanımı gücü kötüye kullanmak 9%	kolluk güçleri güvenlik güçleri 6%	güçler dengesi süper güçler güç birliği 9%
лексема- термин струк- турные модели коллокаций	V+N (power) / N (güç)+V	V+N (power) / N (güç)+V N+prep (of) + N	Adj + N (power/güç)	Adj + N (power/güç) N('s) + N (power/güç)	Adj + N (power/güç)	N+prep (of) + N (power(s)) N (güç..)+ N	N+N (güç)	N+prep (of) + N (power(s)) N (power/güç) + N

С точки зрения структуры, большинство коллокаций с рассматриваемыми лексемами представляют собой именные коллокации, образованные по моделям **Adj + N (power/güç)** и **N('s) + N (power/güç)**, **N+prep (of) + N (power(s))** и **N (güç)+ N**.

Сопоставление комбинаторных особенностей английских и турецких коллокаций с лексемами *power* и *güç* обнаруживает, с одной стороны, расхождения в семантической структуре данных единиц, а с другой стороны, наличие в обоих языках универсальных коллокаций, являющихся частью политической терминологии. Большинство данных единиц отражены в словарях соответствующих языков, однако некоторые коллокации ещё ждут своего описания, что может быть осуществлено в том числе с помощью исследования комбинаторных свойств ключевых лексем в политическом медиадискурсе. Ниже представлен список выявленных нами эквивалентных коллокаций с лексемами *power* и *güç*.

Таблица 6. Эквивалентные коллокации с компонентом *power* и *güç*

English	Türkçe	русский перевод
separation of powers	güçler ayrılığı	разделение властей
balance of power	güçler dengesi	баланс сил
legislative power	yasama gücü	законодательная власть
power bloc	güç birliği	блок сил, силовой блок

Относительно небольшое количество эквивалентных коллокаций объясняется, по нашему мнению, расхождениями в семантической структуре ключевых лексем.

Информация о комбинаторных характеристиках рассматриваемых лексем, представленная выше, позволяет не только выявить семантические группы слов, с которыми данные единицы обнаруживают тенденцию к сочетаемости, но и предоставляет возможность выделить их ЛСВ и сопоставить семантическую структуру данных слов в рассматриваемых языках. Так, турецкая лексема *güç*, помимо представленного в словарях значения «власть, полномочия, держава»,

обнаруживает значение «орган, организация» (например, *kolluk güçleri* – ‘правоохранительные органы’, *güvenlik güçleri* – ‘силы безопасности’). В английском языке данные значения передаются коллокациями с другими ключевыми лексемами (*security forces* - ‘силы безопасности’, *enforcement authorities* - ‘правоохранительные органы’). Кроме того, семантические ряды слов, сочетающихся с предметно-неориентированными (абстрактными) значениями *power* и *güç* предоставляют некоторые сведения о когнитивных характеристиках данных понятий. Большинство таких имён, не имея собственной субъектной, объектной или адъективной сочетаемости, реализуют свою синтагматическую значимость в рамках несобственной сочетаемости [Морковкин, 1984]. Сочетания лексем *power* и *güç* с такими глаголами, как «давать», «передавать», «терять», «отбирать» и т. п., по сути являются метафорическими и свидетельствуют о том, что власть категоризуется англоязычным и турецкоязычным сознанием по типу и понятию некоего относительно небольшого предмета, с которым возможно совершение указанных манипуляций.

3. 2. 2. Комбинаторная карта лексем *political* / *siyasi*

Прилагательные *political* и *siyasi* выступают в качестве компонента многих политических коллокаций, поскольку их включение в состав сочетания маркирует всю единицу как относящуюся к сфере политики. Рассмотрим значения данных лексем в лексикографических источниках:

adj. relating to the state, government, political parties or elections. *They are hoping for a political rather than a military solution to the crisis* (DPG).

“1. a : of or relating to government, a government, or the conduct of government b : of, relating to, or concerned with the making as distinguished from the administration of governmental policy 2 : of, relating to, involving, or involved in politics and especially party politics 3 : organized in governmental terms political units 4 : involving or charged or concerned with acts against a government or a political system political prisoners” (MWD).

“1. of or relating to the state, government, the body politic, public administration, policy-making, etc. 2. a. of, involved in, or relating to government policy-making as distinguished from administration or law. b. of or relating to the civil aspects of government as distinguished from the military. 3. of, dealing with, or relating to politics a

political person. 4. of, characteristic of, or relating to the parties and the partisan aspects of politics. 5. organized or ordered with respect to government. a political unit” (CD).

Обобщая данные определения, можно заключить, что английское прилагательное *political* имеет следующие основные значения:

- относящийся к политике, т.е. к государству, политическим партиям, выборам;
- вовлеченный в процесс формирования политики;
- обвиняемый в действиях против государства или политической системы.

Далее приведём определения турецкой лексемы “*siyasi*”.

Siyasî Ar. siyâsî³ 1. Siyasetle ilgili, siyasal, politik: □ *Siyasi işlere karışmamamı tavsiye ederim* (Я советую вам не вмешиваться в политические дела). 2. a. Siyasetçi, politikacı (Güncel Türkçe Sözlük)

Siyasal Ar. siyâset + Fr. -l Politika ile ilgili, siyasi, politik: □ *siyasal rekabet* (политическая конкуренция)

Согласно данным дефинициям “*siyasi*” означает «относящийся к политике, связанный с политикой».

Можно заключить, что, во-первых, *political* и *siyasi* выступают в качестве синтаксически зависимого компонента – определения, а во-вторых, они указывают на отнесенность широкого ряда явлений, предметов, лиц к политическим событиям, явлениям, государственному устройству. В ходе исследования выяснилось, что наряду с лексемой *siyasi*, в турецком языке существуют ещё две лексемы с идентичным значением – *siyasal* и *politik*.

politik

sifat Fransızca politique

1. *sifat* Siyasal

"O dönem politik ortam zaten kızışmıştı." - A. Ümit

2. Belli bi hedefe ulaşabilmek için uzlaşmayı, iyi geçinmeyi amaçlayan

siyasal

sifat (siya:sal) Arapça siyâset + *Fransızca* -l

sifat Politika ile ilgili, siyasi, politik

"Bu inanç aynı yolun yolcusu olmak niteliğini yitirecek ve siyasal rekabete dönüşecektir."

- M. C. Anday

Таким образом, в турецком языке функционируют три прилагательных со значением «политический»: *siyasi* – арабского происхождения, *politik* –

французского происхождения и *siyasal* – лексема с арабским корнем и французским суффиксом. Структурно данные лексемы образуют двухкомпонентные именные коллокации (**Adj (political) + N**), соответствующие атрибутивно-препозитивному типу с примыканием (согласно типологии, представленной в п.1.8).

Для анализа мы извлекли английские коллокации с лексемой *political*, и турецкие коллокации с лексемами *siyasi*, *siyasal* и *politik* из словарей общей и специальной лексики, получив следующие группы лексем, образующих коллокации с исследуемыми единицами:

1) люди и группы людей, имеющие отношение к политике: **англ.** *political editor* – ‘политический редактор’, *political officer* – ‘политработник, дипломат в колонии’, *political prisoner* – ‘политический заключённый’, *political refugee* – ‘политический беженец’, *political animal* – ‘политическое животное’, *political party* – ‘политическая партия’; **тур.** *siyasi suçlu* – ‘политический преступник’, *siyasi parti* – ‘политическая партия’, *siyasi parti temsilcileri* – ‘представители политических партий’;

2) наука:

англ. *political economy* – ‘политическая экономия’, *siyasi coğrafya* – ‘политическая география’ и др.; **тур.** *siyasal antropoloji* – ‘политическая антропология’, *siyasal iktisat* – ‘политическая экономика’, *siyasal katılım* – ‘политическое участие’, *politik iktisat* – ‘политическая экономика’ и др.

3) деятельность партий и политиков:

англ. *political football* – ‘политический футбол’, *political suicide* – ‘политическое самоубийство’, *to make political capital* – ‘заработать политический капитал’, *to make political mileage* – ‘сделать политический пробег’ *political crime* – ‘политическое преступление’; **тур.** *siyasi ambargo* – ‘политическое эмбарго’, *siyasal süreç* – ‘политический процесс’, *politik kazanç* – ‘политическая выгода’, *politik tartışmalar* – ‘политические споры’, *politik kabus* – ‘политический крах’;

4) идеология:

англ. нет коллокаций данной семантической группы в лексикографических источниках; **тур.** *siyasi düşünçüler* – ‘политические мыслители’, *siyasi taassup* – ‘политический фанатизм’, *siyasi duyarlılık* – ‘политическая чувствительность’, *siyasi haklar ve sorumlular* – ‘политические права и ответственность’, *siyasal haklar* – ‘политические права’, *siyasal davranış* – ‘политическое поведение’, *politik hakimiyet* – ‘политическое господство’.

5) система, устройство:

англ / тур. *political system, siyasal system* – ‘политическая система’.

В результате мы получили следующие данные о дистрибуции исследуемых единиц (на основе лексикографических источников) (Таблица 7):

Таблица 7. Комбинаторная карта лексем *political* (англ), *siyasi/ siyasal /politik* (тур.)

семантические группы коллокатов лексема-термин	1. люди и группы людей	2. наука	3. действия политиков и групп	4. идеология	5. система
<i>political</i>	editor officer prisoner refugee animal party	economy	football suicide capital mileage crime	-	system
<i>siyasi</i>	suçlu parti parti temsilcileri	coğrafya	ambargo	düşünçüler taassup harita duyarlılık haklar ve sorumlular	-
<i>siyasal</i>	parti	antropoloj iktisat katılım	süreç	haklar davranış	sistem
<i>politik</i>			çöküş kabus kazanç tartışmalar	hakimiyet	

Как следует из приведённых примеров, несмотря на то что все эти единицы зафиксированы в словарях, отнесённость их к коллокациям вызывает некоторые вопросы. Данная проблема уже поднималась в *Главе 1* настоящей работы, где был сделан вывод о том, что нередко решение о включении того или иного сочетания

в словарь принимает лексикограф. В том случае, если отбор языкового материала производится бессистемно, в лексикографические справочники попадают сочетания, не обладающие признаками коллокаций, и наоборот, сочетания слов, имеющие высокую повторяемость, обладающие лингвистической и культурологической ценностью, ускользают от внимания составителей словарей. Поскольку ситуация с турецкими лексемами-синонимами осталась неясной (так как не удалось установить, какая из них является более употребительной, а в ряде случаев они обнаруживали способность к сочетанию с одними и теми же лексемами), было принято решение не исключать из фокуса исследования ни одну из них.

Для выявления комбинаторных особенностей лексем *political*, *siyasi*, *siyasal*, *politik* в современном медиадискурсе был проведён отбор сочетаний с данными единицами из текстов выступлений политиков и журналистских статей.

Анализ семантики данных коллокаций позволяет разделить их на следующие группы:

1) люди и группы людей, имеющих отношение к политике:

англ. *political scientist* – ‘учёный-политолог’, *political figure* – ‘политик, политическая личность’, *political prisoner* – ‘политический заключённый’, *political idol* – ‘политический идол’, *political star* – ‘политическая знаменитость (звезда)’, *political novice* – ‘политический новичок’ и др.; **тур.** *siyasi aktör* – ‘политический деятель’, *siyasi kişilik, şahsiyet* – ‘политическая фигура (личность)’, *siyasi terörist* – ‘политический террорист’, *siyasi birlik* – ‘политический союз’, *siyasi sığınmacı* – ‘политический перебежчик (проситель политического убежища)’, *siyasal lider* – ‘политический лидер’ и др.;

2) предпочтения, настроения, обстановка

англ. *political views* – политические взгляды, *political apathy* – политическая апатия, *political interest* – политический интерес, *political environment* – политическое окружение и др.; **тур.** *siyasi atmosfer* – политическая атмосфера, *siyasi ortam* – политическая обстановка. *siyasal istikrar* – политическая стабильность;

3) идеология и философия

англ. *political stability* – ‘политическая стабильность’, *political platform* – ‘политическая программа’, *political stalemate* – ‘тупик’, *political target* – ‘политическая цель’, *political landscape* – ‘политический ландшафт’, *political influence* – ‘политическое влияние’ и др.; **тур.** *siyasi çizgi* – ‘политическая линия, политический курс’, *siyasi yelpaze* – ‘политический спектр (досл. «веер»)’, *siyasi mekanizma* – ‘политический механизм’, *siyasi irade* – ‘политическая воля’ и др.;

4) действия (в широком смысле):

англ. *political dynamics* – ‘политическая динамика’, *to extract political favors* – ‘извлечь политическую выгоду’, *political sway* – ‘политическое влияние’; **тур.** *siyasi faaliyet* – ‘политическая деятельность’, *siyasi hayat* – ‘политическая жизнь’, *siyasi hareket* – ‘политическое действие, акт’, *siyasi iktidar* – ‘политическая власть’, *politik reformlar* – ‘политические реформы’;

5) общение, обсуждение

англ. *political issue* – ‘политическая проблема’, *political debate* – ‘политическое обсуждение, спор’, *political speech* – ‘политическая речь, выступление’ и др.; **тур.** *siyasi görüşmeler* – ‘политические переговоры’, *siyasi propaganda* – ‘политическая пропаганда’, *siyasi çözüm* – ‘политическое решение’, *siyasal tartışma* – ‘политический спор’ и др.

б) борьба

англ. *political protest* – ‘политический протест’, *political battleground* – ‘политическое поле боя’, *political feuds* – ‘политические враги’, *political opponents* – ‘политические оппоненты’, *political dirt* – ‘политическая грязь (очернение)’, *political unrest* – ‘политические беспорядки’, *political pressure* – ‘политическое давление’ и др.; **тур.** *siyasi mücadele* – ‘политическая борьба’, *siyasi baskı, politik sıkışma* – ‘политическое давление’, *siyasi güç* – ‘политическая власть, влияние’, *siyasi engelleme* – ‘политическое противодействие’ и др.

7) временное значение

англ. *political ramifications* – ‘последствия’, *political afterthought* – ‘последующее обдумывание’; **тур.** *siyasi geçmiş* – ‘политическое прошлое’, *siyasi*

tarih – ‘политическая история’, *siyasi süreç*, *siyasi denetim* – ‘политический процесс’ и др.;

8) территориальная отнесённость

англ. *political territory* – ‘политическая территория’, *political asylum* – ‘политическое убежище’; **тур.** *siyasi merkez* – ‘политический центр’, *politik alan* – ‘политическая сфера’, *siyasal yolları* – ‘политический путь’.

9) событийная отнесённость

англ. *political drama* – ‘политическая драма’, *political crisis* – ‘политический кризис’; **тур.** нет коллокаций данной семантической группы в медийных источниках.

Таким образом, английские сочетания распадаются на 10 семантических групп, в то время как турецкие сочетания – на 9 групп (Таблицы 8 и 9). В таблице 9 приведены количественные показатели лексем с указанной семантикой.

Таблица 8. Комбинаторная карта лексем *political* (англ.), *siyasi*, *siyasal*, *politik* (тур.) на лексикографическом и дискурсивном материале

семант. группа колло- катов лексема- термин	1. наука	2. люди и группы людей	3. идеология и филосо- фия	4. настрое- ния, обста- новка	5 действия, деятель- ность	6. коммуни- кация, обсужде- ние	7. борьба	8. времен- ная отнесён- ность	9. террито- риальная отнесён- ность	10. событий- ная отнесён- ность
political	economy map	editor officer prisoner refugee animal party scientist figure prisoner idol star novice party	stability platform stalemate target landscape influence norms freedom scene change road map standing views	apathy interest environme nt tremor	suicide capital mileage crime dynamics hayat to extract political favors sway	issue debate speech	protest battlegrou nd football feuds opponents opposition dirt unrest pressure settlement, strategy power campaign clashes fighter aggression weapon	ramificatio ns afterthoug ht	arena territory asylum	drama crisis
siyasi	coğrafya harita	aktör ayak birlik kişilik kol lider otoriter parti	düşünçüler taassup duyarlılık haklar ve sorumlular çizgi yelpaze mekaniz-	atmosfer ortam gerilim gerginlik belirsizlik	ambargo faaliyet hareket iktidar	tartışma konular görüşme- ler tercih propa- ganda çözüm	mücadele baskı güç engelleme sıkışma araç	geçmiş tarih	arena merkez	--

		sığınmacı suçlu şahsiyet tutuklu	ma görüş irade ikna hakimiyet rejim			uzlaşma				
siyasal	antropoloji iktisat	--	haklar davranış istikrar hedef zihniyet özgürlük sistem	--	katılım	tartışma	--	süreç	--	--
politik	--	--	yolları	--	çöküş kabus reformlar	tartışma	kazanç		--	--

Таблица 9. Комбинаторная карта лексем **political** (англ.), **siyasi, siyasal, politik** (тур.) (количественные показатели)

семант. группа колло- катов лексема- термин	1. наука	2. люди и группы людей	3. идеология, философия	4. обстановка, настроение	5. действия, деятельнос ть	6. общение, обсужден ие	7 борьба	8 временная отнесённос ть	9. территория льная отнесённос ть	10. событийная отнесённость
political	3,3%	13,3%	23,4%	8,3%	6,8%	8,3%	26,7%	3,3%	3,3%	3,3%
siyasi	7,5%	20,7%	18,8%	7,5%	7,5%	13,3%	9,5%	9,5%	5,7%	0
siyasal										
politik										

Первое, на что мы обратили внимание при составлении комбинаторной карты рассматриваемых лексем в дискурсе политиков, журналистов и граждан – это бóльшая частотность прилагательного *siyasi* по сравнению с его эквивалентами *siyasal* и *politik*. Кроме того, необходимо отметить высокие показатели сочетаемости данных лексем с существительными, обозначающими людей, а также понятия из области идеологии и философии. Отметим, что английская лексема *political* имеет самую высокую частотность в сочетании с существительными семантической группы «борьба», в то время как для её турецких эквивалентов третьей по частотности являются существительные семантической группы «общение».

В таблице 10 представлены эквивалентные коллокации, имеющиеся в коллекциях текстов на обоих языках, что позволяет судить, во-первых, об их универсальности, а во-вторых, - об актуальности данных единиц в современной политической коммуникации.

Таблица 10. Эквивалентные политические коллокации с компонентом *political* и *siyasi*

English	Türkçe	русский перевод
political party	siyasi parti	политическая партия
political view	siyasi görüş	политические взгляды
political spectrum	siyasi yelpaze	политический спектр
political power	siyasi güç, siyasi iktidar	политическая власть
political contest	siyasi rekabet	политическое соперничество, конкуренция
political stability	siyasi istikrar	политическая стабильность
political pressure	siyasi baskı	политическое давление
political target	siyasi hedef	политическая цель
political leadership	siyasi liderlik	политическое лидерство
political road map	siyasi yol haritası	политическая дорожная карта

Следует отметить значительное количество метафорических коллокаций с лексемами *political/ siyasi* (которые, согласно типологии, приведённой в п.2.2., соответствуют модели (П+М)).

Из приведённых выше примеров можно заключить, что в англоязычном дискурсе преобладают метафорические коллокации с компонентами из сферы-источника «ВОЙНА» - *political battleground, clashes, fighter* и т. п.; присутствуют подобные коллокации и в турецком дискурсе, хотя и в меньшем количестве (*siyasi mücadele, siyasi güç*). Также прослеживается наличие других популярных метафорических моделей: «ПОЛИТИКА – СПОРТ», «ПОЛИТИКА – ТЕАТР», «ПОЛИТИКА – ПУТЕШЕСТВИЕ».

Большинство коллокаций с компонентами *political/ siyasi* представляют собой так называемые «терминосодержащие» коллокации, наличие в которых компонента *political/ siyasi* лишь указывает на то, что второй компонент коллокации относится к «миру политики». Однако имеется и ряд «терминообразующих» единиц, значение которых не сводится к простой сумме компонентов, а нуждается в толковании: либо из-за наличия «приращённого смысла», либо в силу того, что единица обозначает явление или понятие из политической сферы, закреплённое не только в лексикографических источниках, но и в соответствующих документах. К таким коллокациям относятся, например, *political prisoner* – ‘политический заключённый’, *political asylum/ siyasi imam* – ‘политическое убежище’, *political wing/ siyasi kanat* – ‘политическое крыло’, обозначающая положение той или иной партии в политическом спектре.

Кроме того, было обнаружено несколько этнокультурных коллокаций, не имеющих аналогов в другом языке и требующих специальных пояснений. Так, например, коллокация *siyasi ayak* (досл. «политическая нога»), обозначает группу людей, обеспечивающих политическую поддержку деятелю. Данная единица появилась в турецком медиадискурсе после попытки государственного переворота в июле 2016 года и употребляется в основном в связи с движением Ф. Гюлена (которое в Турции именуется *Fethullahçı Terör Örgütü (FETÖ)* – ‘Террористическая организация Фетхуллага»), что позволяет судить о её пейоративной окраске:

Başbuğ'un 15 Temmuz'dan 4 ay sonra da, FETÖ'nün siyasi ayağının ortaya çıkarılmasına yönelik görüşünü paylaştığı video dikkat çekti. Başbuğ o

görüntülerde de, bugün olduğu gibi FETÖ'nün siyasi ayağına yönelik mücadeleye edilmesi gerektiğini ifade ediyor. / Видео, в котором Башбуз поделился своим мнением о раскрытии политической поддержки FETO через 4 месяца после 15 июля, привлекло внимание. Башбуз утверждает, что, как и тогда, сегодня необходимо бороться с политической опорой FETÖ.

Метафорическая природа данной коллокации не позволяет точно передать её смысл на английский язык, вследствие чего можно говорить об её этнокультурном характере. Также в турецком языке имеется единица *siyasi kol* – досл. «политическая рука». Согласно словарю *Güncel Türkçe Sözlük*, лексема *kol* может обозначать как группу людей, так и выступать в значении «крыло» (левое, правое). Однако анализ современных контекстов показывает, что *siyasi kol* используется для обозначения некой части более крупного объединения, отвечающей за политическую деятельность, обеспечивающей политическую поддержку.

HDP, PKK'nın siyasi koludur, bir siyasi parti değildir. / HDP является политическим «отделом» РПК, а не политической партией.

Учитывая частеречную принадлежность лексем *political* и *siyasi*, а также «маркирующую» функцию данных прилагательных, можно сделать вывод, что они обладают достаточно широким комбинаторным потенциалом. Можно также предположить, что комбинаторный потенциал данных лексем в английском языке будет расширяться, например, за счёт лексических единиц, обозначающих военные действия.

3. 2. 3. Комбинаторная карта лексем *election / seçim*

Лексемы *election* и *seçim* заслуживают особого внимания, поскольку репрезентируют события, представляющие собой одну из важнейших областей политической жизни общества.

Согласно толковым словарям *election* определяется как:

- 1) a) an act or process of electing b) the fact of being elected (MWD)

2) “a time when people vote in order to choose someone for a political or official job” («время, когда люди голосуют, чтобы выбрать кого-то на политическую или официальную должность») <https://dictionary.cambridge.org/>

3) “a process in which people vote to choose a person or group of people to hold an official position” , процесс голосования, чтобы выбрать человека или группу людей занять официальный пост (CD).

Итак, *election* рассматривается как акт выбора, как процесс и как особый период в политической жизни того или иного языкового сообщества.

Теперь рассмотрим определения слова *seçim*. В первом значении *seçim* обозначает «выбор» в широком смысле этого слова “*seçme işi*” (действие по глаголу «выбирать»). Второе значение данной лексической единицы трактуется как «выбор одного или нескольких кандидатов в соответствии с законами, правилами»: *huk. Kanunlar, yönetmelikler uyarınca bir veya daha çok aday arasından belli birini veya birkaçını seçme, intihap (GTS)*. Сходные определения можно найти и в других турецких толковых словарях.

Таким образом, английский термин *election* имеет как минимум три семемы, относящиеся к рассматриваемому явлению, в то время как *seçim* в искомом значении (акт выбора должностного лица/группы лиц) имеет две семемы.

Комбинаторная карта рассматриваемых лексем на лексикографическом и дискурсивном материале представлена в таблице 10.

Отбор коллокаций с единицами *election* и *seçim* из словарей, выступлений политиков, журналистских статей и дискурса граждан проводился в два этапа. Сначала мы извлекли сочетания с данными лексемами из лексикографического и дискурсивного материала при помощи сплошной выборки. Затем полученные комбинации слов были проанализированы с точки зрения их структуры. Так, для английской единицы наиболее частотными оказались сочетания, в которых *election* выступала в качестве синтаксически главного компонента, то есть модели **Adj + N (election/seçim)** и **N + N (election/seçim)**. К менее употребительным моделям относятся именные и глагольные сочетания рассматриваемой лексемы в качестве синтаксически зависимого компонента: **N (election/seçim) + N** и **V + N (election/seçim)**.

Далее полученные коллокации **Adj + N (election/seçim)** и **N + N (election/seçim)** были сгруппированы по семантическим признакам в зависимости от того, какую сторону рассматриваемого явления они характеризуют.

Группы 1-3: коллокат выступает в роли классификатора (classifier), т.е. причисляет выборы к тому или иному типу согласно принятым экстралингвистическим критериям:

1) виды выборов в зависимости от места/органа/учреждения/должности **англ.** *presidential election* – ‘президентские выборы’, *governorship election* – ‘губернаторские выборы’, *parliamentary election* – ‘парламентские выборы’, *gubernatorial election* – ‘губернаторские выборы’ и др.; **тур.** *cumhurbaşkanlığı seçimi* – ‘выборы президента республики’, *meclis seçimi* – ‘парламентские выборы’, *milletvekili seçimi* – ‘выборы депутатов’ и др.;

2) виды выборов в зависимости от уровня (статуса) **англ.** *general election* – ‘всеобщие выборы’, *primary elections* – ‘предварительные выборы’, *municipal elections* – ‘муниципальные выборы’, *national election* – ‘всенародные выборы’, *midterm /mid-term* – ‘промежуточные выборы’ и др.; **тур.** *yerel seçim* – ‘местные’, *genel seçim* – ‘всеобщие’, *ön seçim* – ‘внутрипартийные’, *mahallî seçim* – ‘районные’, *ara seçim* – ‘внеочередные’ и др.;

3) виды выборов в зависимости от способа голосования **англ.** *indirect* – ‘непрямые’, **тур.** *(tek, iki) dereceli* – ‘двухступенчатые’.

Группа 4: коллокат выполняет описательную функцию (modifier), основываясь на процессуальных характеристиках выборов.

4) виды выборов с учетом временных характеристик **англ.** *early, snap election* – ‘досрочные выборы’, *runoff (run-off) election* – ‘второй тур голосования’, *first-round election* – ‘первый тур голосования’, *upcoming election, forthcoming election* – ‘предстоящие выборы’ и др.; **тур.** *erken seçim* – ‘досрочные выборы’, *baskın seçim* – ‘досрочные (внезапные) выборы’.

Группы 5-9: коллокаты репрезентируют различные качественные характеристики выборов как общественно-политического явления:

5) виды выборов с точки зрения их качества (положительная оценка)

англ. *fair election* – ‘справедливые выборы’, *credible election* – ‘выборы, заслуживающие доверия’, *democratic election* – ‘демократические выборы’, *contested election*, *competitive election* – ‘конкурентные выборы’ и др.; **тур.** *serbest seçim* – ‘свободные выборы’, *adaletli seçim* – ‘честные выборы’, *özgür seçim* – ‘справедливые выборы’.

б) виды выборов с точки зрения их качества (негативная оценка)

англ. *disputed election* – ‘оспариваемые выборы’, *rigged election* – ‘выборы с подтасованными результатами’, *controversial election* – ‘спорные выборы’, *fraudulent election* – ‘нечестные выборы’, *flawed election* – ‘неудавшиеся выборы’ и др.; **тур.** *hileli seçim* – ‘нечестные, подтасованные выборы’.

7) виды выборов с точки зрения их качества (амбивалентные коллокации)

англ. *stunning election* – ‘ошеломляющие выборы’, *unopposed election* – ‘выборы без конкуренции’, *unpredictable* – ‘непредсказуемые выборы’; **тур.** *apolitik seçim* – ‘аполитичные выборы’, *demokratik seçim* – ‘демократические выборы’;

8) сложности при проведении выборов/отсутствие сложностей

англ. *hard-fought election* – ‘трудные выборы’, *tough election* – ‘сложные выборы’, *annulled election* – ‘отменённые выборы’, *landslide election* – ‘безоговорочная победа, победа с большим преимуществом’, *inconclusive election* – ‘безрезультатные выборы’, *unanimous election* – ‘единогласное избрание’; **тур.** нет коллокаций данной семантической группы;

9) важность выборов

англ. *watershed election*, *landmark election* – ‘выборы, обозначившие перелом/ новую эпоху’; **тур.** нет коллокаций данной семантической группы.

Таким образом, английские коллокации распадаются на 9, а турецкие – на 7 семантических групп. Обращает на себя внимание большое количество английских коллокаций с негативной оценкой выборов (12 единиц по сравнению с 1 турецкой). Отдельного внимания заслуживает тот факт, что некоторые коллокаты обнаруживают тенденцию к предпочтению определенной словоформы.

Так, если коллокации *fresh election* и *fresh elections, peaceful election* и *peaceful elections* имеют примерно одинаковые показатели частотности, то лексема *midterm* значительно чаще сочетается с формой множественного числа *elections* (12604 употреблений), чем с формой единственного числа *election* (2665 употреблений).

С коллокациями термина *seçim* дело обстоит еще сложнее из-за наличия категории падежа у турецких существительных: например, из 20 коллокаций данного слова с лексемой *çevre-*, имеющих в составленном нами корпусе, 3 варианта представлены его сочетанием с формой *çevresi* (ед.ч., Исх.пад.), 6 вариантов – с формой *çevresinde* (ед.ч., Местн.пад.), 2 варианта – с формой *çevrelerini* (мн.ч., Вин.пад.), по 3 варианта – с формами *çevreleri* (мн.ч., Исх.пад.), *çevrelerine* (мн.ч., Дат-напр.пад.), и *çevrelerinde* (мн.ч., Местн.пад.). Поскольку *seçim çevresi* означает «избирательный округ», то есть имеет в своем значении сему «территория», преобладание местного падежа среди перечисленных выше коллокатов можно обосновать семантическими причинами, однако в большинстве случаев преобладание среди коллокатов формы множественного или единственного числа не поддается объяснению. Как уже отмечалось выше, в данном исследовании мы считаем сочетания рассматриваемых лексем с разными словоформами вариантами одной коллокации.

Коллокации с лексемами *election* и *seçim*, в которых данные единицы выступают в качестве синтаксически зависимого компонента – определения (**N (election) + N**) – в большинстве случаев указывают на отнесенность широкого ряда явлений, предметов, лиц к процессу выборов.

1) законодательная база выборов (органы, документы, люди, задействованные в выборах):

англ. *election commission* – ‘избирательная комиссия’, *election officials/official* – ‘организатор(ы) выборов’, *election laws/law* – ‘закон(ы) о выборах’, *election officer* – ‘сотрудник избирательной комиссии’, *election mode* – ‘процесс выборов’ и др.; **тур.** *seçim kanunu, seçim yasağı* – ‘закон о выборах’, *seçim sistemi* – ‘избирательная система’, *seçim kurulu* – ‘избирательный комитет,

комиссия’, *seçim çevresi*, *seçim bölgesi* – ‘избирательный округ’, *seçim barajı* – ‘избирательный барьер/порог’, *seçim listesi* – ‘список кандидатов’, *seçim hakkı* – ‘избирательное право’ и др.;

2) предвыборная кампания

англ. *election campaign/campaigns* – ‘избирательная кампания’, *election platform* – ‘предвыборная программа’, *election pledge/pledges* – ‘предвыборные обещания’, *election manifesto* – ‘предвыборный манифест’, *election slogan* – ‘предвыборный лозунг’, *election propaganda* – ‘предвыборная агитация’, *election rhetoric* – ‘предвыборная риторика’, *election expenditure*, *election expenses* – ‘предвыборные расходы’ и др.; **тур.** *seçim kampanyası* – ‘избирательная кампания’, *seçim mitingi* – ‘предвыборный митинг’, *seçim ittifakı* – ‘предвыборный союз’, *seçim vaadisi* – ‘предвыборное обещание’, *seçim sloganı* – ‘предвыборный лозунг’, *seçim nutuğu* – ‘предвыборная речь’, *seçim meydanı* – ‘избирательная трибуна, предвыборное выступление’, *seçim stratejisti* – ‘политтехнолог’, *seçim harcama* – ‘предвыборные затраты’ и др.;

3) время проведения выборов и другие временные характеристики

англ. *election day* – ‘день выборов’, *election night* – ‘день (ночь) выборов’, *election cycle/cycles* – ‘избирательный цикл’, *election eve* – ‘канун выборов’, *election schedule/schedules* – ‘график проведения выборов’, *election period/periods* – ‘период выборов/ избирательный период’ и др.; **тур.** *seçim günü* – ‘день выборов’, *seçim gecesı* – ‘день (ночь) выборов’, *seçim dönemi* – ‘период выборов (избирательный период)’, *seçim arifesi* – ‘канун выборов’, *seçim takvimi* – ‘график проведения выборов’, *seçim tarihi* – ‘дата выборов’ и др.;

4) процедура проведения выборов

англ. *election watchdog* – ‘наблюдательный орган’, *election observer*, *election monitor* – ‘наблюдатель за процессом выборов’, *election turnout* – ‘явка избирателей’, *election frontrunners* – ‘вероятный победитель, лидер предвыборной гонки’, *election hustings* – ‘предвыборные выступления’, *election broadcasts* – ‘освещение выборов в СМИ’, *election tallies* – ‘результаты голосования’ и др.; **тур.** *seçim sandığı* – ‘урна для голосования’, *seçim güvenliği* – ‘безопасность выборов’,

seçim ortamı – ‘предвыборная обстановка’, *seçim gündemi* – ‘повестка выборов’, *seçim süreci* – ‘избирательный процесс’ и др.;

5) нарушения и проблемы при проведении выборов:

англ. *election irregularities* – ‘нарушения на выборах’, *election fraud/frauds* – ‘фальсификация выборов, мошенничество на выборах’, *election hacks* – ‘хакерские атаки, взломы в ходе выборов’, *election violence* – ‘беспорядки во время выборов’, *election offenses/offense* – ‘правонарушения во время проведения выборов’, *election interference* – ‘вмешательство в процесс проведения выборов’ и др.; **тур.** *seçim zorluğu* – ‘сложности при проведении выборов’, *seçim hilesi* – ‘подтасовка голосов на выборах’, *seçim rüşveti* – ‘предвыборная взятка’, *seçim telaşı* – ‘предвыборное волнение’, *seçim pazarlığı* – ‘предвыборная сделка’ и др.;

б) исход/итоги выборов:

англ. *election results/result*, *election returns* – ‘результаты выборов’, *election outcome/outcomes* – ‘исход выборов’, *election defeat/defeats* – ‘поражение на выборах’, *election nullification* – ‘отмена результатов выборов’, *election fiasco* – ‘поражение на выборах’, *election losers* – ‘потерпевшие поражение, проигравшие на выборах’ и др.; **тур.** *seçim zaferi* – ‘победа на выборах’, *seçim yenilgisi* – ‘поражение на выборах’, *seçim başarısı* – ‘успех на выборах’, *seçim sonucu* – ‘исход выборов’, *seçim iptali* – ‘отмена (результатов) выборов’ и др.;

8) описание выборов (метафорические коллокации):

англ. *election fever* – ‘предвыборная лихорадка’, *election debacle* – ‘разгром на выборах’, *election hotspots* – ‘горячая точка’, *election fray* – ‘предвыборная борьба (досл. «драка»)’, *election gamble* – ‘предвыборная азартная игра’, *election fatigue* – ‘предвыборная усталость, истощение’, *election battleground* – ‘предвыборная борьба (битва)’, *election gambit* – ‘предвыборный гамбит’, *election illness* – ‘предвыборная болезнь’ и др.; **тур.** *seçim atmosferi*, *seçim havası* – ‘атмосфера, обстановка на выборах’, *seçim yarışı* – ‘предвыборная гонка, соревнование’, *seçim maratonu* – ‘избирательный марафон’, *seçim heyecanı* – ‘предвыборное волнение’, *seçim gerginliği* – ‘предвыборная напряжённость’ и др.

V+N (election) / N (seçim) + V

англ. *to call elections* – ‘объявить выборы, организовать выборы’, *to win an election* – ‘победить на выборах, выиграть выборы’, *to hold elections, to conduct the elections* — ‘проводить выборы’, *to lose an election* – ‘проиграть выборы, потерпеть поражение на выборах’; **тур.** *seçime katılmak, seçime girmek* – ‘баллотироваться на выборах’, *seçimi kazanmak* – ‘победить на выборах’, *seçim çağrısı yapmak* – ‘организовать выборы’, *seçimi kaybetmek* – ‘проиграть на выборах’.

Таблица 11. Комбинаторная карта лексем *election* и *seçim*

структурная модель	Adj + N (<i>election/seçim</i>) / N + N (<i>election/seçim</i>)								
семантическая группа коллокатов лексема-термин	1. виды выборов в зависимости от места/органа /учреждения/ должности	2. виды выборов в зависимости от уровня (статуса)	3. виды выборов в зависимости от способа голосования	4. виды выборов с учетом временных характеристик	5. виды выборов с точки зрения их качества (положительная оценка)	6. виды выборов с точки зрения их качества (негативная оценка)	7. виды выборов с точки зрения их качества (амбивалентные коллокации)	8. сложность и при проведении выборов/отсутствии сложностей	9. важность выборов
<i>election</i>	presidential governorship parliamentary gubernatorial mayoral senatorial legislative congressional vice-presidential 14%	general, primary federal provincial municipal national midterm /mid-term intra-party county 14%	direct indirect 3,2%	early, snap, runoff, runoff, first-round, upcoming, forthcoming impending, looming, imminent 16%	fair credible democratic peaceful contested, transparent, violence-free, competitive 13%	disputed, shock, rigged, controversial divisive, disastrous, violating, fraudulent, flawed, bruising. bribe, botched 19,3%	stunning, unopposed unpredictable 4,8%	hectic, hard-fought, toughest, annulled, landslide, inconclusive, unanimous 11,3%	watershed landmark 3,2%
<i>seçim</i>	cumhurbaşkanlığı meclis parlamento milletvekili başkanlık muhtarlık	yerel genel ön mahallî federal belediye ara	tek dereceli iki dereceli 8,7%	erken baskın 8,7%	serbest adaletli özgür 13%	hileli 4,3	apolitik, demokratik 8,7%	0	0

	26%	30,4%							
структурная модель	N (election/seçim) + N								
семантическая группа коллокатов	1. законодательная база выборов	2. предвыборная агитация	3. время проведения выборов и другие временные характеристики	4. процедура проведения выборов	5. нарушения и проблемы при проведении выборов	6. исход/итоги выборов	7. описание выборов		
лексематермин									
<i>election</i>	commission comissioneer officials/official committee laws/law officer tribunal code mode duties/duty tribunals candidates/candidate inspectors 14%	campaign(s) promise(s) material(s) platform construction symbol(s) pledge(s) poster(s) manifestos, slogan, propaganda, rhetoric, speeches, debate(s) leaflets plank strategist(s) analyst, rally/rallies expenditure expenses	day night cycle(s) schedule(s) timetable season period(s) date(s) 9,9%	progress observation watchdog observer(s) processes monitors turnout ballots frontrunners hustings broadcasts tallies 13,2%	irregularities fraud(s) malpractices ploy bribe hacks rigging/ riggers violence offense(s) gimmick interference protest jitters disputes 15,4%	result(s) victory/ victories, outcome(s) defeat(s) returns, draws, nullification, fiasco cliffhangers losers 11%	fever debacle hotspots fray gamble contests fatigue battle-ground pits gambit 13,2%		

		spending 23%							
<i>seçim</i>	komisyon, kanun, yasak, system, kurul, çevresi, baraj, prosedür, liste, kuram, mekanizma, reform, sorun, bölge; usulü 24%	propaganda, kampanya harcama miting ittifak, vaadi, malzeme, slogan, afiş, gezi, cephe, nutuk, broşür, meydan, stratejist 23,6%	gün gece dönem arife takvim tarih, zaman start süreç 14,3%	sandık güvenlik ortam özgürlük 6,3%	zorluk hile rüşvet endişe telaş pazarlık 9,5%	zafer yenilgi başarı sonuç iptal 8%	atmosfer yarışına sınav hava marathon şok heyecan gerginlik 14,3%		

Как показывает анализ языкового материала, бо́льшая часть коллокаций с лексеми *election* и *seçim* в качестве синтаксически зависимых компонентов представлена сочетаниями слов, репрезентирующими процессуальные характеристики выборов. Самые многочисленные группы коллокаций обоих языков включают единицы, относящиеся к предвыборной агитации, к законодательной базе избирательного процесса; также обращает на себя внимание наличие весьма обширной группы английских коллокаций, служащих для обозначения различного рода проблем и нарушений при проведении выборов. Можно заключить, что негативные стороны избирательного процесса привлекают больше внимания со стороны журналистов и политиков и широко освещаются в медиадискурсе.

Ниже приведены эквивалентные коллокации для рассматриваемой пары языков (Таблица 12). В основном это терминоформирующие коллокации, зафиксированные в лексикографических источниках. Следует подчеркнуть, что данный список составлен на ограниченном материале и не претендует на исчерпывающее описание эквивалентных коллокаций данных языков. Так, например, высокочастотная турецкая терминоформирующая коллокация *seçim barajı* имеет английский аналог *election threshold* ‘процентный’ или ‘электоральный барьер’. Однако в современном политическом дискурсе лексема “threshold” нередко употребляется без компонента “election”; более того, вместо существительного “election” может быть использовано прилагательное “electoral”, образуя коллокацию с тем же значением.

Таблица 12. Эквивалентные политические коллокации в английском и турецком языках с компонентом *election* и *seçim*

English	Türkçe	русский перевод
presidential election	başkanlık (cumhurbaşkanlığı) seçimi	президентские выборы
parliamentary election	parlamento (meclis) seçimi	парламентские выборы
general election	genel seçimi	всеобщие выборы
primary election	ön seçimi	предварительные выборы
federal election	federal seçimi	федеральные выборы
municipal election	belediye seçimi	муниципальные выборы

early election	erken seçimi	досрочные выборы
fair election	adaletli seçimi	справедливые выборы
fraudulent election	hileli seçimi	выборы с нарушениями
democratic election	demokratik seçimi	демократические выборы
election commission	seçim komisyonu	избирательная комиссия
election laws/law	seçim kanunu	закон о выборах
election committee	seçim kurulu	избирательная комиссия
election campaign/campaigns	seçim kampanyası	избирательная кампания
election material	seçim malzemesi	предвыборный материал
election propaganda	seçim propagandası	предвыборная пропаганда
election posters/poster	seçim afişi	предвыборный плакат
election speeches	seçim nutuğu	предвыборная речь
election rally/rallies	seçim mitingi	предвыборный митинг
election day (night, eve)	seçim günü (gecesi, arifesi)	день (ночь, канун) выборов
election timetable	seçim takvimi	график выборов
election period	seçim dönemi	период выборов
election spending, expenditure	seçim harcaması	расходы на выборы
election fraud/ frauds, bribe	seçim hilesi, rüşveti	нарушения на выборах
election result/results, returns	seçim sonucu	результаты выборов
election nullification	seçim iptali	отмена результатов выборов
election victory/ victories	seçim zaferi	победа на выборах
election defeat/ defeats	seçim yenilgisi	поражение на выборах
to win an election	seçimi kazanmak	победить на выборах
to lose an election	seçimi kaybetmek	проиграть на выборах
to hold elections	seçim yapmak	проводить выборы
to run for election	seçime katılmak/girmek	баллотироваться на выборах

Среди английских коллокаций с лексемой *election*, обладающих национально-культурной спецификой, можно выделить, например, коллокации *election watchdog* – ‘наблюдатель/наблюдательный орган на выборах (досл. «сторожевая собака»)’, *election front-runner* – ‘лидер предвыборной гонки, основной претендент (досл. «бегущий впереди)’. Из турецких коллокаций особого внимания заслуживает турецкое сочетание *seçim meydanı* – досл.

«избирательная площадь». Анализ контекстов показывает, что данная коллокация обозначает не столько место действия, сколько указывает на публичность действия (высказывания, выступления и т.п.), а также его непосредственную связь с предвыборной агитацией. В английском языке единица данного языкового уровня со сходным значением отсутствует, что позволяет отнести это сочетание к этнокультурным коллокациям:

Başbakan'la diğer parti başkanları arasında tartışması seçim meydanlarına kadar uzadı/ Дискуссия между премьер-министром и другими партийными руководителями продолжилась и на предвыборных дебатах.

Yıllardır muhalefetsiz bir seçime alışkın olan İsmet Paşa, bu yeni durum karşısında strateji değiştirmiş, seçim meydanlarına inmiş, aktif propaganda ve miting çalışmalarına başlamıştı./ Исмет Паша, который годами привык к неопозиционным выборам, изменил стратегию с учётом новой ситуации, выйдя на трибуну и начав активную пропагандистскую и митинговую деятельность.

Анализ метафорических коллокаций с лексемами *election* и *seçim*, используемых для описания выборов, показывает, что и в английском, и в турецком языках преобладают метафоры из сфер-источников «ПРИРОДА», «СПОРТ», «ВОЙНА», «БОЛЕЗНЬ»; при этом нам удалось обнаружить лишь две универсальных метафорических коллокации: «избирательный марафон» и «предвыборное соревнование». Примечательно, что среди английских коллокаций, репрезентирующих качественные характеристики выборов, преобладают коллокации с негативной коннотацией (*disastrous election* – ‘катастрофические выборы’, *flawed election* – ‘выборы с серьёзными нарушениями’ и др. – всего 13 единиц). В турецкой выборке было выявлено примерно равное количество экспрессивных коллокаций с отрицательной и положительной коннотацией.

На основании анализа полученных семантических групп коллокаций с лексемами *election* и *seçim* можно заключить, что английская единица обладает более широкой сочетаемостью по сравнению с турецким эквивалентом (153 и 86

коллокаций соответственно). Мы полагаем, что сочетаемость данных лексем в синтаксически зависимой позиции (то есть в коллокациях со структурой **N (election/seçim) + N**) имеет практически неограниченный потенциал, особенно с существительными тематических групп «борьба», «соревнование», что связано с действием определённых когнитивных механизмов, осуществляющих осмысление одного явления через призму другого.

3. 2. 4. Комбинаторная карта лексем *party / parti*

Английское слово *party* и турецкое *parti* являются словами-когнатами, то есть словами, имеющими общее происхождение и похожее звучание в двух и более самостоятельных языках. Когнаты возникают в процессе исторического взаимодействия языков. “ (Languages, words, etc.) that have developed from a common ancestor” [Matthews, 1997, p. 58]. И в английский, и в турецкий язык данные лексемы пришли из старофранцузского.

Лексема *party* имеет несколько лексических значений [www.dictionary.com]:

1. a person or group taking one side of a question, dispute, or contest. *The parties in the lawsuit reached an agreement.*
2. a group of persons organized for the purpose of directing the policies of a government. *political parties with opposing agendas*
3. a person or group participating in an action or affair. *a mountain-climbing party, a party to the transaction*
4. a particular individual : PERSON *an old party approaching 80*
5. a detail of soldiers *The infantry repulsed a landing party from the ship.* 6. a social gathering *a dinner party. a birthday party* also : the entertainment provided for it.

Интересующее нас значение – 2. «группа людей, организованная с целью руководства политикой правительства».

В турецком словаре находим более широкое толкование искомого значения лексемы *parti*:

1. *isim* Ortak düşünce ve görüşteki kişilerin oluşturdukları siyasal topluluk, fırka: *Parti tarafından önerilen genel konular ile ozanın duyduğu şey arasında çelişki olamaz.* (Necip Fazıl Kısakürek)

2. *isim İnsan topluluğu* (GTS).

Значение 1. Политическое сообщество, образованное людьми с общими взглядами и мнениями.

Как видим, данное определение охватывает значения 1. и 2. английского эквивалента. Отметим, что в турецком языке имеется синонимичная лексическая единица *firka* арабского происхождения, однако в современном турецком языке данная лексема является устаревшей и сохраняется преимущественно в составе названий партий, то есть коллокаций-эргонимов, которые также вышли из широкого употребления.

С точки зрения структуры, коллокации с лексемами *party* и *parti* представлены следующими моделями: 1) **N+N (party/parti(si)), Adj + N (party/parti)**; 2) **N (party/parti) + N**; 3) **Num+N(party) + N**. При этом наблюдается определённая корреляция между семантическими и структурными характеристиками полученных коллокаций. Анализ семантики и структуры коллокаций с лексемами *party* и *parti*, полученных из лексикографических источников, позволил распределить их на следующие группы:

N+N (party/parti(si)), Adj + N (party/parti), а также более комплексные образования, в которых компонент, представляющий собой характеристику ключевой лексемы, включает несколько элементов (**N conj. N + N (party/parti), Adj+N + N (party/parti)** и др.)

1) эргонимы (связь с реальным денотатом)

англ. *Progressive Party* – ‘Прогрессивная партия’, *Worker’s Revolutionary Party* – ‘Рабочая революционная партия’; **тур.** *Adalet Parti* – ‘Партия справедливости’, *Barış Partisi* – ‘Партия мира’, *Avrasya Partisi*– ‘Партия Евразии’ и др.

2) идеология; положение партии в политическом спектре:

англ. *radical party* – ‘радикальная партия’, *liberal party* – ‘либеральная партия’, *socialist party* – ‘социалистическая партия’, *big tent party* – ‘зонтичная партия’ и др. **тур.** *çatı parti* – ‘зонтичная партия’.

3) по степени участия во власти:

англ. *incumbent party* – ‘партия, находящаяся у власти’, *ruling party* – ‘правящая партия’, *third party* – ‘третья партия’, *majority party* – ‘партия большинства’, *a spoiler party* – ‘партия, созданная для того, чтобы отнять голоса у основных двух партий-претендентов’; **тур.** *egemen partisi* – ‘правящая партия’, *muhalefet partisi* – ‘оппозиционная партия’, *tabela partisi* – ‘партия-пустышка, существующая только по документам (досл. *tabela* – ‘вывеска, табличка’) и др.

4) по организационному критерию:

англ. *a mass party* – ‘массовая партия’; **тур.** *kitle partisi* – ‘массовая партия’, *kadro partisi* – ‘кадровая партия’.

N (party/parti) + N

5) люди и группы людей, входящие в состав партии:

англ. *party man, party person* – ‘партийный человек’, *party leader* – ‘лидер партии’, *party activist* – ‘партийный активист’ и др.; **тур.** *parti grubu* – ‘партийная группа (собрание членов партии, входящих в парламент)’, *parti iktidarı* – ‘руководство партии’, *parti üyesi* – ‘член партии’, *parti yönetimi* – ‘руководство партии’, *parti başkanı* – ‘председатель партии’, *parti sözcüsü* – ‘спикер партии’ и др.

6) документы и прочие атрибуты партии:

англ. *party platform* – ‘политическая программа партии’ и др., **тур.** *parti seçme listesi* – ‘избирательный список партии’.

7) деятельность партии:

англ. *party congress* – ‘партийный конгресс’, *party line* – ‘линия партии (позиция)’, *party headquarters* – ‘штаб партии’, *party politics* – ‘политика партии’; **тур.** нет коллокаций данной семантической группы в лексикографических источниках.

V + N (party) / N (parti) + V

8) действия по отношению к партии:

англ. *to establish (found, form) a party* – ‘основать партию’, *to dissolve a party* – ‘распустить партию’, *to split a party* – ‘расколоть партию’; **тур.** нет коллокаций данной семантической группы в лексикографических источниках.

Num+N(party/parti) + N; Adj + N (parti) + N9) характеристика системы/государства с точки зрения количества партий:

англ. *one-party rule* – ‘однопартийное правление’, *two-party rule* – ‘двухпартийное правление’, *one-party state* – ‘однопартийное государство’; **тур.** *tek parti sistemi* – ‘однопартийная система’, *iki partili sistemi* – ‘двухпартийная система’, *tek parti rejimi* – ‘однопартийный режим’, *çok partili düzeni* – ‘многопартийная система’.

Аналогичные группы коллокаций были получены из дискурсивного материала политиков, журналистов и граждан:

N+N (party/parti(si)), Adj + N (party/parti)1) эргонимы

англ. *Conservative Party* – ‘Консервативная партия’, *Democratic/ Democrat Party* – ‘Демократическая партия’; **тур.** *Muhafazakar Parti* – ‘Консервативная партия’, *Adalet ve Kalkınma Parti* – ‘Партия справедливости и развития’, *Komünist Parti* – ‘Коммунистическая партия’ и др.

2) идеология; положение партии в политическом спектре

англ. *socialist party* – ‘социалистическая партия’, *centrist party* – ‘центристская партия’, *nationalist party* – ‘националистическая партия’, *extremist party* – ‘экстремистская партия’, *far-right party* – ‘ультра правая партия’; **тур.** *aşırı sağcı parti* – ‘ультраправая партия’, *sol parti* – ‘левая партия’, *sosyal demokrat parti* – ‘социально-демократическая партия’ и др.

3) организационный критерий

англ. *a mass party* – ‘массовая партия’; **тур.** *kitle partisi* – ‘массовая партия’

4) степень участия во власти:

англ. *incumbent party* – ‘партия, находящаяся у власти’, *ruling party* – ‘правлящая партия’, *third parties* – ‘третьи партии’; **тур.** *öncü parti* – ‘ведущая партия’, *iktidar partisi* – ‘правлящая партия’, *muhalefet partisi* – ‘оппозиционная партия’ и др.

N (party/parti) + N5) люди и группы людей, входящие в состав партии:

англ. *party leader* – ‘лидер партии’, *party member* – ‘член партии’; **тур.** *parti lideri* – ‘лидер партии’, *parti iktidarı* – ‘руководство партии’, *parti üyesi* – ‘член партии’, *parti yönetimi* – ‘руководство партии’, *parti başkanı* – ‘председатель партии’, *parti sözcüsü* – ‘спикер партии’ и др.

б) документы и прочие атрибуты партии:

англ. *party platform* – ‘политическая программа партии’; **тур.** *parti tüzüğü* – ‘устав партии’, *parti programı* – ‘программа партии’ и др.

в) деятельность партии:

англ. *party convention* – ‘партийный съезд’, *party caucuses* – ‘партийные собрания’, *party reform* – ‘партийная реформа’; **тур.** *parti toplantısı* – ‘партийное собрание’, *parti faaliyeti* – ‘деятельность партии’, *parti teşkilatı*, *parti örgütleri* – ‘партийная организация’.

V + N (party) / N (parti) + V

г) действия по отношению к партии:

англ. *to rebuild the party* – ‘восстановить партию, реорганизовать партию’, *to establish a party* – ‘основать партию’, *to lead the party* – ‘возглавлять партию’; **тур.** *parti kurmak* – ‘основать партию’, *parti kapatmak* – ‘упразднить партию’, *parti toplamak* – ‘собрать партию’ и др.

Num+N (party/parti) + N; Adj + N (parti) + N

д) характеристика системы/государства с точки зрения количества партий:

англ. *one-party rule* – ‘однопартийное правление’, *two-party rule* – ‘двухпартийное правление’, *one-party state* – ‘однопартийное государство’; **тур.** *tek parti sistemi* – ‘однопартийная система’, *iki partili sistemi* – ‘двухпартийная система’, *tek parti rejimi* – ‘однопартийный режим’.

Объединив полученные данные, представим комбинаторную карту лексем *party* и *parti* (Таблица 13):

Таблица 13. Комбинаторная карта лексем *party* и *parti*

семантические группы коллокатов лексематермин	эргонимы	идеология	степень участия во власти	способ организации	люди и группы людей	документы и прочие атрибуты	деятельность партии	действия по отношению к партии	характеристика системы/ государства
party	Progressive Party; Worker's Revolutionary Party Democratic/Democrat Conservative Party, etc. 50%	radical liberal socialist centrist nationalist extremist far-right right-wing left; big tent; catch-all 11%	incumbent ruling third majority spoiler mainstream 6%	mass cadre 2%	man, person leader activist member candidate cadres representative nominee 9%	platform ticket manifesto 3%	congress line headquarters politics convention caucuses reform meeting organization 9%	to establish (found, form) to dissolve to split to rebuild to lead 7%	one-party rule two-party rule one-party state 3%
parti	Adalet Parti Barış Partisi Avrasya Partisi AK Parti Muhafazakar Parti Komünist Parti, v.s. 55%	aşırı sağcı sol sosyal demokrat sağ çatı 6,7%	egemen öncü iktidar muhalefet muhalif üçüncü lider tabela 8,8%	kitle kadro 2,2%	grubu iktidarı üyesi yönetimi başkanı sözcüsü lideri tabanı 8,8%	seçme listesi tüzüğü programı rozetleri 5,6%	toplantısı faaliyeti teşkilatı örgütleri 4,3%	kurmak kapatmak toplamak katılmak 4,3%	tek parti sistemi / iki partili sistemi /tek parti rejimi /çok partili düzeni 4,3%
лексематермин структурная модель	N+N (party/parti(si)), Adj + N (party/parti)				N (party/parti) + N			V + N (party) / N (parti) + V	Num+N(part y/parti) + N; Adj + N (parti) + N

Полученные результаты демонстрирует высокую продуктивность коллокаций эргонимической группы, что представляется вполне логичным, так как в политическом дискурсе употребляется большое количество названий соответствующих политических объединений. Сопоставительный анализ групп коллокатов, полученных из лексикографических справочников и из дискурсивного материала показал отсутствие описания коллокаций, относящихся к группам с компонентом, обозначающим действие, а также указывающих на положение партий на политической оси, в турецких словарях, в то время как в политическом медиадискурсе такие единицы достаточно широко используются. Также следует отметить наличие большого количества эквивалентных коллокаций с компонентами *party/ parti*, что вероятно, объясняется универсальностью понятия «партия» и связанных с ним категорий в рассматриваемых лингвокультурах. Среди немногочисленных коллокаций с национально-культурным компонентом можно выделить, например, турецкую единицу *tabela partisi* (*tabela* – ‘табличка, вывеска’), которая обозначает небольшую партию, существующую только по документам и не способную получить ни одного места в парламенте, которая в нужный момент уходит с политической арены, уступая свои голоса другой партии.

Коллокации с лексемами, составляющие первую группу, представляют собой так называемые “coined collocations”, то есть «специально созданные коллокации» (термин Г. Палмера). Разделение эргонимов на основе их связи со свойствами денотата было рассмотрено в п.2.2.3. Среди наименований политических партий встречаются все перечисленные выше типы названий: реальные, условно-символические и смешанные, однако частотность их различна, что напрямую связано с функциями, которые призвана выполнять данная группа имён собственных. Приведём примеры названий партий, которые употребляются в политическом медиадискурсе исследуемого временного периода в соответствии с классификациями А. В. Суперанской, А. В. Беспаловой и И. В. Крюковой, рассмотренными в п.2.3.3 настоящего исследования:

1) реально мотивированные наименования наиболее чётко и полно описывают направление деятельности партии, информируют о её основных целях и ценностях. Для создания таких наименований используются сочетания ключевой лексемы *party/ parti* с компонентами, указывающими на следующие признаки:

а) идеологический курс партии, например:

англ. *Democratic Party* – ‘Демократическая партия’, *Conservative Party* – ‘Консервативная партия’; **тур.** *Demokrat Parti* – ‘Демократическая партия’, *Komünist Parti* – ‘Коммунистическая партия’, *Sosyal Demokrat Parti* – ‘Социал-Демократическая партия’, *Liberal Parti* – ‘Либеральная партия’;

б) национальная принадлежность:

англ. *Bangladesh National Party* – ‘Националистическая Партия Бангладеша’, *Turkish Nationalist Party* – ‘Турецкая Националистическая Партия’; **тур.** *Avusturya Halk Partisi* – ‘Австрийская Народная Партия’;

в) группы общества, чьи интересы призвана защищать партийная организация:

англ. *Workers’ Party* – ‘Партия Рабочих’, *European People’s Party* – ‘Европейская Народная Партия’, *Croatian Peasant Party* – ‘Хорватская Крестьянская Партия’; **тур.** *Cumhuriyet Halk Partisi* – ‘Республиканская Народная Партия’, *Sosyalist İşçi Partisi* – ‘Социалистическая Рабочая Партия’, *Vatandaşlar Partisi* – ‘Партия Граждан’.

Как демонстрируют данные примеры, нередко названия партий включают сразу несколько вышеперечисленных признаков и структурно представляют собой многокомпонентные эргонимы с центральной моделью N+N.

2) условно-символические наименования обусловлены стремлением привлечь как можно больше членов, получить общественную поддержку. Как уже отмечалось выше, такие эргонимы могут включать компоненты двух видов:

а) компоненты, содержащие косвенное или условное указание на реальные признаки:

англ. *Green party* – ‘Партия Зелёных’; тур. *Yeşiller Partisi* – ‘Партия Зелёных’;

б) компоненты с общим значением положительности:

англ. коллокаций данной группы не обнаружено ; тур. *Saadet Partisi* – ‘Партия счастья’, *İYİ Partisi* – ‘Хорошая партия’.

Кроме того, необходимо выделить третий, смешанный тип наименований, содержащий компоненты, относящиеся к обеим группам. Например, название правящей партии Турции в сокращённом виде представлено как *AK Parti* (Белая партия) и может быть отнесено к условно-символическим наименованиям с общим значением положительности, вызывая приятные ассоциации, связанные с белым цветом – символом чистоты, мира, счастья и т.п., однако полное название партии – *Adalet ve Kalkınma Partisi* (Партия Справедливости и Развития) – содержит указание на ценности и политический курс и, следовательно, относится к реально мотивированным наименованиям. Такие наименования менее популярны, чем реально мотивированные. Кроме того, нередко они нуждаются в пояснении, особенно если речь идёт о зарубежных партиях.

3. 2. 5. Комбинаторная карта лексем *diplomacy/ diplomasi*

Лексемы *diplomacy* и *diplomasi* также являются словами-когнатами французского происхождения.

Обратимся к словарным значениям рассматриваемых лексем. Английская лексема *diplomacy* имеет следующие значения [www.dictionary.com]:

1. the conduct by government officials of negotiations and other relations between nations / ведение государственными должностными лицами переговоров и других отношений между странами;
2. the art or science of conducting such negotiations / искусство или наука ведения переговоров;
3. skill in managing negotiations, handling people, etc., so that there is little or no ill will; tact: / умение вести переговоры, работать с людьми и т.д. ; такт:

Ниже представлены значения турецкой лексемы *diplomasi* (GTS):

1. uluslararası ilişkileri düzenleyen antlaşmalar bütünü / *совокупность договоров, регулирующих международные отношения*
2. bu işte çalışan kimsenin görevi, mesleği / *задача, профессия того, кто работает на этой работе;*
3. yabancı bir ülkede ve uluslararası toplantılarda ülkesini temsil etme işi ve sanatı / *работа и искусство представлять свою страну в чуждой стране и на международных встречах;*
4. güç bir görüşme sırasında gösterilen ustalık ve beceriklilik / *мастерство и находчивость, продемонстрированные на переговорах;*
5. bu görevlilerin oluşturduğu topluluk / *сообщество, созданное этими должностными лицами;*

Обобщая представленные выше значения, можно заключить, что английская и турецкая лексемы имеют сходные значения, за исключением последнего, которое выделяют только турецкие лексикографы:

1. деятельность (должностных лиц) / результат этой деятельности;
2. искусство, наука;
3. умение, мастерство;
4. группа людей (тур.)

Предварительное изучение контекстов показывает, что для специального (политического) дискурса наиболее актуальны первые два значения; третье более свойственно общему дискурсу. Кроме того, нам не удалось обнаружить примеров турецкой лексики *diplomasi*, выступающей в значении 4 («группа людей»).

Для оценки фиксированной сочетаемости были отобраны коллокации с лексемами *diplomacy* и *diplomasi* из лексикографических источников – словарей политической лексики, толковых словарей общей лексики, терминологических словарей и словарей коллокаций.

С точки зрения структуры, «словарные» коллокации с данными лексемами представляют собой именные сочетания типа **N+N** и **Adj + N**, где искомые лексемы занимают синтаксически главную позицию. Зависимые компоненты могут быть распределены по семантическим признакам на следующие группы:

1. количество сторон-участников:

англ. *bilateral diplomacy* – ‘двусторонняя дипломатия’, *multilateral diplomacy* – ‘многосторонняя дипломатия’, *coalition diplomacy* – ‘коалиционная

дипломатия’; **тур.** *çokyanlı diplomasi* – ‘многосторонняя дипломатия’, *iki yönlü diplomasi* – двусторонняя дипломатия, *iç köşeli diplomasi* – ‘трёхсторонняя (треугольная) дипломатия’.

Можно заметить, что, в отличие от однокоренных английских коллокаций (*bilateral, multilateral*), их турецкие эквиваленты содержат разные корневые морфемы – *yan* (сторона), *yön* (направление) что, вероятно, объясняется вторичностью происхождения: предположительно, данные коллокации изначально представляли собой переводческие эквиваленты английских терминов.

2. уровень:

англ. *summit diplomacy* – ‘дипломатия на высшем уровне’, *shirt-sleeve diplomacy* – ‘неформальная дипломатия’, *public diplomacy* – ‘публичная дипломатия’, *track-two diplomacy* – ‘параллельная дипломатия, неофициальная дипломатия’; **тур.** *gayriresmi diplomasi/ resmi olmayan diplomasi* – неофициальная дипломатия, *özel diplomasi* – частная дипломатия, *zirve diplomasisi/ doruk diplomasisi* – ‘дипломатия на высшем уровне’, *kamu diplomasisi* – ‘публичная дипломатия’;

3. степень открытости:

англ. *open diplomacy* – ‘открытая дипломатия’, *quiet diplomacy* – ‘тихая дипломатия’, *secret diplomacy* – ‘тайная дипломатия’; **тур.** *açık diplomasi* – ‘открытая дипломатия’, *gizli diplomasi* – ‘тайная дипломатия’, *kapalı diplomasi* – ‘закрытая дипломатия’, *sessiz diplomasi* – ‘тихая дипломатия’, *bildirimci diplomasi* – ‘декларативная дипломатия’, *şifreli diplomasi* – ‘зашифрованная дипломатия’;

4. способы взаимодействия/ воздействия

1) нейтральная или положительная оценка:

англ. *media diplomacy* – ‘медийная дипломатия’, *ping-pong diplomacy* – ‘пинг-понговая дипломатия’, *parliamentary diplomacy* – ‘парламентская дипломатия’, *preventive diplomacy* – ‘превентивная дипломатия’, *shuttle diplomacy* – ‘челночная дипломатия’ и др.; **тур.** *halı diplomasisi* – ‘ковровая дипломатия’, *mekik diplomasisi* – ‘челночная дипломатия’, *klasik diplomasi* – классическая

дипломатия, *kültürel diplomasi* – культурная дипломатия, *kırmızı hat diplomasisi/hotline diplomasisi* – ‘дипломатия «горячей линии»’, *medya diplomasisi* – ‘медийная дипломатия’, *mektup diplomasisi* – ‘письменная дипломатия, переговоры, осуществляемые с помощью писем’ и др.;

2) негативная оценка:

англ. *gunboat diplomacy* – ‘дипломатия канонерок’, *checkbook diplomacy* – ‘чековая дипломатия, дипломатия подкупа’, *dollar diplomacy* – ‘долларовая дипломатия’ и др.; **тур.** *makyavelci diplomasi* – ‘дипломатия Макиавели’, *zorlayıcı diplomasi* – ‘силовая дипломатия, дипломатия принуждения’, *dolar diplomasisi* – ‘долларовая дипломатия’;

5. характер отношений между сторонами:

англ. *adversarial diplomacy* – ‘состязательная дипломатия’, *hostile diplomacy* – ‘враждебная дипломатия’ и др.; **тур.** *donuk diplomasi* – ‘замороженная дипломатия’, *Avrupa merkezli diplomasi* – ‘евроцентристская дипломатия’, *olumlu diplomasi/ pozitif diplomasi* – ‘позитивная дипломатия’, *yapıcı diplomasi* – ‘конструктивная дипломатия’ и др.;

6. сфера применения:

англ. *military diplomacy* – ‘военная дипломатия’, *economic diplomacy* – ‘экономическая дипломатия’, *cultural diplomacy* – ‘культурная дипломатия’, *naval diplomacy* – ‘военно-морская дипломатия’ и др.; **тур.** *ticari diplomasi* – ‘дипломатия в сфере торговли’, *kültürel diplomasi* – ‘культурная дипломатия’, *ekonomik diplomasi* – ‘экономическая дипломатия’, *dinsel diplomasi* – ‘дипломатия в сфере религии’ и др.;

Как показывает отобранный материал, большинство коллокаций являются **эквивалентными**, то есть имеются в обоих рассматриваемых языках и совпадают по значению, например: **англ.** *shuttle diplomacy* / **тур.** *mekik diplomasisi* – ‘челночная дипломатия’, **англ.** *public diplomacy* / **тур.** *kamu diplomasisi* – ‘публичная дипломатия, общественная дипломатия’, **англ.** *quiet diplomacy* / **тур.** *sessiz diplomasi* – ‘тихая дипломатия’ и др. В то же время наличие в турецких словарях коллокаций, отсутствующих в англоязычных источниках, например,

makyavelci diplomasi – ‘дипломатия Макиавели’ – не всегда означает отсутствие данных понятий (как и коллокаций их обозначающих) в английском языке. Значительно меньшую по объёму группу составляют безэквивалентные (или этнокультурные) коллокации, например, тур. *halı diplomasisi* – ‘ковровая дипломатия’. Как и большинство коллокаций, описывающих способы достижения дипломатических целей, коллокация *halı diplomasisi* имеет прецедентный характер, поскольку её происхождение связано с конкретным событием в политической жизни общества (дипломатическая инициатива, озвученная госсекретарём М. Олбрайт в 2000 году – смягчение эмбарго на иранские ковры – вызванная стремлением растопить лёд между администрациями США и Ирана). Наличие данной единицы в турецком источнике и её отсутствие в англоязычных словарях и справочниках, на наш взгляд, можно объяснить большей значимостью описываемого события для восточных стран, нежели для Европы и Америки.

Далее мы произвели отбор коллокаций с рассматриваемыми лексемами из национальных корпусов английского и турецкого языков (NOW и TUD). Общее количество отобранных единиц составило 53 для английской и 20 для турецкой лексем.

Как показал анализ структуры полученных коллокаций, бóльшая их часть, как и единицы из лексикографических источников, соответствуют моделям **N + N** и **Adj + N** с лексемами *diplomacy* и *diplomasi* в качестве ключевых компонентов. Также были отмечены сочетания типа **V+N / N + V** и **N + N**, в которых данные лексем занимают синтаксически зависимые позиции.

Распределение коллокатов рассматриваемых лексем по семантическим группам может быть представлено следующим образом:

Коллокации со структурой **Adj + N (diplomacy/diplomasi)**, **N + N (diplomacy/diplomasi)** были распределены по тем же группам, что и коллокации из лексикографических источников. Приведём примеры единиц, обнаруженных именно в дискурсивном материале:

1. количество сторон-участников

англ. *face-to-face diplomacy* – ‘очная дипломатия’, *state-to-state diplomacy* – ‘межгосударственная дипломатия’; **тур.** *çok taraflı diplomasi* – ‘многосторонняя дипломатия’;

2. уровень:

англ. *top level diplomacy* – ‘дипломатия высокого уровня’, *public diplomacy* – ‘публичная дипломатия’, *neighbourhood diplomacy* – ‘«соседская» дипломатия’, *global diplomacy* – ‘мировая, глобальная дипломатия’, *regional diplomacy* – ‘региональная дипломатия’; **тур.** нет коллокаций данной семантической группы в лексикографических источниках;

3. степень открытости:

англ. *microphone diplomacy*, *megaphone diplomacy*, *bullhorn diplomacy* – ‘мегафонная дипломатия’, *backroom (back-channel, back-door, behind-the-scenes diplomacy)* – ‘закулисная дипломатия’ и др.; **тур.** *megafon diplomasisi* – ‘мегафонная дипломатия’;

4. способы взаимодействия/ воздействия

1) нейтральная или положительная оценка:

англ. *golf (basketball, football) diplomacy* – ‘футбольная, баскетбольная, гольфовая дипломатия’, *mango diplomacy* – ‘манговая дипломатия’, *humanitarian diplomacy* – ‘гуманитарная дипломатия’, *mask diplomacy* – ‘масочная дипломатия’, *sartorial diplomacy* – ‘портновская дипломатия’, *science diplomacy* – ‘научная дипломатия’, *sports diplomacy* – ‘спортивная дипломатия’, *nuclear diplomacy* – ‘ядерная дипломатия’ и др.; **тур.** *sauna diplomasisi* – ‘банная дипломатия’, *futbol diplomasisi* – ‘футбольная дипломатия’, *pinpon diplomasisi* – ‘пингпонговая дипломатия’ и др.;

2) негативная оценка:

англ. *gunboat diplomacy* – ‘дипломатия канонерок’, *checkbook diplomacy* – ‘чековая дипломатия, дипломатия подкупа’, *dollar diplomacy* – ‘долларовая дипломатия’, *coercive diplomacy* – ‘принудительная дипломатия’ и др.; **тур.** *ganbot diplomasisi* – ‘дипломатия канонерок’, *kovboy diplomasisi* – ‘ковбойская дипломатия’;

5. характер отношений между сторонами:

англ. *aggressive diplomacy* – ‘агрессивная дипломатия’, *careful diplomacy* – ‘осторожная дипломатия’; **тур.** *soğuk diplomasi* – ‘холодная дипломатия’;

6. сфера применения:

англ. *climate diplomacy* – ‘климатическая дипломатия, дипломатическая работа по проблематике изменения климата’, *commercial diplomacy* – ‘дипломатия в сфере торговли’ и др.; **тур.** *askeri diplomasi* – ‘дипломатия в военной сфере’, *petrol diplomasisi* – ‘нефтяная дипломатия’, *ticari diplomasi* – ‘дипломатия в сфере торговли’ и др.;

7. территориальная (государственная) принадлежность

англ. *Indian diplomasi, U.S. diplomasi, Russian diplomasi, Iranian diplomasi* и др.; **тур.** *Türk diplomasi, ABD diplomasisi, Amerikan diplomasi, Rus diplomasi, Fransa diplomasisi, Ermenistan diplomasisi* и др.

Последняя, седьмая группа, состоит из онимов – названий стран и национальностей – и, очевидно, определяется текущей политической ситуацией в определённой стране и/или в мире. Как показывают примеры, самую обширную группу составляют коллокаты, обозначающие объекты или продукты, с помощью которых предпринимаются попытки наладить отношения между сторонами (см. п. 4). Мы полагаем, что именно за счёт данной группы слов в основном и происходит развитие комбинаторного потенциала лексемы *diplomacy*. В качестве актуальных примеров можно привести коллокации *mask diplomacy*– ‘масочная дипломатия’ (MI=5,8) или *wolf-warrior diplomacy* (MI=14,29), активно тиражируемые в современных СМИ:

1. **англ.** *China, Korea, Taiwan and Vietnam are all net exporters of virus-related products and are engaged in “mask diplomacy” by deploying cargos to favored nations. / Китай, Корея, Тайвань и Вьетнам являются экспортёрами продукции, связанной с вирусом, и занимаются «масочной дипломатией», направляя грузы в избранные страны.*

тур. *Pekin'in Irak'a virüsle mücadele konusunda destek olması ve bunun bolca yayınlanması, Çin'in “maske diplomasi” stratejisinin bir parçası. Çin ekonomik*

bir felaketi, halkla ilişkiler zaferine dönüştürmeyi hedefliyor. / Тот факт, что Пекин поддерживает Ирак в борьбе с вирусом и публикует его в изобилии, является частью стратегии «масочной дипломатии». Китай стремится превратить экономическую катастрофу в победу по связям с общественностью.

2. *China's new, hardline “wolf warrior diplomacy” is supposed to cement its dominance — but it's also uniting its rivals abroad and dividing people at home./ Новая жесткая китайская «дипломатия воина-волка» должна укрепить свое господство — но она также объединяет своих соперников за рубежом и разделяет людей внутри страны.*

Вторую по частотности группу составляют коллокаты, репрезентирующие сферу, в рамках которой происходит дипломатическое взаимодействие — торговля, экономика, спорт и т. д. Структурно коллокации со словами данной группы не отличаются от коллокаций предыдущей, в связи с чем возрастает дифференцирующая роль контекста, благодаря которому можно понять, что коллокат обозначает сферу, а не средство/ способ воздействия. Так, *commercial diplomacy* (3) — это дипломатия в сфере торговли, в то время как *basketball diplomacy* (4) — дипломатия, осуществляемая посредством баскетбола (обмен спортсменами, приглашение на чемпионаты, совместные просмотры игр и т. п., ведущие к улучшению отношений между лидерами стран):

3. **англ.** *Since 1990, however, commercial diplomacy has reemerged as a priority in American foreign policy, despite the fact that American businesses are increasingly empowered to act as independent agents in the global economy / Однако с 1990 года торговая (коммерческая) дипломатия вновь стала приоритетом американской внешней политики, несмотря на то, что американский бизнес получает все больше возможностей действовать в качестве независимых агентов в мировой экономике*

4. **англ.** *The basketball diplomacy follows agreements to send combined teams to the Asian Games in August and hold temporary reunions of now-aging relatives separated by the 1950-53 Korean War. / Баскетбольная дипломатия следует*

договоренностям об отправке объединенных команд на Азиатские игры в августе и проведении временных встреч ныне стареющих родственников, разлученных Корейской войной 1950-53 годов.

тур. *İki Kore arasında basketbol diplomasisi: Nitekim iki ülke taraftarlarının ilişkisini daha da pekiştirmek amacıyla, Güney Koreli kadın ve erkek basketbolcuların Kuzey'in oyuncularıyla maç yapmak için Pyongyang'a gittiği belirtildi./ Баскетбольная дипломатия между двумя Кореями: чтобы еще больше укрепить отношения болельщиков двух стран, южнокорейские баскетболисты-мужчины и женщины отправились в Пхеньян, чтобы провести матч с игроками Севера.*

Сочетания с лексемами *diplomacy* и *diplomasi*, соответствующие структурной модели **V+N / N + V**, представляют собой комбинации данных лексем с глаголами, обозначающими: 1) осуществление действия **англ.** *to conduct, to pursue* – ‘проводить’, *to undertake* – ‘предпринимать’, *to practice* – ‘осуществлять’, **тур.** *yürütmek* – ‘проводить’, 2) оценку действия (одобрение/неодобрение) *to favor, to advocate* – ‘одобрять, оправдывать’; однако, как показывают невысокие ранги в корпусах (MI = 3-4), данные сочетания не отличаются высокой степенью устойчивости.

Комбинации слов типа **N + N**, в которых лексемы *diplomacy* и *diplomasi* занимают синтаксически зависимые позиции, также представлены незначительным количеством единиц, особенно в английском языке: **англ.** *diplomacy skills, diplomacy initiative, diplomacy efforts*; **тур.** *diplomasi trafiği, diplomasi yolu, diplomasi tecrübesi, diplomasi masası, diplomasi kanalları, diplomasi deneyimi* – сочетания с лексемами, большинство которых, на наш взгляд, являются характерными для любого существительного, обозначающего род деятельности (ср., например, *diplomacy skills – teaching skills* (‘дипломатические навыки’ – ‘навыки преподавания’), *diplomasi deneyimi – yöneticilik deneyimi* (‘дипломатический опыт’ – ‘опыт управления’)). Специфическими именно для лексем с рассматриваемой семантикой являются такие метафорические сочетания, как **тур.** *diplomasi masası* ‘дипломатический стол’ – стол переговоров, *diplomasi*

kanalları ‘дипломатические каналы’, *diplomasi laberinti* – ‘дипломатические лабиринты’, *diplomasi kulisleri* – ‘дипломатические кулисы’, *diplomasi arenası* – ‘дипломатическая арена’, *diplomasi cambazlığı* – ‘дипломатическое канатоходство, акробатика’, в которых лексемы выступают в своём первом значении – «деятельность должностных лиц или представителей государства по осуществлению внешней политики государства», характеризующих работу дипломатического представителя как деятельность, требующую обладания особыми умениями.

Представим комбинаторную карту лексем *diplomacy* и *diplomasi*, в которой отражены узуальная и актуальная сочетаемость рассматриваемых единиц с коллокатами с разной семантикой (см. таблицу 14).

Таблица 14. Комбинаторная карта лексем *diplomacy* и *diplomasi* на лексикографическом и дискурсивном материале

семанти- ческая группа колло- катов лексема- термин	1. количество сторон- участников	2. уровень	3. степень открытости	4. способы взаимодействия/ воздействия		5. характер отношений между сторонами	6. сфера применения	7.национ. / террито- риальная принадлеж- ность	8. осущест- вление действия
				нейтр./ положит.	негат. оценка				
<i>diplomacy</i>	bilateral multilateral shuttle face-to-face state-to-state 7,3%	top level foreign public global regional neighbor- hood middle summit track- two 13,1%	microphone bullhorn open quiet secret backroom (back- channel, back-door, behind-the- scenes) 13,1%	soft ping-pong preventive parliamentary sports (golf, basketball, football), panda (koala) mango humanitarian mask culinary sartorial science cultural 24,7%	gunboat checkbook boat debt-trap hostage coercive nuclear 10,1%	adversarial hostile aggressive careful peace 7,3%	military commercial economic climate naval 7,3%	Indian, U.S., Russian, Iranian Israeli- Palestinian Moroccan Algerian 10,1%	to conduct, to pursue to undertake to practice 6%
<i>diplomasi</i>	mekik çok taraflı uluslararası milletlerarası dış halk 10,7%	gayrires mi özel zirve kamu doruk 10,7%	açık kapalı sessiz gizli megafon 9%	sauna turizm red hat telefon klasik medya parlamenter pinpon futbol kültür kültürel mektup yumuşak 23%	gambot kovboy nükleer 5,5%	barış donuk yapıcı olumlu pozitif zorlayıcı 10,7%	askeri ticari ekonomik güvenlik ticaret 9%	Türk ABD Amerikan Rus Fransa Ermenistan 10,7%	atağı trafiği taktiği hareketi manevraları yürütmek 10,7%
лексема- термин струк- турная модель	N (Adj) + Nd								Nd+N V+Nd / Nd+V

Подсчёты показывают, что несмотря на достаточно широкую представленность в словарях (34 единицы), коллокации с турецкой лексемой *diplomasi* значительно уступают в количественном отношении коллокациям с её английским эквивалентом *diplomacy* в медиатекстах (19 и 40 единиц соответственно). При этом английская и турецкая лексемы находят свою сочетаемость по сходным образцам. Так, наиболее продуктивной структурной моделью являются сочетания типа **N + N(d)**. Анализ семантики лексем, с которыми рассматриваемые единицы образуют коллокации, позволяет объединить их в семь основных групп, особо продуктивными из которых являются лексемы, обозначающие предмет или явление, которые могут быть использованы в качестве способа воздействия.

Таким образом, лексемы *diplomacy* и *diplomasi* обладают достаточно широким комбинаторным потенциалом, который, вероятно, будет расширяться именно за счёт единиц данной семантической группы. Можно заключить, что в настоящее время значения исследуемых лексем в английском и турецком языках по большей части совпадают, как и их сочетаемость. Расхождения в значениях и сочетаемости лексем *diplomacy* и *diplomasi* объясняется экстралингвистическими факторами, то есть зависят от актуальной политической ситуации в конкретной стране.

Итак, проведённый анализ комбинаторных особенностей лексем *power/güç*, *political/siyasi*, *election/seçim*, *party/parti*, *diplomacy/diplomasi* подтвердил предположение о широком комбинаторном потенциале ключевых лексем политического языка. Сопоставление комбинаторных карт данных единиц, построенных на лексикографическом и дискурсивном материале, показало, с одной стороны, спорность отнесения ряда сочетаний, имеющих в словарях, к коллокациям, а с другой стороны, позволило выявить сочетания, активно используемые в специальном дискурсе, но пока не получившие лексикографического описания. Отметим, однако, что данная проблема в большей степени актуальна для турецкой, чем для англоязычной лексикографии. Подвижный состав политической терминологии и современные потребности

общества приводят к необходимости постановки вопроса о создании словарей, отражающих не только единицы политического лексикона, но и их актуальную сочетаемость.

Контрастивный анализ сходных по значению и/ или составу коллокаций позволил выявить следующие группы данных единиц:

1) **полностью эквивалентные** (полностью совпадающие) коллокации, характеризующиеся совпадением семантики коллокации при наличии данного явления в обеих культурах: (*democratic election – demokratik seçim, general election – genel seçim, early election – erken seçim, etc.*).

2) **частично эквивалентные** коллокации (аналоги, относительные аналоги), которым свойственно неполное совпадение семантики компонентов при наличии явления в обеих культурах (*snap election - baskın seçim, run-off election – ikinci tur/seçim*). Как правило, неполное совпадение семантики коллокаций данной группы обусловлено наличием определённой национально-культурной специфики. Например, экспрессивные коллокации *snap election* и *baskın seçim* используются для обозначения досрочных выборов вместо нейтральных универсальных коллокаций *early election* и *erken seçim*. При этом английское *snap* означает ‘внезапный, неожиданный, скоропалительный’, а турецкое *baskın* – ‘подавляющий’ или ‘набег’, то есть имеет сему «давление», подразумевая давление на оппозицию, для которой досрочные выборы являются неожиданными, из-за чего не удаётся к ним подготовиться должным образом. *Run-off election* – ‘заключительный тур голосования’ имеет национально-культурный компонент *run-off*. Лексема *run* (исх. ‘бег’, ‘бежать’) участвует в создании ряда английских (точнее, американских) коллокаций *run for election* – ‘участвовать в выборах’, *run-up to the election* – ‘подготовительный период, предшествующий выборам’ и др.

3) **безэквивалентные** (этнокультурные) коллокации включают единицы, не имеющие аналогов соответствующего уровня в другом языке. К этой группе мы также относим коллокации с национально-специфичным компонентом, например, коллокация *landslide election* – ‘выборы, которые закончились победой с большим

преимуществом' имеет в своём составе лексему *landslide* – 'победа с большим преимуществом' (досл. «лавиная»). В отличие от описанных выше коллокаций, данная единица не имеет турецкого эквивалента на коллокационном уровне. Поясним, что к безэквивалентным коллокациям относятся единицы, обозначающие явление, имеющееся в одной культуре и отсутствующее либо не рассматривающееся как важное в другой.

Нередко необходимость перевода политических текстов с одного языка на другой приводит к появлению в языке перевода лексико-семантических калек. По утверждению Э. Бялек, несмотря на идентичный состав компонентов, «между соответствиями исходного языка и языка перевода существует принципиальная разница: переводческий эквивалент не является воспроизводимым» [Бялек, 2008, с. 150]. Однако интернациональный характер политической терминологии и политического дискурса в целом позволяет предположить, что регулярная воспроизводимость переводческого эквивалента может привести к закреплению новой единицы в языке перевода и приобретению ею статуса коллокации. Кроме того, как было показано в Главе 1, одним из критериев отнесения комбинаций слов к терминологическим коллокациям может служить их связь с понятием или предметом, в силу чего они могут считаться коллокациями по понятийной / предметной отнесённости.

3. 3. Концепция турецко-английского учебного словаря политических коллокаций

Согласно С.В. Гриневу-Гриневичу, составление словаря специальной лексики следует начинать с авторской установки, включающей факторы, определяющие композицию словаря, и выступающие в качестве предварительных, внешних параметров по отношению к собственно композиционным параметрам [Гринева-Гриневич, 2009]. К данным параметрам относят определение пласта лексики, подлежащего описанию – предметную ориентацию словаря (тематическую, ареальную, временную и т. д.), назначение словаря (переводной, учебный, справочный и т. д.), читательский адрес (круг

будущих пользователей словарем), аспект и уровень описания лексики (инвентаризация или нормализация специальной лексики), объем словаря и, наконец, принципы отбора лексики, подлежащей описанию в словаре [Там же].

Собственно композиционными параметрами словарей являются его мега-, макро-, медиа- и микроструктура. Понятие лексикографического параметра впервые было представлено Ю.Н. Карауловым, под которым учёный понимает «квант информации о языковой структуре, который находит специфическое выражение в словарях» [Караулов, 1981, с. 51]. К параметрам мегаструктуры относится наличие вводной части, раздела «как пользоваться словарем», описания предметной области, непосредственно словника, различных приложений. Под макроструктурой понимается структура словаря в целом, принцип представления и расположения в нём единиц. Параметры медиоструктуры связаны с наличием системы отсылочных данных. Наконец, микроструктура словаря представляет собой формат словарной статьи и характер её заполнения: способы передачи семантики слова, примеры с контекстом, указание стилистического статуса слова, этимология и т. п. [Моисеев, 2006, с. 31].

Так как разрабатываемое лексикографическое произведение будет представлять собой двуязычный учебный словарь политических коллокаций, необходимо выявить характеристики, свойственные учебным и двуязычным словарям, а также определить его место среди словарей комбинаторного типа.

Итак, под учебным словарём понимают «лексикографическое произведение, специально предназначенное для оказания помощи в изучении языка» [Дубичинский, 1998, с. 127]. Такой словарь составляется с учётом обучения всем видам речевой деятельности: в рецептивном плане словарь раскрывает значения слов, в репродуктивном – информирует об использовании в речи тех или иных лексических единиц. Содержание словарной статьи учебного словаря напрямую зависит от типа словаря и помимо информации о значении лексической единицы, обычно включает также информацию о произношении и ударении, примеры употребления лексической единицы, дополнительный материал (грамматические таблицы, рисунки, схемы и т. п.).

Переводные словари обычно противопоставляются толковым, так как в отличие от последних, где средством семантизации служит толкование слова на входном языке, в переводных даётся перевод единицы одного языка на другой (если словарь двуязычный) или другие (если словарь многоязычный) языки. В зависимости от того, предназначен ли словарь как пособие при восприятии текстов на чужом языке, или как пособие при переводе с родного языка на чужой, его нужно строить по-разному.

Для того, чтобы выбрать наиболее оптимальный способ представления словарного материала в разрабатываемом двуязычном (турецко-английском) словаре политических коллокаций, нами были рассмотрены композиционные характеристики имеющихся на лексикографическом рынке двуязычных словарей сочетаемости общей лексики, ориентированных на овладение входным языком; словарей сочетаемости политической и общественно-политической лексики (русско-английский, англо-русский, немецко-русский, татарско-русский), а также способы описания политических коллокаций в словарных статьях англоязычных и турецких словарей и справочников политической лексики и терминологии.

Анализ микроструктуры авторитетных англоязычных и турецких словарей и справочников политической терминологии показал, что в них традиционно используются следующие основные способы лексикографирования политических коллокаций.

1. Для одноязычных толковых словарей:

- 1) включение политической коллокации в словарную статью заглавной лексемы с сопроводительными примерами употребления или без них (TS, GTS, ODAPS, DPT);
- 2) описание политической коллокации в отдельной словарной статье, часто со ссылками на словарные статьи, описывающие другие сочетания с ключевым словом и/или само ключевое слово (SNPD, TGPD, PSDS, PS, BS), а также с ссылками на дополнительную информацию о смежном понятии или явлении (LKPTTD).

2. Для двуязычных, или переводных (турецко-английских и англо-турецких) словарей передача политической коллокации с входного на переводящий язык без дополнительных ссылок и комментариев, иногда с погрешностями в переводе (UISBT, SBTS).

Анализ композиционной структуры словарей комбинаторного типа (словари сочетаемости, словари коллокаций) позволил заключить, что большинство из них представляют собой так называемые аналоговые (или аналогические) словари, слова в которых объединяются в смысловые группы вокруг определённых центральных лексем, расположенных в алфавитном порядке [Кауль, Хидекель 2012; Кузнецова и др., 1989, Покровская, 2003, Фоломкина, 2007].

Немецко-русский учебный словарь сочетаемости общественно-политической лексики, организованный по тематическому принципу [Сазонов, 2013] отличается относительно небольшим объёмом и не содержит иллюстративных примеров. В идеографическом русско-английском словаре коллокаций и выражений, состоящем из 33 тематических разделов, в качестве заголовочных единиц используются целые предложения (микрореконтексты употребления лексических единиц) и варианты их перевода на английский язык с необходимыми для иноязычного пользователя пояснениями; словарь может использоваться как учебное пособие и изучаться по темам. Англо-русский словарь языка СМИ [Покровская, 2003] содержит значительное количество словосочетаний (свободных и устойчивых), извлечённых из статей и новостных сообщений.

Наиболее удачным в плане представления материала, на наш взгляд, является русско-английский учебный словарь сочетаемости общественно-политических терминов [Кузнецова и др., 1989], предназначенный для иностранных студентов – будущих специалистов соответствующего профиля. Помимо словарных статей, содержащих развёрнутое описание терминов, в данном словаре имеется два приложения, в одном из которых указан перечень

заголовочных единиц, сгруппированных по темам, а во втором – методические рекомендации по использованию словаря в учебном процессе.

Итак, можно констатировать, что:

1) двуязычные словари коллокаций – относительно редкий тип словаря (в любой языковой паре);

2) словарь специализированных/терминологических коллокаций удобнее выстраивать по алфавитному принципу (индекс/указатель заглавных слов можно включить в приложение);

3) в большинстве рассмотренных нами двуязычных словарей сочетаемости/коллокаций входной язык является иностранным для потенциальных пользователей (что, однако, не исключает возможности их использования человеком, для которого входной язык является родным, а язык перевода – иностранным, при условии наличия индекса заглавных слов, а также использования пояснений и помет на обоих языках);

4) необходим тщательный отбор коллокатов; следует избегать включения в словарь сочетаний, не обладающих достаточной степенью устойчивости;

5) при наличии особенностей, затрудняющих понимание коллокации входного языка для пользователя, необходимы соответствующие комментарии, включающие иллюстративные примеры и пояснения (семантики, структуры и т. п.).

Сопоставительный анализ словарей комбинаторного типа, проведённый М.В. Влавацкой, позволил исследователю выделить следующие параметры данных словарей [Влавацкая 2013, с. 338-360]: «1) цель и назначение словаря; 2) значимость отражения в нём сочетаемости; 3) отражение типа сочетаемости; 4) принцип описания сочетаемости; 5) характер описания сочетаемости слов в словаре; 6) характер расположения слов в словаре; 7) способы представления значения слов; 8) способы описания сочетаемости слов» (см. Рис.13 в п. 3.1.).

Опираясь на указанные параметры, представим описание двуязычного турецко-английского словаря политических коллокаций (ТАУСПК), который может быть составлен на основе проведённого нами исследования.

1. По цели/ назначению ТАУСПК является учебным словарём, что также относит его к разряду антропоцентрических словарей. Анализ исследований по лексикографии позволяет заключить, что учебные словари являются на данный момент одним из наиболее востребованных типов лексикографических справочников. Современные потребности пользователей побуждают лексикографов к поиску новых подходов к описанию слов, способствующих интенсификации процесса обучения и оптимизации его результатов. Одного описания словарной единицы и её значения/значений часто оказывается недостаточным, чтобы понять, как можно употребить данную единицу в реальной ситуации. Возникает необходимость составления так называемых «функционально-коммуникативных» словарей, «фиксирующих не только собственно лексические, но и грамматические особенности слов, специфику их употребления в речи с учётом релевантных для функционирования лексемы морфологических, синтаксических и коммуникативных признаков» [Евграфова, 2018, с. 174].

Лингводидактические принципы, которые положены в основу нашего словаря, включают: обучение говорению через сочетаемость (являющуюся первой ступенью соединения смыслов); опора на контрастивное исследование коллокаций для адекватной семантизации единиц; учёт критерия частотности при отборе языкового материала. Также следует отметить, что современная лексикография характеризуется интеграцией различных лексикографических форм [Карпова, 2018, 2019], например, менее актуальным становится традиционное противопоставление словарей по объекту описания — лингвистический vs. энциклопедический словарь, в результате чего возникают промежуточные типы словарей (толково-энциклопедический и др.). Учебный двуязычный словарь политических коллокаций, как мы полагаем, должен содержать не только перевод коллокаций с одного языка на другой, но и толкования заглавных слов, иллюстративные примеры, а также при необходимости информацию энциклопедического характера.

2. По *принципу значимости сочетаемости* ТАУСПК является полиаспектным, так как наряду с фиксацией сочетаемости он выполняет и другие функции: толкование и перевод коллокаций, иллюстрация их употребления в рамках более широкого контекста, а также при необходимости предоставление лингвокультурологической или энциклопедической информации. Учитывая тот факт, что политическая терминология обозначает явления, процессы и объекты, имеющиеся в обеих рассматриваемых лингвокультурах, значительная часть коллокаций имеет точные эквиваленты в английском и турецком языках. Однако в тех случаях, когда коллокация входного языка обладает национально-культурной спецификой и, следовательно, является безэквивалентной, требуется не только дословный перевод, но и соответствующее пояснение. Для большей иллюстративности такие коллокации, на наш взгляд, должны быть снабжены примерами употребления в современном политическом медиадискурсе. Ещё одной особенностью ряда политических единиц, и в частности, политических коллокаций является зависимость их значения от контекста, что также вызывает необходимость предоставления иллюстративных примеров и/или культурно-исторических комментариев.

3. По *типу сочетаемости* выделяют словари синтаксической, лексикосинтаксической, лексико-семантической или лексико-фразеологической сочетаемости. Поскольку политические коллокации представлены единицами с разной степенью семантической спаянности компонентов, наш словарь можно отнести к комбинаторным словарям смешанного типа, в котором представлены разные виды сочетаемости.

4. По *типу описания сочетаемости* ТАУСПК также относится к словарям комбинированного типа, так как в нём не только фиксируется индивидуальная сочетаемость слов, объединённых по тематической принадлежности, но и выделяются формальные показатели слов, образующих коллокацию. Особенно это актуально для турецкого языка, в котором существительные имеют категорию падежа. Одна и та же ключевая единица, вступая в синтагматические отношения, требует использования коллокатов в разных падежных формах.

5. По характеру описания сочетаемости все учебные антропоцентрические словари относятся к нормативным, то есть фиксирующим сочетания слов, соответствующих нормам языка. Однако среди политических коллокаций есть и прецедентные единицы, которые, будучи растиражированными в медийном дискурсе, закрепились в политической терминологии. Как было установлено в *Главе 2*, такие коллокации иногда образуются на основе нарушения сочетаемости, вследствие чего необходимо использовать описательный способ семантизации данных единиц с использованием соответствующих контекстов.

6. По характеру расположения единиц ТАУСПК является словарём смешанного типа. Заголовочные слова в нём располагаются по алфавитному принципу, однако словарная статья является содержательно-упорядоченной в соответствии с разработанными комбинаторными картами, то есть по идеографическому принципу (см. п.3.3). Идеографический способ представления лексического материала способствует построению системы логических связей, повышая методический эффект при обучении иностранному языку [Дубичинский, 1998]. Кроме того, при необходимости внутри словарной статьи производится филиация по значениям заголовочного слова, а также по структурным моделям, что соотносится с учебным характером словаря.

Словари, построенные по принципу объединения алфавитного и идеографического принципов, где слова соотнесены с определенными словами-центрами, место которых в словаре определяется алфавитом, получили название «аналоговых» или «аналогических» словарей и широко распространены в англоязычной учебной лексикографии. Данный принцип расположения слов также использовался отечественными лексикографами в толково-сочетаемостных словарях специальной лексики (см., например, В. В. Дубичинский, 1998, В.В. Морковкин, 1984 и др.), которые, по мнению их авторов и рецензентов, имеют широкий круг применения: использование в аудиторной и самостоятельной работе, составление учебных пособий и т.д.

7. По способу представления значения слова словарь комбинаторного типа может быть двуязычным (переводным) или «частично двуязычным» [Влавацкая,

2011, с.309]. Наш словарь формально принадлежит к двуязычным (переводным), однако, его отнесённость к языку для специальных целей, а также организация словарных статей по ономаσιологическому принципу позволяет обращаться к нему как пользователям, владеющим входным языком, так и пользователям, владеющим языком перевода и занимающихся поиском коллокационного соответствия на входном языке.

8. По способу описания сочетаемости слов ТАУСПК является комплексным, так как описание сочетаемости осуществляется непосредственно в коллокациях, а также в предложениях. Использование иллюстративных предложений является опциональным для универсальных коллокаций и необходимым для толкования значений коллокаций, обладающих национально-культурной спецификой. К ним относятся как эквивалентные, так и частично эквивалентные коллокации. Например, несмотря на наличие английского эквивалента *political spectrum* для коллокации *siyasi yelpaze*, основой для создания данных коллокаций служат разные метафорические модели: природоморфная в английском языке («спектр») и артефактная в турецком (досл. «политический веер»). Данные различия, несомненно, требуют специальных пояснений для англоязычного пользователя. Для коллокаций, имеющих полные эквиваленты на выходном языке, наличие примеров использования в предложениях не является обязательным. Также следует учитывать структурные различия рассматриваемых языков (см. п. 1.8), что приводит к необходимости приведения дополнительных иллюстративных примеров.

Далее перейдём непосредственно к описанию композиционных характеристик учебного турецко-английского словаря политических коллокаций (ТАУСПК). Изучение трудов по общей лексикографии, комбинаторной лексикографии и терминографии приводит нас к выводу о необходимости включения в мегаструктуру разрабатываемого словаря следующих обязательных компонентов:

1. Предисловие.
2. Инструкция по использованию словаря.

3. Список условных сокращений
4. Собственно словарь (макроструктура).
5. Индекс заглавных слов на входном языке с указанием страниц.

Мы посчитали необходимым составить для ТАУСПК не один, а два указателя заглавных слов: алфавитный и тематический (См. Приложение Б и Приложение В), что увеличивает количество входов в словарь и делает его более удобным в использовании, особенно в учебных целях. В основу тематического указателя легла тематическая классификация политических коллокаций, предложенная в *Главе 2*.

Обратимся к описанию макро- и микроструктуры словаря. Макроструктуру ТАУСПК можно охарактеризовать как алфавитно-гнездовую, так как коллокации группируются вокруг ключевых слов, расположенных в алфавитном порядке. Отбор ключевых лексем для словника был произведён на основе коллокаций, полученных в ходе работы над предыдущими разделами диссертации и создания концепции ТАУСПК. Левая часть словаря включает турецкие коллокации, организованные по «гнездовому» принципу, вокруг ключевых слов, расположенных в алфавитном порядке. В правой части даются толкования ключевых слов, эквиваленты значения коллокаций (предпочтительно одноуровневые) либо переводческий эквивалент, а также пояснения и иллюстративный материал. Так как основой микроструктуры ТАУСПК служит комбинаторная карта, составление которой описано в п.3.2 данного исследования, можно утверждать, что основными критериями отбора коллокационных единиц для словника являются критерии объективной (фиксация в словаре, частотность употребления) и субъективной оценки (оценка слов с точки зрения их тематической и сочетающей ценности).

Заглавное слово выделяется полужирным шрифтом и сопровождается определением на обоих языках. Если слово имеет несколько значений, словарная статья разбивается на несколько частей по количеству значений, каждое из которых приводится отдельной строкой и нумеруется латинской цифрой. Внутри словарной статьи, иллюстрирующей области сочетаемости единицы, (или её

части) коллокации организованы по следующему принципу: разделение по структурным моделям => разбиение на группы, сформированные на основе общих семантических признаков коллокаций (каждая группа озаглавлена на двух языках и пронумерована арабской цифрой) => расположение коллокаций каждой из групп в алфавитном порядке. Таким образом, словарная статья включает коллокации, каждая из которых формирует собственную микростатью (подстатью) второго уровня, которая, в свою очередь, может содержать микростатьи третьего уровня (например, словарная статья лексемы *seçim* – ‘выборы’ содержит микростатью второго уровня *seçim zaferi* – ‘победа на выборах’, в которую включена микростатья третьего уровня *seçim zaferi kazanmak* – ‘одержать победу на выборах’).

Семантизация турецких коллокаций на английском языке производится следующими способами: 1. Если в английском языке есть эквивалент, адекватный по семантике и структуре турецкой коллокации, то он приводится без дополнительных обозначений. 2. Если в английском языке имеется эквивалент турецкой коллокации, совпадающий только по значению, то эквивалент приводится со знаком $\approx$ (приблизительно). По возможности даётся буквальный перевод, чтобы снабдить пользователя максимально полной информацией о значении и структуре коллокации. 3. Если в английском языке отсутствует соответствующий (одноуровневый) эквивалент турецкой коллокации, то дается её толкование на языке перевода, сопровождаемое иллюстративным примером на входном (турецком) языке с переводом на английский язык. Важно отметить, что все примеры отбираются из турецких медийных источников. Коллокации, содержащие в своём значении национально-специфичный компонент, снабжаются соответствующей пометой, а также необходимыми пояснениями, например, о происхождении таких турецких коллокаций, как *halı diplomasisi* – ‘ковровая дипломатия’ или *siyasi ayak* – ‘политическая основа, база (досл. «нога»)’. Различия в употреблении коллокаций, близких по значению при необходимости объясняются в разделе *Note (Примечание)*, например, и *serbest seçimler*, и *özgür*

seçimler означают ‘свободные выборы’, однако только вторая коллокация подразумевает «реальную», а не формальную свободу выбора.

Таким образом, описание турецких коллокаций в ТАУСПК производится с опорой на сопоставление с английским языком, то есть базируется на контрастивном принципе. Приведём список условных обозначений и пример словарной статьи двуязычного учебного (турецко-английского) словаря политических коллокаций (перевод условных обозначений на русский язык даётся в ознакомительных целях).

ABBREVIATIONS AND SYMBOLS

~ (the swung dash) usually replaces the headword within the entry.

Adj+N(~) an adjective collocate is added to the headword expressed by a noun

N+N(~) a noun collocate is added to the headword expressed by a noun, etc.

~ler/ ~lar means that the headword is used in the plural

~i, ~ı, ~u, ~ü the headword is used in the Accusative case

~e, ~a the headword is used in the Dative case

~da, ~de, ~ta, ~te the headword is used in the Locative Case

~dan, ~den, ~tan, ~ten the headword is used in the Ablative Case

≈ the English collocation has a meaning close to that expressed by the Turkish one

e.g. example

lit. literally

NS collocations possessing national specificity

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

~ (тильда) заголовочная единица

Adj+N(~) коллокация со структурой «прилагательное + существительное» (с заголовочным словом в качестве синтаксически главного компонента коллокации)

N(~)+N коллокация со структурой «существительное + существительное» (с заголовочным словом в качестве зависимого компонента коллокации) и т.п.

~ler, ~lar – мн.ч.,

~i, ~ı, ~u, ~ü – Вин.п. и т.п.

≈ приблизительно (о значении)

e.g. пример употребления

lit. буквальный перевод

NS коллокация, обладающая национальной спецификой

SEÇİM kanunlar, yönetmelikler uyarınca bir veya daha çok aday arasından belli birini veya birkaçını seçme, intihap

ELECTION an act or process of electing; a process in which people vote to choose a person or group of people to hold an official position

Adj + N (~) / N + N (~)

1. yer/kurum/pozisyona göre seçim türleri / types of elections depending on the place/body/institution/position

başkanlık ~leri presidential elections

cumhurbaşkanlığı ~leri *NS* presidential elections (elections of the president of a republic)

e.g. *Vatandaşlar, cumhurbaşkanlığı seçiminin yanı sıra, yüksek mahkeme yargıçlarının sayısının artırılmasını öngören anayasa değişikliği için de oy kullanıyor.*

In addition to the presidential election, citizens also vote for a constitutional amendment that provides for an increase in the number of Supreme Court judges.

meclis ~leri elections to the National Assembly of Turkey

milletvekili ~i parliamentary elections (=elections of members of parliament/assembly)

e.g. *Kazakistan senato milletvekili seçimi için sandık başına gitti.*

Kazakhstan goes to the polls for Senate election.

muhtarlık ~leri local government elections

parlamento ~i parliamentary elections

2. düzeyine göre seçim türleri / types of elections depending on their level

ara ~ 1) by-election; 2) midterm election

e.g. *Muhalefet erken seçimi tartışırken ufukta ara seçim görünüyor.*

As the opposition condemns early elections a mid-term election appears on the horizon.

belediye ~i municipal election

belediye başkanlığı ~i mayoral election

genel ~ler general election

mahallî ~ler local election

ön ~ primary election

yerel ~ler local election

3. oylama yöntemine bağlı olarak seçim türleri / types of elections depending on the type of voting

iki dereceli/ iki aşamalı ~ler indirect elections

iki dereceli / iki aşamalı ~ sistemi indirect electoral system

e.g. İki dereceli seçim sistemi sayesinde, hem ülkedeki her eyaletin asgari ölçüde temsil edilmesi hem de bir bölgenin oy fazlalığı ya da nüfus fazlalığı nedeniyle diğer bölgeler üzerinde baskı oluşturması engelleniyor./ Thanks to the **indirect electoral system**, it prevents both the minimal representation of each state in the country and the pressure on other regions due to a region's surplus vote or population surplus.

ABD'de 200 yılı aşan bir geçmişe sahip olan **iki aşamalı seçim sistemi** var. / The US has an **indirect electoral system** with a history of more than 200 years.

tek dereceli/ tek aşamalı ~ler direct elections

4. zaman özelliklerine göre seçim türleri / types of elections based on temporal characteristics

baskın ~ NS ≈ snap election (*lit.* “dominant” election - a strategic move made by the government without the opposition or other parties preparing for an election)

e.g. Erken seçim Erdoğan için bir risk. Bu nedenle kimsenin beklemediği anda, koşullarını kendisinin belirleyeceği bir **baskın seçime** gitmek zorunda. / Early elections are a risk for Erdogan. So as soon as no one expects it, he has to call a ‘**dominant election**’ where he will determine its conditions

erken ~ early election

5. kalite açısından seçim türleri pozitif değerlendirme / types of elections in terms of their quality – positive evaluation

adil (bir) ~ fair election

özgür ~ler free elections

serbest ~ler free elections

serbest ~ler hakkı the right to free elections

Note: the collocation with the word **serbest** is more frequent than that with the word **özgür**. There is also a difference in meaning: if **serbest ~ler** expresses formal opportunity to have free and fair elections, **özgür ~ler** means that you can/could really do this.

6. kalite açısından seçim türleri negatif değerlendirme / types of elections in terms of their quality – negative evaluation

hileli ~ rigged election, fraudulent election

e.g. Dünya tarihinde **en hileli seçim** 1927 yılında Liberya’da gerçekleşti. **The most rigged election** in world history took place in Liberia in 1927.

See also N (~) + V.5 ~ **hilesi / hileleri**

N (~) + N

1. seçimlerin yasama çerçevesi: seçimle ilgili organlar, belgeler, insanlar / legislative base of elections (bodies, documents, people involved in the electoral process)

~ **barajı** electoral threshold

e.g. MHP Lideri Devlet Bahçeli’nin **seçim barajının** makul düzeye indirilmesi teklifine AK Parti yönetiminin sıcak baktığı öğrenildi.

MHP leader Devlet Bahçeli’s proposal to reduce **the electoral threshold** to a reasonable level was warmly welcomed by the AK Party leadership.

~ **bölgesi** constituency, electoral district

~ **çevresi** electoral district

- ~ **görevlisi** election official
- ~ **hakkı** suffrage, voting right
  - serbest** ~ **hakkı** the right to free elections
- ~ **kanunu** electoral law
- ~ **komisyonu** election commission, electoral commission
- ~ **kurulu** election board, election committee
  - Yüksek** ~ **Kurulu** Supreme Election Council
- ~ **listesi** list of candidates
- ~ **sistemi** electoral system
  - e.g.** *Erdoğan'a çok yakın kaynakların verdiği bilgilere göre, **seçim** sisteminde bir değişiklik düşünülmüyor.*
  - According to sources close to Erdogan, no change in the electoral system is being considered.*
- ~ **yasası** electoral law, election law
  - ~ **yasasını değiştirmek** to amend (to change) the election law
  - ~ **yasası değişikliği** election law amendment
    - e.g.** *Seçim yasası değişikliğinin ikinci paketinin hazırlanmakta olduğu haberleri geliyor.*
    - It's been reported that the second package of **the election law amendment** is being prepared.*
- Cumhurbaşkanlığı** ~ **Yasası** Presidential Election Law
  - e.g.** *AKP, Cumhurbaşkanlığı Seçim Yasası'nda da değişiklik yapmaya hazırlanıyor.*
  - AKP is also preparing to amend the Presidential Election Law.*

2. seçim propagandası / electioneering, campaigning

- ~ **afişi** election poster
- ~ **gezisi** electioneering tours
- ~ **harcaması** election spending
- ~ **ittifakı** electoral alliance
  - e.g.** *AKP ve MHP'nin, siyasi partilerin **seçim ittifakına** ilişkin düzenlemeyi içeren ortak kanun teklifi TBMM Başkanlığı'na sunuldu.*
  - AKP and MHP's joint proposal for a law containing the regulation of **the electoral alliance** of political parties was submitted to the presidency of the parliament.*
- ~ **kampanyası** election campaign
  - ~ **kampanyası gezisi** campaign trail
- ~ **malzemesi** election material
- ~ **meydanı** NS ≈ hustings (*lit.* “election square”)
  - e.g.** *Başbakan'la diğer parti başkanları arasında tartışması **seçim meydanlarına** kadar uzadı/ The debate between the prime minister and other party chairmen continued **at the hustings.***
- ~ **mitingi** rally
  - e.g.** *HDP'nin **seçim mitingi** esnasında yaptığı konuşma gerekçe gösterilerek tutuklanan DTK Divan Kurulu üyesi Selim Sadak hakkında tahliye kararı verildi.*
  - A decision was made to release Selim Sadak, a member of the DTK Council, who was arrested while making his speech during the HDP's **election rally.***
- ~ **konusması** election speech
- ~ **propagandası** election propaganda
  - ~ **propagandası yasağı** ban on election propaganda

~ **vaatleri** electoral promises

3. seçim zamanı ve diğer geçici özellikler / election time and other temporal characteristics

~ **arifesi** election eve

e.g. *Yüksek Seçim Kurulu Görevlisi, **seçim arifesinde** siyasi reklam yapılmasını yasaklayan yasanın ihlaline dair şikayetler alındığını açıkladı.*

*High Electoral Council Official said **on the eve of the election** that complaints had been received about a violation of the law prohibiting political advertising.*

~ **dönemi** election cycle

~ **gecesi** election night

~ **günü** polling day, election day

~ **takvimi** election timetable

~ **tarihi** election date

4. seçim prosedürü / electoral procedure

~ **atmosferi** election atmosphere

e.g. ***Seçim atmosferinde** yükselen siyasi rekabet, toplumumuzun hem sosyolojisinde, hem ekonomisinde gerilimlere sebep olmaktadır.*

*Rising **political competition** in the atmosphere of elections causes tensions both in the sociology and economy of our society.*

~ **havası** election atmosphere

~ **sandığı** 1) ballot box 2) also used in a wider meaning: a polling station

~ **sandığa gitmek/gelmek**

e.g. *Aşırı sağcı muhalefet Liberal Demokrat Partisi Başkanı Vladimir Jirinovski de Moskova'nın batı semtindeki 914 nolu okuldaki **seçim sandığına gelerek** oyunu kullandı.*

*Vladimir Jirinovski, the head of the far-right opposition Liberal Democratic Party, cast his vote **at the polling station** at 914 school in the Western District of Moscow.*

~ **güvenliği** election security

~ **ortamı** election atmosphere, election environment

~ **gündemi** election agenda

~ **süreci** electoral process

~ **yarışı** election race, election competition

e.g. ***Seçim yarışını** Güney Carolina'da ABD Başkanı Donald Trump, Florida ve Georgia'da Demokrat aday Joe Biden önde götürüyor.*

*U.S. President Donald Trump leads **the election race** in South Carolina, and Democratic candidate Joe Biden leads in Florida and Georgia.*

~ **maratonu** election marathon

e.g. *Türkiye'deki **seçim maratonu** sırasında teyit.org'un kullanıcılarından doğrulanması talebiyle aldığı şüpheli ihbar sayısı 2 kattan fazla artış gösterdi.*

*During **the election marathon** in Turkey the number of suspicious calls received by teyit.org users requesting verification increased more than twice.*

5. seçimlerde ihlaller ve sorunlar / violations and problems in the elections

~ **gerginliği** election tension(s), election violence

e.g. ABD'de **seçim gerginliği** artıyor. Donald Trump'ın kampanya yetkilileri Kongre Merkezi'ne geldi.

Election tensions are rising in the US. Donald Trump's campaign officials arrive at the Capitol.

~ **heyecanı** election excitement

~ **hilesi** electoral fraud, vote rigging

e.g. *Neticede, seçimlerden sonra bu ittifak dağılacaksa, ittifakın oluşmasında bir **seçim hilesi** var olduğu sonucu ortaya çıkmıyor mu?*

*After all, if this alliance is to disband after the elections, does it not appear that there is an **electoral fraud** in the formation of the alliance?*

See also **Adj + N (~) / N + N (~).6 hileli seçim**

~ **pazarlığı** election bargaining, election negotiations

~ **pazarlığı yapmak** to hold negotiations on the elections

e.g. *AK Parti bugüne kadar hiçbir siyasi partiyle **seçim pazarlığı yapmamış**, tamamen milletin teveccühüne dayanmıştır.*

*So far, the AK Party **has not negotiated elections** with any political party, and it relies entirely on the trust of the people.*

~ **rüşveti** electoral bribery, bribery of voters

e.g. *Olaya tepki gösteren muhalefet, olayın **seçim rüşveti** olduğunu iddia etmişti.*

*Reacting to the incident, the opposition claimed the incident was **electoral bribery**.*

~ **telaşı** election flurry

e.g. *Tekirdağ'ın Hayrabolu ilçesinde 30 Martta yapılacak yerel seçimler öncesinde muhtar adaylarının **seçim telaşı** başladı.*

*Ahead of the local elections in Tekirdağ's Hayrabolu District expected on the 30th of March candidates began to feel the **election flurry**.*

~ **zorluğu** election difficulties

6. seçim sonuçları / election results

~ **başarısı** electoral success

~ **oy oranı** share of votes

~ **iptali** annulment of election

e.g. *Yüksek Seçim Kurulu (YSK), İstanbul Büyükşehir Belediye Başkanlığı **seçiminin iptaline** ilişkin AK Parti'nin yaptığı olağanüstü itirazı kabul ederek seçimi iptal etti.*

*The Supreme Electoral Council (YSK) accepted the extraordinary **objection** made by the AK Party to the **annulment of the** Istanbul metropolitan mayoral **election** and canceled the election.*

~ **sonucu** / ~ **sonuçları** outcome of the election, election returns, election results

~ **yenilgisi** election defeat

e.g. *İngiltere İşçi Partisi lideri Corbyn, **seçim yenilgisi** nedeniyle özür diledi.*

*UK Labour leader Corbyn apologised over **election defeat**.*

~ **zaferi** election victory

e.g. *Namibya'da **seçim zaferi** kazanan Adolf Hitler Uunona, Nazi lideriyle adaşlığından ötürü uluslararası politika yıldızına dönüşünce dikkatleri üzerine topladı.*

*Adolf Hitler Uunona, who won an **election victory** in Namibia, gained attention when he became an international political star because of his namesake with the Nazi leader.*

~ **zaferi kazanmak** to win an election

~ **zaferi yaşamak** to win an election

e.g. *Bunu vaat ederek Fenerbahçeli'nin tek seçeneği oluyor ve büyük bir seçim zaferi yaşıyor.* *By promising this, Fenerbahçe's only option is to win a major election.*

~ **zaferini ilan etmek** to claim victory

e.g. *Livni seçim zaferini ilan etmişti ama Benyami Netanyahu da sandalye sayısında kıl payı hemen arkasında.* *Livni has declared victory in the election, but Benyami Netanyahu is just behind him by a few seats.*

~ **zaferini kutlamak** to celebrate victory

N (~) + V

~ **düzenlemek** to hold elections, to organize elections

e.g. *Sözcü, özgür, adil ve şeffaf bir seçim düzenlemenin zor olduğunu, bu konuda endişeli olduklarını söyledi.*

The spokesman said it was difficult to organise a free, fair and transparent election, and they were concerned about it.

~ **çağrısı yapmak** to call the election

~ **e girmek** to run for election

e.g. *Bu bakış açısı değişmezse seçime girme şartları arasından 'grup kurma şartı' çıkartılacak.*

If this point of view does not change, the 'group formation requirement' will be removed from the conditions for running for the election.

~ **e katılmak** to run for election

e.g. *Bu seçimlerin bir özelliği de Türkiye'de ilk kez sosyalist bir partinin, TİP'in seçimlere katılması ve 15 milletvekilliği kazanmasıdır.*

A feature of these elections is that for the first time in Turkey, a socialist party, TİP, participated in the elections and won 15 deputies.

~ **i kaybetmek** to lose an election

~ **i kazanmak** to win an election

~ **propagandası yapmak** to electioneer

e.g. *Türkiyeli siyasetçilerin, yurtdışında seçim propagandası yapmalarını yasaklayan 9 yıllık düzenleme, tartışma yarattı.*

A 9-year-old regulation that prohibits Turkish politicians from electioneering abroad has created controversy.

~ **i yapmak** to hold elections

Предлагаемая словарная статья для учебного турецко-английского словаря политических коллокаций является комплексной, так как представляет собой синтез нескольких способов и принципов лексикографического описания сочетаемости слова. По нашему убеждению, такое построение словарной статьи обеспечивает структурированность материала и способствует его эффективному усвоению.

3. 4. Комбинаторная теория политической коллокации: структура и содержание

Обозначенные в настоящей работе характеристики политических коллокаций – единиц языка для специальных целей, обслуживающих политическую коммуникацию, в основе образования которых лежат синтагматика и комбинаторика, – обуславливают их изучение в рамках комбинаторной лингвистики и способствуют созданию отдельной теории, а именно – комбинаторной теории политической коллокации.

Структурирование теории политической коллокации предполагает её изучение и выделение отдельных разделов в контексте комбинаторной науки о языке в соответствии со следующими исследовательскими аспектами:

- 1) комбинаторно-терминологический, в рамках которого политическая коллокация рассматривается как комбинаторно обусловленная терминологическая единица;
- 2) дискурсивный, или медиадискурсивный, где политическая коллокация изучается в качестве единицы медиадискурса;
- 3) контрастивный, когда исследуются политические коллокации разных языков с целью обнаружения их универсальных и специфических комбинаторно-семантических характеристик, и составления двуязычных словарей;
- 4) лексикографический, когда политическая коллокация рассматривается как единица лексикографического описания и т.д.

Отдельное внимание в рамках данной теории, по нашему мнению, должно уделяться дальнейшей разработке и совершенствованию основного метода анализа политических коллокаций – комбинаторному анализу как методу выявления комбинаторно-семантического потенциала ключевых лексем политической терминологии.

Представим краткое содержание соответствующих разделов с учетом, выделенных выше аспектов изучения политических коллокаций:

1. В рамках **комбинаторно-терминологического раздела** политическая коллокация изучается и описывается как **комбинаторно обусловленная терминологическая** единица. В задачи данного раздела входит изучение структуры политических коллокаций, комбинаторных механизмов их образования, степени их терминологичности, а также систематизация политических коллокаций в соответствии с указанными аспектами.

Политическая коллокация – это *лексически и/или прагматически ограниченное устойчивое (фиксированное и/или рекуррентное) сочетание как минимум двух лексических единиц, обозначающее понятие, явление или процесс из области политики и функционирующее в специальном (политическом) дискурсе.*

Структурно политическая коллокация представляет собой двусоставную (многосоставную) единицу, состоящую из базового или стержневого (base, node) компонента и коллоката (коллокатов). В качестве внутренних структурных механизмов сочетаемости компонентов коллокации выступают определённые компоненты их значения, а именно, синтагматический макрокомпонент, регламентирующий образование семантически корректных и нормативно обусловленных сочетаний слов. Из входящих в состав синтагматического макрокомпонента селективного и рестриктивного микрокомпонентов наиболее значимым является селективный микрокомпонент, контролирующий процесс реализации сочетаемости слов. Выделяемые в зависимости от природы ограничений частные компоненты, в совокупности составляющие селективный микрокомпонент (а именно, денотативно-селективный и коннотативно-селективный) задействуются при образовании политических коллокаций в той или иной мере. Денотативно-селективный компонент избирает и ограничивает сочетаемость слов в соответствии с представлениями языкового коллектива о различных сторонах окружающей действительности (в нашем случае – о явлениях общественно-политической сферы). Коннотативно-селективный компонент налагает ограничения на сочетаемость в связи с оценочными представлениями и функционально-стилевыми требованиями. Разновидностью селективного компонента является национально-культурный селективный компонент,

проявляющийся в политических коллокациях, отражающих национально-культурную специфику языкового сообщества.

Политический компонент значения (сема/семы «относящийся к политике», «социальный», «связанный с властью», «имеющий отношение к государственной и международной политике и политической жизни общества») либо входит в состав значения одного из компонентов коллокации, либо присущ значению сочетания в целом.

В основе отнесения коллокации к политической терминологии лежит понятийно-смысловой критерий, а также используется содержательная (тематическая) характеристика. Политические коллокации распределяются по следующим тематическим группам: 1) коллокации, отражающие политические системы и формы государственного устройства; 2) коллокации, обозначающие субъектов политики (наименования органов, институтов и представителей власти; наименования политических партий, группировок и их представителей; наименования классов, групп общества и их представителей); 3) коллокации, обозначающие политические процессы, действия, события (избирательный процесс; процессы дезорганизации; дипломатия и военные действия; внутренние политико-экономические процессы; законодательные процессы; действия, совершаемые непосредственно политическими деятелями или применяемые к политическим деятелям; 4) коллокации, отражающие понятия из сферы политической идеологии и философии.

Политические коллокации представлены следующими номинативными группами: собственно термины, номенклатурные наименования, профессионализмы, профессионально терминованные наименования, а также общеупотребительные коллокации, которые в определенных текстах могут выступать в роли терминов и терминоидов. По степени терминологической разложимости политические коллокации распадаются на следующие группы: **терминоформирующие** коллокации, обозначающие понятие, процесс, явление из политической сферы только при совместном употреблении и

терминосодержащие коллокации, которые образуются на основе уже существующего термина и характеризуются устойчивостью и рекуррентностью.

Таким образом, политические коллокации – комплексные единицы, образованные как минимум из двух элементов, обладающие рядом свойств, подтверждающих их принадлежность к комбинаторным: совместная употребляемость, узуальность, воспроизводимость – с одной стороны, и ограничение употребления специальным (в нашем случае – политическим) дискурсом, с другой.

2. Основной задачей раздела комбинаторной теории политических коллокаций как **дискурсивных** единиц или единиц медиадискурса является изучение особенностей функционирования политических коллокаций в медийном дискурсе.

Являясь единицами указанного вида дискурса, политические коллокации выполняют определённые функции, свойственные как политической коммуникации в целом, так и данным единицам в частности: акциональная, контролирующая, функция ориентации, интеграционная, агональная, экспрессивная, перифрастическая и др. Несмотря на то, что основные функции политического дискурса в основном проявляются на уровне текста, некоторые из них можно выявить уже на коллокационном уровне. Так, функция агональности нередко проявляется уже в двухсловных сочетаниях, а дальнейшее развёртывание текста усиливает эффект воздействия. Функционально-семантический анализ политических коллокаций в разных видах политического дискурса свидетельствует о преобладании среди них единиц, служащих для обозначения процессов, происходящих в политической жизни общества; при этом основная масса исследуемых политических коллокаций выполняет функцию ориентации.

Употребление указанных коллокаций в разных жанрах (первичных и вторичных) и видах политического дискурса (дискурс политиков, журналистов, граждан) является, на наш взгляд, своего рода связующим звеном, объединяющим данные жанры в рамках политического медиадискурса. Идентичная сочетаемость терминологических лексем в терминофиксирующих и терминопользующих текстах

указывает на относительную гомогенность данных текстов на коллокационном уровне. Вместе с тем, существуют некоторые различия в употреблении коллокаций в первичных и вторичных жанрах политического дискурса.

По происхождению политические коллокации медиадискурса классифицируются следующим образом: 1) единицы, специально созданные для обозначения предмета или явления политической сферы (наименования организаций, объединений, групп); 2) коллокации, заимствованные из других сфер деятельности человека (экономика, юриспруденция, общелитературная лексика); 3) коллокации, возникшие в результате политически значимого события в дискурсе политика или журналиста, и получившие последующее распространение в СМИ; 4) коллокации, закреплённые за определённым событием (коллокации с нумеративным компонентом или компонентом-онимом, обозначающим дату/ место).

В зависимости от роли медиадискурса в происхождении политических коллокаций, данные единицы образуют две обширные группы:

1. Политические коллокации, **имеющие немедийное происхождение** (политологические термины, номенклатурные наименования). К свойствам данных коллокаций относятся: универсальность (наличие эквивалентов в других языках), соотнесённость с определённым понятием из сферы политики, возможность употребления во всех видах политического медиадискурса. Возникновение таких коллокаций, как правило, происходит в первичном политическом дискурсе на базе уже существующих терминов, которые вступают в синтагматические отношения с другими лексемами (терминами или не терминами).

2. Политические коллокации, **порождённые медиадискурсом** (единицы из выступлений политических деятелей, журналистские «находки», жаргонизмы политических обозревателей и т. п.). Важным отличием данных единиц от коллокаций первого типа является дискурсивная обусловленность (то есть появление коллокации происходит в процессе речевой деятельности, с целью автора как можно точнее выразить свою мысль и/или передать оценку события).

Для образования такой коллокации либо задействуется уже готовая комбинация слов (из общего, художественного, научного дискурса и т.п.), либо указанное сочетание создаётся непосредственно в процессе текстопорождения на основе тех же механизмов, что используются при продуцировании окказиональных сочетаний. Между тем, в отличие от окказиональных образований, характеризующихся функциональной одноразовостью и высокой степенью экспресивности, политические коллокации, возникшие в медийном дискурсе, вследствие регулярного употребления теряют первоначальную выразительность, но приобретают такие свойства, как устойчивость и воспроизводимость.

Важно отметить, что политические коллокации-онимы, функционируя в медийном дискурсе, способны подвергаться определённым трансформациям. Так, вместо официальных названий партий нередко употребляются коллокации с антропонимами, репрезентирующими действующего лидера организации, например: **англ.** *Donald Trump's party* вместо *Republican Party* или **тур.** *Recep Erdoğan'ın Partisi* вместо *AK Parti*. В наименованиях органов власти и должностей, состоящих из нескольких компонентов, могут производиться перестановки, в результате чего меняется структура коллокации, однако значение единицы остаётся прежним, например, **англ.** *Homeland Security Secretary* вместо *The United States Secretary of Homeland Security* – ‘Министр внутренней безопасности США’, **тур.** *Zeytin yasası* – ‘Оливковый закон/ Закон об оливках’ вместо *Zeytinliklerin Korunması ve Yabanilerin Aşlaltırılması Hakkında Kanun* – ‘Закон о защите оливковых рощ и вакцинации животных’.

В обобщённом виде свойства разных типов политических коллокаций представлены в Таблице 15. Как видим, перечисленные выше классификации политических коллокаций находятся в тесной связи друг с другом.

Таблица 15. *Типы и свойства политических коллокаций*

Типы ПК Свойства	Политические коллокации		
	собственно термины	номены	профессионализмы
семемный состав (Д/К)	чаще Д1Д1 (Д1Д2, Д2Д1, К1Д1, Д1К1)		Д1Д1, Д1Д2, Д2Д1, Д2Д2, Д1К1, К1К1

происхождение	немедийное, реже – медийное	немедийное	медийное, реже – немедийное
наличие коннотации	чаще отсутствует	отсутствует	имеется / отсутствует
национальная специфика	чаще отсутствует	отсутствует/ имеется	чаще имеется
тип номинации	вторичная, чаще автономная	вторичная автономная	вторичная, чаще неавтономная
сфера употребления	все виды политического медиадискурса	все виды политического медиадискурса	в основном дискурс реагирования
функции в медиадискурсе	номинативная (функция ориентации), агональная, функция интеграции	номинативная (функция ориентации)	номинативная, агональная, функция интеграции, перифрастическая, модально- оценочная, экспрессивная

3. В сопоставительном, или точнее – **контрастивном** – аспекте изучения и соответствующем разделе **политические коллокации описываются как единицы контрастивного исследования разных языков**, а именно выделяются полностью эквивалентные (совпадающие по структуре и семантике), полуэквивалентные (частично совпадающие) и безэквивалентные политические коллокации (не имеющие аналогов на соответствующем уровне) для рассматриваемой пары языков. Преобладание коллокаций первой группы может служить одним из свидетельств того, что «современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс, в котором различия отдельных <...> языков – вещь чисто поверхностная» [Баранов, 2004]. Как следствие, одним из отличий политических коллокаций от коллокаций естественного языка является зыбкость границ между универсальными коллокациями и коллокациями с национально-культурной спецификой. На наш взгляд, данная проблема требует более детального рассмотрения и дальнейшего исследования.

4. В рамках теоретико-прикладного – лексикографического – раздела **политическая коллокация рассматривается как единица словарного описания.**

В задачи данного раздела входит дальнейшая разработка принципов лексикографического описания политических коллокаций в разных типах словарей. Турецко-английский учебный словарь политических коллокаций (ТАУСПК), проект которого представлен в данной работе, по основным параметрам комбинаторных словарей характеризуется как учебный, полиаспектный, словарь смешанного типа, т.е. отражающий разные типы сочетаемости, комбинированный, нормативный, алфавитно-гнездовой, двуязычный (точнее толково-переводной). Перспектива исследования видится, прежде всего, в завершении создания указанного словаря и его последующей апробации, а также в составлении словарей политических коллокаций на других языках и разработке одно- или двуязычных учебных пособий словарного типа.

5. В методологическом разделе комбинаторной теории политических коллокаций выделяются и описываются разные методы анализа данных единиц, однако основное внимание уделяется **комбинаторному анализу как основному методу выявления комбинаторно-сематического потенциала ключевых лексем политической терминологии** в целом, способствующему дальнейшей разработке и совершенствованию комбинаторных способов и приемов исследования комбинаторно обусловленных политических терминологических единиц.

Компоненты политической коллокации обладают определенным комбинаторным потенциалом, т. е. совокупностью синтагматических связей, включая как вероятные, так и реализующиеся в современном узусе, обусловленные различными экстралингвистическими ситуациями. Данные связи выявляются с помощью комбинаторного анализа; при этом актуальной остаётся разработка критериев устойчивости политических коллокаций. Интересным и значимым представляется изучение комбинаторного потенциала ключевых лексем политической терминологии в диахроническом аспекте.

Отражая общественный строй страны, политика представляет собой важную область действительности для носителей любых языков. Возрастающий интерес лингвистов (и общества в целом) к исследованию политической коммуникации обусловил выделение такого отдельного научного направления, как политическая лингвистика. Обширные материалы, накопленные в области англоязычной лексикографии для описания единиц политического лексикона, позволили обосновать необходимость их объединения в особую филиацию – политическую лексикографию, распространение которой на другие языки, как мы считаем, лишь вопрос времени. Исследование политических коллокаций как комбинаторно обусловленных единиц затрагивает ряд актуальных направлений современной науки: комбинаторной лингвистики, политической лексикографии, корпусной лингвистики, терминографии и др.

В качестве перспективы мы видим дальнейшую разработку комбинаторной теории политических коллокаций, динамическое развитие перечисленных выше разделов изучения политической коллокации, а также выделение новых разделов данной теории в рамках изучения синтагматики и комбинаторики данных единиц разных языков. По нашему убеждению, эти исследования будут способствовать созданию новых словарей комбинаторного типа (в том числе цифровых), отражающих как узуальные, так и актуальные значения политических терминов и их сочетаемость, а также более глубокому изучению политической терминологии и политической коммуникации в целом.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Одним из актуальных направлений комбинаторной лингвистики является комбинаторная лексикография, в задачи которой входит отражение достижений комбинаторной лексикологии в прикладных целях, а именно, создание словарей комбинаторного типа. На современном этапе развития лексикографической отрасли возникает потребность в новых лексикографических продуктах, в частности, появляется необходимость в выделении в отдельное направление политической лексикографии, а также создания словарей политических терминов на материале медийных текстов. В связи с вышесказанным разработка словаря политических коллокаций с использованием не только лексикографических и терминологических, но и медийных источников представляется особенно актуальной. Изучение существующих словарей политической лексики и терминологии на исследуемых языках, а также двуязычных словарей коллокаций (общих и специализированных) позволяет заключить, что наименее разработанной является турецко-английская двуязычная политическая лексикография, при этом практически без внимания остаются турецкие политические коллокации.

В качестве инструмента исследования комбинаторных свойств политических терминов (ключевых лексем) в данной главе выступает комбинаторный анализ ключевых терминологических лексем, позволяющий выявить основные семантические группы лексических единиц, вступающих в синтагматические отношения с ними и образующие политические коллокации.

Межъязыковое сопоставление показало наличие в политическом медиадискурсе полностью эквивалентных (совпадающих по структуре и семантике), полуэквивалентных (частично совпадающих) и безэквивалентных политических коллокаций (не имеющих аналогов на соответствующем уровне) для рассматриваемой пары языков. Преобладание коллокаций первой группы может служить одним из проявлений текущих процессов интеграции и глобализации, вызванных наличием у языковых коллективов общих проблем, а

также стремлением к пониманию и сотрудничеству. Частичное совпадение сфер метафорической экспансии, выявленное при сопоставительном анализе английских и турецких политических коллокаций, также подтверждает это предположение.

Проведение комбинаторного анализа отобранных для исследования единиц политического дискурса *power / güç* (власть), *political/ siyasi (siyasal, politik)* (политический), *election/ seçim* (выборы), *party/ parti* (партия), *diplomacy/ diplomasi* (дипломатия) на лексикографическом и дискурсивном материале позволило установить качественные-количественные характеристики коллокаций с искомыми лексемами в сфере фиксации и в сфере актуального использования, а также выявить существующие межъязыковые коллокационные соответствия и обозначить возможные области расширения комбинаторного потенциала данных единиц.

Объединение полученных в результате комбинаторного анализа групп коллокатов ключевых лексем политической терминологии служит основой для создания оригинальной концепции словаря политических коллокаций или особого словаря комбинаторного типа, описанию которого посвящена финальная часть главы. Особенностью словаря коллокаций, разрабатываемого в рамках данной работы является то, что отбор языкового материала проводится не только из лексикографических источников на входном языке, но и из современных текстов средств массовой информации, отражая, таким образом, не только узкую, но и актуальную сочетаемость слов, являющихся частью политической терминологии.

Взятые в основу положения комбинаторной лексикографии, а также анализ композиционной структуры имеющихся двуязычных словарей комбинаторного типа (общей и специальной лексики) и способов семантизации политических коллокаций в одно- и двуязычных словарях позволяют сделать вывод об оптимальной организации мега-, макро- и микроструктуры учебного двуязычного (турецко-английского) словаря политических коллокаций: 1. Мегаструктура двуязычного словаря политических коллокаций должна включать предисловие,

статью о пользовании словарём, список условных сокращений, непосредственно словарь, а также индекс слов на обоих языках; желательным является также наличие методического раздела с рекомендациями по работе со словарём в учебном процессе. 2. Что касается макроструктуры – левая часть словаря состоит из заголовочных (ключевых) слов, вокруг которых формируются коллокации; в правой части содержится перевод заголовочного слова и его толкование на обоих языках, а также одноуровневые или переводные эквиваленты коллокаций. 3. Микроструктура (словарная статья) включает заголовочное слово в моделях в определённой последовательности, информацию о межъязыковых различиях семантического и грамматического характера и иллюстративные примеры.

Рассмотренные в работе проблемы исследования и описания политических коллокаций приводят нас к выделению особой теории в рамках комбинаторной лексикологии – комбинаторной теории политической коллокации – новой концепции в изучении коллокаций, в основе которой лежит принцип комбинаторики единиц языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование выполнено в контексте комбинаторной лингвистики и посвящено выделению и комплексному описанию политических коллокаций как комбинаторно обусловленных терминологических единиц. В работе проводится анализ современных подходов к понятиям «коллокация», «политический медиадискурс», а также соотношению смежных понятий: «политическая лексика», «политическая терминология», «политический язык», необходимых для определения статуса и места политических коллокаций как в рамках рассматриваемого дискурса, так и в системе языка в целом.

Под политической коллокацией понимается терминологическая коллокация, имеющая в своей семантической структуре политический компонент значения. Изучение работ отечественных и зарубежных исследователей по проблемам определения терминологических коллокаций позволило установить необходимость применения широкого подхода к коллокации, а также дало стимул к разработке собственной классификации терминологических коллокаций, включающей терминосодержащие (сочетания терминов с другими словами (терминами или не терминами), которые при совместном употреблении не образуют нового термина) и терминоформирующие (соотносимые с определенным понятием только при совместном употреблении).

Вместе с однословными терминами, политические коллокации образуют лексико-семантическое (терминологическое) поле «Политика», в центре которого находятся стилистически нейтральные единицы, обладающие ярко выраженной политической семантикой, высокой степенью устойчивости и признаками константности, в то время как на периферии данного поля располагаются единицы, заимствованные из общей лексики и других терминопольей, а также устойчивые образования, возникшие на пике событий политической жизни общества, обладающие высокой степенью рекуррентности в современном политическом дискурсе.

Согласно положениям комбинаторной лингвистики, механизмами, лежащими в основе всех сочетаний слов, являются синтагматика и комбинаторика, находящиеся между собой в эквиполентной оппозиции. Синтагматика определяет языковые правила сочетаемости одноуровневых языковых единиц и их реализацию в речи; комбинаторика, в свою очередь, регламентирует сочетаемость единиц в соответствии с определённой экстралингвистической ситуацией.

Отнесённость политических коллокаций к языку для специальных целей налагает как внутренние, так и внешние ограничения на сочетаемость компонентов данных единиц: первые выражаются в лимитированном наборе структурных моделей, по которым образуются коллокации, вторые – в ограниченности употребления политических коллокаций определёнными экстралингвистическими ситуациями.

Наиболее продуктивными моделями в исследуемых языках являются именные коллокации, представляющие собой сочетания существительного с существительным (**N+N**) или прилагательного с существительным (**Adj+N**); реже – сочетания существительного с числительным или причастием (**Num+N**, **Part+N**), а также глагольные коллокации со структурой глагол + существительное (**V+N**) в английском языке и существительное + глагол (**N+V**) в турецком языке. Так, несмотря на разноструктурность и отсутствие генетического родства между рассматриваемыми языками, английские и турецкие политические коллокации образуются по сходным синтаксическим моделям.

Исследование особенностей политических коллокаций как единиц медиадискурса с точки зрения способов номинации позволяет выделить такие их типы, как метафорические коллокации, коллокации с нумеративным компонентом, а также коллокации-онимы. Мы считаем, что существование данных типов политических коллокаций обусловлено спецификой специального (политического и медийного) дискурса, в котором функционируют указанные единицы.

При рассмотрении функций и тематической структуризации политических коллокаций в разных видах политического медиадискурса определены их универсальные и дифференциальные признаки. К первым относится доминирование номинативной функции (функции ориентации) во всех исследуемых видах дискурса и преобладание единиц, обозначающих процессы и действия; ко вторым – различия семантического характера: так, в выступлениях политиков наблюдаются более высокое содержание коллокаций с идеологическим компонентом значения, в то время как дискурсу журналистов и граждан свойственно наличие большого числа коллокаций, именующих субъектов политики.

В ходе исследования были выявлены способы образования политических коллокаций с точки зрения роли медиадискурса в данном процессе: одни единицы являются созданными (политиками или журналистами) для описания определённых политических событий, действий или характеристики объектов (нередко с нарушением узувальной сочетаемости слова при образовании коллокации), другие имеют не медийное происхождение (политологические термины, наименования субъектов политики и т.п.).

Предпринятое в заключительной части работы исследование комбинаторного потенциала ряда лексем, представляющих собой ключевые политические термины, позволило взглянуть на процесс формирования коллокаций под другим углом. Проведение комбинаторного анализа и составление комбинаторной карты терминологической единицы, содержащей дистрибутивно-семантическую информацию о группах лексических единиц, связанных общими семантическими признаками и образующих коллокации с анализируемой терминологической единицей, даёт возможность очертить область её сочетаемости, проследить направления расширения её комбинаторного потенциала, а также в некоторых случаях выявить когнитивные признаки предметно неориентированных единиц.

Результаты проведения контрастивного анализа политических коллокаций английского и турецкого языков позволяют констатировать наличие достаточно

большого количества коллокаций-эквивалентов (универсальных), обнаруживающих почти полное совпадение структуры и семантики в английском и турецком языках, что объясняется, во-первых, наличием явлений и объектов политической сферы, которые присутствуют в обеих культурах, а во-вторых, доминирующим положением английского языка в мире, политические коллокации из которого проникают не только в турецкий, но и во многие другие языки мира. Кроме того, выявлены частично эквивалентные и безэквивалентные (национально-специфические) политические коллокации, некоторые из которых, несмотря на активное употребление в медийном дискурсе, еще не получили лексикографического описания в соответствующих источниках.

Предложенная концепция двуязычного учебного турецко-английского словаря политических коллокаций (ТАУСПК) представляет разработку словаря нового типа, организованного по функциональному принципу. Согласно параметрам, разработанным для словарей комбинаторного типа, ТАУСПК обладает следующими характеристиками:

- 1) *по цели/ назначению* ТАУСПК является учебным словарём, что также относит его к разряду антропоцентрических словарей;
- 2) *по значимости сочетаемости* ТАУСПК является полиаспектным, так как, наряду с фиксацией сочетаемости, выполняет и другие функции (толкование и перевод коллокаций, иллюстрация их употребления и т.п.);
- 3) *по типу сочетаемости* ТАУСПК относится к комбинаторным словарям смешанного типа, так как в нём представлены разные виды сочетаемости;
- 4) *по типу описания сочетаемости* ТАУСПК также относится к словарям комбинированного типа, так как в нём не только фиксируется индивидуальная сочетаемость слов, объединённых по тематической принадлежности, но и выделяются формальные показатели слов, образующих коллокацию;
- 5) *по характеру описания сочетаемости* ТАУСПК является нормативным;
- 6) *по характеру расположения единиц* ТАУСПК является словарём смешанного типа (алфавитно-гнездовой);

7) по способу представления значения слова ТАУСПК является двуязычным толково-переводным;

8) по способу описания сочетаемости слов ТАУСПК является комплексным, так как описание сочетаемости осуществляется как непосредственно в коллокациях, так и в предложениях.

Основой словарной статьи служит специально разработанная комбинаторная карта, отражающая актуальную и потенциальную сочетаемость ключевой лексики-термина, что обеспечивает использование критериев как субъективной, так и объективной оценки при отборе коллокаций для словника, а также использование таких лингводидактических принципов, как учёт критерия частотности при отборе языкового материала, обучение говорению через сочетаемость (являющуюся первой ступенью соединения смыслов); опора на контрастивное исследование коллокаций.

Таким образом, в результате проведенного исследования была верифицирована гипотеза, согласно которой медийный политический дискурс располагает значительным количеством специальных комбинаторно обусловленных единиц – политических коллокаций, обладающих особыми свойствами и функциями, большинство из которых являются эквивалентными в исследуемых языках; учитывая постоянное обновление политической лексики, в современном медиадискурсе разных языков появляются всё новые политические коллокации, пока не получившие описания в лексикографических источниках, но требующие научно обоснованной комбинаторно-семантической, дискурсивно-когнитивной, типологической, функционально-речевой и др. систематизации и дифференциации, эффективно реализуемой в рамках комбинаторной теории политической коллокации.

Выделение данного учения обуславливают выявленные и описанные в исследовании особенности политических коллокаций – единиц языка для специальных целей, обслуживающих политическую коммуникацию, в основе образования которых лежат синтагматика и комбинаторика.

Проведённое исследование, как мы считаем, может послужить основой для дальнейшей научной работы в разных аспектах изучения языка, открывая такие перспективы, как выявление комбинаторного потенциала ключевых лексем политической терминологии в диахроническом аспекте, изысканий контрастивного характера на материале политических коллокаций разных языков, составление словарей политических коллокаций, а также учебных пособий словарного типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авербух, К. Я. Общая теория термина : комплексно-вариологический подход : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Авербух Константин Яковлевич. – Иваново, 2005. – 324 с.
2. Алексеева, Л. М. Проблемы термина и терминообразования: Учеб. пособие по спецкурсу / Л. М. Алексеева. – Перм. ун.- т. Пермь. – 1998. – 120 с.
3. Алексеева, Л. Ю. Методика формирования коллокационной компетенции у студентов неязыковых факультетов в процессе обучения английской научной речи : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Алексеева Любовь Борисовна. — СПб., 2011. — 26 с.
4. Алтунян, А. Г. От Булгарина до Жириновского: идейно-стилистический анализ политических текстов / А. Г. Алтунян. — М.: РГГУ, 1999. — 263 с.
5. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. — 208 с.
6. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II / Ю. Д. Апресян. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 766 с.
7. Апресян, Ю. Д. Об активном словаре русского языка // Русский язык сегодня. Т 4. Проблемы языковой нормы / Ю. Д. Апресян; под ред. Л. П. Крысина. М., 2006. — С. 29-47.
8. Аракин, В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования / В. Д. Аракин. — М.: Высшая школа, 1989. — 157 с.
9. Аргашокова, С. Х. Дискурсивно-лингвистические характеристики жанра «Письмо редактору» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. /Аргашокова Светлана Хазраильевна. — Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2010. — 30 с.

10. Архипова, Е. И. Национально-культурная специфика безэквивалентных сочетаний слов / Е. И. Архипова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 11-1 (41). — С. 22 – 24.
11. Архипова, Е. И. Этнокультурные коллокации в лексикографическом аспекте (на русском и англо-американском языковом материале) дис.. канд. филол. наук: 10.02.19 / Архипова Елена Ивановна. – Кемерово, 2016. – 250 с.
12. Баранов, А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 3-20.
13. Баранов, А. Н. Поэтические практики в современном политическом дискурсе / А. Н. Баранов, О. И. Северская // Общественные науки и современность. — 2016. — № 4. — С. 159-170.
14. Баранов, А. Н. Классификация фразеологизмов: новый взгляд на классическую проблему / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах: сб.статей. — Орёл: ОГУ, 2010. — 252 с.
15. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — М.: Знание, 1991. — 42 с.
16. Белоглазова, Е. В. Полидискурсность в контексте идей о дискурсной гетерогенности / Е. В. Белоглазова // Актуальные проблемы современной лингвистики. Сборник научных статей. — СПб., 2010, Вып. 2. —С. 105-112.
17. Беспалова, А.В. Принципы и способы номинации в английской эргонимии (на материале названий фирм и компаний) / А. В. Беспалова // Вопросы ономастики. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. — Вып. 19 : Номинация в ономастике. — С. 158-167.
18. Блох, М. Я. Публичная речь и ее просодический строй / М. Я. Блох, Е. Л. Фрейдина. — М.: Прометей, 2011. — 341 с.
19. Бойко, Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов: Монография / Б. Л. Бойко. — Москва: Военный университет. 2008. — 184 с.

20. Борисова, Е. Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать / Е. Г. Борисова. — М.: Филология, 1995. — 49 с.
21. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе. Монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. — 215 с.
22. Валгина, Н. С. Теория текста. / Н.С. Валгина. — М.: Логос, 2004. — 280 с.
23. Виноградов, В. В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка). / В.В. Виноградов. – Вопросы языковзнания. – 1954. – С. 3-25.
24. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 310 с.
25. Влавацкая, М. В. Комбинаторная лексикология: функционально-семантическая классификация коллокаций / М. В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов.: Грамота, 2015.. — № 11(53): в 3-х ч. Ч. I.. — С. 56-60.
26. Влавацкая, М. В. Комбинаторная лингвистика. Аспекты изучения сочетаемости слов: монография / М. В. Влавацкая. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. — 244 с.
27. Влавацкая, М. В. Комбинаторная лингвистика: теоретико-методологические основы зарождения и развития / М. В. Влавацкая // Научный диалог. — 2012. — № 3. — С. 8-23.
28. Влавацкая, М. В. Комбинаторная лингвистика: словарь терминов / М.В. Влавацкая. — Новосибирск: Изд.-во НГТУ, 2013. — 104 с.
29. Влавацкая, М. В. Комбинаторная лингводидактика: формирование коллокационной компетенции / М. В. Влавацкая // Теория и методика обучения иностранным языкам и культурам: традиции и инновации. Шатиловские чтения : сб. науч. тр., Санкт-Петербург, 15–16 нояб. 2018 г. – Санкт-Петербург : Политех-Пресс, 2018. — С. 81–84.

30. Влавацкая, М. В. Лексикографическая интерпретация сочетаемости слов: модель построения русско-английского учебно-комбинаторного словаря. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Влавацкая Марина Витальевна. — Новосибирск, 2004. — 215 с.
31. Влавацкая, М. В. Теоретические проблемы комбинаторной лингвистики. Лексикология. Лексикография / М. В. Влавацкая. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. — 508 с.
32. Влавацкая, М. В. Типология коллокаций в комбинаторной лингвистике / М. В. Влавацкая // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 4. — С. 438-442.
33. Влавацкая, М. В. Универсальные и национально-специфические семантические признаки лексем серый и grey в колоративных коллокациях газетного дискурса / М. В. Влавацкая, Л. В. Цвенгер // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — № 3. — С. 203-210.
34. Воробьева, О. И. Политическая лексика: ее функции в современной устной и письменной речи: монография / О. И. Воробьева. — Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2000. — 119 с.
35. Воронцова, Т. А. О соотношении понятий *публичный дискурс* — *язык СМИ* — *публичная речь* / Т.А. Воронцова // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. Вып. 2. 2008. — С. 17–22.
36. Востоков, А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. - СПб. : в тип. И. Глазунова, 1831. — XXIV. — 408 с. // Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10095406> (дата обращения 10.07.2021)
37. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. — М.: Наука, 1972. — С. 27–35.
38. Гасанова, Р. Г. Глагольные словосочетания в турецком и русском языках / Р. Г. Гасанова // Вестник Вятского государственного университета: Филология и искусствоведение. — Киров. — 2009. — № 4 (2). — С. 82-84.

39. Герд, А. С. Основы научно-технической лексикографии / А. С. Герд. – Л. : ЛГУ, 1986. – 70 с.
40. Глинских, Г. В. Введение в языкознание / Г. В. Глинских, О. В. Петрова. — Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1998. — 251 с.
41. Голев, Н. Д. Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты / Н. Д. Голев // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4. – С. 30-37.
42. Голованевский, А. Л. Социальная и идеологическая дифференциация и оценочность общественно-политической лексики русского языка / А. Л. Голованевский // Вопросы языкознания. — 1987. № 4. — С. 39-42.
43. Головин, Б. Н. Введение в языкознание / Б.Н. Головин. — М., 1983. — 232 с.
44. Головин, Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для студентов филол. спец. вузов / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высш. шк., 1987. – 103 с.
45. Голодяевская, А. М. Парадигматические классы слов и ограничения на сочетаемость лексем в русском языке / А. М. Голодяевская, И.А. Стернин // Структурно-семантические исследования русского языка (Описание. Сопоставление. Преподавание): Межвузовский сб. науч. статей. — Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1994. — С. 13-24.
46. Голубева, Н. А. Вторичная или повторная номинация? Прецедентная номинация / Н. А. Голубева // Вестник ТГУ, 2008. — Вып. 10 (66). — с. 16 – 23.
47. Григоренко, О. В. Словообразовательные неологизмы в составе современного политического лексикона / О. В. Григоренко // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сборник научных трудов. — Воронеж: Научная книга, 2008. — № 4. — С. 43-44.
48. Денисов, П. Н. О сочетаемости слов / П. Н. Денисов // Русский язык за рубежом. - 1974. – с. 73 – 76.

42. Деркач, С. И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках) дис.. канд. филол. наук: 10.02.19 / Деркач Светлана Игоревна. — Воронеж, 2011. — 219 с.

49. Добровольский, Д. О. Факторы сочетаемости: семантика, прагматика, узус / Д. О. Добровольский // Русский язык в научном освещении — № 2 (10) 2005. — С. 43-86.

50. Добросклонская, Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т. Г. Добросклонская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2014. Т. 22. — № 13. — с. 181-187.

51. Дубичинский, В. В. Теоретическая и практическая лексикография / В. В. Дубичинский. — Вена – Харьков, 1998. — 160 с.

52. Евграфова, А. Е. Типы словарей и роль учебного функционального словаря в практике преподавания русского языка как иностранного / А. Е. Евграфова // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся : Материалы 5-й Международной научно-методической конференции. — Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2018. — с. 174-182.

53. Загребельный, А. В. Лексика общественно-политической сферы русского языка начала XX века в семасиологическом и функциональном аспектах: монография / А.В. Загребельный. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. — 248 с.

54. Залесская, В. В. Программа выявления в тексте двучленных статистически значимых осмысленных коллокаций (на материале русского языка) / В. В. Залесская // Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре: сборник научных статей. Труды XVII Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS–2014). Санкт-Петербург. — 2014. — с. 283–289.

55. Захаров, В. П. Автоматическое выявление терминологических словосочетаний / В. П. Захаров, М. В. Хохлова // Структурная и прикладная

лингвистика. Выпуск 10. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. — С. 182-200.

56. Захаров, В. П. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке / В.П. Захаров, М.В. Хохлова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог – 2010». – М. – 2010. – С. 137-143.

57. Зеленина, Т. И. Эргонимы в ономастическом пространстве языка / Т. И. Зеленина // Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков : сборник статей / Удмуртский государственный университет, Институт иностранных языков и литературы. – Ижевск, 2011. – С. 54-66.

58. Иванникова, Е. А. Об основном признаке фразеологических единиц / Е.А. Иванникова // Проблемы фразеологии. Исследование и материалы. — 1964. — С. 70-83.

59. Инжечик, А. А. Особенности политического языка, общественно-политической лексики и терминологии в современном немецком языке / А. А. Инженчик // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 4-х ч. Ч. 4. — Тамбов: Грамота, 2016. — № 12(66). — С. 108-111.

60. Иорданская, Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. — М.: Языки славянских культур. — 2007. — 665 с.

61. Карамова, А. А. Современный политический дискурс: конец XX - начало XXI вв. : дисс.. докт. филол. наук: 10.02.01 / Карамова Айгуль Айратовна. — Уфа, 2013. — 411 с.

62. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

63. Калинин, А. В. Лексика русского языка / А.В. Калинин. – 2-е изд. стер. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 320 с.

64. Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. — М.: Наука, 1981. — 363 с.

65. Карпова, О. М. Еще раз о типологии словарей (на материале английских словарей нового поколения) / О. М. Карпова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 3(12). – С. 12-16.

66. Карпова, О. М. Новые вызовы современной английской лексикографии / О. М. Карпова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 3. – С. 24-28.

67. Карпухина, Н. М. Профессионально терминованные наименования как одно из средств номинации в сфере профессиональной коммуникации экономистов / Н. М. Карпухина // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. – 2009. – № 6(30). – С. 112-116.

68. Катермина, В. В. Политическая неоминация в массмедийном дискурсе / В. В. Катермина // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 27-33.

69. Климовская, Г. И. Дело о синлексах (К вопросу о функциональном подходе к номинативному материалу языка) / Г. И. Климовская // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2008. – № 3(4). – С. 44-54.

70. Клушина, Н. И. Трансформация стилистических и типологических характеристик российского медиадискурса новейшего времени / Н. И. Клушина // Экология языка и коммуникативная практика. — 2013. № 1. — С. 98–107.

71. Кобозева, И. М. Лексикосемантические заметки о метафоре в политическом дискурсе / И. М. Кобозева // Политическая лингвистика. — 2010. — № 2. — С. 41-46.

72. Кожара, В. Л. Классификационное движение / В. Л. Кожара // Новые идеи в научной классификации : сб. науч. трудов. — Екатеринбург : УрО РАН, 2008. — Вып. 5. — С. 193-249.

73. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости

Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — №2 (73). — 2010. — Вып.11. — С.13-21.

74. Кондратьева, О. Н. “Словарь политических терминов в СМИ” как новый лексикографический продукт / О. Н. Кондратьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 6(44). – С. 38-49.

75. Контрастивная лексикология и лексикография: монография / И. А. Стернин, Т. А. Чубур, И. П. Зленко, Н. М. Черепкова, В. В. Поталуй, Е. А. Маклакова, Л. И. Зимина; под. ред. И.А. Стернина, Т. А. Чубур. — Воронеж: «Истоки», 2006. — 341 с.

76. Копотев, М. В. Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре / М. В. Копотев, Т. И. Стексова. — М. Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси. — 2016. – 170 с.

77. Копыленко, М. М. Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978. — 143 с.

78. Коршунова, А. В. Окказиональные коллокации и способы их образования / А. В. Коршунова, М. В. Влавацкая // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. — Т. 3. № 4. — С. 67-81.

79. Котелова, Н. З. Значение слова и его сочетаемость / Н. З. Котелова. — Л.: Наука, 1975. — 163 с.

80. Котелова, Н. З. Типология лексической и синтаксической сочетаемости слова и систематизация приемов ее характеристики в толковом словаре // Избранные работы / Н. З. Котелова. — СПб.: НесторИстория, 2015. — с. 121-139.

81. Кронгауз, М. А. Семантика / М. А. Кронгауз. — М., 2005. — 352 с.

82. Крюкова, И. В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке: автореф. дисс....канд. филол. наук : 10. 02. 01 / Крюкова Ирина Васильевна. — Волгоград, 1993. — 21 с.

83. Крючкова, Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии / Т. Б. Крючкова. — М., 1989. – 152 с.

84. Крючкова, Т. Б. Специфика изменения значений общественно-политической лексики и терминологии / Т. Б. Крючкова // *Диахроническая социолингвистика*. — М, 1993. — С. 188-199.

85. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // *Вопросы языкознания*. — М., 1994. — № 4. — С. 34-37.

86. Кудашев, И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики / И. С. Кудашев. – Helsinki : Univ. of Helsinki, Dep. of transl. studies, 2007. – 443 с.

87. Кузнецова, О. Д. О понятии лексикализация: лексикализация фонетических явлений в говорах / О. Д. Кузнецова // *Вопросы языкознания*. — М., 1978. — № 2. — С. 113-118.

88. Кулаева, О. А. Устойчивость английских лингвистических единиц в свете концепции речезыкового континуума: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 04 / Кулаева Ольга Александровна. — Самара, 2003. — 21 с.

89. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / А. В. Кунин. — Изд-е 2-е перераб. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. — 381 с.

90. Лапаева, Т. А. Устойчивые сочетания в системе языковых единиц / Т.А. Лапаева // *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*. — 2007. — № 44. — С. 76.

91. Лебедева, Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н. Б. Лебедева // *Вестник Барнаульского государственного педагогического университета*. – 2001. – № 1-2. – С. 4-10.

92. Левенкова, А. Ю. Статус терминологической коллокации в теории сочетаемости / А.Ю. Левенкова // *Научный альманах. Филологические науки*. — Тамбов: Изд-во Консалтинговая компания Юком, 2015. — № 7 (9). — С. 1386-1394.

93. Левицкий, А. Э. Горизонты развития неологии 21 века / А. Э. Левицкий // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. Сб. в честь Е. С. Кубряковой. — М.: Языки славянских культур, 2009. — С. 350-375.
94. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. — 3-е изд. М. : ЛКИ, 2007. — 256 с.
95. Лейчик, В. М. Языки для специальных стилей – функциональные разновидности современных развитых национальных языков // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М.: Наука, 1986. – С. 28–43.
96. Маковский, М. М. Лингвистическая комбинаторика: Опыт топологической стратификации языковых структур / М. М. Маковский. — М.: КомКнига, 2006. — 232 с.
97. Максимчук, Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении моногр. в 2 ч. / Н. А. Максимчук. — Смоленск: Изд-во Смоленск. гос. унта, 2002. — Ч. 1. – 162 с.
98. Маник, С. А. Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние. дисс.... докт. филол. наук: 10.02.04. / Маник Светлана Андреевна. — Иваново, 2020. — 572 с.
99. Маник, С. А. К вопросу построения логико-понятийной схемы лексики общественно-политической жизни / С. А. Маник // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — Иваново, 2012. — № 1. — С. 75-80.
100. Маник, С. А. Принципы лексикографического описания общественно-политической лексики в двуязычном словаре / С. А. Маник // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. Киров, 2010. — №2(2). — С.78-85.
101. Мельник, Н. В. Лингвоперсонология политического интернет-комментария / Н. В. Мельник // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5(65). – С. 47-51.

102. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей Смысл-Текст / И. А. Мельчук. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. — 346 с.
103. Михайлова, О. А. Ограничения в лексической семантике: семасиологический и лингвокультурологический аспекты / О. А. Михайлова. — Екатеринбург : Уральский университет, 1998. — 240 с.
104. Моисеев, М. В. Лексикография английского языка : учебно-метод. пособ. для студентов языков. специальностей / М. В. Моисеев. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. — 92 с.
105. Морковкин, В. В. Основы теории учебной лексикографии : диссертация ... доктора филологических наук в форме научного доклада : 10.02.01 / Морковкин Валерий Вениаминович. — Москва, 1990. — 72 с.
106. Морковкин, В. В. Проект серии толково-сочетаемостных словарей терминов // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. — М. : 1984, с. 148-161.
107. Морковкин, В. В. Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации // Проблемы сочетаемости слов : [сб. ст.]. — Москва, 1979. — С. 129–137. — (Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца ; вып. 145).
108. Муратов, С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках / С. Н. Муратов. — М., 1961. — 130 с.
109. Мустафин, А. А. Политология: словарь современных терминов и выражений / А.А. Мустафин – Ангарск: Изд-во: АГТА, 2012 – 168 с.
110. Назарова, Г. Ш. Лексикология современного турецкого языка / Г. Ш. Назарова. — Ташкент: Изд-во ТашГИВ, 2002. — 72 с.
111. Немченко, В. Н. Введение в языкознание : учебник для вузов / В. Н. Немченко. — М. : Дрофа, 2008. — 703 с.
112. Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) / М. В. Никитин. — Москва : Высшая школа, 1983. — 127 с.
113. Никитина, К. В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественного сознания / К. Н.

Никитина // Управление общественными и экономическими системами, 2006. — №2. — Орел: ОрелГТУ. — С. 8 – 18.

114. Никифорова, О. О. Политический дискурс, политическая коммуникация и СМИ / О. О. Никифорова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2014. — № 6 (33). — С. 36-41.

115. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. — Москва : Высшая школа, 1982. — 272 с.

116. Обвинцева, О. В. Политический жаргон как средство экспрессивности в текстах СМИ / О. В. Обвинцева // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве. Материалы пятой междунар. научно-практ. конф. — Екатеринбург: УрФУ. 2015.— С. 348-354.

117. Оломская, Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса / Н. Н. Оломская // Научный диалог. Серия: Филология. — 2013. — № 5 (17). — С. 250–259.

118. Онал, И. О. Коллокация в турецкой лингвистике: проблемы определения и основные направления исследований / И. О. Онал // Российский гуманитарный журнал. — 2019а. — Т. 8. — № 3. — С. 191–202.

119. Онал, И. О. Коллокация как объект изучения в отечественной и зарубежной науке: диахронический аспект / Абильдинова Ж. Б., Барашева Д. Е., Влавацкая М.В., Головина Е.В., Онал И.О., Петренко Н.Н., Серебренникова Н.Г., Чиронов С.В. // Вопросы языкознания в мультикультурном пространстве современного мира : монография. — Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2018. — Гл.7. — С. 169-191.

120. Онал, И. О. Комбинаторные особенности лексем “election” и “secim” в поэтических текстах политической тематики / И. О. Онал // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — № 4. — С. 135-140.

121. Онал, И. О. Комбинаторный потенциал лексических единиц / И. О. Онал // Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты : сб.

материалов 8 междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 28–29 марта 2019 г. — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2019. — С. 261–266.

122. Онал, И. О. Структурно-семантические особенности атрибутивно-субстантивных коллокаций в турецком и английском языках / И. О. Онал // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках : материалы докл. и сообщ. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 22–23 окт. 2019 г. — Москва : РУДН, 2019. — С. 45–53.

123. Онал, И. О. Терминологические коллокации как объект изучения / И. О. Онал // Научный диалог. — 2019. — № 1. — С. 73-87.

124. Осипова, А. А. Семантика и символика лексем со значением числа в русской, английской и французской языковых картинах мира (опыт сопоставительного исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 20 / Осипова Анна Александровна. — М., 2008. — 23 с..

125. Ошеева, Ю. В. Политическая лексика и фразеология русского языка : 1995-2000 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ошеева Юлия Владимировна. — Башкир. гос. ун-т. — Уфа, 2004. — 21 с.

126. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 607 с.

127. Паршин, П. Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики [Электронный ресурс] – Архив 23 марта 1999 // Режим доступа: www/elections.ru/biblio/lit/parshin.htm. (дата обращения 01.12.2020)

128. Перельгут, Н. М. О структуре понятия «политический дискурс» / Н. М. Перельгут, Е. Б. Сухоцкая // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. — 2013, № 2. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiyapoliticheskiy-diskurs>. (дата обращения 07.03.2021).

129. Петрова, А. А. Мультиmodalное взаимодействие в интерактивном пространстве медиа-политического дискурса: Монография / А. А. Петрова, Н. Б.

Егорченкова, Н. Л. Шамне. — Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2016. — 144 с.

130. Пивоварова, Л. М. Извлечение и классификация терминологических коллокаций на материале лингвистических научных текстов (предварительные наблюдения) [Электронный ресурс] / Л. М. Пивоварова, Е. В. Ягунова // Терминология и знание: материалы симпозиума (Москва, 21–22 мая 2010 г. Режим доступа: http://www.webground.su/data/lit/pivovarova_yagunova/Izvlechenie_i_klassifikatsiya_terminologicheskikh_kollokatsiyi.pdf (дата обращения 01.12.2020).

131. Протченко, И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи / И. Ф. Протченко. – М.: Наука, 1975. – 324 с.

132. Прохорова, В. Н. Профессионализм / В.Н. Прохорова // Русский язык : энцикл. - М. : Большая Рос. энцикл., 2003. – 703 с.

133. Пушина, Н. И. Язык войны vs язык мира / Н. И. Пушина, О. М. Пушин // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2020. – Т. 30. – № 5. – С. 820-827.

134. Ревякина, Т. Л. Термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы в ряду специальных номинаций / Т. Л. Ревякина // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1(274). – С. 143-146.

135. Резникова, Н. А. Семантический анализ политической лексики / Н. А. Резникова // Вестник ТГПУ. Серия «Гуманитарные науки (Филология)». — 2005. — Вып. 4 (48). — С. 49-54.

136. Рогачева, Н. Б. Речежанровая вторичность в политическом дискурсе (на материале жанра блога) / Н. Б. Рогачева // Политическая коммуникация: материалы Всерос.науч. школы для молодежи. Екатеринбург, 25 авг. — 8 окт. 2009. — Екатеринбург, 2009. — Т. 2. — С. 97—100.

137. Ройзензон, Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии / Л. И. Ройзензон // Ученые записки Волгоградского пединститута. — 1961. — Вып. 14. — С. 48-54.

138. Руеангдам, А. Устойчивые атрибутивные словосочетания с семантическим компонентом «время» в современном русском языке дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ангсана Руеангдам. — М., 2018. — 373 с.
139. Рылов, Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. Курс лекций по межкультурной коммуникации / Ю.А. Рылов. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2006. — 311 с.
140. Слышкин, Г. Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — М.: Academia, 2000. — 124 с.
141. Смирницкий, А. И. Образования типа stone wall, speech sound в английском языке / А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. — Том II. М.: АН СССР, 1952. — С. 97 – 116.
142. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. — 252 с.
143. Современный русский язык: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / под ред. Л.Р. Дускаевой. — СПб.: Питер, 2014. — 352 с.
144. Соколова, О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR / О. В. Соколова. — М.: Гнозис, 2014. — 304 с.
145. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. — М., Наука. 1977. — 341 с.
146. Ссори́на, М. С. Словарь как мультиструктурная организация / М. С. Ссори́на // Ярославский педагогический вестник. — 2011 — № 1 — Том I (Гуманитарные науки). — С. 142-146.
147. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.
148. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова: монография / И. А. Стернин. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1979. — 155 с.

149. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская / Отв. ред. А. А. Реформатский. — Изд. 3-е, испр. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009. — 368 с.
150. Сулова, И. П. Немецко-русские параллели в области общественно-политической интернациональной лексики: автореф. дисс. ... к. филол. н.: 10. 02. 04 / Сулова Ирина Петровна. — М., 1980. — 16 с.
151. Табанакова, В. Д. Семантика, синтактика и прагматика термина-знака в переводном словаре / В.Д. Табанакова // Вестник Тюменского государственного университета. — 2006. — № 1. — С. 3-9.
152. Табанакова, В. Д. Словарь «Мультитран» как свернутая функциональная модель семантики, синтактики и прагматики термина / В.Д. Табанакова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2015. — Т. 1. — № 2. — С. 78-88.
153. Тарланов, З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении / З. К. Тарланов. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. — 479 с.
154. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.
155. Телия, В. Н. Вторичная номинация и её виды / Н.Д. Арутюнова, Э.С. Азнаурова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева // Языковая номинация (Виды наименований). — М.: Наука, 1977. — С. 192 – 221.
156. Терехова, Е. В. Рекуррентные конструкции в современном английском политическом дискурсе (статус и функционирование) / Е.В. Терехова. Монография. — М.: Флинта / Наука, 2010. — 215 с.
157. Тер-Минасова, С. Г., Туркова, Е.С. Диалектика коллигации и коллокации в рамках атрибутивной связи / Ахманова О. С. [и др.] // Синтаксис как диалектическое единство коллокации и коллигации. Коллективная монография. — Москва, 1969. — С. 45-60.

158. Ткачева, И. О. Политическая лексика в современном русском языке: семантические особенности и проблемы лексикографического представления: автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10. 02. 01. / Ткачева Ирина Олеговна. — СПб., 2008. — 22 с..

159. Уралова, Л. А. К вопросу об устойчивости словосочетаний / Л. А. Уралова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2007. — № 532. — С. 152-153.

160. Фатеева, Н. А. Названия военных событий как особый класс хрононимов / Н. А. Фатеева. — Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. — 2018. — №2. — С. 57 – 59.

161. Фомина, З. Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов / З. Е. Фомина // Язык и эмоции. — Волгоград: Перемена, 1995. — С. 207–324.

162. Хохлова, М. В. Исследования лексико-семантической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов (на базе корпусов текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / Хохлова Мария Владимировна. — СПб.. – 2010. – 26 с.

163. Чернышова, Л. А. О профессиональной языковой картине мира / Л. А. Чернышова // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. — Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 251-257.

164. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2003. — 248 с.

165. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие / А. П. Чудинов. — М.: Флинта: Наука, 2007. - 2-е изд., испр. — 256 с.

166. Шайкевич, А. Я. Введение в лингвистику: Учеб. пособ. для студ. филол. и лингв, фак. высш. учеб. заведений / А. Я. Шайкевич. — М.: Издательский центр «Академия». — 2010. — 400 с.

167. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. — СПб.: Специальная литература, 1996. — 192 с.

168. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: монография / Е. И. Шейгал. — М. – Волгоград: Перемена, 2000. — 367 с.
169. Шелов, С. Д. О классификации профессиональной лексики / С. Д. Шелов, В. М. Лейчик // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2012. – Т. 71. – № 2. – С. 3-16.
170. Шелов, С. Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения / С. Д. Шелов. – М.: ПринтПро, 2018. – 472 с.
171. Широкова, Т. А. Термины и терминология политической экономики социализма: опыт системного исследования на материале современного немецкого языка / Т. А. Широкова. — М., 1983. — 239 с.
172. Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева . – Collegium. — Киев, 1993. — №1. — С. 33–41.
173. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974. — С. 265-304.
174. Штанов, А. В. Лексико-семантическая дифференциация способов выражения актуальных смыслов (на материале турецкого и русского политического дискурса) / А. В. Штанов // Языки и культуры : К юбилею Людмилы Георгиевны Ведениной. – Москва : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2013. – С. 73-83.
175. Ягунова, Е. В. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов / Е. В. Ягунова, Л. М. Пивоварова // Научнотехническая информация. — 2010. — Сер. 2, № 6. — С. 30–40.
176. Aziz, A. Siyasal İletişim / A. Aziz. — Ankara: Nobel Yayın Dağıtım, 2013. — 238 s.
177. Bartsch, S. Structural and Functional Properties of Collocations in English: A Corpus Study of Lexical and Pragmatic Constraints on Lexical Co-occurrence / S. Bartsch. — Tübingen: Gunter Narr, 2004. — 244 p.

178. Bauer, L. *English Word-Formation* / L. Bauer. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — 311 p.
179. Benson, M. *Collocations and idioms* / M. Benson; R. Ilson (ed.), *Dictionaries, Lexicography and Language Learning*, Pergamon, Oxford, 1985. — P. 61–68.
180. Benson, M. *The structure of the collocational dictionary* / M. Benson // *International Journal of Lexicography*, 1989. — P. 1–14.
181. Bozşahin, C. *Combinatory Linguistics* / C. Bozşahin. — De Gruyter Mouton. GmbH, Berlin/Boston, 2012. — 284 p.
182. Cabré, M. T. *Terminology: Theory, Methods and Applications* / M.T. Cabré. — Amsterdam: Benjamins. — 1999. — 248 p.
183. Cabré-Castellvi, M. T. *Theories of Terminology. Their description, prescription and explanation* / M. T. Cabré-Castellvi // *Terminology*. — John Benjamins Publishing Company. — 9(2). — 2003. — P. 163–199.
184. Can, Ö. *Özelleştirme Ve Borsa: Gazete Haber Metinlerinde Eşdizimsel Örüntüler Üzerine Bir Uygulama* / Ö. Can, B. Öztürk // *Dil ve Edebiyat Eğitimi Dergisi*, 2013. — No. 2 (7). — S. 47 – 58.
185. Carter, R. *Vocabulary: Applied linguistic perspectives* / R. Carter. — Routledge, 1987. — 320 p.
186. Castellvi, M. *Automatic term detection: A review of current systems* / M. Castellvi, R. Bagot, J. Palatresi // *Recent Advances in Computational Terminology* / D. Bourigault, C. Jacquemin, M. C. L'Homme (eds.). — Amsterdam: John Benjamins, 2001. — P. 53 – 87.
187. Chilton, P. A. *Politics and Language* / P. A. Chilton // *The Encyclopedia of Language and Linguistics* / ed. R. E. Asher. — Oxford, New York: Pergamon Press, 1994. — P. 3214–3221.
188. Cigan, V. *Terminological collocations and term variation in mechanical engineering discourse* / V. Cigan // *FLUMINENSIA : časopis za filološka istraživanja*, Vol. 30. — No. 2, 2018. — P. 91-120.

189. Costa, R. The Verb in the Terminological Collocations: Contribution to the Development of a Morphological Analyser MorphoComp / R. Costa, R. Silva // Proceedings of the IV International Conference on Language Resources and Evaluation, LREC Lisbon, 2004. — P. 1531-1534.
190. Çetinkaya, B. Eşdizimli sözlükler / B. Çetinkaya // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. — 2009, № 4 (4). — S. 196-206.
191. Dedeoğlu, E. İngilizce-Arapça-Türkçe Eşdizim / E. Dedeoğlu, G. Şen. — Ankara: Fecr Yayınevi, 2010. — 104 s.
192. Eken, N. T., Anlatı Metinlerinde Sözcük Birliktelikleri: Türkçe Üzerine Eğitim-Öğretim Ortamları Hedefli Gözlemler, Doktora Tezi / N. T. Eken. — Ankara, 2015. — 305 s.
193. Fernández-Domínguez, J. Productivity in English Word-formation: An Approach to N+N Compounding / J. Fernández-Domínguez. — Bern: Peter Lang. — 2009. — 194 p.
194. Fetzer, A. The multilayered and multifaceted nature of political discourse // The Pragmatics of Political Discourse: Explorations across cultures/ ed. by A. Fetzer, 2013. — P. 1–21.
195. Firth, J. R. A Synopsis of Linguistic Theory, 1930-55 // Selected Papers of J. R. Firth / Ed. F. R. Palmer. — London: Longmans, Green and co. Ltd., 1957. — p. 168–205.
196. Fontenelle, T. What are collocations? / T. Fontenelle // English Today, 40. — Vol. 10 — No. 4. 1994. — P. 42–48.
197. Fontenelle, T. Discovering Significant Lexical Functions in Dictionary Entries / T. Fontenelle // Phraseology: Theory, Analysis, and Applications. — Oxford: Clarendon Press, 1998. — P. 189–208.
198. Fowler, W. C English Grammar. The English language in its elements and forms: with a history of its origin and development / W. C. Fowler. — New York: Harper & Brothers, 1851. — 539 p.

199. Güngör, S. Türk Siyasetinde Dil Kullanımı: Siyasal Parti Liderlerinin TBMM Grup Konuşmalarında Siyasal Söylem Analizi / S. Güngör // *Yasama Dergisi*, Ocak-Şubat-Mart-Nisan 2014, Issue 26. — S. 65-88.

200. Hartmann, R. R. K. *Sociology of the Dictionary User: Hypotheses and Empirical Studies* / R. R. K. Hartmann // *W.D.D.* — 1989. — V. 1. — P. 102-111.

201. Hausmann, F. J. *Die Kollokationen im Rahmen der Phraseologie - Systematische und historische Darstellung* / F. J. Hausmann // *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. — 2007. — No. 55. — S. 217-234.

202. Hausmann, F. J. *Wortschatzlernen ist Kollokationslernen. Zum Lehren und Lernen französischer Wortverbindungen* // *Praxis des neusprachlichen Unterrichts*. — 1984. — No 31. — S. 395–406.

203. Heid, U. *On the Way Words Work Together – Topics in Lexical Combinatorics* / U. Heid // *Proceedings of the 6th Euralex International Congress on Lexicography (EURALEX '94)*, Martin, W. et al. (Ed.). — Amsterdam, 1994. — P. 226-257.

204. Hill, J. *Revising priorities: From Grammatical Failure to Collocational Success* / M. Lewis (ed.) // *Teaching Collocation: Further Development in the Lexical Approach*. — Oxford: Oxford University Press. — 2000. — P. 46-59.

205. Hirik, S. *İstemsel Eşdizimlilik ve Kiplik İlişkisi: Tahmin Kiplikleri Örneği* / S. Hirik // *Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*. — 2017. — № 6(2). — S. 719-733.

206. Hoey, M. *Lexical priming. A new theory of words and language* / M. Hoey. — Routledge, 2005. — 202 p.

207. Hori, M. *Investigating Dickens' Style: A Collocational Analysis* / Masahiro Hori. — Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2004. — 258 p.

208. Howarth, P. *Phraseology in English Academic Writing. Some implications for language learning and vocabulary writing* / P. Howarth. — Tübingen: Max Niemeyer. 1996. — 230 p.

209. Jackendoff, R. *The Boundaries of the Lexicon, Idioms: Structural and Psychological Perspectives* / R. Jakendorf. — Hillsdale, New Jersey, Hove (UK), 1995. — P. 133–165.

210. Kayaselçuk, C. *Sıradışı Eşdizimlilik: Zaman Sözcüğü Üzerine Derlem Temelli Bir İnceleme* / C. Kayaselçuk // V Uluslararası Türk Dili ve Edebiyatı Öğrenci Kongresi Bildirileri (23-24 Haziran 2014). — S. 83-92.

211. Kjellmer, G. *A mint of phrases* / Aijmer, K. and Altenberg, B. eds. // *English Corpus Linguistics*. — London: Longman. — 1991. — P. 111–127.

212. Krishnamurthy, R. (ed) *English collocation studies: The OSTI Report New Edition of Sinclair J., S. Jones & R. Daley 1970, 'English Lexical Studies: Report to OSTI on Project C/LP/08'* Birmingham: University of Birmingham Press. — 2003. — 204 p.

213. L'Homme, M.-C. *Specialized Lexical Combinations: Should They Be Described as Collocations or in Terms of Selectional Restrictions?* / M.-C. L'Homme, C. Bertrand // *Proceedings of Ninth EURALEX International Congress, 2000*. — P. 497-506.

214. Lorente, M. *Specialized collocations in specialized dictionaries* / M. Lorente, A. Martinez-Salom, I. Santamaria, Ch. Vargas-Sierra // *Collocations and other lexical combinations in Spanish* ed. by S. Torner, E. Bernal. — Routledge. Taylor and Francis Group: London & New York, 2017. — P. 200-222.

215. Marchand, H. *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation a Synchronic-Diachronic approach* / H. Marchand. — Wiesbaden Harrassowitz. — 1960. — 410 p. Режим доступа: <https://archive.org/details/cathegoriestypes0000unse>

216. Metin, S. K. *Türkiye Türkçesinde Eşdizimlerin İstatistiksel Yöntemlerle Belirlenmesi* / S. K. Metin, B. Karaoğlu // *Bilig Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi*, 2016. — № 78. — S. 253-286.

217. Oflazer, K. *Integrating Morphology with Multi-word Expression Processing in Turkish* / K. Oflazer, O. Çetinöglü, B. Say // *2nd ACL Workshop on*

Multiword Expressions: Integrating Processing (MWE-2004). — Barcelona. — 2004. — P. 64-71.

218. Özkan, B. Türkiye Türkçesinde Belirteçlerin Fiillerle Birliktelik Kullanımları ve Eşdizimliliği / B. Özkan // Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı, Yayınlanmamış Doktora Tezi, Adana 2007. — 467 s.

219. Macis M. The figurative and polysemous nature of collocations and their place in ELT / M. Macis, N. Schmitt // ELT Journal. — January 2017. — Volume 71/1. — P. 50-59.

220. Manning, C. Foundations of Statistical Natural Language Processing / C. Manning, H. Schütze. — Cambridge, MA: MIT Press. — 1999. — 680 p.

221. Mathesius, V. A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis / V. Mathesius. — Prague: Academia. — 1975.

222. Palmer, H. E. Second Interim Report on English Collocations / H. E. Palmer. — Tokyo: Institute for Research in English Teaching, 1933. — 188 p.

223. Patiño, P. Towards a Definition of Specialized Collocation / P. Patiño // LSP in Colombia: advances and allenges, Linguistic Insights – Studies in Language and Communication. — Peter Lang, Bern. 2013. — P.119-133.

224. Picht, H. & Draskau, J. Terminology: An Introduction. / H. Picht, J. Draskau. — Guildford: University of Surrey. — 1985. — 265 p.

225. Quirk, R. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. — Moscow, 1982. — 247 p.

226. Ridpath, J. C., An inductive grammar of the English language; for the use of common and graded schools / J. C. Ridpath. — Cincinnati, Philadelphia etc. Jones brothers & company, 1880. — 342 p.

227. Sager, J. C., Dungworth, D. & McDonald, P.F. English Special Languages. Principles and Practice in Science and Technology / J.C. Sager, D. Dungworth, P.F. McDonald. — Wiesbaden: Brandesletter. — 1980. — 368 p.

228. Safire, W. Introduction to Safire's New Political Dictionary / W. Safire // Safire's New Political Dictionary. — New York: Random House, 1993. — P. xiii–xxvii.

229. Schrøder, K. C. Mediatized politics: political discourses and the media in contemporary Danish democracy. a project outline / K. C. Schrøder, L. J. Phillips // NORDICOM - Information. — 1999. — No. 21(4). — P. 59-70.

230. Semino, E. "Not Soldiers but Fire-fighters" – Metaphors and Covid-19/ E. Semino // Health Communication. – 2021, 36 (1). – P. 50-58.

231. Sert, G. Türkçe Eşdizimlilik Çalışmalarında Terminoloji Sorunu / G. Sert // III. Uluslararası Sözlükbilimi Sempozyumu Bildiri Kitabı, Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Yayınları. — 2017. — №285. — S. 301-311.

232. Sinclair, J. M. Corpus, concordance, collocation: Describing English Language / J. M. Sinclair. — Oxford, Oxford University Press Publ., 1991. — 179 p.

233. Taşgüzel, S. İlköğretim Türkçe Ders Kitaplarında Öğretici Nitelikli Metinlerdeki Eşdizimsel Orüntülerin Görünümü / S. Taşgüzel // Dil Dergisi. Ankara Üniversitesi Türkçe ve Yabancı Dil Araştırma ve Uygulama Merkezi. — 1988. — Vol. 25. — S. 72-87.

234. Torun, Y. Dede Korkut hikâyelerinde barınma ile ilgili sözler ve bu sözlerin birliktelik kullanımları üzerine / Y. Torun // Turkish Studies - International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. — 2011. — Vol. 6/3. — S. 1251-1263.

235. Yağcıoğlu, S. Metinsel bağdaşıklıkla sağlanmasında eşdizimin işlevi / S. Yağcıoğlu // Türkçede Bilgi Yapısı ve Bilimsel Metinler, German (Essen), 2002. — S.107-114.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭЛЕКТРОННЫХ КОРПУСОВ ТЕКСТОВ

236. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. — 2е изд., стер. — М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. — 571 с.

237. Влавацкая, М. В. Комбинаторная лингвистика. Словарь терминов / М. В. Влавацкая. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. — 104 с.
238. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс] / Ефремова Т. Ф. — М.: Русский язык, 2000. — Режим доступа: <https://www.efremova.info/word/potentsial.html#.XIMv-cLVDIU>
239. Benson, M. The Russian-English dictionary of verbal collocations (RED VC) / ed. by Benson M., Benson E. — John Benjamins Publishing Company, 1993. — 269 p.
240. Кауль, М. Р. Большой учебный словарь сочетаемости английского языка / М.Р. Кауль, С.С. Хидекель — М.: Астрель, 2012. — 1146, [6] с.
241. Кузнецова, З. С. Учебный словарь сочетаемости общественно-политических терминов (с эквивалентами на английском языке) / З. С. Кузнецова, Г. В. Фокина, И. Н. Шиманская; под. ред. В. В. Морковкина. — М.: 1989. — 394 с.
242. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. — 1990. — 682 с/.
243. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М., 1978. — 200 с.
244. Покровская, Е. В. Англо-русский словарь языка СМИ / Е. В. Покровская. — М.: Рус. яз., 2003. — 496 с.
245. Сазонов, М. Г. Немецко-русский учебный словарь сочетаемости общественно-политической лексики по актуальной тематике / М. Г. Сазонов. — Москва: МГЛУ, 2013. — 33 с.
246. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В. В. Морковкина. — М.: Русский язык, 1983. — 700 с.
247. Aslandaş, A. S. Popüler Siyasi Deyimler Sözlüğü / A. S. Aslandaş, B. Vıçakçı. — İletişim Yayınları. — 2013. — 255 s.
248. Barrett, G. Hatchet jobs and hardball : the Oxford dictionary of American political slang [Электронный ресурс] New York: Oxford University Press. 2004. —

Режим доступа: <https://archive.org/details/hatchetjobshardb00gran> (дата обращения 01.06.2020).

249. Beard, H. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook / H. Beard, C. Cerf. — New York, 1993. — 195 p.

250. Benson, M. The BBI Dictionary of English Word Combinations / M. Benson, E. Benson, R.F. Ilson. — Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. — 1986. — 504 p.

251. BNC – British National Corpus [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения 01.06.2020).

252. Collin P. H. Dictionary of politics and government / P. H. Collin. — London : Peter Collin Publishing, 2004. — 350 p.

253. COCA — Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения 01.06.2020).

254. Çağbayır Y. Ötüken Türkçe Sözlük. Cilt 1. A – D / Y. Çağbayır. — İstanbul: Ötüken, 2007. — 1130 s.

255. Çağbayır Y. Ötüken Türkçe Sözlük. Cilt 3. J – M / Y. Çağbayır. — İstanbul: Ötüken, 2007. — 1126 s.

256. Çağbayır Y. Ötüken Türkçe Sözlük. Cilt 4. M – T / Y. Çağbayır. — İstanbul: Ötüken, 2007. — 1131 s.

257. Helpful A-Z Glossary Listing Key Parliamentary Terms and Their Definition. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.parliament.uk/siteinformation/glossary/> — (дата обращения 01.08.2020).

258. Hill, J. The LTP Dictionary of Selected Collocations / J.Hill, M.Lewis. — 2002. — 420 p.

259. Khairov, Sh. Russian For All Occasions: A Russian-English Dictionary of Collocations and Expressions / Sh. Khairov, J. Dunn. — Routledge, 2019. — 748 p.

260. Matthews, P. H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics / P. H. Matthews. — Oxford : Oxford New York: Oxford University Press, 1997. — 410 p.

261. Merriam Webster Dictionary Online [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 01.08.2020).

262. Methibay, Y. Ö. Siyasal bilgiler terimler sözlüğü / Y. Ö. Methibay. — Ankara : İmaj yayınevi, 2016. — 904 s.
263. NOW Corpus (News on the Web) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения 01.08.2020).
264. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения 01.08.2020).
265. Online Oxford Collocation Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.freecollocation.com/> (дата обращения 01.08.2020).
266. Online Siyaset Terimleri Sözlüğü [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.dersimiz.com/terimler-sozlugu/Siyaset-Terimleri-Sozlugu-35-Sayfa-1.html> (дата обращения 01.06.2020).
267. Parlamento Terimleri Sözlüğü [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.tbmm.gov.tr/psozluk.htm> (дата обращения 12.10.2020).
268. Richard, P. Oxford Collocations Dictionary for Students of English / Richard, P. - Oxford University Press. – 2009. – 992 p.
269. Safire, W. Safire's new political dictionary / W. Safire. — New York: Random House. — 930 p. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://archive.org/details/safiresnewpoliti00will_0 (дата обращения 01.08.2020).
270. Sesli Sözlük [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.seslisozluk.net/ru/> (дата обращения 10.11.2020).
271. Sönmezoğlu F. Ansiklopedik Politika Sözlüğü / F. Sönmezoğlu. — İstanbul: İletişim Yayınları, 1. Baskı, 2013. — 279 s.
272. Taegan Goddard's Political Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://politicaldictionary.com/> (дата обращения 01.08.2020).
273. TDK Büyük Türkçe Sözlük [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_bts&view=bts (дата обращения 01.08.2020).
274. The Encyclopedia of Political Science. — Washington : CQ Press a division of SAGE, 2011. — 1942 p.

275. trWaC – The Turkish Web Corpus [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.sketchengine.eu/trwac-turkish-corpus/> (дата обращения 20.08.2020).
276. TUD — Türkçe Ulusal Derlemi [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://v3.tnc.org.tr>. (дата обращения 01.12.2020).
277. Tureng [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tureng.com/en/turkish-english> (дата обращения 10.11.2020).
278. Tüba Türkçe Bilim Terimleri Sözlüğü [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tubaterim.gov.tr/> (дата обращения 01.12.2020).
279. Türkiyenin Türkçesinin Eşdizim Sözlüğü [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://turkcederlem.mersin.edu.tr/esdizim/> (дата обращения 01.12.2020).
280. Tuncay, H. Uluslararası İlişkiler ve Siyaset Bilimleri Terimler Sözlüğü / H. Tuncay. — İstanbul, Yalın Yayıncılık, 2017. — 368 s.
281. Yıldız, Z. Politika Sözlüğü / Z. Yıldız. — Nesil Basım Yayın Gıda Ticaret ve Sanayi A.Ş., 2013. — 336 s.
282. Vardar, B. Açıklamalı Dilbilim Terimleri Sözlüğü / B. Vardar. — İstanbul: Multilingual Dilbilim Dizisi, 2003. — 310 s.
283. Visual Thesaurus. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.visualthesaurus.com/> (дата обращения 07.03.2021).
284. Weiss, P. Brexit Lexicon: Update [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.paulweiss.com/practices/region/europe/publications/brexit-lexicon-update?id=28362> (дата обращения 01.08.2020).

СПИСОК МЕДИАИСТОЧНИКОВ

285. Donald Trump Speech Transcripts / Factbase [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://factba.se/transcripts/speeches> (дата обращения 01.08.2020).

286. Konuşmalar / Türkiye Cumhurbaşkanlığı [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.tccb.gov.tr/receptayyip Erdogan/konusmalar/> (дата обращения 01.08.2020).

287. Cumhuriyet [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.milliyet.com.tr/> (дата обращения 01.08.2020).

288. Milliyet [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cumhuriyet.com.tr/> (дата обращения 01.08.2020).

289. Milliyet Blog [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://blog.milliyet.com.tr/> (дата обращения 01.08.2020).

290. The Washington Post. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения 01.08.2020)

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Примеры словарных статей турецко-английского учебного словаря политических коллокаций (ТАУСПК) Examples of entries of the Turkish-English Learner's Dictionary of Political Collocations (TELCDCPC)

(1)

SİYASİ (SİYASAL, POLİTİK)

POLITICAL

siyasi (siyasal, politik) - siyasetle ilgili (devlet, hükümet, siyasi partiler veya seçimler)

political - relating to politics (the state, government, policy-making, political parties or elections)

1. bilim / science

SİYASİ

~ **coğrafya** political geography

~ **harita** political map

SİYASAL

~ **antropoloji** political anthropology

~ **iktisat** political economy

2. insanlar ve siyasetle ilgili insan grupları / people and groups of people related to politics

SİYASİ

~ **aktör** political actor

~ **ayak NS** ≈ political basis, political pillar (a person or a group of people giving political support to some person or organisation)

e.g. "FETÖ'nün siyasi ayağı" tartışmalarına değinen Ünal, FETÖ'nün siyasi bağlantılarının ve ittifaklarının ortaya çıkması için çok ciddi bir çalışma yaptıklarını belirtti. / Referring to the "political pillar of FETO" discussions, Unal stated that they are doing a very serious work to reveal the political connections and alliances of FETO.

~ **birlik** 1. political union 2. political unity

e.g. İtalya, siyasi birliğini kurduktan sonra sömürgecilik hareketlerine başladı./ Italy began colonialism movements after establishing its political unity.

~ **lider** political leader

~ **otorite**

~ **parti** political parti

~ **sığınmacı** political refugee, political asylum seeker

e.g. Siyasi sığınmacı ara bölgede çadır kurdu. Omid Tootian isimli İranlı'nın, Rum Yönetimi makamlarının siyasi sığınma başvurusunda bulunmak için Güney Kıbrıs'a girişine izin vermemesi nedeniyle Ledra Palace bölgesindeki ara bölgede çadır kurduğu belirtildi. /

The political asylum seeker set up a tent in the buffer zone. An Iranian named Omid Tootian has set up a tent in the decimated area of Ledra Palace because Greek Cypriot authorities have not allowed him to enter southern Cyprus to apply for political asylum.

~ **suçlu** political criminal

~ **şahsiyet** political figure

e.g. Bir ülkenin tarihi sadece bir siyasi şahsiyetin hikaye ettiğine dayandırılabilir mi? / Can a country's history be based solely on the story told by a political figure?

~ **tutuklu** political prisoner

3. ideoloji ve felsefe / ideology and philosophy

SİYASİ

~ **çizgi** political line

e.g. İYİ Parti'de ne bir **siyasi çizgi** ne de fikri bir birliktelik söz konusu. Birbirinden farklı hiziplerin bir araya gelmesi sonucu kurulmuş bir parti. / İYİ Party has neither **political line** nor intellectual unity. A party formed as a result of a combination of different factions.

~ **görüş(ler)** political view(s)

e.g. Herhangi bir **siyasi görüşü** ya da bir parti ile alakalı olumlu veya olumsuz düşüncemizi ifade etmemizi doğru bulmuyorum. / I don't think it's right for us to express any **political views** or our positive or negative thoughts about a party.

Note: **siyasi görüş** and **siyasal görüş** can be used interchangeably, though the former is more frequent.

~ **hakimiyet** political dominance

e.g. Akdeniz'de ekonomik ve **siyasi hâkimiyet** kurmak isteyenlere fırsat vermeyeceğiz.

We will not give opportunities to those who want to establish economic and **political dominance** in the Mediterranean.

~ **haklar** political rights

e.g. **Siyasi haklarımız** toplumsal yaşama katılmak için gerekli olan haklarımızdır.

Our political rights are our rights necessary to participate in public life.

~ **hürriyet** political freedom

~ **ikna** political persuasion

~ **irade** political will

e.g. Cumhurbaşkanı Mustafa Akıncı, farklı boyutları olan Kıbrıs sorununda sonuca varmak için ise gerekli olanın gerçek bir **siyasi irade** ve kararlılık olduğunu belirtti.

President Mustafa Akıncı stated that real **political will** and determination are necessary to reach a conclusion on the Cyprus problem, which has different dimensions.

~ **istikrar** political stability

e.g. Hükümet sistemlerinin, **siyasi istikrar** üzerinde etkili olduğunu söyleyebilmek mümkündür. / It is possible to say that government systems have an impact on **political stability**.

~ **mekanizma** political mechanism

e.g. Yani barolar kesinlikle **siyasi bir mekanizma** değildir. Nerede bir insan hakkı ihlali varsa, barolar orada en güçlü ses olur. / In other words, bar associations are certainly not a **political mechanism**. Where there is a violation of human rights, Bar Associations become the strongest voice there.

~ **özgürlük** political liberty, political freedom

e.g. Ekonomik ve **siyasi özgürlük** örneğimiz yoksulluk ve baskılardan yılmış milyonlarca insana umut ışığı olmaktadır. / Our example of economic and **political freedom** gives hope to millions who are weary of poverty and oppression.

~ **taassup** political bigotry

e.g. 15 Temmuz uğursuz darbe teşebbüsünden sonra **siyasî taassup** zirve yaptı.

After the July 15 coup attempt, the **political bigotry** came to a peak.

~ **yelpaze** NS political spectrum (**lit.** – political “fan”)

e.g. Klasik **siyasi yelpaze** herkes bilir yüzde 65-35, 70-30 sağ-sol şeklindedir. CHP'nin yanına mutlaka sağ parti istemesi, bu dengeyi bozmaya yönelik bir hamledir ve siyaseten doğrudur. / The classic **political spectrum** everyone knows is 65-35%, 70-30% right-left. The fact that the CHP necessarily wants a right-wing party next to it is a move to upset this balance and is politically correct.

SİYASAL

~ **haklar** political rights

~ **hedef** political goal

e.g. **Siyasal hedef** için araçsallaştırılmaya çalışılan yargı mensuplarını, kişi güvenliği ve özgürlüğüne ilişkin Anayasa madde 19'a saygıya, keyfi gözaltı ve tutuklamalara son vermeye çağırıyoruz. / We call on members of the judiciary who are trying to be instrumentalized for **the political goals** to respect Article 19 of the Constitution on personal security and freedom, to end arbitrary detention and arrests.

4. tercihler, ruh hali, ortam / preferences, mood, environment

SİYASİ

~ **atmosfer** political atmosphere

e.g. *Bu çerçevede **siyasi atmosfer**, ortaya çıkan edebi eserlere de fazlasıyla yansımıştır.*

*Against this background, **the political atmosphere** was also reflected in the resulting literary works.*

~ **belirsizlik** political uncertainty

e.g. *Ekonomist Murat Sağman'a göre son dönemdeki **siyasi belirsizlik** ekonomiye yansıyor./*

*According to economist Murat Sagman, recent **political uncertainty** affects the economy.*

~ **gerginlik** political tension

~ **gerilim** political tension

e.g. *Libya'da, darbe girişinde bulunan Hafter yanlıları ile “devrimci güçler” arasında çatışmalar devam ederken, seçimlere 3 hafta kala **siyasi gerilim** de turmanıyor. / In Libya, clashes between Hafter's supporters and “revolutionary forces” who participated in the coup are going on, while **political tension** is also escalating 3 weeks before the elections.*

~ **ortam** political climate, political environment

e.g. *Bu **siyasi ortamda** yeni kurulacak bir parti siyasi boşluğu doldurarak çok büyük bir sıçrama yapar. / In this **political environment**, a new party makes a huge leap by filling the political void.*

5. eylemleri ve hareketleri/ actions and activities

SİYASİ

~ **ambargo** political embargo

~ **faaliyet** political activity

e.g. *Anayasa Mahkemesi Halkların Demokratik Partisi Kocaeli Milletvekili Ömer Faruk Gergerlioğlu'nun “**Siyasi faaliyet** ve kişi hürriyeti hakkı”nın ihlal edildiğine karar verdi./ The Constitutional Court ruled that Ömer Faruk Gergerlioğlu, deputy of the Peoples ' Democratic Party of Kocaeli, had violated the “right to **political activity** and freedom of persons”.*

~ **hareket** political action

~ **iktidar** political power

e.g. *Lakin **siyasi iktidar** ve koruyuculuğunu yaptığı mevcut rejim sadece bir geri adım atmıştır, ondan sonra da yine saldırıya geçecektir. / But **the political power** and the current regime, which it protects, have only taken a step back, and then it will attack again.*

6. iletişim, tartışma / communication, discussion

SİYASİ

~ **çözüm** political decision

~ **görüşmeler** political negotiations

~ **propaganda** political propaganda

e.g. *Katliamı gerçekleştiren şahsın kısa sürede yakalanmasını isteyen İnceci, bazı kişilerin bu olayı **siyasi propaganda** haline getirmek istediğini dile getirdi. / Inceci, who wanted the person who carried out the massacre to be captured as soon as possible, said that some people wanted to turn this event into **political propaganda**.*

~ **tartışma** discussion

~ **uzlaşma** political consensus, political compromise

e.g. *Filistinli iki büyük rakip grup olan Hamas ve Fetih, gelecekte **siyasi uzlaşma** sağlamak için anlaşmaya vardıklarını açıkladılar./ Two major Palestinian rival groups, Hamas and Fatah, have announced they have reached an agreement to achieve a **political compromise** in the future.*

7. mücadele / fighting

SİYASİ

~ **araç** political tool

~ **baskı** political pressure; political repression

e.g. ***Siyasi baskı** nedeniyle AIHM kararları bile uygulanmıyor. / Even ECHR decisions are not being implemented due to **political pressure**.*

1945 ve 1948 yılları arasında, **siyasi baskı dalgası** Slovenya ve Yugoslavya'da gerçekleşti. / *Between 1945 and 1948, a wave of political repressions took place in Slovenia and in Yugoslavia.*

~ **engelleme** political stonewalling

~ **kazanç** political victory

~ **mücadele** political fight

~ **sıkışma** ≈ political pressure

e.g. *Dolayısıyla bu hamle Erdoğan açısından bir tür siyasi sıkışma görüntüsü de yaratabilir. / Therefore, this move could create a kind of political pressure for Erdogan.*

8. zamansal anlam / temporal meaning

SİYASİ

~ **süreç** political process

~ **tarih** political history

SİYASAL

~ **süreç** political process

e.g. *Almanya ise çok daha değişik bir siyasal süreç içinde kendi demokratik yapısını şekillendirmiştir. / Germany, on the other hand, has shaped its democratic structure in a much different political process.*

Note: siyasal süreç has a higher frequency than siyasi süreç

9. mekansal anlam / spacial meaning

SİYASİ

~ **arena** political arena

e.g. *İsrail'de siyasi arena yeniden ısınırken Netanyahu, duruşmasının ertelenmesini istiyor. / As political arena heats up again in Israel, Netanyahu wants his hearing postponed.*

(2)

GÜÇ

POWER, FORCE

güç - I. siyasi hakimiyet, ülkede/ dünyada/ dünyanın bir bölümünde control

power, force - political domination, control in a country/world/part of the world)

1. hakimiyeti yakalama ve elinde tutma / capture and retention of power

N (~)+N

~ **mücadelesi** struggle for power

N(~) + V

~ **kazanmak** to gain power

e.g. *AKP, 2019'da yapılan yerel seçim, genel seçim ve başkanlık seçimi dolayısıyla 2018'de erken seçim iddiaları güç kazanmaya devam ediyordu.*

AKP continued to gain power in 2019 local elections, general elections and presidential elections, and early elections in 2018.

~ **katmak** to consolidate (one's) power

~ **almak** to get power, to receive power

~ **göstermek** to show power

~ **kullanmak** to use force

e.g. *İsrail'in, Doğu Kudüs'te Filistinli göstericilere karşı sebepsiz ve orantısız güç kullanarak "yasadışı" eylemde bulunduğunu açıkladı. / Israel had taken "illegal" action using unprovoked and disproportionate force against Palestinian demonstrators in eastern Jerusalem.*

2. güç/yetki kaybı ve devri / loss and transfer of power/authority

N(~)+V

~ **paylaşmak** to share power

~ **kaybetmek** to lose power

II. Bir kişiye veya bir grup kişiye verilen yetkiler

Powers granted to a person or group of persons

1. tezahür derecesi / degree of manifestation

Adj+N(~)

büyük ~ great power

küresel ~ global power

2. üyelik (konuya göre karakteristik) / affiliation (feature on the subject)

Adj/N+N(~)

milli ~ national power

muhalefet ~leri opposition powers

N+N(~) **güç** ->**gücü**

koalisyon ~leri

emperyalist ~ler

işgalci ~leri invading forces

e.g. Irak ordusu işgalci ABD güçleri tarafından büyük zulma uğradı. / Iraqi army suffered massive persecution by invading US forces.

iş ~cü workforce

3. karakter, özellikleri / properties

Adj+N(~)

politik ~ler political power

siyasi ~ political influence

N+N(~) **güç** ->**gücü**

alım ~cü purchasing power

iktidar ~cü the ruling power

rekabet ~cü competitiveness, competitive power

e.g. Türkiye 'Djital Rekabet Gücü' sıralamasında geride kaldı / Turkey lags behind in 'Djital competitiveness' rankings

küresel rekabet ~cü global competitive power

ulusal rekabet ~cü national competitive power

4. uygulama / usage

N(~)+N

~ler **ayrılığı** separation of powers

~ **birliği** joined forces

e.g. Genel Sekreter Guterres dini liderlerden COVID-19 ile mücadele de güç birliği yapmalarını istiyor. / Secretary General Guterres asks religious leaders to join forces to fight COVID-19.

~ler **birliği** unity of powers

e.g. Meclisin özelliklerinden birisi de çalışmalarını güçler birliği ilkesiyle yapmasıdır./ One of the characteristics of the assembly is that it does its work on the principle of unity of powers.

~ **ilişkileri** power relations

e.g. Bundan böyle ABD bir dünya imparatorluğu gibi hareket etmeyecek, küresel sistemin güç ilişkileri içerisinde 'yeni' dünya düzenine önderlik edeceği açıklandı./ From now on, the United States will not act like a world empire, it was announced that the global system will lead the 'new' world order in power relations.

~ politikası (siyaseti) power politics

N(~)+V güç ->gücü

~cü kötüye kullanmak to abuse the power

e.g. Kendisine emanet edilen **gücü** özel çıkarları için **kötüye kullanmak** demek değil mi yolsuzluk? / Doesn't that mean **abusing the power** entrusted to him for his special interests?

~cü kötüye kullanma, ~cü kötüye kullanım abuse of power

e.g. Malezya'da eski Maliye Bakanı Lim Guan Eng'e, yerel mahkemede rüşvet ve **gücü kötüye kullanma** suçlaması yöneltildi./ In Malaysia, Former Finance Minister Lim Guan Eng has been charged with bribery and **abuse of power** in a local court.

5. organlar ve birimler / bodies and divisions

Adj+N(~)

uluslararası ~ler international forces

demokratik ~ler democratic forces

N+N(~) güç->gücu

Barış Gücü Peace Corps See also: **Barış Gönüllüleri**

muharebe ~leri combat forces

e.g. Başkan Obama, **muharebe güçleri** arasında yer almayacak olsalar da, danışmanlık rolü üstlenecek yeni birliklerin, Irak'a IŞİD karşısındaki savaşında yardımcı olabileceğini kaydetti./

President Obama noted that while they will not be among the **combat forces**, the new troops, which will take on an advisory role, can help Iraq in the fight against ISIS.

düşman ~leri enemy forces

emniyet ~leri police forces

güvenlik ~leri security forces

kolluk ~leri law forces, law enforcement

ordu ~leri army forces

savunma ~cü defence forces

III. Devlet, nüfuzlu bir ülke / An influential state

Adj+N(~)

nükleer ~ nuclear power, nuclear state

süper ~ler superpowers

e.g. "Tüm devletler ve özellikle **süper güçler** çok yorgun. Biz Türkiye olarak sağlıklı giriyoruz yeni döneme, dilerim bu tabloda ağırlığımız iyice artar." / "All states and especially **superpowers** are very tired. We, Turkey, are entering a healthy new period, I hope that our weight will increase greatly."

büyük ~ great power (about a state)

küresel ~ global power (about a state)

e.g. Bu iki ülke **küresel güç** değil ama bölgesel anlamda Washington'un önündeki iki büyük engel. / These two countries are not **global powers**, but in a regional sense, they are two major obstacles to Washington.

(3)

PARTİ

PARTY

Ortak düşünce ve görüşteki kişilerin oluşturdukları siyasal topluluk, fırka /

Political community, faction formed by people sharing ideas and views

N+N (~)

Adj + N (~)

1. Özel isimler (Gerçek siyasi partilerin isimleri) / Proper names (Names of real political parties)

AK (Adalet ve Kalkınma) ~si

Justice and Development Party

		<p>is a conservative, Islamist and populist political party in Turkey.</p>
<p>Anavatan ~si</p> 		<p>Motherland Party is a political party in Turkey, which was founded in 1983 by Turgut Özal. It merged with the Democratic Party in October 2009 and was re-established in September 2011.</p>
<p>Cumhuriyet Halk ~si</p> 		<p>Republican People's Party is a political party founded by M. K. Atatürk; the oldest political party in Turkey. The CHP describes is a social democratic party, "faithful to the founding principles and values of the Republic of Turkey".</p>
<p>Fazilet ~si</p> 		<p>Virtue Party is an Islamist political party established on 17 December 1997, found unconstitutional by the Constitutional Court and banned on 22 June 2001 for violating the secularist articles of the Constitution.</p>
<p>İYİ ~</p> 		<p>The Good Party, is a nationalist, Kemalist and secularist political party aiming to overcome social injustice by forming a well functioning social state.</p>

2. İdeoloji; partinin siyasi yelpazedeki konumu / Ideology; party's position on the political spectrum

aşırı sağcı ~ far right party

çatı ~si ≈ big tent party, catch-all party (*lit.* "roof" party)

e.g. **Çatı Partisi'nin** emekçi tabanının inşa edilmesinde sosyalist harekete, elbette dogmacı ve sekte yanlarını aştığı ölçüde büyük rol düşüyor. / In building the working base of the **big tent party**, the socialist movement, of course, plays a big role to the extent that it exceeds its dogmatic and sectarian sides.

radikal ~ radical party

sağ ~ right-wing party

siyasi ~ political party

sol ~ left-wing party

3. İktidara katılım derecesi / The degree of participating in power

çoğunluk ~si majority party

iktidar ~si ruling party, party in office

muhalefet ~si opposition party

muhalif ~ opposition party

tabela ~si *NS* (*lit.* ‘a sign (plaque) party’ 1. A short-lived reactionary political party formed only to be able to negotiate with another party, without the ability to enter elections independently. 2. A weak party existing only “on the sign” but having no real power.

e.g. *BDP yerel seçimlerde büyükşehir ve 13 ilçe belediye başkanlığını kazanarak Ak Parti’yi Van’da tabela partisine dönüştürmeyi hedefliyor. / The BDP aims to turn the Ak Party into a “sign party” by winning the metropolitan and 13 districts in the local elections.*

öncü ~ pioneer party

üçüncü ~ a third party

4. Organizasyon yöntemi / Organization method

kitle ~si mass party

kadro ~si cadre party

N (~) + N

5. Partiyi oluşturan insanlar ve insan grupları / People and groups of people who are part of the party

~ **başkanı** the leader of the party, the party leader

~ **grubu** party group

~ **sözcüsü** a party spokesman

~ **tabanı** party grassroots, party allignments

e.g. *Çaycuma için yapılması gereken, her iki parti ilçe teşkilatının ve parti tabanlarının tek yumruk olup aday adaylarımız çevresinde birleşmesidir.../ What needs to be done for Çaycuma is for both party district organizations and party grassroots to unite around our candidates in one punch...*

~ **üyesi** a party member

~ **yönetimi** party leaders, party leadership

6. Belgeler ve diğer parti özellikleri / Documents and other party attributes

~ **programı** the party platform

e.g. *Parti üyesi, parti programını kabul eden ve hem mali yönden, hem parti örgütlerinden birine bizzat katılarak partiyi destekleyen kişidir. / A party member is a person who accepts the party platform and supports the party, both financially and personally participating in one of the party organizations.*

~ **seçme listesi** a party election list

~ **tüzüğü** the party statute

7. Parti faaliyetleri / Party activities

~ **faaliyeti** party activity

~ **örgütleri** party organizations

~ **teşkilatı** party organization

~ **(grup) toplantısı** a party caucus, a party convention

N (~) + V

8. Partiye karşı eylemler / Actions towards the party

~**yi desteklemek** to support a party

e.g. *Referandumda AK Partiyi desteklemişler, mitingleri yapmışlar hatta AK Parti genel başkanı sendikalarına teşekkür etmiş referandum sonrası. / They supported the AK Party in the referendum, held rallies and even thanked the AK Party leader's unions after the referendum*

~**yi kapatmak** to close down a party

~**ye katılmak** to join a party

e.g. *Bana göre birinci nedeni, Ak Parti içinde Zihni Aldırmaz'ın partiye katılmasını istemeyen bir gurup insan var./ For me, the first reason is that there are a group of people in the AK Party who do not want Zihni Aldırmaz to join the party.*

~yi kurmak to found a party

~yi güçlendirmek to strengthen a party

Num+N(~) + N;

Pron. + N (~) + N

9. Sistem/devletin parti sayısı açısından karakterizasyonu / Characteristics of the system/state in terms of the number of parties

çok ~li düzeni multiparty system

iki ~li sistemi two-party system

tek ~ sistemi one-party system

tek ~ rejimi one-party regime

(4)

DİPLOMASİ

DIPLOMACY

Hükümet yetkilileri tarafından müzakereler ve uluslar arasındaki diğer ilişkilerin yürütülmesi; bu tür müzakereleri yürütme sanatı veya bilimi / Conducting negotiations and other relations between nations (by government officials); the art or science of conducting such negotiations.

N (Adj) + N (~)

1. Katılımcı sayısı / The number of participants

çok taraflı ~ multilateral diplomacy

çok yanlı ~ multilateral diplomacy

dış ~ foreign diplomacy (*lit.* “outside” diplomacy)

iki yönlü ~ bilateral diplomacy

milletlerarası ~ international diplomacy

mekik ~ shuttle diplomacy

uluslararası ~ international diplomacy

üç köşeli ~ *lit.* “triangle” diplomacy, trilateral diplomacy

2. Diplomatik ilişkilerin seviyesi / The level of diplomatic relations

doruk ~si *lit.* “culmination, climax” diplomacy (negotiations held with the representation of the relevant parties at the highest political level, close to ‘summit diplomacy’).

e.g. Doruk diplomasisinin son derece seyrek olarak ve en zorunlu durumlarda uygulanması gerekir. / Diplomacy at the highest level must be implemented extremely infrequently and in the most mandatory cases.

gayriresmi ~ unofficial diplomacy, track-two diplomacy

halk ~ si public diplomacy

kamu ~ si public diplomacy

özel ~ private diplomacy

zirve ~ si summit diplomacy

3. Açıklık derecesi / The degree of openness

açık ~ open diplomacy

gizli ~ secret diplomacy

kapalı ~ secret diplomacy, *lit.* “closed” diplomacy (Conducting international relations, diplomatic correspondence in a closed way and in a method of confidentiality).

megafon ~ megaphone diplomacy

sessiz ~ quiet diplomacy

4. Etkileşim/ etki yolları / Methods of interaction/ influence

1) nötr veya olumlu değerlendirme / neutral or positive evaluation

dijital ~ digital diplomacy

futbol ~si football diplomacy

halı ~si carpet diplomacy (Easing the embargo on Iranian carpets, expressed by US Secretary of State Madeleine Albright in 2000, a diplomatic initiative aimed at breaking the ice with the Tehran administration)

kamu ~si public diplomacy

klasik ~ classic diplomacy

kırmızı hat ~ “red line” diplomacy, conducted by direct telephone connection

kültür ~si cultural diplomacy

kültürel ~ cultural diplomasi

*e.g. Ekonomik anlamda ülkemize büyük katkı sağlayan dizi filmler **kültürel diplomasi** ve ülke tanıtımında da etkin şekilde kullanılıyor./ The TV series that make a great contribution to our country in an economic sense, are also effectively used in **cultural diplomacy** and Country promotion.*

Osmanlı ~si Ottoman diplomacy

önleyici ~ preventive diplomacy

parlamentar ~ parliamentary diplomacy

pinpon ~si ping-pong diplomacy

sivil ~ civic diplomacy

telefon ~si telephone diplomacy

turizm ~si tourism diplomacy

yumuşak ~ “soft” diplomacy (the use of soft power)

*e.g. Suriye ile yahudiler arasındaki görüşmeler **yumuşak diplomasi** ile yürütülmektedir. / Negotiations between Syria and the Jews are conducted with the use of **soft diplomacy**.*

2) negatif değerlendirme / negative evaluation

gambot ~si gunboat diplomacy

kovboy ~si cowboy diplomacy

*e.g. Görünüşe göre Bush, Ortadoğu’da bir başka **kovboy diplomasisi** daha deneyi gerçekleştiriyor; bu kez bir avantajı da var: Herşey darmadığın olursa, parçaları bir başkasının toplaması gerekecek. / Apparently, Bush is conducting another experiment in **cowboy diplomacy** in the Middle East, and this time he has an advantage: if everything falls apart, someone else will have to pick up the pieces.*

nükleer ~ atomic diplomacy, nuclear diplomacy (refers to attempts to use the threat of nuclear warfare to achieve diplomatic goals)

5. Taraflar arasındaki ilişki türü; diplomatik faaliyetin amacı /The kind of the relationship between the parties: aim of the diplomatic activity

barış ~si peace diplomacy; peaceful diplomacy

*e.g. Türkiye son dönemde uyguladığı aktif **barış diplomasisiyle** uluslararası camianın dikkat çekici, etkin ve saygın seslerinden biri haline gelmiştir. / Turkey has recently become one of the remarkable, effective and respected voices of the international community with its active **peace diplomacy**.*

6. Diplomatik eylemlerin kapsamı / Scope of diplomatic actions

askeri ~ military diplomacy

ekonomik ~ economic diplomacy

güvenlik ~si security diplomacy

ticaret ~si trade diplomacy, commercial diplomacy

ticari ~ trade diplomacy, commercial diplomacy

7. Diplomaside yer alan kişiler tarafından gerçekleştirilen eylemler / Actions performed by people involved in diplomacy

N (~) + V

~ **yürütmek** to conduct diplomacy

e.g. 700 sivil kuruluşun oluşturduğu barış inisiyatifi, bir yandan Ankara'da, diğer yandan İmralı ve Kandil'de kalıcı ateşkes, silah bırakma ve barış için görüşmelerle **sivil diplomasi yürütüyor**. *The peace initiative, formed by 700 civilian organizations, **conducts civil diplomacy** with permanent ceasefires, disarmament and peace negotiations in Ankara on the one hand and Imrali and Kandil on the other hand.*

N (~) + N

~ **atağı** diplomatic offensive

e.g. Türkiye, silahsız bir keşif uçağını uluslararası hava sahasında düşüren Suriye'ye karşı **diplomasi atağına** geçiyor. / *Turkey is on a **diplomatic offensive** against Syria, which shot down an unarmed reconnaissance plane in international airspace.*

~ **cambazlığı, cambazlıkları** met. diplomatic tightrope, diplomatic acrobatics

e.g. Her iki süper güç de Erdoğan'ın aralarına çekmiş olduğu **diplomasi cambazlığı** ipini Kürtlere bağladılar. / *Both superpowers have tied **the diplomatic tightrope** between Erdogan and the Kurds.*

*İnönü hükümeti tarafsız tutumuyla adeta bir **diplomasi cambazlığı** yapıyordu. / Inönü's government was acting as a **diplomatic acrobat** with its neutral attitude.*

~ **hareketi** diplomatic action

~ **taktiği** diplomatic tactics

~ **trafiği** diplomacy traffic, diplomatic traffic (a set of diplomatic actions aimed at solving some important problem)

e.g. Cumhurbaşkanı Erdoğan, İsrail'in Filistin'deki kanlı saldırılarının durdurulması için yoğun bir **diplomasi trafiği** yürütüyor. / *President Erdogan has been conducting an intense **traffic of diplomacy** to stop Israel's bloody attacks on Palestine.*

Алфавитный список заглавных слов
«Турецко-английского учебного словаря политических коллокаций» (ТАУСПК)

The Alphabetical List of Key Words for TELDPC

A

abluka
 adalet
 adam (akil adamlar)
 aday
 adil
 adli
 amaç
 ambargo
 anayasa
 anayasal
 anlaşma
 anlayış
 antlaşma
 arabulucu
 araç
 arkadaş
 aşama
 ateşkes
 avantaj
 ayak
 ayaklanma
 ayrılıkçı
 azınlık

B

bağlılık
 bakan
 bakanlık
 barış
 baskı
 baskın
 başarı
 başkan
 başbakan
 beyan
 bilgi
 birlik
 boykot
 bölüm
 bütçe
 büyükşehir

C

ceza
 cumhurbaşkanı
 cumhuriyet
 cümle

Ç

çağrı
 çatışma
 çevre
 çıkmaz
 çoğunluk
 çözüm

D

darbe
 dava
 davranış
 değişiklik
 demokrasi
 denge
 destek
 devlet
 devrim
 diktatörlük
 diplomasi
 divan
 dönem
 duruşma
 durum
 dünya
 düşman
 düşmanlık

E

emir
 endişe
 enflasyon
 engel
 etki
 eleştiri
 eyalet

F

faaliyet
 figür
 fraksiyon

G

gazete
 gerilim
 girişim
 grup
 göç
 göçmen
 görev
 görüş
 görüşme
 grup
 güç
 gündem
 güvenlik

H

haber
 hak
 hakkı
 halk
 harekât
 hareket
 heyet
 hizmet
 huzursuzluk
 hukuk
 hükümet

İ

idare
 iddia
 ihlal
 ihtilal
 iktidar
 iletişim
 ilişki
 imza
 irade
 isyancı

itiraz
istifa
istihbarat
istikrar
isyan
işgal
işlem
ittifak

K

kabine
kampanya
kanun
karar
kargaşa
karizma
karşılık
kaynak
kazanç
koalisyon
kol
kolluk
koltuk
kongre
konsey
kriz
kural
kurul
kuruluş
kurum
kuvvet

L

liste

M

mahkeme
makamlar
meclis
medya
mensup
meydan
millet
milletvekili
misilleme
miting
muhalefet
muhalif
mücadele
müdahale

müdürlük
mülteci
münazara
müsteşar
müzakere

N

nutuk

O

oluşum
onay
oran
ordu
ortam
oy
oylama

Ö

örgüt
özerklik
özgürlük

P

panik
parlamento
parti
plan
politika
poliçe
program
propaganda
protesto

R

rakip
referandum
reform
rehin
rejim

S

sağ
saldırganlık
saldırı
sandalye
sandık
sansür

savaş
savunma
sayı
seçim
seçmen
sınır
silah
silahsızlanma
sistem
siyaset
siyasi
sol
soru
sorumluluk
sorun
sözcü
suikast
süre
süreç

Ş

şart
şehit
şirket
şübe

T

taban
tartış
tartışma
tasfiye
taviz
tedbir
tehlike
tehdit
teklif
temsilci
tepki
terör
terörist
teşkilat
ticaret
toplantı
topluluk
toplum
trafik
tutum

U

uygulama

uzlaşma

Ü

ülke

üye

üyelik

V

vakıf

vatan

vatandaş

vekil

vergi

Y

yan

yanıt

yaptırım

yardım

yardımcı

yargı

yarış

yasa

yasama

yatırım

yenilgi

yetki

yoksulluk

yönetici

yönetim

yöntem

Z

zafer

ziyaret

zirve

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Тематический список заглавных слов «Турецко-английского учебного словаря политических коллокаций» (ТАУСПК) The Thematic List of Key Words for TELDPC

I. Political systems and forms of government/ Siyasi sistemler ve hükümet biçimleri

cumhuriyet	federasyon	yöntem
demokrasi	rejim	
diktatörlük	sistem	

II. Political actors (names of bodies, institutions and government representatives): names of political parties, groups and their representatives; names of classes, groups of society and their representatives) / Siyasi özneler, siyasi aktörler (organların, kurumların ve yetkililerin temsilcilerinin isimleri, siyasi partilerin isimleri, gruplar ve temsilcileri, sınıfların isimleri, toplum grupları ve temsilcileri).

adam	kabine	milletvekili
aday	kuruluş	müdürlük
bakan	kurum	müsteşar
bakanlık	örgüt	ordu
başkan	parti	sözcü
başbakan	vatandaş	temsilci
birlik	yönetici	teşkilat
bölüm	kol	topluluk
cumhurbaşkanı	kolluk	toplum
grup	konsey	vekil
devlet	kurul	yardımcı
divan	kuvvet	yönetim
figür	makamlar	yetki
hükümet	mensup	

III. Political processes, actions, events / Siyasi süreçler, eylemler, olaylar

1. Electoral process / Seçim süreci

aday	koltuk	sandalye
avantaj	liste	sandık
azınlık	meydan	sayı
başarı	milletvekili	seçim
beyan	miting	seçmen
çağrı	muhalefet	süre
çoğunluk	muhalif	süreç
destek	mücadele	taban
dönem	oran	yarış
fraksiyon	oy	yardımcı
ittifak	oylama	yenilgi
kazanç	propaganda	zafer
koalisyon	rakip	

2. Disorganization processes / Dağınıklık süreçleri

ayaklanma	devrim	ihtilal
ayrılıkçı	endişe	isyancı
ceza	gerilim	isyan
çatışma	huzursuzluk	kargaşa
darbe	ihlal	karşılık

kriz	suikast	terörist
panik	tepki	yoksulluk
protesto	terör	
3. Diplomacy and military actions / Diplomasi ve askeri eylem		
abluka	engel	silahsızlanma
ambargo	eyalet	soru
anlaşma	faaliyet	sorum
antlaşma	gerilim	şart
arabulucu	görüşme	tartış
araç	harekât	tartışma
arkadaş	heyet	tehlike
ateşkes	iletişim	tehdit
avantaj	ilişki	teklif
barış	taviz	ticaret
baskı	istihbarat	tutum
baskın	işgal	toplantı
başarı	işlem	uygulama
birlik	ittifak	uzlaşma
boykot	koalisyon	ülke
çatışma	kongre	üye
çıkma	kriz	üyelik
çözüm	müdahale	yanıt
davranış	mülteci	yaptırım
devlet	müzakere	yarış
diplomasi	saldırganlık	yardım
durum	saldırı	zafer
dünya	savaş	ziyaret
düşman	savunma	zirve
düşmanlık	sınır	
emir	silah	
4. Internal political and economic processes / İç siyasi ve ekonomik süreçler		
arabulucu	etki	mülteci
araç	göç	program
baskı	göçmen	reform
bütçe	görev	şirket
çevre	güvenlik	şube
çözüm	hizmet	ticaret
devlet	tedbir	vakıf
durum	istikrar	yatırım
enflasyon	kriz	
5. Legislative process / Yasal süreçler		
anayasa	hak	münazara
anayasal	hakkı	özerklik
beyan	hukuk	parlamento
çoğunluk	imza	plan
dava	kanun	reform
değişiklik	karar	referandum
devlet	kural	vergi
dönem	mahkeme	yasa
duruşma	meclis	yasama
6. Actions committed by or in relation to political figures / Siyasi figürler tarafından veya onlara karşı yapılan eylemler		

eleştiri
görev
itiraz
istifa

medya
nutuk
onay

sansür

IV. Political ideology and philosophy / Siyasi ideoloji ve felsefe

adalet
adil
adli
amaç
anlayış
aşama
ayak
azınlık
bağıllık
bilgi
davranış

denge
destek
görüş
güç
iktidar
irade
millet
oluşum
özgürlük
politika
program

sağ
siyaset
siyasi
sol
sorumluluk
sorun
şehit
taban
tutum
vatan
yan